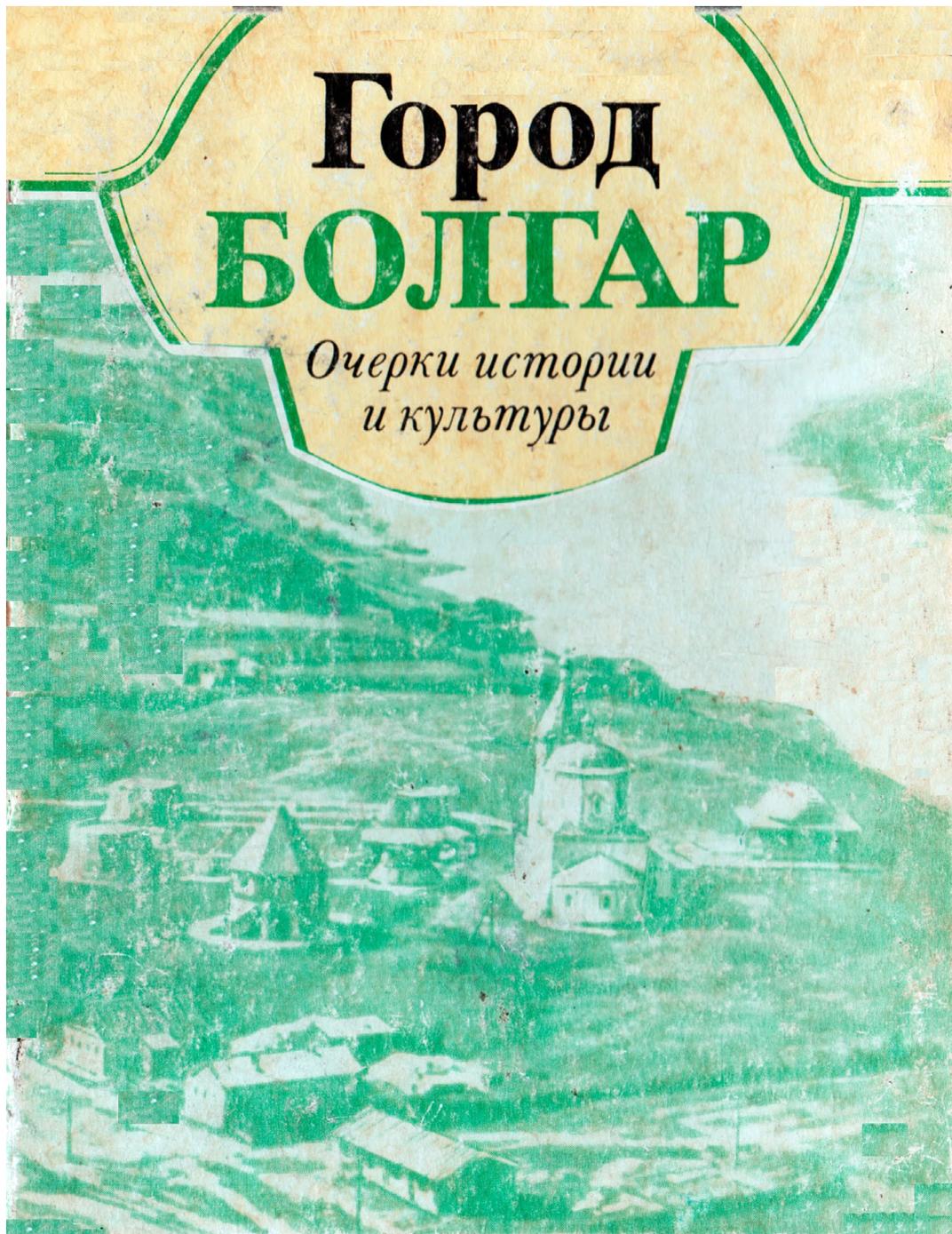

Город БОЛГАР

*Очерки истории
и культуры*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Казанский филиал
Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова

Город БОЛГАР

*Очерки истории
и культуры*

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

МОСКВА · «НАУКА»

1987

В книге впервые во всей полноте привлечены разнообразные источники, освещающие историю Болгара — выдающегося памятника средневековой истории Восточной Европы. Рассматриваются стратиграфия и топография города, его оборонительные сооружения, нумизматические, антропологические и прочие материалы.

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук
Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ,
кандидат филологических наук
Ф. С. ХАКИМЗЯНОВ,
кандидат исторических наук
Т. А. ХЛЕБНИКОВА

Рецензенты:

А. Г. МУХАМАДИЕВ, С. А. ЦЕЛЕТНЕВА

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
<i>Р.Г. Фахрутдинов</i> Болгар в письменных источниках.....	9
<i>Т.А. Хлебникова</i> История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография.....	34
<i>П.Н. Старостин</i> Предболгарские памятники на территории Болгарского городища.....	90
<i>Ю.А. Краснов</i> Оборонительные сооружения города Болгара	100
<i>Л.Т. Яблонский</i> Некрополи Болгара	125
<i>Д.Г. Мухаметшин, Ф.С. Хакимзянов</i> Эпиграфические памятники Болгара	144
<i>Г. А. Федоров-Давыдов</i> Денежное дело и денежное обращение Болгара	159
<i>Ю. А. Краснов</i> Некоторые вопросы истории земледелия у жителей города Болгара и его округа.....	206
Список сокращений	232

ВВЕДЕНИЕ

Город Болгар* в X—XI вв. был столицей Волжской Болгарии и затем, в XIII—XIV вв., — центром Болгарского улуса в составе Золотой Орды. В его истории отразились исторические судьбы болгар на Волге.

Расположенный на одном из самых важных в стратегическом и торговом отношении мест в Восточной Европе, у слияния Камы и Волги, Болгар с самого начала своего существования играл огромную роль в истории народов Поволжья и существенную роль в истории всей Восточной Европы.

Когда в X в. создается государство волжских болгар, в его политическом центре, в городе Болгаре, чеканится монета — символ нового государства. На монетах помещают имена эмиров, правивших в Болгаре, и время от времени — само имя этого города.

Город уже тогда привлекает внимание иностранцев. О нем пишут арабские и персидские хроникеры и географы. Это не только город нового мощного и влиятельного государства, это также самый северный центр ислама.

Для окружавших Волжскую Болгарию племен и народов Болгар был таким центром, из которого исходило сильное культурное и техническое влияние. Болгарские изделия мы находим на средней и верхней Каме, на Вятке, в марийских землях и у древней мордвы. Ремесленные навыки, накопленные мастерами Болгара и других болгарских городов, широко распространены по всему Волго-Камью.

Особенно важна роль Болгара и всего государства Волжской Болгарии в транзитной торговле. Огромные потоки серебра в виде куфических дирхемов проходят этот район, с тем чтобы потом влиться в денежное обращение Руси, дойти до берегов Балтики, распространиться в Скандинавии. В этот поток серебра входили и собственные монеты Болгара: болгарские дирхемы находят далеко от места их чеканки, в самых разных местах Восточной Европы. Болгар занимал ключевые позиции в торговле Восточной Европы со Средней Азией. Через него шли на Восток важнейшие товары — продукты промыслов и охоты северных народов. Через него проходили и русские товары.

Болгар и Волжская Болгария на раннем этапе развития, в X в., уже представляли существенную международную силу. Когда халиф ал-Муктадир посылал по просьбе болгарского царя Алмуша посольство в эту северную страну, он прекрасно оценивал политические выгоды союза с ней как мощного противовеса Хазарии.

Археологически изучен слой X—XI вв. на территории Болгарского городища. На месте доболгарских поселков в то время возник еще небольшой, но уже сильно укрепленный город. Болгарские города, и прежде всего сам Болгар, появившиеся в результате социального развития общества, как следствие выделения ремесла и концентрации торговли, были первыми городами в Среднем Поволжье. Они, несо-

* Из двух вариантов написания названий города, страны, народа (через «о» и «у» в первом слог) в данном издании принято написание через «о», т. е. «Болгар», «Болгария», «болгары», с сохранением авторского написания при цитировании источников.

мненно, сыграли большую роль в процессе классообразования, разложения первобытнообщинного строя у окрестных народов, значительно ускорив ход исторического процесса в Волго-Камье.

В XII в. Болгар уступил место столичного города Биляру, но уже в конце XII—XIII в., как полагает А. Г. Мухамадиев (Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. М., 1983. С. 10, 11), Болгар стал снова чеканить монету, что говорит о восстановлении политического значения города. Археологическое изучение слоев XI—начала XIII в. свидетельствует о непрекращающемся росте экономики, ремесла, торговых связей города того времени, о расширении его территории, о новых фортификационных линиях вокруг него.

В этот период возрастают связи Болгара с Русью. Известны находки русских вещей в домонгольском городе и следы жизни русских в нем. Волжская Болгария играет в XII в. существенную роль в русской дипломатии. Дипломатические трения с Русью зачастую приводят к военным столкновениям.

Арабские писатели того времени подчеркивают значительные размеры города. «Их (болгар) город называется Болгар. Это очень большой город», — писал Джавалики, путешественник XII в. Ему вторит ал-Гарнати: «А Болгар тоже огромный город... А вокруг него без конца (всяких) народов». Большой экономический и военный потенциал домонгольского Болгара и всей Волжской Болгарии позволил успешно отразить первые нападения монголов. Но все же в 1236 г. монголам удалось подчинить Волжскую Болгарию. Болгар был разорен, и слой пожарищ, соответствующий этому разгрому, четко археологически фиксируется на границах домонгольского и раннезолотоордынского слоев.

Следуя своей политике препятствования завоеванным городам превратиться в сильные укрепленные пункты, монгольские власти заставили срыть валы Болгара, насыпанные незадолго до монгольского завоевания. Город вместе со всей страной включается в систему улусов, подчиненных Джучидам, т. е. входит в состав Золотой Орды.

Разгром 1236 г. и включение в Золотую Орду Болгара, так же, как и русских земель, Средней Азии и других оседлых областей, были связаны с уничтожением огромных масс людей и материальных ценностей, с упадком производительных сил, с выкачиванием дани из покоренных стран. Для Болгара последствия этих событий были очень тяжелы. Но все же уже в середине XIII в. он возрождается и становится важнейшим городским пунктом нового государства, созданного монголами на западных окраинах их империи.

В XIII в. Болгар играл в Золотой Орде первенствующую роль. В этом сказались его ремесленные традиции, богатства оседлой земледельческой страны, торговое значение Болгара в Восточной Европе. Около Болгара кочует орда первых золотоордынских ханов, здесь строится при Перке Соборная мечеть — первая постройка такого типа в улусе Джучи. Болгар — первый в Золотой Орде город, который стал выпускать монеты, еще при Берке в 1250-х годах, от имени великих каанов — Менгу и Ариг-Буги. Вскоре чеканка начинается в Крыму, и значительно позднее, только в последней четверти XIII в., — в Сарае. Хотя Сарай при Берке уже был построен, именно Болгар можно считать важнейшим городом в Золотой Орде XIII в.

Характерно, что только в Болгаре мы находим раннезолотоордынские культурные напластования XIII в., отсутствующие в нижневолжских золотоордынских городах — Сарае, Новом Сарае, Бельджамене и др. Это говорит о том, что в XIII в. собственно золотоордынские степные города были еще малоразвиты, а ремесло и торговля сосредоточивались в старых городах, в традиционно земледельческо-городских районах, каким и была Волжская Болгария.

Если культура степных городов Золотой Орды явилась смешением традиций и навыков многих покоренных монголами народов, то культура Болгара XIII — XIV вв. была в целом продолжением и дальнейшим развитием собственной местной культуры. Об этом ярко свидетельствуют керамика, домостроительство и другие области материального производства.

Огромным и мощным городом стал Болгар в XIV в., несмотря на то что политические центры Золотой Орды переместились на юг, в Сарай. Археология показывает рост города и стремительное развитие его многоотраслевого, мелко специализированного, работающего на рынок ремесла и оживленной внешней и внутренней торговли.

В Болгаре XIV в. мы находим большие гончарные мастерские, иногда объединявшие множество горнов и подсобных сооружений, здесь развивается железоделательное производство, освоившее литье железа (на археологических материалах Болгара впервые изучены горны для производства чугуна и древний технологический процесс этого производства). Ювелиры и медники работали в разных районах города, изготавливая предметы и украшения в характерном для золотоордынской эпохи красочном и пышном стиле. Строительное дело расширяется и осваивает новые приемы домостроительства. Появляются монументальные архитектурные сооружения, перестраивается главная Соборная мечеть.

В культуре Болгара золотоордынского периода чувствуется влияние мастеров из Азербайджана и Армении, ремесленников Средней Азии и Руси. Болгарские ремесленники осваивают также приемы производства и формы изделий, которые в то время складываются в южных степных золотоордынских городах.

Высокого уровня достигает благоустройство города. Открыты мостовые и водопроводные сооружения, дренажно-ряжевые системы. Раскопано несколько бань восточного типа, некоторые — с богатым парадным убранством.

В город приезжали купцы из разных стран. Наряду с огромным количеством золотоордынских монет Болгара, Сарая, Нового Сарая, Гюлистана, показывающим оживленность внутреннего городского торгового оборота в Болгаре и связи его с Нижним Поволжьем, на городище найдены монеты из Ирана, Хорезма, Кавказа, Крыма, русские монеты XV в. Широкою активностью проявляли в торговле с Болгаром армянские купцы. Рядом с городом была армянская колония с христианским храмом и армянским кладбищем. Товары привозились и сухопутным образом, и рекой, на торговую пристань близ Болгара — теперешнее урочище Ага-Базар.

Значительным было воздействие Болгара на сложение культуры южных степных золотоордынских городов. Из Болгара исходил мощный импульс, приведший к распространению в Золотой Орде ислама. Некоторые могильники золотоордынских городов (например, на Водянском городище — предполагаемом Бельджамене) похо-

жи на кладбища болгар. Болгары жили в золотоордынских городах Нижнего Поволжья, что зафиксировано археологическими раскопками.

Упадок Болгара наступил в конце XIV в. Тяжело отразились на развитии города феодальная смута в Орде, одним из эпизодов которой был поход Булат-Тимура на Болгар в 1361 г., походы ушкунников и русских князей в конце XIV—начале XV в. В XV в. город захирел, и имя Болгара было перенесено на другой центр, видимо, на Старую Казань. Находок монет и других материалов XV в. в Болгаре мало.

Исходя из важного значения Болгара для истории не только Волжской Болгарии, но и всей Восточной Европы, была задумана коллективная работа о нем, имеющая целью осветить по возможности все главные стороны жизни этого средневекового города, подвести итог многолетним его исследованиям. В первую книгу, предлагаемую вниманию читателей, включены следующие очерки.

Очерк Р. Г. Фахрутдинова посвящен анализу сообщений письменных источников о Болгаре. Он также излагает основные события политической истории Болгара. Автор доказывает тезис о том, что упоминаемый в источниках Болгар во все периоды совпадает по своему месторасположению с Болгарским городищем и в X—XI вв. был столицей Волжской Болгарии. Этот тезис в свое время отстаивал А. П. Смирнов, он был поддержан Т. А. Хлебниковой.

Очерк Т. А. Хлебниковой об истории изучения Болгарского городища, о его стратиграфии и топографии впервые дает обобщенный обзор раскопок на этом памятнике, большая часть которых связана с работами А. П. Смирнова и возглавляемых им экспедиций. Рисуется картина постепенного развития города от века к веку, снабженная точными ссылками на раскопы и отчеты, в которых помещены материалы раскопок. Систематизирован весь огромный документальный материал по раскопкам на Болгарском городище, которые ведутся уже более 100 лет*.

Q. Н. Старостин исследует предболгарские поселения на территории городища. Без учета тех фактов из ранней истории памятника, которые приводит автор, невозможно правильное понимание истории города.

Ю. А. Краснов рассматривает систему оборонительных сооружений Болгара на протяжении всего времени его существования, прослеживает ее изменение в тесной связи с ростом и развитием города, изменением его социально-экономической роли и политического значения, выявляет конструктивные особенности оборонительных сооружений.

Антропологическому составу населения Болгара и особенностям погребального обряда у жителей этого города посвящен очерк И. Т. Яблонского. Автор проводит сравнение антропологических особенностей болгарских некрополей и золотоордынских нижеволжских городских кладбищ.

* С 1938 по 1954 г. (с перерывом в годы Великой Отечественной войны) в исследованиях городища самое активное участие принимала А. М. Ефимова. Ею написана и история археологического изучения городища в очерке Т. А. Хлебниковой (см. ниже).

Д. Г. Мухаметшин и Ф. С. Хакимянов дают обобщенное описание основных видов эпиграфических памятников на Болгарском городище, главным образом надгробий, которые давно привлекают внимание языковедов и археологов. Показано, что мастера, делавшие эти эпитафии, принадлежали к болгарской школе специалистов по вырезанию каменных надгробий с надписями.

Очерк Г. А. Федорова-Давыдова посвящен денежному делу и денежному обращению Болгара с X по XIV в. Для XIII—XIV вв. автор дает описание всех типов монет, чеканенных в Болгаре. На основании многочисленных нумизматических находок на Болгарском городище характеризуется денежное обращение, его состав и динамика.

В завершение книги рассматриваются вопросы земледельческого хозяйства Болгара и его округа. Ю. А. Краснов на археологическом и палеоботаническом материале выявляет характер и уровень развития земледелия в разные периоды истории Болгара. Он исследует пахотные орудия и зерновые остатки из культурных напластований Болгара, определенные палеоботаниками (А. В. Кирьяновым, В. В. Туганаевым и Т. П. Ефимовой).

В целом предлагаемая книга дает картину изучения города Болгара, его историю и формирование высокого уровня культуры Волжской Болгарии.

БОЛГАР В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Р.Г. Фахрутдинов

Сведения письменных источников, главным образом восточных, о городе Болгаре приведены в ряде исследований, посвященных публикации и комментариям сочинений группы или отдельных представителей арабо-персидской географии X—XVII вв.[1] В дореволюционное время С.М. Шпилевским был сделан удачный и довольно полный анализ имевшихся тогда источников по истории города Болгара[2], не потерявший своего значения до сих пор. Однако после Шпилевского получены новые данные, в значительной степени дополняющие прежние сведения. Работа известного советского историка-востоковеда А.Ю. Якубовского посвящена выяснению истории Болгара на основе источников X в.[3] Краткий, но охватывающий тему анализ известий о Болгаре дан в работе Б.Н. Заходера, однако она включает сведения из сочинений лишь одного Каспийского региона[4]. Автором этих строк был сделан сравнительный анализ сообщений восточных географов по истории домонгольского Болгара[5].

Цель данной работы — охватить письменные сведения по всему периоду существования Болгара как восточной географии, так и русских летописей в хронологической последовательности.

Ценнейшие сведения о городах Волжской Болгарии, в первую очередь о Болгаре, дают арабские источники X в. Самое первое упоминание встречается у ал-Балхи, выдающегося представителя школы классической арабской географии: «Булгар — имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Недалеко от этого города лежит другой город, Сивар (Сувар), где также находится главная мечеть. Мусульманский проповедник сказал, что число жителей обоих городов простирается до 10 000 человек. Дома деревянные и служат зимними жилищами; летом же жители расходятся по войлочным юртам. Тот же проповедник сказал о долгих летних днях и коротких ночах и зимних коротких днях и долгих ночах»[6]. Это известие содержится в сочинении ал-Балхи, известном под различными названиями («Сувар ал-экалим», «Ашкал ал-билад», «Таквим ал-булдан») и написанном, как принято считать в востоковедении[7], в 920—921 гг. (308—309 гг. х.). В прежних работах, где поднимался вопрос о времени возникновения Болгара, почему-то не обращали внимания на год создания этого произведения ал-Балхи и делали упор на то, что Ибн Фадлан не упоминает города Болгара[8]. Высказывать сомнения в подлинности слов ал-Балхи о дате написания им своей книги не приходится.

Почти одновременно с ал-Балхи, но независимо от него сведения о болгарских городах дал среднеазиатский географ ал-Джайхани в книге «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик». Хотя она не сохранилась до наших дней, но отрывки из нее о болгарских городах, как утверждает Якубовский [9], известны в передаче ал-Марвази: «У них (булгар) два города, один из них называется Сувар, а другой называется Булгар; между двумя городами пространство пути в два дня по берегу реки в очень густых зарослях, в которых они укрепляются против врагов»[10]. Советские востоковеды В.В. Бартольд и И.Ю. Крачковский считают возможным отнести сочинение Джайхани к 922 г.[11]

Что касается взглядов на отсутствие упоминания о болгарских городах у Ибн Фадлана, то это, по нашему мнению, объясняется разнотечием в переводах. Дело в том, что он при описании Волжской Болгарии 22 раза употребляет термин «балад» (...), который имеет два одинаковых значения: «страна» и «город». Историки, отрицающие существование болгарских городов в то время, признают только первое значение и умалчивают о втором. А вот Б.Д. Греков, исследовавший социально-политическую историю Болгарского государства начального периода, полагал, что город Болгар был во времена Ибн Фадлана. Эту мысль он аргументировал тем, что место стоянки торговых кораблей из других стран имеет отношение к городу на Волге, т. е. Болгару[12]. Ибн Фадлан писал: «На этой реке (находится) место рынка, который бывает бойким во всякий (благоприятный) момент. На нем продаются многочисленные ценные вещи»[13]. Арабский путешественник вполне мог иметь в виду торговую пристань города Болгара, расположенную на Волге. В другом месте он сообщил, что расстояние между этим рынком и местопребыванием посольства менее фар-саха[14], что соответствует расстоянию от Болгарского городища до Ага-Базара, рассматриваемого современными исследователями как торговая пристань Болгара. Небезынтересно упоминание Наджибом Хамадани, известным переписчиком Ибн Фадлана в XII в., четырех крепостей в Болгарии: Йасу, Мерджи, Эрнаса и Техшу[15]. Представляет большой интерес рассказ самого Ибн Фадлана о том, что предводитель болгар Алмас (Ал-муш), вызвав его, устроил скандал по поводу отсутствия 4 тыс. динаров, обещанных ему халифом для строительства крепости, хотя через несколько дней эльтебер сказал, что для строительства крепости у него достаточно своего серебра и золота, что деньги халифа нужны были ему лишь для получения благословения «повелителя правоверных»[16]. Мы должны иметь в виду и то, что Ибн Фадлан был у болгар летом, когда люди переходили в юрты.

Перечисленные косвенные данные позволяют предполагать наличие городов во время приезда арабского посольства в Болгарское государство. Кстати, великий географ XIII в. Йакут ал-Хамави в своем знаменитом словаре «Муджам ал-булдан», который «представляет свод сокровищ, накопившихся в арабской литературе за шесть веков»[17], помещая записки Ибн Фадлана, писал следующее: «Болгар — город славян, лежит на севере»[18].

Тему, впервые встреченную у ал-Балхи, примерно через 10 лет развивает ал-Истахри, другой крупный представитель классической школы географов X в., в своем произведении «Китаб масалик ал-мамалик», написанном в 930—933 гг.: «Булгар — имя города, и они (булгары) — мусульмане; в (городе) — соборная мечеть; поблизости другой город, называемый Сувар, в нем также соборная мечеть; сообщил мне тот, кто совершал хутбу в них, что количество мужей в обоих городах приблизительно 10 тысяч мужей. У них — деревянные строения, укрываются в них зимой, а летом располагаются в шатрах»[19]. Эти сведения являются дальнейшей редакцией ал-Балхи, трудом которого пользовался ал-Истахри[20]. Почти без изменений повторяет ал-Истахри его младший современник Ибн Хаукал в своей книге «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик», первая редакция которой составлена в 967 г., а вторая — в 977 г.[21]

Теперь трудно установить, что именно принадлежит в данном сообщении самому ал-Балхи и что добавил ал-Истахри. Считают, что уже к концу X в. сочинение ал-Балхи представляло собой редкость и все последующие компиляторы пользовались им через ал-Истахри и Ибн Хаукала[22]. Если даже предположить, что названия городов Болгара и Суvara являются редакцией ал-Истахри²³, все равно тема сохраняет свою древность. Ал-Истахри называет источник сообщаемых им сведений: это хатиб — мусульманский проповедник («сообщил мне тот, кто совершал хутбу в них»; «мусульманский проповедник сказал»). Б.Н. Заходер не очень уверенно предположил, что этим проповедником был Ибн Фадлан[24]. Мы хотим присоединиться к мнению Б.Н. Заходера, ибо Ибн Фадлан был единственным проповедником мусульманства, побывавшим в X веке в Волжской Болгарии, и при нем там был принят ислам в качестве официальной религии. Дальнейшее развитие и географическую конкретизацию темы находим в «Худуд ал-алем» и у ал-Мукаддаси. «Худуд ал-алем» — выдающееся произведение восточной географической литературы X в. (982 г.)[25]. Орывок из этой книги посвящен двум болгарским городам: «Булгар — город с небольшой областью, расположенный на берегу Итиля. В нем все (жители) мусульмане; из него выходит 20 000 всадников. Со всяким войском кафиров, сколько бы его не было, они сражаются и побеждают. Это место крепкое, богатое. Сувар — город вблизи Булгара; в нем борцы за веру, так же как в Булгаре»[26]. В. В. Бартольд, первый научный комментатор этого произведения, считал, что у его автора в руках был экземпляр сочинения ал-Балхи или ал-Истахри[27]. Однако в «Худуд ал-алем» есть совершенно новые сведения о Болгаре: город расположен на берегу Волги, его конница состоит из 20 тыс. всадников, и весьма боеспособна, город «крепок», т. е. укреплен, к тому же, богат.

Ярким представителем арабской классической географии X в. был ал-Мукаддаси, который в результате долгих путешествий, расспросов и большой литературно-картографической работы создал труд «Ахсан ат-такасим фи магрифат ал-акалим», первая редакция которого относится к 985 г. Крачковский считал, что эта работа продолжает традицию серии, начатой ал-Балхи. В то же время Мукаддаси критически, иногда даже слишком сурово относится к своим предшественникам. Хотя сведений о Восточной Европе у него очень мало, однако он уделяет внимание болгарам и хазарам[28]. О Болгаре сказано следующее: «Болгар лежит на обоих берегах (реки), и строения там из дерева и камыша. Ночи там коротки. Главная мечеть стоит на рынке. Мусульмане уже давно завоевали его. Болгар лежит у реки Итиля и находится ближе к морю, чем к столице»[29]. Мукаддаси говорит и о Суваре, что он у Итиля, дома там войлочные, у жителей много полей и имущества. Как видно, это почти те же данные, что известны от ал-Балхи, хотя у Мукаддаси имеются и новые сведения. Это и понятно, ибо к концу столетия накопились новые данные. Мукаддаси сообщает еще о третьем городе, который лежит на берегу другой реки и больше упомянутых городов. Жители вначале были иудеями, потом стали мусульманами, когда-то отправлялись к берегу моря, но затем возвратились в этот город[30]. Вопрос об этом третьем городе требует некоторого разъяснения, ибо иногда под ним подразумевают «другой» Болгар, якобы находившийся, в отличие от первого, на месте Билярского городища на Черемшане[31].

Название третьего города у ал-Мукаддаси написано >>=- (Х. д. р.). Д. А. Хвольсон писал, что он не смог разобрать это слово. Известный ориенталист И. Ф. Готвальд прочитал согласно правилам арабской орфографии «Хадар»[32].

В этом «Хадаре» можно видеть город Итиль, столицу Хазарии, вернее, его восточную часть. Во-первых, Хадар можно произнести и как Хазар, ибо в тюркской речи эти звуки не различаются (например, Ибн Фадлан и он же Ибн Фазлан). В некоторых источниках восточная часть Итиля называется или Хазаран (у Ибн Хаукала)[33], или даже Хазар (у самого ал-Мукаддаси)[34]. Во-вторых, слова Мукаддаси о том, что жители Х. д. р. вначале были иудеями, а затем стали мусульманами, указывают на Итиль — единственный крупный мусульманский город Восточной Европы, где значительную часть населения составляли иудеи, которые вместе с мусульманами, христианами и язычниками жили и в его восточной части. Эти два важнейших момента, думается, говорят в пользу Итиля—Хазарана (Итиля—Хазара). Слова ал-Мукаддаси «на одном берегу другой реки» соответствуют топографии Хазарана, расположенного именно на одном берегу. А рукав в дельте Волги, где находился Итиль, представляет «другую реку» по отношению к руслу самой Волги, на берегу которой выше по течению лежал Болгар. Упоминание о море (Каспий) и о том, что этот город больше Болгара и Суvara, также свидетельствует об Итиле—Хазаране. Может возникнуть вопрос, почему же Итиль (Хазаран) был отнесен к болгарам, назван третьим болгарским городом? Здесь представляет интерес сообщение самого ал-Мукаддаси, связавшего Болгар и Сувар с хазарами: «Столица их (хазар. — Р.Ф.) называется Итилем. К городам этой страны принадлежат и Болгар, Семендер, Сивар (Сувар), Хамлидж, Беленджер и Бейда»[35]. Он, естественно, писал о том периоде, когда Болгария находилась под протекторатом Хазарии. Это подчеркнуто самим автором: Болгар и Сувар, пишет он, платят лишь дань[36]. Наконец, приведем перевод текста Мукаддаси, сделанный И.А. Карауловым: «Жители города Хазар (Итиль) одно время ушли на побережье, но теперь они уже возвратились и уже больше не иудеи, а мусульмане»[37].

Что касается рассказа ал-Мукаддаси о Болгаре (он лежит на обоих берегах реки; строения там из дерева и камыша; ночи короткие; главная мечеть на рынке; город принадлежит мусульманам; он находится ближе к морю, чем к столице или чем столица), который приводил в недоумение ряд историков и археологов, то он возник в результате смешения сведений о Болгаре со сведениями об Итиле, что справедливо подчеркнуто Заходером[38].

В этой связи интересны сообщения малоизвестного автора X в., Исхака ибн ал-Хусейна, который в «Китаб акам ал-марджан фи зикр ал-мада'ин ал-машхура фи кулл макан» отметил, что хазарам «принадлежат многие города, среди которых есть Булкар, находящийся в подчинении хазар; из него выходят 10 000 бойцов»[39]. Последние данные соответствуют высказываниям ал-Балхи.

Из других авторов X в. Болгар упомянут ал-Масуди в работе «Мурудж аз-захаб ва маадин ал-джавахир», написанной в 947 г. Правда, Масуди помещает город Болгар на берегу Азовского моря[40], а волжских болгар иногда путает с дунайскими[41], но значительная часть его сведений о болгарях имеет отношение к волжским болгарам. Называя болгар мусульманами, Масуди в другом месте сообщает: «У них соборная

мечеть».

Известия представителей классической арабской географии X в. в различной степени отражены в работах последующих географов и компиляторов. Среди них выделяется ал-Идриси, который в свой труд «Нузхат ал-муштак фи хтирах ал афак», написанный в 1154 г., включил следующий отрывок: «Булгар — имя города, населенного христианами и мусульманами: последние имеют большую мечеть. Близ этого города деревянные строения, куда переходят жители на зиму, летом они живут в палатках. В Руси и в Булгаре продолжительность дня зимой не более 3,5 часов. Ибн Хаукал уверяет, что он был свидетелем этого»[42]. География Идриси имеет большое значение как источник XII в., однако приведенное сообщение, как видно из текста, восходит к X в.[43] Коротко повторяет подобные сведения, размещая Булгар на берегу Волги, компилятор XV в. Ибн ал-Варди[44]. Город Булгар среди городов Восточной Европы («седьмого климата») назван у авторов XV в. ал-Бакуви[45] и ал-Химйари (Хумейри)[46]. Отдельно Булгар и Сувар упомянуты в хронике Фахр ад-дина Мубарак-шаха[47], составленной в начале XIII в. в Индии.

Домонгольский Булгар упоминается во многих более поздних татарских и персидских рукописях (рукопись Хисамутдина ал-Булгари, «Тарджимаи Ферхег-намэ», «Таварих ад-Даваир», «Бурхан-кати», «Гефт-Кулзум», рукопись Мирхонда, рукописи, найденные Х.Д. Френом, К.Ф. Фуксом, С.Г. Вахиди и др.), а также в многочисленных легендах и преданиях[48].

Арабская географическая литература X в. содержит и другие интересные сведения о Булгаре. Снова обратимся к ал-Балхи: «Внешний Булгар есть маленький город, не занимающий большого пространства и известный только тем, что есть главнейший торговый пункт этого государства»[49]. Выражение «внешний Булгар» некоторыми исследователями было понято буквально, и на этой основе возникла гипотеза о двух Булгарах в X в.[50] Но, как видно из приведенного текста, ал-Балхи говорил только об одном Булгаре. К тому же, в другом месте он отметил: «От Итиля до Булгара расстояние по степям около одного месяца пути; водою же, вверх по реке около двух месяцев, вниз по реке около 20 дней» [51]. Следовательно, Булгар располагался на Волге — единственном водном пути между ним и городом Итилем. По поводу «внешнего Булгара» Б.Д. Греков и Н.Ф. Калинин высказали мысль о том, что под ним следует подразумевать Ага-Базар — торговую пристань Булгара на Волге[55]. Расстояние от Ага-Базара до Булгара около 7 км, а до Билярского городища — около 100 км. Что же касается ал-Истахри и Ибн Хаукала, то они ни о каком «внешнем» Булгаре не писали, а отметили лишь следующее: «Внутренние булгаре же суть христиане» (ал-Истахри), «между внутренними булгарами находятся христиане и мусульмане» (Ибн Хаукал)[53].

Ибн Хаукал сообщает: «Булгар же есть небольшой город, не имеющий многих владений; известен же он был потому, что был гаванью этих государств. Но русы ограбили его, Хазаран, Итиль и Самандар в 358 (969. — Р.Ф.) году и отправились тотчас в Рум и Андалус»[54]. Здесь нет эпитета «внешний». К тому же, нетрудно догадаться, что Булгар располагался на Волге, ибо русы взяли его по пути в Хазарию, плывя по этой реке. Слова Ибн Хаукала «Булгар есть небольшой город, не имеющий многих владений» в известной степени созвучны с определением «Худуд ал-алем»: «Булгар

— город с небольшой областью». В этой связи уместно привести чрезвычайно интересное сообщение ал-Балхи, ал-Истахри и Ибн Хаукала[55] о ближайшем к Болгару племени русов, царь которых живет «в городе Куяба (Киев), который есть больше Булгара»[56].

Вот тот круг памятников арабо-персидской географии X в., в которых описывается или упоминается Болгар отдельно или параллельно с другим городом — Суваром. Некоторые из источников («Худуд ал-алем», ал-Му-каддаси, позднее Ибн ал-Варди) прямо помещают его на берегу Итиля — Волги[57], другие же (ал-Балхи, Ибн Хаукал) — косвенно: их описания показывают, что город находился именно на этой реке. Утверждения современников, что «недалеко от этого города (Булгара) лежит другой город Сувар», или же что «Сувар — город вблизи Булгара», соответствуют современной географии расположения Болгарского и Суварского городищ. Чрезвычайно ценны в данном вопросе приведенные сведения Джайхани— Марвази о том, что между этими двумя городами расстояние пути в два дня по берегу реки, в густых зарослях, в которых болгары укрепляются против врагов. Они полностью отражают рассматриваемую топографию. Длина пути в два дня составляет 70 км[58]. Расстояние между этими двумя городищами — как раз 70 км. И берег реки, и густые заросли по нему, и то, что в них делают укрепления, — все это свидетельствует об указанном районе. Для того, чтобы попасть из Булгара в Сувар, нужно через с. Три Озеро (место летней ставки царя Алмаса) выйти к нижнему течению р. Утка, а оттуда двигаться мимо таких известных домонгольских городищ, как Танкеевское I, Шмелевское и Кокрятское, по правому берегу реки подняться до ее верхнего течения, где недалеко от с. Кузнечиха лежат остатки Суvara. Весь этот район насыщен раннеболгарскими памятниками[59]. Между Маклашеевским (чуть ниже по реке) и Танкеевским II, Танкеевским I и Шмелевским городищами в лесу имеются остатки оборонительной линии общей длиной 1480 м.

Несколько слов о цифрах 10 000 и 20 000. Источники первой половины X в. (ал-Балхи, ал-Истахри, Ибн ал-Хусейн)[60] ясно указывают 10 тыс. Источники второй половины, даже близкие к концу X в., эту цифру удваивают — 20 тыс. по «Худуд ал-алем». В исследованиях, посвященных истории Волжской Болгарии или ее городов, данный вопрос специально не рассматривался. Более того, разбирая сообщения ал-Балхи или ал-Истахри, ученые просто писали, что население городов Булгара и Суvara составляло 10 тыс. человек; некоторые даже считали это количество общим для двух городов. С этим согласиться нельзя. Если у ал-Балхи люди из числа 10 тыс. фигурируют как жители, то ал-Истахри и Ибн Хаукал говорят о мужах, т. е. о людях, способных носить оружие, иными словами — о воинах, что подтверждается сведением ал-Хусейна о 10 тыс. бойцов из Булгара. Автор «Худуд ал-алем» еще более конкретизирует сообщение, называя этих людей всадниками.

Следовательно, речь идет не просто о жителях городов, а об их воинах, о войсках, выставяемых городами. Исходя из этого, с уверенностью можно думать о значительно большем населении указанных городов, особенно Булгара с 20 тыс. всадников. Говорить о 10 тыс. как об общей цифре для обоих городов также не приходится, ибо другие источники называют цифры отдельно для Булгара: 10 тыс. — у ал-Хусейна, 20 тыс. — в «Худуд ал-алем»[61].

Таким образом, исторический материал представляет два крупных города Волжской Болгарии X в. — Болгар и Сувар, притом основное внимание уделяется Болгару, городу с главной мечетью, крупнейшему торговому пункту государства, городу, вблизи которого происходил прием предводителем болгар Алмушем посольства халифа и где был утверждён ислам как государственная религия. Все это, а также важнейший факт, что тем же именем источники называют страну и её население[62], дают полное право рассматривать Болгар как столицу государства[63]. Кстати, в словаре Йакута, куда были включены записи Ибн Фадлана, сказано: «Булгар — главный город славян (болгар. — Р.Ф.)»[64].

Город Болгар в течение X в. был местом чеканки монет, что подтверждает его статус как столицы. Небольшой, но широко распространённый (вплоть до Дании) нумизматический материал, исследованию которого посвятили свои труды известные нумизматы-востоковеды от Френа[65] до Фасмера[66], дал возможность выделить два центра чеканки монет в Волжской Болгарии в X в. — Болгар и Сувар. На основе этого материала раньше делали вывод о феодальной войне между двумя городами, которая привела к потере политической самостоятельности Суvara около 70-х гг. X в. Новые нумизматические данные по Волжской Болгарии X в. позволили С.А. Яниной не согласиться с такой концепцией и прийти к выводу о том, что центр государства находился в Болгаре, а Сувар являлся вассальным княжеством, пользовавшимся правом монетной чеканки[67]. Янина отнесла чеканку собственно болгарских монет к значительно более раннему времени на основе находки монеты Джафара ибн Абдаллаха (Алмаса, или Алмуша, по Ибн Фадлану), правившего в 901—922 гг. Она датировала чеканку 901—907 гг. Правда, Янина считает, что в то время города Болгара ещё не было и начало чеканки монет в Болгарии предшествовало возникновению городов. Янина отмечает: «В настоящее время принято считать, что эти города возникли после 922 г., так как в показаниях Ибн Фадлана какие-либо упоминания о них отсутствуют»[68]. Трудно согласиться с таким выводом. Во-первых, монеты обычно чеканились в городах, а не в шатрах. Во-вторых, как мы выяснили, источники отмечают Болгар и Сувар ещё до 922 г. Кроме того, монет того времени, чеканенных в другом городе, например Биляре, нет, что констатировал ещё А.П. Смирнов[69].

Из восточных географов XI в., дающих отдельные сведения о волжских болгарях, известны ал-Марвази, ал-Бакри, Гардизи, Махмуд Каш-гари. Об оригинальных сообщениях ал-Марвази[70] мы писали выше, ибо часть рассказа о болгарских городах заимствована им от Джайхани. Ни ал-Бакри[71], ни Гардизи[72], у которых имеются любопытные данные о стране болгар, к сожалению, не упоминают городов. Это в первую очередь объясняется, конечно, тем, что они пользовались в основном сочинениями Ибн Русте, при котором этих городов ещё не было. Правда, были и другие источники, например, известные нам Джайхани и Масуди — у ал-Бакри, Джайхани и частично «Худуд ал-алем» — у Гардизи. Однако несмотря на это мы лишены возможности пользоваться сведениями географов XI в. для изучения истории города Болгара. Впрочем, надо иметь в виду, что труд Гардизи «Зайн ал-ахбар» до настоящего времени полностью не издан[73].

Махмуд Кашгари в произведении «Диван лугат ат-турк», завершённом в 1074 г., небольшое внимание уделил описанию поволжских тюркских народов. Он упомянул

Болгар, назвав его «известным тюркским городом», и Сувар, отождествленный с городом Саксином (однако это не тот Саксин, который через 100 лет был описан ал-Гарнати)[74]. Составленная Махмудом Кашгари круглая карта мира, довольно схематичная и несовершенная, помещает эти города почти у Каспийского моря[75]. По всей вероятности, автор, не бывавший сам в этих городах, связал их с Каспийским морем потому, что оно в те времена называлось и Болгарским. Кашгари в тексте пишет: «Атил — река в области кыфджак (кипчаков. — Р.Ф.); она впадает в море Булгар»[76].

Из авторов XI в. следует упомянуть еще ал-Бируни. Хотя он не оставил ценных сведений о болгарских городах, но в своем сочинении «Ат-Тафхим ли-ава'ил сина'ат ат-танджим», написанном около 1030 г., среди городов «седьмого климата» указал Сувар и Булгар[77].

Сведения о Болгаре XII в., по сравнению с XI в., богаче. Они оставлены двумя путешественниками, побывавшими в Волжской Болгарии спустя 200 лет после Ибн Фадлана. Один из них — ал-Гарнати, араб из Андалузии, посвятивший путешествиям почти всю свою жизнь. Он провел 20 лет в Восточной Европе, главным образом в низовьях Волги, — в городе Саксине. За это время он несколько раз посещал Хорезм, Волжскую Болгарию и Русь[78]. Свои путешествия он описал в 1162 г. в работе «Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-аджаб». Сведения о болгарях и городе Болгаре из этой книги были повторены в космографии Казвини (XIII в.) и в работе турецкого географа XVI в. Мухаммеда Ашика «Маназир ал-авалим»[79]. Однако еще раньше, в 1155 г., Гарнати написал свое первое сочинение «Му'риб ан ба'д аджаиб ал-магриб»[80]. Некоторые сведения этого источника о Восточной Европе, в том числе и о городе Болгаре, предварительно проанализированы в статье А.Л. Монгайта[81]. Русский перевод «Му'риба» осуществлен О.Г. Большаковым в 1971 г., но не по испанской рукописи, а по готской под названием «Нухбат ал-азхан фи аджаиб ал-булдан»; в это же издание включены отрывки о Восточной и Центральной Европе из известного «Тухфат ал-албаб».

Приводим сведения ал-Гарнати о городе Болгаре из последнего издания, сравнивая их со сведениями из прежних работ: «А Булгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена из дуба. А вокруг него без конца (всяких) народов, они уже за пределами семи климатов. Когда день длинный, то его длина двадцать часов, а ночь четыре часа. А когда наступает зима, длится ночь двадцать часов, а день — четыре часа»[82]. Из книги ал-Гарнати ясно можно понять, что Болгар был расположен на Волге: он пишет, что суда, нагруженные солью, плывут по этой реке в Болгар, а иногда определяет расстояние между Болгаром и Саксином по реке[83].

Следует остановиться еще на одном, чрезвычайно интересном сообщении Гарнати, имеющем прямое отношение к вопросу о болгарской столице. В последние годы данное сообщение стали связывать с Биляром. Поводом для этого послужил старый перевод работы Гарнати. Там говорится, что некий мусульманин, помогавший лечить царя и его жену и распространять мусульманство, «назывался Бюлар, а по его имени город назван Бюларом. впоследствии с арабским изменением Булгар»[84]. Отсюда был сделан вывод, что Гарнати писал не о Болгаре на Волге, а

о Биляре, названном Болгаром, что повторяет якобы позднее Абу-л-Фида[85]. Этот отрывок в новом издании выглядит так: «А ученый у них назывался балар, поэтому назвали эту страну „Балар», смысл этого — „ученый человек», и арабизировали это, и стали называть „Булгар»»[86]. Следовательно, налицо разночтение: не Булар, а балар, не город, а вообще страна. Однако дело не только в переводе. Против возможности такой арабизации, т. е. превращения «Булар» (Биляр) в «Булгар», категорически выступили в свое время Френ[87] и Хвольсон[88]; Френ считал, что Биляр был отдельным городом.

Что касается Абу-л-Фиды, который якобы подтверждает сообщение ал-Гарнати, необходимо отметить следующее. Этот выдающийся географ XIV в. в своем труде «Таквим ал-булдан», завершеном в 1321 г., приводил небольшие, но любопытные данные о болгарском городе, но не о Биляре XII в., а о Болгаре XIV в. Это хорошо видно по тому, что Абу-л-Фида помещает его на «северо-восточном континенте», там же, где Сарай, от которого он отстоит более чем на 20 дней пути[89]. Известно, что города Сарая в XII в. еще не было. Определяя местонахождение золотоордынского города Укек, он пишет, что Укек «находится между Сараем и Булгаром на половине дороги», или же: «От Булгара течет Итиль к городку, находящемуся на берегу его» по имени Укек, а от него к местечку, называемому Бельжемен, и все в направлении к югу»[90]. В другом месте Абу-л-Фида говорит о Волге, которая «проходит около города Булгара, огибая его с севера и запада»[91]. Данное определение полностью соответствует топографии окрестностей Болгара.

Сочинение ал-Джавалики, другого путешественника XII в., не сохранилось до наших дней. Щпилевский, приводя слова о коротких зимних днях в Болгаре, которые Джавалики передавал как очевидец, считал, что трудом Джавалики пользовался впоследствии Ибн ал-Варди[92]. В работе малоизвестного в русской историографии дореволюционного татарского историка М.М. Рамзи приводятся дополнительные, более интересные сообщения Джавалики о болгарах и Болгаре. После слов о краткости зимних дней, Джавалики сообщает: «Их строения похожи на строения Рума. Они большой народ, их город называется Булгар. Это очень большой город». Рамзи отметил, что при описании Болгара Джавалики доходит до преувеличения, ибо в другом месте сам же называет его небольшим городом[93].

Анализ сообщений путешественников XII в. о городе Болгаре показывает, что Болгар продолжали определять как город большого народа. Несмотря на то что ал-Гарнати жил у болгар довольно значительное время, он не называет других знаменитых городов.

В русских летописях, отражающих события домонгольского времени, название города Болгара отсутствует (лишь в XIV в. упоминаются «Болгары Великие»), а термины «Болгары», «болгары» или «болгаре» применены для обозначения болгарской земли и ее населения. Однако принято отождествлять домонгольский Болгар с летописным Бряхимовым («Град их славный Бряхимов»), единственный раз упомянутым под 1164 г. в связи с походом Андрея Боголюбского на Волжскую Болгарию: «Иде князь Андрей на Болгары, с сыном своим Изяславом и с братом своим Ярославом и с муромским князем Гюргем..., самих исекоша множество, а стягы их поимаша и едва в мале дружине утече князь болгарский до Великого города. Князь же Андрей воро-

тися с победою, видев поганые болгары избиты и шедши взяша град их славный Бряхимов, а переди их пожгоша»[94]. В некоторых летописях указаны отдельные подробности. Так, Тверская летопись отмечает, что русские взяли четыре города (вместе с Великим городом), а потом «взяша град их славный Бряхимов на Каме»[95]. На Каме помещают Бряхимов также Никоновская летопись[96] и Степенная книга[97]. Упоминание Бряхимова на Каме послужило для некоторых историков прошлого столетия (например, для К.И. Невоструева) поводом для отождествления его с Чертовым городищем близ Елабуги, главным образом потому, что последнее также находится на Каме[98]. Против такого неаргументированного мнения выступил Шпилевский, отметив, что Чертово городище слишком мало, чтобы на его территории мог размещаться большой город. Современный археологический материал подтверждает правоту Шпилевского. Очень слабый слой болгарского периода, незначительное количество находок на небольшой площади, топография размещения памятников свидетельствуют о нем лишь как о сторожевом пункте на крайних северо-восточных рубежах Волжской Болгарии. Шпилевский подробно и весьма убедительно отвел и другие попытки поисков места Бряхимова (на Суре — по В.Н. Татищеву, на месте Нижнего Новгорода — по Т.С. Мальгину, на верхней Волге — по К.Ф. Фуксу); вслед за И.И. Голиковым и Д.И. Языковым он подразумевал под летописным Бряхимовым город Болгар[99]. Шпилевский привел один небольшой, но довольно веский аргумент: татарская рукопись, представленная И.Г. Георги в переводе Барданеса, относит к Бряхимову то, что другие татарские источники говорят о Болгаре. Концепция Шпилевского позднее была поддержана В.Ф. Смолиным[100] и подтверждена еще одним обстоятельством: определение «Истории о Казанском царстве» неизвестного сочинителя XVI в. (Казанский летописец): «И бысть Казань стольный град вместо Брягова (Бряхимова) града Болгарского» — говорит в пользу Болгара, ибо он был стольным городом края до Казани. Удачно разобрав Казанский летописец, который в одном месте также помещает город Бряхимов на Каме, Смолин высказал любопытную мысль: восточные писатели принимали Каму за Волгу, и эта традиция могла передаваться и автором «Истории», жившим 20 лет в Казани при ханском дворе. В данном вопросе мы поддерживаем концепцию Шпилевского и Смолина[101]. Считают, что название Бряхимов связано с именем Ибрахима, одного из правителей домонгольской Болгарии. Кстати, в Летописце Переяславля-Суздальского город назван «Ибряхимов». Основываясь на Списке болгарских ханов (князей), составленном Марджани, Шпилевский высказал предположение об Ибрагиме как о современнике Андрея Боголюбского[102]. После Шпилевского стало известно имя еще одного Ибрахима — это «эмир Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммед», бывший «государем Булгара и той области, которую целиком называют Булгар», упомянутый под 1024—1025 гг. в связи с посылкой болгарским правителем денег на сооружение двух мечетей в Хорасане в сочинении автора газневидских мемуаров Бей-хаки под названием «Тарих-и Бейхак»[103].

Представляется более вероятным связывать название города именно с этим Ибрахимом, ибо он упомянут в раннем источнике, к тому же, известны его полное имя, год правления (415 г. х., т. е. 1024—1025 гг.) и то, что он правитель Болгара и всей страны. Возможно, этот Ибрахим значится как Эмир-хан у Фукса и как Ир-хан

— у Френа[104]. Считать Ибрахима из Списка болгарских ханов, даже если он существовал, современником Андрея Боголюбского нет оснований. Более того, в 1164 г. столицей был уже не Болгар, а Биляр, в котором сидел правитель.

Существование домонгольского Болгара доказано археологически[105]. Выявлены широко распространенные слои города домонгольского периода с линиями укреплений[106].

Выбор Болгара столицей в X в., когда образовалось государство, вполне закономерен. Он занимал весьма удобные позиции при слиянии Волги и Камы. Сооружение столицы в этом важном районе сыграло важную роль в объединении болгарских земель в одно централизованное государство, в превращении Волжской Болгарии и ее столицы в центр международного экономического и культурного обмена между Западом и Востоком. Во второй половине XII в. политический центр страны был перенесен в Биляр, в глубь страны, подальше от побережий больших рек, где стало тревожно.

Как уже упоминалось, под 1164 г. в летописи встречается название Великого города. Под 1184 г. мы снова встречаем его в сообщениях летописей, но уже с указанием места расположения города. В этом году великий князь владимирский Всеволод в союзе с другими князьями предпринял большой поход на Волжскую Болгарию: «Приде в землю болгарскую и высед на берег поиде к Великому городу и ста у Тухчин городка, и перестав ту два дни поиде на третий день к Великому городу... и перешед Черемисан, в два дни наряды полки»[107]. В походе, помимо основных сил из Владимира, участвовали войска из Киева, Чернигова, Переяславля, Смоленска. На помощь Великому городу пришли болгары из других городов и областей страны: собекуляне, челмата, темтюзи, из города Торцска. Направление удара на Великий город и защита его болгарскими отрядами из других городов говорят о том, что этот город был главным, столичным. В историографии существуют различные мнения по вопросу о местонахождении Великого города. Они тщательно разобраны Шпилевским, установившим, что «Великий город» русских летописей — это город, остатки которого находятся на р. Малый Черемшан, на месте нынешнего села Билярск[108]. Эта локализация в основном была принята последующими археологами. Подтверждением этого мнения послужило расположение «Великого города» и Билярского городища на реке Черемшан («Черемисан» в летописях). Кроме того, Билярское городище по размерам не имеет себе равных среди всех болгарских городищ. Отождествление его с Великим городом достаточно правомерно.

После событий 1184 г. Великий город упоминается в летописях еще четыре раза: под 1220 г. — в связи с описанием похода Святослава на Ошель, к которому с опозданием пришла помощь из Великого и других болгарских городов; под 1229 г. — в рассказе об убиении болгарам некоего Авраамия в Великом городе, в ответ на что кто-то поджег город, и он горел три дня; под 1232 г. — в сообщении о первом нашествии монголов, когда они вынуждены были зимовать, не дойдя до Великого города; наконец, под 1236 г. — при описании завоевания Волжской Болгарии монголами, которые «взяша славный великий город Болгарский, избиша оружием от старца до уного, и до сущаго младенца, и взяша товаре множество, и город их пожгоша огнем и всю землю плениша»[109]. При описании последнего события подчеркивается значение «великого города Болгарского»,

его судьба связывается с судьбой всей болгарской земли. Следует заметить, что в этот последний раз он назван и славным, т. е. тем же эпитетом, которым называли летописи в 1164 г. город Бряхимов, между прочим, больше не упоминавшийся, — везде фигурирует только название «Великий город».

Историография располагает рядом мнений о том, что этот «великий город Болгарский», упомянутый под 1236 г. как центр Волжской Болгарии в год монгольского завоевания, и есть город Болгар (П.И. Кеппен, А. Артемьев, Н.И. Второв, Ф.И. Эрдман, М.Г. Худяков и др.). Это объясняется главным образом тем, что «Великим» русские летописи называют и город Болгар. Однако Шпилевский указал, что Болгар назван так лишь в 1374 г.[110] Решая вопрос об отождествлении «великого города Болгарского» с Болгаром времени нашествия монголов, нельзя не учесть некоторые восточные источники, например, сообщение Джувейни (XIII в.): «В пределах Булгара царевичи соединились; от нашествия войск земля стонала и гудела; а от многочисленности и шума полчищ столбенели звери и хищные животные. Сначала они (царевичи) силой и штурмом взяли город Булгар (подчеркнуто мной. — Р.Ф.), который известен был в мире недоступностью местности и большой населенностью»[111].

Таким образом, письменные источники из двух известных им городов Волжской Болгарии X—XI вв. — Болгара и Суvara — выделяют Болгар как главный, политический и экономический центр государства, названный именем страны и ее населения и располагавшийся на соединении двух крупнейших водных магистралей, сыгравших большую стратегическую и торговую роль в жизни народов Восточной Европы. В русских летописях город имел и другое название — Бряхимов (по всей вероятности, по имени правителя государства в XI в. — Ибрахима). Перенос столицы в глубь страны — в город Биляр («Великий город» русских летописей) — в XII в. связан с обострением международных отношений Волжской Болгарии, особенно с Русским государством.

Биляр был сильно разрушен в 1236 г., и хотя он впоследствии частично был отстроен, но утратил былую мощь и политическое положение. Болгар же, благодаря расположению недалеко от слияния Волги и Камы, вновь стал важным центром и не только для самой Болгарии, но и для новообразованной Золотой Орды. Он имел древние традиции богатой городской культуры и был удобным опорным пунктом для сохранения власти завоевателей в Восточной Европе. Необходимо также учесть былую славу Болгара не только в Поволжье, но и далеко за его пределами.

По персидскому сочинению «Ферхег-намэ» известно название города Болгара как «Золотого трона» («Алтын тахт») золотоордынских ханов. Шпилевский вслед за Ф.И. Эрдманом считал, что это сообщение отражает XIII век, и связывал его со сведениями западноевропейского путешественника Рубрука (XIII в.) о летней кочевке Батыя далеко на север, т. е., как предполагают исследователи, в город Болгар[112]. О том, что Батый сидел в Болгаре, говорит другой, правда более поздний, источник — Казанский летописец середины XVI в.; «Державнии же наши (русских. — Р.Ф.) идоша в Болгары ко царю (Батыю. — Р.Ф.) и ту встретиша и утолиша его великими многими дарми»[113]. Летописец называет Батыя «Саином Болгарским». Золотоордынский хан Берке, по сообщению Марко Поло, правил и в Болгаре, и в Сарае. Марко Поло писал, что его отец и дядя «прибыли к Берка хану, что татарами владел и жил в Болгаре да в Сарае»[114]. Братья Поло целый год прожили на земле Берке, а когда

началась война с Хулагуидами, решили вернуться в Константинополь: «Собрались да вышли из Болгар»[115].

Таким образом, исторические источники свидетельствуют о том, что на первых порах, в период отсутствия своих городов, монгольские правители пользовались старыми, домонгольскими, центрами завоеванных земель. Примером этого в Среднем Поволжье служит Болгар.

В первой половине XIV в. — в период могущества Золотой Орды — Болгар оставался центром болгарских земель, являясь одновременно одним из самых крупных городов в ордынских владениях на северо-западе. В арабо-персидских источниках XIV—XVI вв., сообщающих об областях и городах в составе Золотой Орды описываемого периода, название «Болгар» варьирует: иногда его применяют в значении болгарской земли и ее населения («История Вассафа», Хамдаллах Казвини, Шараф ад-дин Йезди, «Родословие тюрок»), а иногда — в значении конкретно города Болгара (ал-Дзахаби, ал-Омари, ал-Асади, Гаффари). Так, арабский автор первой половины XIV в. перечисляет: «Границы этого государства (Золотой Орды. — Р.Ф.) со стороны Джейхуна: Хорезм, Саганак, Сайрам, Яркенд, Дженд, Сарай, город Маджар, Азак, Акчакерман, Кафа, Судак, Саксин, Укек, Булгар, области Сибир и Ибир, Башгырд и Чулыман»[116]. Сообщение несколько иного характера оставлено арабским автором первой половины XIV в. ал-Дзахаби: «Царство его (Узбекхана. — Р.Ф.) (лежит) на северо-востоке и (простирается) от моря Константинопольского до реки Иртыша в длину на 800 фарсахов, а в ширину от Бабелабаба (Дербенда) до города Булгара, т. е. приблизительно на 600 фарсахов»[117]. В ряде сообщений название Болгара отождествляется с названием болгарской земли в составе Золотой Орды (ал-Муфаддал, Ибн Халдун, «Аноним Искендера»).

Вследствие единства государственной религии (ислам), сходства литературного языка (поволжский тюрки) и многих элементов городской культуры Волжская Болгария была гораздо ближе Золотой Орде, чем некоторые нетюркские государства, например Русь. Исследователи отмечают, что в исламизации Орды видную роль сыграл Болгар[118].

Город Болгар в XIV в. считался одним из лучших городов улуса Джучи. Ал-Омари, например, писал, что один из известнейших городов Золотой Орды — это Болгар [119]. Факт чеканки джучидских монет в Болгаре от имени ханов Орды говорит о подчиненном положении этого города по отношению к центру — Сараю. В 30-е гг. XIV в. прекратилась монетная чеканка в Болгаре, а еще раньше — в Азаке и Крыму[120]. Но болгарский денежный рынок в 1340-е гг. еще сохранял некоторое своеобразие, связанное с чеканкой здесь до 1330-х гг. местного дирхема[121]. В этом, возможно, проявились стремления к обособлению Болгара и его округа, которые усилились в последний период существования Золотой Орды.

Необходимо сказать и о тех сообщениях, касающихся города Болгара, которые оставлены путешественниками первой половины XIV в. Таких путешествий в Болгар было совершено несколько. Среди них выделяется путешествие Ибн Батуты в 1333 г. в города Золотой Орды. Он посетил тогда же и Болгар: «О моем путешествии в город Булгар. Я

наслышался о городе Булгаре и захотел отправиться туда, чтобы взглянуть на то, что говорится про чрезвычайную краткость ночи в нем, а также про кратковременность дня в противоположное время года. Между ним и ставкой султана (Узбека. — Р.Ф.) был десяток (дней) пути... Также короток день в нем (Булгаре) в период краткости его (зимой). Пробыл я там три дня»[122]. Краткость ночи летом и дня зимой в Волжской Болгарии, северной мусульманской стране, интересовала арабский мир еще с начала X в. Об этом в свое время писали почти все путешественники и географы, оставившие какие-либо сведения о Волжской Болгарии или о городе Булгаре.

Междоусобица в Сарае и военные столкновения в Поволжье, в том числе и на южноболгарской земле, нанесли немалый ущерб закамскому населению. В сражениях Тохтамыш с Тимуром принимали участие воинские силы Болгара, о чем сообщают восточные источники. Так, Шараф ад-Дин Йезди пишет, что в 1388 г. ордынский хан снарядил большое войско со всего улуса Джучи, включая и болгар[123]. О выступлении войска из Болгара на стороне армии Тохтамыша в сражении против Тимура в 1391 г. можно судить по сообщениям историка XV в. Абд ар-Раззака[124].

Болгар и другие болгарские города сильно пострадали в результате походов новгородских ушкуйников, которые начались одновременно со смутой в Орде[125]. В 1366 г. ушкуйники ограбили Болгар[126]. В 1374 г. новгородцы на 90 ушкуях пошли вниз по Вятке, далее поплыли по Каме и взяли Болгар, но там им дали выкуп в 300 рублей, чтобы они не трогали города[127]. Прошел только год, и новгородцы снова на 90 ушкуях направились в поход: вначале они ограбили русские города Кострому и Нижний Новгород, в последнем побили «бесерман» (болгар?), далее вышли на Каму, продали в Булгаре христианских пленников и поплыли дальше к Астрахани[128].

Ходили в Волжскую Болгарию с походами и русские князья. Так, в 1370 г. Дмитрий Суздальский послал своего брата и сына с войском «на болгарского князя Асана» (в некоторых летописях Осан). Асан вышел к ним навстречу с челобитьем и дарами. Те приняли дары, а на княжение посадили «Салтана бакова сына»[129]. В 1376 г. великий князь Дмитрий Иванович и упомянутый Дмитрий Суздальский послали большое войско к Болгару. Болгары вышли из города навстречу русским, стреляли из «луков и из самострелов, а инии гром пучаще с града, страшаще русское воинство; а инии выехоша на верблюдах, кони русские полошающе». Однако русские одолели. Князья Асан и Махмат Салтан били челом и дали выкуп за город 5000 рублей, а русские «дарагу» (даруга. — Р.Ф.) и таможника посади на великого князя в Болгарах»[130]. Личности упомянутых в летописях Асана и Махмата (Мамат, Маамат), «бакова сына», определены П.С. Савельевым: Асан — это малоизвестный Хасан-хан, от имени которого чеканились монеты в Новом Сарае, бывший князем в Булгаре. Русские князья предприняли поход в Болгар по требованию Мамаея для низвержения Хасана в пользу Махмата (Мухаммеда Булака)[131].

В сообщении о походе 1376 г. Никоновская летопись заменяет названия «град Болгар», «болгары» названиями «град Казань», «казанцы»: «Посла детей своих... на Болгары, рекше на Казань», «приидоша к Казани», «казанцы же изидоша из града», «князи же казанстии Асан и Махмет Салтан», «таможника посадиша в Казани»[132]. На основе этого сообщения некоторые историки, например Н.М.

Карамзин[133], Н.С. Арцыбашев[134], Н.К. Баженов[135], С.М. Соловьев[136], утверждали, что речь идет о Казани. Такого же мнения придерживался В.В. Мавродин[137]. Против подобной точки зрения выступал еще Шпилевский. Он совершенно справедливо заметил, что Никоновской летописи вообще присуще свойство дополнять понятия «болгары», «Болгары» словами «казанцы», «Казань» с позиции автора XVI в., которому было известно, что казанцы раньше назывались болгарами. Шпилевский приводит для сравнения другое известие той же Никоновской летописи о походе русских на Асана в 1370 г.: «На болгарского князя Асана, еже ныне глаголются казанцы»[138]. Шпилевский обращает внимание на отсутствие подобных выражений в более ранних летописях. Точку зрения Шпилевского принял А.П. Смирнов: «Несомненно, что в описании данного события речь идет не о Казани, а о Болгаре»[139]. Полностью присоединяясь к мнению этих исследователей, мы хотим подчеркнуть, что во всех остальных летописях под 1370 и 1376 г. упоминается не Казань, а именно Болгар.

Можно отметить и другие случаи, когда в Никоновской летописи вместо Болгара упоминается Казань: под 1157 г. — при описании похода ростовчан на болгарскую землю[140]; под 1229 г. — когда болгары просили мира у великого князя Юрия Всеволодовича[141]; под 1232 г. — при упоминании «великого града Болгарского, еже глаголется Казанскою»[142]; наконец, под 1236 г. — при сообщении о том, что монголы пленили «всю землю болгарскую, глаголемую казанскою, и град их великий взяша»[143]. Ни в одной другой летописи, не говоря уже о Лаврентьевской и Ипатьевской, подобных замен нет. На замены в Никоновской летописи имен «Болгары» и «Казань» впервые обратил внимание еще Фукс[144]. Это же отмечено в работах Г. Перетятковича[145] и Г. З. Кунцевича[146].

Обратимся к некоторым деталям сообщений о событиях 1370-х гг., связанных с городом Болгаром. Известие «гром пучаше с града» представляет чрезвычайный интерес как первое упоминание огнестрельного оружия (очевидно, пищалей) не только в Волжской Болгарии, но и во всей Европе. Хотя вопрос о том, откуда взяли его болгары, остается открытым, но первое применение ими огнестрельного оружия свидетельствует о достаточно высоком уровне военного искусства, что выразилось и в создании мощных оборонительных укреплений. Именно в 70-е гг. XIV в. русские летописи называют Болгар Великим («Болгары Великие»).

В 60-е гг. XIV в. проявились некоторые стремления к обособлению Волжской Болгарии от Золотой Орды. В 1361 г. ордынский князь Булат-Тимур захватил Среднее Поволжье. Данный факт в ряде работ по истории Татарии рассматривался как свидетельство полного разгрома Болгара и Болгарии или ее южных районов[147]. Правильнее оценил его А.П. Смирнов: «Это нападение не сопровождалось разрушением Болгара, хотя несомненно, что город был взят и в какой-то мере пострадал, но у нас нет никаких оснований говорить о полном его разрушении. Значительное число монет 60-х годов свидетельствует об интенсивной жизни Болгара в эту эпоху»[148].

Проведем краткий анализ русских летописей, в которых содержатся сведения об этом событии 1361 г. Одни из них (Воскресенская, Никоновская, Рогожская, Симеоновская) сообщают следующее: «А Булат-Темир, князь ордынский, Болгары

взял, и все грады на Волге и улусу поймал, и отня весь Воложский путь»[149]. Другие (Новгородская IV, Софийская I, Летопись Авраамки), рассказывая о том же походе, не упоминают Болгара: «А Булат-Темир, князь ордынский, пойма грады поволжские, волости вся»[150]. Конкретных сведений о разгроме болгарских городов ни одна летопись не содержит. Нам кажется, что в объяснении этого исторического факта прав Г.А. Федоров-Давыдов, оценивший его как «захват отдельных оседлых периферийных районов улуса Джучи сепаратистски настроенной феодальной знатью, чьи желаня и политические устремления были направлены на утверждение автономии их улусов»[151].

После кратковременного периода некоторого единства (чеканка монет в центре) к концу 60-х годов начали выделяться, в том числе и в Волжской Болгарии, «провинции» «с постоянно крепнущими внутренними экономическими связями»[152]. Эти исторические события, естественно, взаимосвязаны, и не зря тогда же выделились и другие улусы — княжества Наровчатское, Астраханское, Сарайчукское и Хорезмское[153]. Что же касается Булат-Тимура, который начал самостоятельную политику в обособленной Волжской Болгарии, то он кончил бесславно: в 1366 г. пошел войной на русские земли, однако, встретившись с войском суздальского князя Дмитрия, побежал в Орду «и тамо убиен бысть от Азиза царя»[154]. Восстановил ли Азиз-шейх власть над Болгаром, сведений нет. Однако через четыре года летописи снова упоминают Болгар, но уже в связи с новым правителем — Асаном, также сбежавшим из Золотой Орды и захватившим власть в Болгарии.

В конце 1370-х гг. было временно восстановлено единство Золотой Орды. Все улусы Джучи, помимо Хорезма, снова были подчинены Сараю[155]. Это единство еще более утвердилось в правление Тохтамыша. Некоторые русские источники называют его ханом Сарая и Болгара[156]. В 1382 г. Тохтамыш послал своих людей в город Болгар с заданием задержать и препроводить к нему всех русских торговцев вместе с их судами и товарами[157].

Последний поход на Болгар в XIV в. датируется 1395—1399 гг. Летописи сообщают, что суздальский князь Семен Дмитриевич, изгнанный великим князем Василием и нашедший убежище в Золотой Орде, пришел под Нижний Новгород и осадил его. С ним был и татарский царевич Ентяк во главе тысячного войска. Город был взят войском Ентяка и ограблен. В ответ на это русское войско под руководством великого князя взяло города Болгар, Жукотин, Казань и Керменчук и, воевав там три месяца, возвратилось с большой добычей. Это событие упоминается под 1395 г. в Новгородской IV, Софийской I летописях, Русском хронографе, Западнорусских летописях, Никаноровской летописи, Сокращенных летописных сводах конца XV в., Вологодско-Пермской летописи[158]; под 1396 г. — в Никоновской летописи и Мазуринском летописце[159]; под 1399 г. — в Троицкой[160], Софийской II, Тверской, Воскресенской и Львовской летописях[161]. В разных летописях имеются различные подробности этого похода. Одни из них добавляют, что Русь никогда еще «так далеко не воевала» татарскую (болгарскую) землю. Другие сообщают, что помимо названных, были взяты и другие города.

Таким образом, во второй половине XIV в. для Волжской Болгарии и Болгара сложилась крайне неблагоприятная обстановка: бесконечные смуты в Золотой Орде и

в связи с этим открытие дороги ушкуйникам, путь которых на Волгу после вятских лесов проходил по Каме через болгарскую землю, богатую городами и селениями. Не остались в стороне и русские князья. Такая обстановка оказала отрицательное воздействие на развитие экономики и на оборону Волжской Болгарии, особенно ее центральных земель и городов во главе с Болгаром. Болгар был не в состоянии дать необходимый отпор ни ушкуйникам, ни княжеским войскам. Западноевропейский путешественник И. Шильтбергер сообщал, что Едигей, прежде чем посадить на престол нового хана Пулата, «выступил в Болгарию, которая также им была завоевана»[162]. М.Г. Сафаргалиев считает, что ушедший из Орды Джелал ад-дин взял Болгар и летом 1407 г. был провозглашен ханом[163]. Следовательно, поход Едигея в Волжскую Болгарию был связан с целью окончательного упрочения его власти и на севере, что ему и удалось сделать. Русские летописи указывают, что во время похода на Нижний Новгород в 1408 г. в составе армии Едигея были болгары, и мордва: «И с ним (Едигеем. — Р.Ф.) мнози татарове, и болгарская сила и мордва»[164].

Проходит только год, и русские летописи снова обращают внимание на события в Волжской Болгарии, что связано с походами ушкуйников и князей. Софийская II и Никоновская летописи сообщают, что новгородский посадник Анфал в 1409 г. с большими силами ходил на Болгар: сто насадов (судов) направилось по Каме, а полтора — по Волге. Однако на Каме болгары их остановили и повели в Орду[165]. Коротко о походе Анфала на Болгар говорится также в летописях Новгородской IV и Софийской I, Авраамки, Западнорусских, Никаноровской, в Сокращенном летописном своде 1495 г., Холмогорской летописи, Пискаревском и Архангелогородском летописцах[166]. В Тверской летописи приводятся подробности похода. Там говорится, что ушкуйники, тот их отряд, который пошел по Волге, ограбил Кострому, Нижний Новгород и потом направился к устью Камы, «на совет Анфалу и не успеха». Анфал водами вышел на Каму. Вначале болгарские и жукотинские князья предложили ему выкуп, а когда Анфал доверился им, перебили его дружину. Часть ушкуйников убежала[167].

Болгарские и жукотинские князья упоминаются вместе и под 1411 г., при описании сражения в Лыскове на Волге между московскими и суздальскими князьями. На стороне последних Никоновская летопись указывает болгарских и жукотинских князей[168], а Тверская — еще и мордовских[169].

Под 1429 г. летописи описывают поход татар на Галич. Великий князь послал против них войско. Отряд под руководством Федора Пестрого и Федора Добрынского «угониша да их биша, татар и бесерман, и полон весь отняша». Это событие описывают Софийская I, Софийская II, Воскресенская, Вологодско-Пермская летописи, Пискаревский и Архангелогородский летописцы[170]. Шпилевский под летописными «татарами» подразумевал болгар[171]. По всей вероятности, он был прав. В 1431 г. Федор Пестрый совершил поход на болгар, «воева их и всю землю их отняша»[172]. Предпринятый по приказу Василия II поход Пестрого, как принято считать в историографии Волжской Болгарии, положил конец существованию Болгара. Роль политического, экономического и культурного центра края перешла к новому городу — Казани.

- 1 Историографию см.: Фахрутдинов Р.Г. Домонгольский Болгар в письменных источниках // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 64.
- 2 Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.
- 3 Якубовский А.Ю. К исторической топографии Итиля и Болгар в IX—X вв. // СА. М., 1948. Т. X. С. 264—270.
- 4 Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II. С. 26—39.
- 5 Фахрутдинов Р.Г. Домонгольский Болгар...
- 6 Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгаргах, мадьярах, славянах и руссах. СПб., 1869. С. 82.
- 7 Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература//Избр. сочинения. М.; Л., 1967. Т. IV. С. 195; Заходер Б.И. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962. Т. I. С. 75.
- 8 См., например: Якубовский А.Ю. К исторической топографии... (здесь же дана историография вопроса).
- 9 Там же. С. 268.
- 10 Заходер Б.Н. Каспийский свод..., Т. II. С. 37.
- 11 См.: Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. С. 222.
- 12 Греков Б.Д. Волжские болгары в IX—X вв. // Ист. зап. М., 1945. Т. 4.
- 13 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1957. С. 138.
- 14 Там же. С. 135.
- 15 Там же. С. 153.
- 16 Там же. С. 141.
- 17 Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. С. 399.
- 18 Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с конца VII до конца X в.). СПб., 1870. С. 85 («славяне» здесь — болгары. — Р.Ф.).
- 19 Заходер Б.Н. Каспийский свод... Т. II. С. 37.
- 20 Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. С. 196.
- 21 Заходер Б.П. Каспийский свод... Т. II. С. 38.
- 22 Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. С. 196.
- 23 Например, упомянутый выше Йакут, полностью повторяя эту тему через 300 лет и заменяя лишь Болгар Буртасом (смещение болгарской истории буртасской встречается в арабской географии — см. прим. 48), автором данного рассказа назвал ал-Истахри.
- 24 Заходер Б.Н. Каспийский свод... Т. II. С. 39.
- 25 Туманский А.Г. Новооткрытый персидский географ X столетия и его известия о славянах и руссах// ЗВОРАО. СПб., 1896. Т. X. С. 128.
- 26 Худуд ал-алем / Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930. С. 32.
- 27 Там же. С. 15.
- 28 Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. С. 211—213.
- 29 Хвольсон Д.А. Известия... С. 84. С.М. Шпилевский писал, что И.Ф. Готвальд по его просьбе перевел последние слова Мукаддаси, но несколько иначе: «...ближе к морю, чем столица». См.: Шпилевский С.М. Древние города... С. 9, прим. 1.
- 30 Хвольсон Д.А. Известия... С. 84.
- 31 Подробнее см.: Фахрутдинов Р.Г. Еще раз о столице домонгольской Булгарии // С.А. 1975. № 4. С. 75.
- 32 См.: Шпилевский С.М. Древние города... С. 53, примеч. 1. (И.Ф. Готвальд прочитал это слово по просьбе Шпилевского).

- 33 Хвольсон Д.А. Известия... С. 60. См. также: Якубовский А.Ю. К исторической топографии... С. 259; Минорский В.Ф. Куда ездили древние русы? // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 26; Заходер Б.Н. Каспийский свод... Т. I. С. 133, 185, 188, 197. Название Хазаран встречается и у Ибн Русте, когда он пишет, что русы нападают на славян, полонят их, «отправляют потом в Хазеран и к болгарам и продают там». См.: Хвольсон Д.А. Известия... С. 35.
- 34 Якубовский А.Ю. К исторической топографии... С. 259.
- 35 Хвольсон Д.А. Известия... С. 45.
- 36 Там же.
- 37 См.: Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 431.
- 38 Заходер Б.Н. Каспийский свод... Т. I. С. 66.
- 39 Умняков Н. Компендиум испанско-арабского географа Исхака ибн ал-Хусейна и его сведения о хазарах и тюрках // ИГГО. М.; Л., 1939. Т. 71, вып. 8. С. 1143. Н. Умняков называет ал-Хусейна автором XI в. И.Ю. Крачковский отмечает, что ал-Хусейн написал свое сочинение около середины X в., но возможно, и в XI в. Если даже допустить последнее, все равно известия этого географа имеют отношение к X в., когда Болгария была в подчинении у Хазарии. Сообщение о 10 тыс. бойцов тоже говорит об этом периоде, к тому же, позднее эта цифра удваивается (ср.: Худуд ал-алем).
- 40 Хвольсон Д.А. Известия... С. 80. Хвольсон объясняет эту ошибку ал-Масуди тем, что тот принимал Дон, впадающий в Азовское море, за приток Волги. Йакут в XIII в. поправил ошибку Масуди, отметил, что страна болгар лежит далеко на севере. В ошибке ал-Масуди могла сыграть роль старая традиция представлений о болгарях, которые жили у Азовского моря в период существования «Великой Болгарии».
- 41 Довольно убедительно объясняет данное явление В.М. Бейлис, указывая, что соседство русов с волжскими болгарями и соприкосновение их с дунайскими послужили для Масуди лишним доводом (основным являлось совпадение этнонимов) в пользу соединения этих двух групп болгар в одно целое. См.: Бейлис В.М. Сочинения ал-Масуди как источник по истории Восточной Европы X в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963.
- 42 Geographie d'Edrisi traduite de l'arabe en francais d'apres deux manuskrits de la bibliotheque du roi et accompagnee de notes par P. Amadee Joubert. Paris, 1840. Т. II. P. 402. Упоминание христиан в качестве населения Болгара — первое и единственное во всей восточной географии. Оно, может быть, возникло на основе сообщения Ибн Хаукала о внутренних (дунайских?) болгарях, среди которых он указывал мусульман и христиан (см. ниже).
- 43 Кроме Ибн Хаукала, источниками Идриси были ал-Джайхани, ал-Масуди и др. См.: Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. С. 291.
- 44 См.: Шпилевский С.М. Древние города... С. 20.
- 45 'Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб Талхис ал-асар ва аджа'иб ал-малик ал-каххар М., 1971. С. 111, 112.
- 46 См.: Шпилевский С.М. Древние города... С. 22.
- 47 Заходер В.Н. Каспийский свод... Т. II. С. 38.
- 48 Подробнее см.: Шпилевский С. М. Древние города... С. 23, 25—27, 30, 31, 34, 40; Хисамутдин ибн-Шарафутдин. Таварихе Булгария. Казань, 1902; Вахидов С.Г. Татарские легенды о прошлом Волжско-Камского края // ВНОТ. Казань, 1924. № 4. С. 82—84; Борынгы татар эдэбияты. Казан, 1963. С. 23, 24. С темой о Болгаре и Суваре домонгольского периода связаны сообщения двух географов-космографов Закарийа Казвини (XIII в.) и ад-Димашки (XIV в.) о том, что зимой люди живут в деревянных домах, а летом переходят в шатры. Правда, эти сообщения отнесены к буртасам, однако их первоисточники связаны с болгарями. См.: Заходер Б.П. Каспийский свод... Т. II. С. 36, 37. Вообще смешение

- ние болгарской истории с бургасской иногда встречается и у географов X в., например, в «Худуд ал-алем», где три известных по Ибн Русте болгарских племена названы бургасскими. См.: Худуд ал-алем. С. 31.
- 49 Хвольсон Д.А. Известия... С. 82. Перевод этого сочинения сделан А.Я. Гаркави в несколько иной редакции: «Внешний Булгар есть небольшой город, не имеющий многих поселений. Известен же он потому, что служит складочным пунктом (гаванью) этих государств». См.: Гаркави А.Я. Сказания... С. 275.
- 50 Халиков А.Х. О столице домонгольской Булгарии // СА. 1973. № 3. С. 96.
- 51 Хвольсон Д.А. Известия... С. 83.
- 52 Греков Б.Д., Калинин Н.Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1. С. 152.
- 53 Гаркави А.Я. Сказания... С. 193, 218. Д.А. Хвольсон видит во «внутренних» болгарях дунайских болгар. См.: Хвольсон Д.А. Известия... С. 83. Вопрос о внешних и внутренних болгарях неясен. Есть, например, предположение, что «внутренние» болгары — это болгары «Черной Болгарии», т. е. кубанские. См.: Щербак А.М. О рунической письменности в Юго-Восточной Европе // СТ. 1971. № 4, С. 78, 79.
- 54 Гаркави А.Я. Сказания... С. 218, 219.
- 55 Там же. С. 193, 220, 276.
- 56 Здесь речь идет о Болгаре, а не о городе на Черемшане, ибо домонгольский Болгар в самом деле был меньше Киева, а периметр Билярского городища равен почти 11 км (периметр Киева 4600 м. См.: Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1961. Т. 1. С. 131).
- 57 К этим авторам в некоторой степени можно отнести и ал-Истахри, указывающего, что река Итиль (в представлении арабской географии это Ак Идел, т. е. Белая, затем Кама и, наконец, Волга) после страны кимаков «уходит на запад к Булгару и снова возвращается на восток, пока не пройдет мимо (области) русов, затем про ходит мимо Болгара». См.: Материалы по истории туркмен и Туркмении. М., 1939. Т. 1. С. 170.
- 58 См.: Беркутов Б.М. Булгаро-татарские меры длины и протяженности. Казань, 1964.
- 59 Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. С. 120—123.
- 60 Ибн Хаукал повторяет ал-Истахри.
- 61 Для мусульманской средневековой письменности было традиционным округлять цифру. См.: Заходер Б. Н. Каспийский свод. . . Т. I. С. 223.
- 62 В русских летописях — Болгары (страна), болгары или болгаре (население).
- 63 Журнал «Советская археология» организовал дискуссию по вопросу о столице домонгольской Болгарии. В ней приняли участие А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова и Р.Г. Фахрутдинов. См.: Халиков А.Х. О столице...; Хлебникова Т.А. Ранний Булгар // СА. 1975. № 2; Фахрутдинов Р.Г. О столице домонгольской Булгарии // СА. 1974. № 2; Он же. Еще раз о столице... Еще раньше была опубликована статья А.П. Смирнова, где он приводил убедительные доводы в пользу точки зрения о том, что столицей Волжской Болгарии в X—XI вв. был Болгар, а в XII — начале XIII в. — Биляр. См.: Смирнов А.П. О столице государства волжских булгар // СА. 1972. № 1.
- 64 Fraehn Ch. M. Die Altesen arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn-Foszlan's Reiseberichte // Memoires de l'Acad. der Scunces. Spb., 1832. ser. VI. T. I. S. 565.
- 65 Fraehn Ch. M. Drei Munzen der Wolga-Bulgaren aus dem X Jahrhundert // Memoires.
- 66 Фасмер Р.Р. О монетах волжских болгар X в. // ИОАИЭ. Казань, 1926. Т. XXXIII, вып. 1.
- 67 Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // МИА. М., 1962. № 111.
- 68 Там же. С. 190.

- 69 Смирнов А.П. О столице... С. 99.
- 70 Хотя работа ал-Марвази написана в 1120 г., однако там есть упоминания о событиях, свидетелем которых он был еще в XI в.
- 71 Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1903. Ч. 1/11.
- 72 Бартольд В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. // ЗАН. СПб., 1897. Сер. VIII по историко-философ. отд. Т. I, № 4.
- 73 Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература... С. 262.
- 74 Умняков Н. Самая старая турецкая карта мира // Тр. СГПИ. Самарканд, 1940. Т. 1. С. 115.
- 75 Махмуд Кошгарий. Туркий сузлар девони. Ташкент, 1960. Т. 1. См. карту.
- 76 Умняков Л. Самая старая турецкая карта... С. 114.
- 77 Заходер Б.Н. Каспийский свод... Т. I. С. 95.
- 78 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) / Публикация О.Г. Большакова, А.Л. Монгайт. М., 1971. С. 9—11.
- 79 Хвольсон Д.А. Известия... С. 86, 87, 187; Шпилевский С.М. Древние города... С. 10—12.
- 80 О сочинении Гарнати было известно по упоминанию турецкого географа и ученого XVII в. Хаджи Халифы.
- 81 Монгайт А.Л. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150—1153 гг. // Ист. СССР, 1959, № 1.
- 82 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 30. Этот отрывок в передаче Мухаммеда Ашика выглядит так: «Булгар большой город, дома которого из соснового, а стена из дубового дерева; вокруг Булгара бесчисленные племена тюрок. . . (далее слова о продолжительности дней и ночей). См.: Шпилевский С.М. Древние города... С. 10.
- 83 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 30, 58.
- 84 См.: Шпилевский С.М. Древние города... С. 10 (в пер. с немец., сделанном И. Хаммером по сочинению Мухаммеда Ашика).
- 85 Халиков А.Х. О столице... С. 98.
- 86 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 31.
- 87 Fraehn Ch. M. Drei Munzen. S. 185.
- 88 Хвольсон Д.А. Известия... С. 88.
- 89 См.: Шпилевский С.М. Древние города... С. 19.
- 90 См.: Григорьев В.В. О местоположении Сарая, столицы Золотой Орды // Россия и Азия. СПб., 1876. С. 298.
- 91 См.: Шпилевский С.М. Древние города... С. 19—21.
- 92 Там же. С. 12. Известия Джавалики включены в работу Ибн ал-Варди «Харидат ал-аджаиб ва фаридат ал-гараиб». Это произведение раньше приписывалось Зайн ад-дину ибн ал-Варди, жившему в XIV в. Позднее было установлено, что оно принадлежит Сирадж ад-дину ибн ал-Варди, автору XV в. См.: Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. С. 490.
- 93 Рамзи М.М. Талфик ал-ахбар ва Талких ал-асар фи вакигаи Казан ва Булгар ва мулюке татар. Оренбург, 1908. С. 274 (пер. Н. Исанбета, которому мы выражаем свою искреннюю признательность). Примерно такой же перевод сделан Н.Ф. Калининым. См.: Греков Б.Д., Калинин Л.Ф. Булгарское государство... С. 153). Однако там подразумевается, что Джавалики услышал сведения о Болгаре от другого человека.
- 94 ПСРЛ. М., 1962. Т. I. Стб. 352, 353. Данное событие приводится еще в летописце Переяславля Суздальского, в Воскресенской, Львовской, Тверской, Софийской I, Никоновской, Холмогорской летописях, в Степенной книге, во Владимирском и Пискаревском летописцах и у В.Н. Татищева.

- 95 ПСРЛ. М., 1965. Т. XV. С. 236.
- 96 ПСРЛ. М., 1965. Т. IX. С. 230. Никоновская летопись описывает это событие под 1160 г.
- 97 ПСРЛ. СПб., 1908. Т. XXI. С. 299.
- 98 Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств // Тр. I АС. М., 1871. Т. I. С. 578, 579.
- 99 Шпилевский С.М. Древние города... С. 118—124.
- 100 Смолин В.Ф. Болгарский город Бряхимов // ИОАИЭ. Казань, 1915. Т. XXXIII, вып. 1.
- 101 В последние годы этот вопрос был поднят В.А. Кучкиным. См.: Кучкин В.А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII — первой трети XIII в. // Историческая география России XII — начала XIII в. М., 1975. С. 36, 37. Кучкин, не ставя цель отождествить Бряхимов с каким-то городом, делает вывод о том, что он располагался на Каме. О своем несогласии со Шпилевским он кратко высказывается в примечании, не приводя аргументов. Остается сожалеть, что автор обошел указанную специальную статью В.Ф. Смолина.
- 102 Шпилевский С.М. Древние города... С. 118.
- 103 Заходер Б.Н. Каспийский свод... Т. II. С. 46.
- 104 См.: Шпилевский С.М. Древние города... С. 38—40; Греков Б.Д., Калинин Л.Ф. Булгарское государство... С. 161, 162.
- 105 Смирнов А.П. Волжские булгары // Тр. ГИМ. М., 1951. Вып. 19. С. 173, 177, 178; Он же. Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография // МИА. М., 1954. № 42.
- 106 Подробнее см.: Смирнов А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века. М., 1974; Хлебникова Т.А. Ранний Булгар. См. также очерк Т.А. Хлебниковой в настоящей книге.
- 107 ПСРЛ. Т. I. Стб. 389, 390. Это событие приводится и в других летописях: в Ипатьевской (ПСРЛ. М., 1962. Т. II. Стб. 625, 626; в отличие от других, здесь данный поход указан под 1182 г.), Никоновской (ПСРЛ. М., 1965. Т. X. С. 9, 10), Тверской (ПСРЛ. Т. XV. С. 268, 269), Симеоновской (ПСРЛ, СПб., 1913. Т. XVIII. С. 27), Владимирском летописце (ПСРЛ. М., 1965. Т. 30, С. 74), Холмогорской летописи (ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 55; здесь город назван «Великие Черемисаны»), а также у В.Н. Татищева. В.Н. Татищев, дополняя летописи, указывает и причины, вызвавшие поход: болгары вели постоянный торг с Русью в городах по Волге и Оке, но разбойники из Рязани, Муром и других городов грабили болгарских купцов, разоряли болгарские города и села по Волге. Болгары два раза обратились к Всеволоду с просьбой положить конец грабежу, однако князь не смог управиться с разбойниками. Он, хотя и посылал в города приказы ловить их, никого не направлял для их поимки. Болгары, рассердившись, ходили с походом на Русь, разорили Городец, Муром и дошли до Рязани, что произошло в 1183 г. Всеволод решил отомстить болгарам и через год организовал свой поход. См.: Татищев В.Н. История Российская. М., 1964. Т. III. С. 128—130. В.А. Кучкин, отсылая к исследованиям Н.Г. Бережкова, связывает поход с 1183 г. См.: Кучкин В.А. О маршрутах... С. 39.
- 108 Шпилевский С.М. Древние города... С. 124—126, 137—139, 153.
- 109 ПСРЛ. Т. I. Стб. 460. Татищев передает известие о взятии монголами Великого города и Жукотина. См.: Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 230.
- 110 Шпилевский С.М. Древние города... С. 126.
- 111 Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. II. С. 23.
- 112 См.: Шпилевский С.М. Древние города... С. 31, 163.
- 113 Казанская история / Подгот. текста, вступит. статья и примеч. Г.Н. Моисеевой. М.; Л., 1954. С. 46.
- 114 Минаев И.П. Путешествие Марко Поло. СПб., 1902. С. 5.

- 115 Там же. С. 7.
- 116 Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. С. 236. Интерпретацию названий большинства этих городов и областей см.: Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 61.
- 117 Тизенгаузен В.Г. Сборник... Т. I. С. 206. Фарсах соответствует современному расстоянию 5—6 км.
- 118 Греков Б.Д., Якубовский А. 10. Золотая Орда... С. 168.
- 119 Тизенгаузен В.Г. Сборник... Т. I. С. 237.
- 120 Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 76, 80. См. также его очерк в настоящем издании.
- 121 Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй... С. 134; Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. М., 1983. С. 11.
- 122 Тизенгаузен В.Г. Сборник... Т. I. С. 297. Ибн Батута хотел было попасть в «страну мрака» — к северным народам, что от Болгара в 40 дней пути, но отказался от этой идеи, как он сам пишет, вследствие больших хлопот и малой пользы. Он расспрашивал в Болгаре о северных странах, о дорогих мехах. Относительно последних ему сообщили, что горностаи — это лучший мех, в Индии за него платят 1000 динаров; соболь же стоит дешевле — 400 динаров. Эти наблюдения Ибн Батуты также представляют интерес, поскольку данная расценка товаров имеет отношение не столько к «стране мрака», сколько к самому Болгару — центру транзитной торговли между южными и северными странами.
- 123 Тизенгаузен В.Г. Сборник... Т. II. С. 156.
- 124 Там же. С. 164. Абд ар-Раззак пишет, что пленный, пойманный людьми Тамерлана после переправы через Иик (Ик), сказал: «О вас в улусе не было известия, но прибыли два нукера Идику (Едигея. — Р. Ф.) и известили хана, который, собрав свои войска в Курук-куле, ожидает войска Азак и Булгара, хотя они еще и не прибыли, но армия его вдвое больше».
- 125 ПСРЛ. СПб., 1848. Т. IV. С. 63; СПб., 1859. Т. VIII. С. И; Т. X. С. 232; Т. XV. С. 69; СПб., 1889. Т. XVI. С. 89; Т. XVIII. С. 100, 101; М.; Л., 1962. Т. 27. С. 242; Т. 30. С. 112; М., 1978. Т. 34. С. 114. См. также: ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 73.
- 126 ПСРЛ. СПб., 1897. Т. XI. С. 6; Т. XV. С. 81; Т. XVIII. С. 104; Т. 27. С. 244; Т. 30. С. 115.
- 127 ПСРЛ. Т. VIII. С. 21; Т. XI. С. 20; Т. XV. С. 106; Т. XVIII. С. 114; Т. 30. С. 120; Т. 34. С. 118.
- 128 ПСРЛ. Т. VIII. С. 24; Т. IV. С. 66; Т. XI. С. 24; Т. XV. С. 114, 436; Т. XVI. С. 102; Т. XVIII. С. 116; Т. 34. С. 120.
- 129 ПСРЛ. Т. VIII. С. 17; Т. XI. С. 12; Т. XV. С. 92; Т. XVIII. С. 109. Т. 30. С. 118.
- 130 ПСРЛ. Т. XIII. М., 1963. С. 25; Т. XV. С. 116; Т. XVIII. С. 117, 118; Т. 30. С. 122; Т. 33. С. 87; Т. 34. С. 120, 121.
- 131 Савельев П.С. Монеты джучидские, джагатайские, джалаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыш// ЗВОРАО. СПб., 1858. Т. III. С. 414, 415.
- 132 ПСРЛ. СПб., 1897. Т. XI. С. 25.
- 133 Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1830. Т. V. С. 48, 49.
- 134 Арцыбашев Н.С. Повествование о России. М., 1838. Т. II. С. 124, 125, примеч. 886.
- 135 Баженов Н.К. Казанская история. Казань, 1847. С. 21.
- 136 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1862. Т. III. С. 348.
- 137 Мавродин В.В. Образование единого Русского государства. Л., 1951. С. 110, 111.
- 138 Шпилевский С.М. Древние города... С. 179, 180.
- 139 Смирнов А.П. Волжские булгары. С. 61, 62. К сожалению, А. П. Смирнов, хотя и отметил ошибки Никоновской летописи для 1370 и 1376 гг., однако при описании других, более ранних событий принял замену Болгара Казанью.
- 140 ПСРЛ. Т. IX. С. 120.

- 141 ПСРЛ. Т. X. С. 98.
- 142 ПСРЛ. Т. IX. С. 103.
- 143 Там же. С. 104.
- 144 Фукс К. Ф. Краткая история города Казани. Казань, 1817. То же см.: ИОАИЭ. Казань, 1905. Т. XXI, вып. 2. С. 130.
- 145 Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI вв. М., 1877. С. 115, 116.
- 146 Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905. С. 249.
- 147 См., например: Гимади Х.Г. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1. С. 219, 220; История Татарской АССР. Казань, 1968. С. 66.
- 148 Смирнов А.П. Волжские булгары. С. 68. Против предположения о разорении Болгара в 1361 г. выступил и М.А. Усманов (Усманов М.А. Татарские исторические источники. Казань, 1972. С. 117). Однако нельзя не учитывать археологические сведения о разрушениях в южной и заречной частях Болгара и значительном его экономическом ослаблении. См. об этом очерк Т.А. Хлебниковой в настоящем издании.
- 149 ПСРЛ. Т. VIII. С. 11; Т. X. С. 233; Т. XV. С. 70; Т. XVIII. С. 101. О том же сообщает Пискаревский летописец, но там не сказано, что Булат-Тимур взял Болгар; он назван князем ордынским и болгарским. См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 114.
- 150 ПСРЛ. Т. IV. С. 64; СПб., 1851. Т. V. С. 229; Т. XVI. С. 90.
- 151 Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй... С. 137, 145.
- 152 Там же. С. 134.
- 153 Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда... С. 277; Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 125, 126.
- 154 ПСРЛ. Т. VIII. С. 14.
- 155 Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. С. 130.
- 156 Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1965. Т. V. С. 152.
- 157 ПСРЛ. Т. IV. С. 42; Т. XI. С. 71; Т. XV. С. 143; Т. XVIII. С. 132; Т. 27. С. 253, 333; Т. 33. С. 89; Т. 34. С. 129 (в Никаноровской летописи — под 1381 г. См.: ПСРЛ. Т. 27. С. 76); Т. 37. С. 77 (здесь вместо Болгара названа Казань).
- 158 ПСРЛ. Т. IV. С. 102; СПб., 1851. Т. V. С. 247; СПб., 1911. Т. XXII. С. 423; СПб., 1907. Т. XVII. С. 46, 47; Т. 27. С. 89, 259, 337; Т. 37. С. 168.
- 159 ПСРЛ. Т. XI. С. 164; М., 1968. Т. 31. С. 93.
- 160 Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 453. См. также: ПСРЛ. СПб, 1913. Т. XVIII. С. 280.
- 161 ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. С. 130; Т. XV. С. 461; Т. VIII. С. 72; Т. XX. СПб., 1910. С. 219.
- 162 См.: Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. С. 183.
- 163 Там же. С. 184.
- 164 ПСРЛ. Т. XV. С. 484.
- 165 ПСРЛ. Т. VI. С. 139; Т. XI. С. 211.
- 166 ПСРЛ. Т. IV. С. 111; Т. V. С. 257; Т. XVI. С. 158; Т. 27. С. 341; Т. 33. С. 95; Т. 34. С. 158; Т. 37. С. 84.
- 167 ПСРЛ. Т. XV. С. 485.
- 168 ПСРЛ. Т. XI. С. 215. В конце рассказа летописец упоминает и князей казанских. В этом можно видеть еще один пример проявления параллели болгары- казанцы.
- 169 ПСРЛ. Т. XV. С. 485.

170 ПСРЛ. Т. V. С. 263; Т. VI. С. 143; Т. VIII. С. 95; Т. 34. С. 165; Т. 37. С. 84, 169.

171 Шпилевский С.М. Древние города... С. 190.

172 ПСРЛ. Т. V. С. 264; Т. VI. С. 144; Т. VIII. С. 95; Т. XII. С. 9; Т. XVII. С. 102, 269, 343; Т. 34. С. 166. Здесь, как и под 1429 г., Пестрый назван Федором Давыдовичем. Это дает право говорить, что имеется в виду один и тот же князь-воевода, хотя в Воскресенской летописи и Пискаревском летописце под 1429 г. он именуется Федором Стародубским Пестрым.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА. СТРАТРИГРАФИЯ. ТОПОГРАФИЯ

Т.А. Хлебникова

Изложение в трудах А.П. Смирнова истории исследования Болгара от описания 1712 г. дьяком Михайловым и до начала работ Куйбышевской экспедиции АН СССР 1950-х гг.[1], а также полные сведения об исследователях, коллекционерах, коллекциях и литературе по Болгару вплоть до начала 1970-х годов, собранные Р.Г. Фахрутдиновым[2], позволяют ограничить нашу задачу анализом только археологического изучения памятника.

Раскопки на Болгарском городище начались в 1860—1870-е гг. В 1864 г. известный русский востоковед и археолог В.Г. Тизенгаузен произвел разведывательные раскопки в урочище Бабий бугор на северо-западной окраине городища. На мысу верхней волжской террасы было выявлено древнее кладбище с многочисленными захоронениями[3].

Исследования городища путем небольших кратковременных раскопок разведывательного характера в конце 70-х годов связаны с проведением в Казани IV археологического съезда и созданием при Казанском университете Общества археологии, истории и этнографии. Съезд привлек внимание ученых к археологическим памятникам Восточной Европы, а научное общество при Казанском университете (далее — Общество) стало центром археологического изучения края. В 1877 г. проведены двухдневные раскопки участниками археологического съезда (В.В. Радлов, Л.К. Ивановский, Б.И. Поповский, Э.Д. Пельцам)[4]; в 1880 г. осуществлены работы на территории могильника Бабьего бугра (Н.М. Малиев, Н.Ф. Высоцкий)[5]; в 1887 г. произведена расчистка развалин бани Белая палата (И.И. Ващук, В.В. Глинский)[6]; в 1892 г. предприняты работы по выявлению плана Соборной мечети (А.А. Штукенберг, И.А. Износков, Ф.Г. Мищенко, И.Н. Смирнов, Н.А. Фирсов)[7]; в 1893 г. обследовано урочище Ага-Базар и раскопаны бугры у въезда Малого городка (П.А. Пономарев, И.Н. Смирнов, А.И. Александров)[8], где открыта столбовая конструкция ворот. Не все из этих работ отражены научной документацией. Ее нет, в частности, по работам 1877 г. Однако деятельность Общества явилась заметной вехой в истории исследования городища.

Далее экспедиционная деятельность Общества на Болгарском городище прервалась на 20 лет. Возможно, в этом сыграло роль мнение П.А. Пономарева и А.А. Спицына, не видевших здесь остатков города домонгольской поры и связывавших историю городища лишь с «татарским» периодом. И позднее их мнение о необходимости экспедиций на Болгарском городище было отрицательным[9].

Однако в начале XX в. работы Общества в Болгарах все же были возобновлены. Так, в 1913 г. проведено обследование северо-восточной части городища над Капитанским колодцем, выявлен район гончарного производства у Голланского озера на юго-западе городища и вскрыты коллективные погребения на Бабьем бугре

(П.И. Кротов, М.М. Хомяков)[10]. В 1914 г. Л.К. Ильинский, М.Г. Худяков, С.И. Покровский, Б.Е. Крелленберг продолжили исследование Соборной мечети, начали изучение района Черной палаты и вскрыли руины мавзолеев в районе Малого минарета[11]. Эти работы продолжались и в 1915 г. (Б.Е. Крелленберг, В.Ф. Смолин)[12]. В 1916 г. Смолин обратился к изучению Греческой палаты[13].

Внимание исследователей привлекли в основном архитектурные руины, при расчистке которых выявлялась планировка, а по ней определялся характер построек. Эти работы XIX — начала XX в. представляли собой в сущности разведки, собравшие некоторые данные о городище и его архитектурных памятниках.

Находка монеты 1178—1228 г. под полом Соборной мечети в 1915 г., выявленные при работах 1914—1916 г. детали конструкций Соборной мечети, мавзолеев у Малого минарета, Греческой и Белой палат, открытие остатков гончарного производства у Голландского озера, могильника на Бабьем бугре — все эти сведения были приняты во внимание при систематических исследованиях памятников, начатых в 1930—1940-е гг.

В первые десятилетия советской власти на городище по-прежнему проводились лишь небольшие раскопки. Они имели скорее учебный характер. Так, в 1919 г. группа студентов Самарского университета под руководством А.С. Башкирова провела работы в районе Малого минарета, в Черной палате и на валах городских укреплений; в 1920 г. группа студентов Восточного историко-археологического института в Казани под руководством А.Ф. Адлера копала на Бабьем бугре[14]. Эти, хотя и небольшие по объему работы были проведены организациями, которые готовили кадры для молодой советской науки. Было обращено внимание на стратиграфию культурных напластований[15] и на исследование фортификации города.

Остальные экспедиционные работы тех лет (И.Э. Грабарь, В.Ф. Смолин, В.В. Егеров, П.Е. Корнилов, Б.П. Денике) касались главным образом обмера и ремонта архитектурных памятников городища, изучения орнаментальных мотивов декора, резного камня и эпиграфических памятников, а также и охранных мер.[16]

При дальнейших работах в Болгарах были привлечены планы и описания городища, относящиеся к XVI—XIX вв. и началу XX в. Наиболее ранним из них является «Книга большому чертежу, или древняя карта Российского государства»[17]. Затем следует описание дьяка Михайлова, сделанное в 1712 г. при вымежевании земель под монастырь[18]. К XVIII в. (между 1712 и 1732 гг.)[19] относятся описание и обмер укреплений городища, выполненные подполковником Н. Савенковым и геодезистом И. Крапивиным[20]. Их сведения равноценны плану, поскольку по их обмерам можно графически воспроизвести конфигурацию укреплений. Особенно ценны обмеры замощенного вала, уже давно не прослеживающегося на местности. Важны и указания на несохранившиеся постройки. Значимо описание подполковника Свечина 1765 г.[21]

Позднее были сняты планы городища с указанием места известных архитектурных памятников и руин многих исчезнувших каменных построек. Это план А. Шмита съёмом 1827 г.[22]; план 1869 г.[23]; сводный план по А. Шмиту, Штраусу, Н. Савенкову, Ф. Сурина и исследованиям 1892 г.[24]; близкий, но с заметными отличиями, тоже сводный план по А. Шмиту, Штраусу, Н. Савенкову и др.[25]; дополненный в 1913 г. план 1869 г.[26]; наконец, план, снятый инженером П.Н. Ефимовым в 1919 г.[27]

Эти планы, особенно наиболее ранние из них, имеют значение источника при изучении исторической и социальной топографии города, но требуют, конечно, специального анализа. Чрезвычайно важно сопоставление их сведений с результатами археологических наблюдений.

Начиная плановые систематические раскопки на городище в 1938 г., А. П. Смирнов опирался на данные этих планов и обмеров[28]. Учитывались они и при всех последующих работах.

Плановые систематические раскопки Болгарского городища были начаты экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР при участии Государственного исторического музея и Государственного музея ТАССР под руководством А.П. Смирнова в 1938 г. и продолжались, с перерывом в годы Великой Отечественной войны, до 1949 г. Приступая к работам, А.П. Смирнов ставил в первую очередь задачи по разрешению таких важных вопросов, как проблема раннего Болгара, исторической топографии города.

В 1938—1940 гг. проводились исследования в северо-восточной части верхнего плато городища и склона верхней террасы[29]. Топографические особенности данной территории, некоторые сведения письменных источников, сосредоточение архитектурных памятников позволяли предполагать здесь место возникновения и центр Болгара. Исследовались урочище Коптелов бугор, представляющее треугольный с крутыми обрывистыми склонами мыс верхней береговой террасы, участок близ мавзолея Монастырский погреб и склон верхней береговой террасы под этим памятником[30].

Раскопки на Коптеловом бугре (раскоп 1 на плане городища — рис. 1)[31] под дерновым покровом и слоем русской деревни XVI—XIX вв. выявили болгарские культурные напластования — мощный слой золото-ордынского времени XIII—XIV вв. и более ранний малоинтенсивный слой, залегающий лишь в ямах, в котором «совершенно нет красной золото-ордынской керамики или буро-красной лощеной болгарской»[32], а встречены лишь «фрагменты глиняных сосудов наиболее древних типов с шероховатой поверхностью»[33]. Слой этот был определен как «древнейший»[34] и рассматривался А.П. Смирновым как слой доболгарского поселения и начального этапа Болгарского городища, относимого к IX или даже к VIII в.[35]

Раскопки близ мавзолея Монастырский погреб (раскоп 2) открыли болгарские культурные напластования, близкие слоям раскопа на Коптеловом бугре. Не был обнаружен лишь ранний догородской слой. На Коптеловом бугре и у Монастырского погреба найдены болгарские землянки, хозяйственные ямы, разрушенные погребения. Но основное значение работ состояло в том, что был выявлен древнейший слой на городище и выделены разновременные культурные напластования, что заложило основу стратиграфической шкалы городища.

В 1938—1940 гг. произведены раскопки в основании склона верхней береговой террасы (раскопы 3, 4), где в 1936 г. при рытье силосной ямы были найдены водопроводные трубы. Раскопки выявили значительную интенсивность болгарского городского строительства на этой территории в XIII—XIV вв. Более ранних культурных слоев не было. Установлено три последовательно залегающих горизонта культурного слоя[36]: первый (нижний) — второй половины XIII в., с подпольем деревянного дома, колодцем; второй (средний) — первой половины XIV в., с

каменными мостовыми, частью каменной постройки, водопроводом; третий (верхний) — середины и второй половины XIV в., с каменной мостовой и каменно-кирпичным зданием бани, получившей наименование Красная палата. Эта баня восточного типа[37] была сложена из каменных блоков и кирпичей, с подпольным отоплением, водопроводом, каменными фигурными водоемами и фонтаном. Разрушенное здание бани оказалось перекрытым слоем XV в., относящимся ко времени запустения этой части города.

В 1938 г. произведены разведки в урочище Ага-Базар, расположенном на мысу береговой террасы, в 6 км к северо-западу от Болгара, в устье р. Меленка. По преданиям здесь были пристань и торжище волжских болгар. Разведки выявили следы болгарского поселка с культурным слоем мощностью до 1 м, содержащим значительное количество культурных остатков[38].

В 1945 г., после перерыва в годы Великой Отечественной войны, плановые систематические исследования Болгарского городища экспедицией Института истории материальной культуры при участии Государственного исторического музея и Государственного музея ТАССР возобновились под руководством А.П. Смирнова.

Разрешение вопроса о раннем Болгаре X—XII вв., городе времени приезда Ибн Фадлана, стояло как неотложная первоочередная задача[39]. В связи с ней в 1946—1949 гг. были продолжены работы в северо-восточной части верхнего плато городища. Раскопами (10, 12, 13, 15, 17, 18) была охвачена площадь к западу от исследованной ранее, в том числе и территория, где предполагался замошный вал. В результате этих работ получена полная стратиграфическая шкала городища X—XX вв.: слои русского села — I—II; слой запустения города в XV—XVI вв. — III; болгарские слои XIII—XV вв. — IV; болгарские слои X—XII вв. — V—VI. Эти слои соответствовали отдельным историческим этапам жизни города[40].

Выявлены многочисленные остатки деревянных и глинобитных жилых домов, землянки, полуземлянки, хозяйственные ямы, ремесленные мастерские резчика по кости, кожевника, металлурга. Остатки металлургического производства XI—XII и XIV вв. представляли особый интерес. Обнаружены многочисленные (более 20) полуразрушенные горны, скопления угля, шлаков, криц. Различия в конструкции домонгольских горнов и горнов XIV в. показали развитие металлургии, овладевшей в XIV в. производством чугуна и литьем чугунных сосудов. Местонахождение замошного вала в эти годы не было выявлено. Это удалось сделать позднее. В 1945—1948 гг. одновременно с указанными работами в центре городища проводились исследования северо- и юго-западной части верхнего плато городища с целью выявления исторической и социальной топографии города. Изучались оборонительные сооружения города (раскоп 9), побережье озер Британкина (раскоп 5) и Голланского (раскоп 16), урочище Бабий бугор на северо-западном мысу береговой террасы (раскоп 14) и береговая территория за пределами городских укреплений, где были исследованы руины Греческой палаты и остатки других каменных построек (раскопы 6—8).

Стратиграфические данные и комплекс культурных остатков свидетельствовали об освоении городом исследованной территории во второй половине XIII—XIV в. Домонгольские культурные напластования X—XII вв. не обнаружены[41]. Однако начало заселения юго-западной части городища, судя по остаткам ранней постройки

типа юртообразного жилища, выявленной на западном побережье Голланского озера под слоем XIII—XIV вв., можно относить к более раннему времени[42]. Несомненный интерес представляют остатки предболгарского поселка именьковской культуры VI—VIII вв. в урочище Бабий бугор[43]. При изучении оборонительных сооружений установлено время возведения вала и рва — первая половина XIV в.; выявлена конструкция деревянных оборонительных сооружений — крепостные стены на гребне вала, надолбы, колья во рву и с напольной стороны вала[44].

В связи с исследованием системы укреплений Болгара XIV в. велись небольшие раскопки на Малом городке — укрепленном участке у южного въезда в город. Здесь обнаружены следы двойной линии невысоких валов и рва. Была высказана мысль об ином, не оборонительном характере этого памятника[45].

Географические и топографические особенности Голланского и Британкина озер позволили предполагать местонахождение здесь ремесленных районов, что и подтвердилось результатами раскопок. На берегу Британкина озера выявлены остатки мастерской XIV в. по обработке черного металла со скоплением шлаков, криц, железными изделиями, а также полуземлянка[46]. Раскопками на западном побережье Голланского озера выявлен район гончарного производства XIV в. Открыты четыре гончарных горна, огромное скопление фрагментов керамики. Из-за отсутствия жилых построек производство было определено как сезонное[47].

В 1947—1948 гг. проводились раскопки в урочище Бабий бугор[48]. Анализ культурных напластований и комплекса культурных остатков позволил выделить здесь слой VII (наиболее ранний в стратиграфической шкале напластований на территории городища), связанный с располагавшимся на мысу именьковским поселением VI—VIII вв. Болгарские напластования перекрыли наслоения опустевшего именьковского поселка. Культурные слои на Бабьем бугре оказались пересеченными многочисленными могильными ямами кладбища рядового населения города XII — начала XV в. Кладбище было мусульманским, но с пережитками древней языческой погребальной обрядности, отражающей сложный этнический процесс сложения населения Болгара и волжских болгар в целом.

В 1945—1947 гг. проводились раскопки за пределами укреплений городища. В 1945 г. исследованы бугры в 1,5 км к западу, по дороге к Ага-Базару (раскоп 6). Выявлены следы каменной болгарской постройки золотоордынского времени[49].

В 1945—1947 гг. исследовались развалины Греческой палаты и прилегающая территория[50]. Здесь (раскопы 7, 8) выявлен слой IV (XIV в.). Более ранних культурных напластований не оказалось. В основании слоя — остатки сгоревшей деревянной усадьбы XIV в. После запустения поселка было построено каменное здание. Изучение руин этого здания позволило рассматривать его как христианский храм, имеющий ближайшие аналогии среди армянских храмов XIV в. Анализ остатков погребений, погребального обряда и инвентаря выявил богатое христианское кладбище. Здание храма и кладбище свидетельствуют о торговой армянской колонии, располагавшейся за пределами городских укреплений, как было свойственно иноземным колониям в эпоху средневековья.

Систематические плановые археологические исследования верхнего плато городища в 1938—1940 и 1945—1949 гг. выявили предболгарские поселения I тысяче-

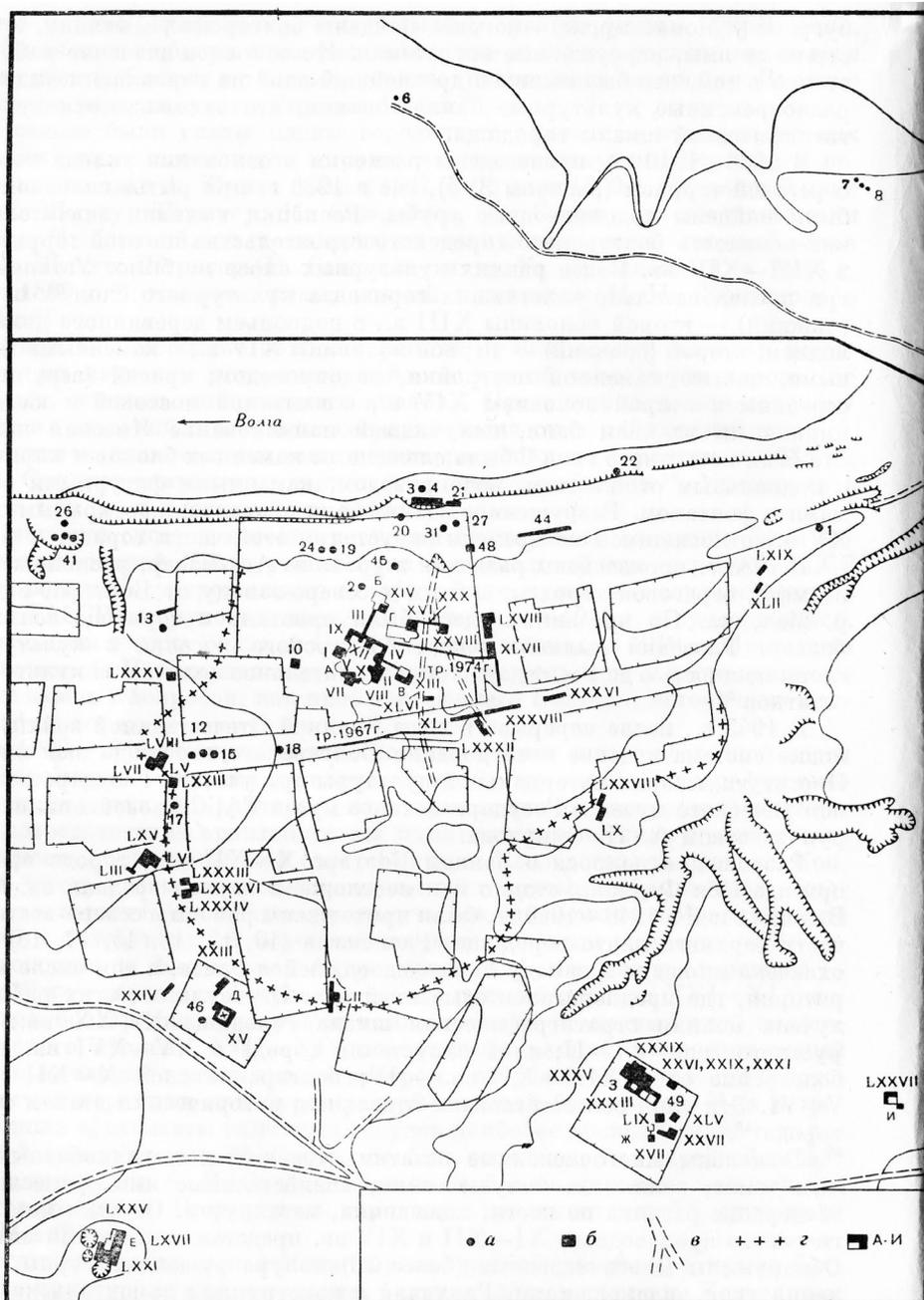

Рис. 1. План городища с раскопами. Выполнен на основе плана 1970-х годов

а — раскопы 1930—1950-х годов; б — раскопы 1960—1980-х годов; е — рвы начала домонгольского периода; г — ров и вал конца домонгольского периода (замощный вал); А—И — архитектурные памятники: А — Соборная мечеть, Б — мавзоль Монастырский погреб (северный), В — мавзоль

тия н. э., предшествовавшие городу, позволили наметить местоположение раннего Болгара и определить территорию города последующего периода.

В 1950—1954 и 1957 г. археологическое исследование Болгарского городища производил Болгарский отряд Куйбышевской археологической экспедиции АН СССР при участии Государственного исторического музея и Государственного музея ТАССР под неизменным руководством А.П. Смирнова. Задачей экспедиции было вскрытие площади, подлежащей затоплению водами Большой Волги в связи со строительством Куйбышевской ГЭС. Ввиду этого работы производились на нижней береговой террасе и на склоне верхней террасы, где располагалась северная окраина города, а также в урочище Ага-Базар.

Работами 1950 г.[51] были охвачены некоторые участки склона верхней террасы против центральной части городища (раскопы 19, 20—22) и в северной, заречной (за р. Меленка) части города Болгара (раскоп 23). Последовательность слоев здесь оказалась аналогичной стратиграфии верхнего плато городища. Прослежены остатки многочисленных жилых деревянных домов, зерновые и хозяйственные ямы. Выявлены следы металлургического и металлообрабатывающего производств, горны, скопления шлаков, криц. Большой интерес представляют развалины двух каменных зданий общественных бань XIV в. восточного типа: одна — на левом берегу Меленки, в 150 м к востоку от Красной палаты; другая — на правом берегу, в заречье, на месте, где по преданию стоял маяк, отмеченный на плане А. Шмита[52]. Особый интерес представляют деревянные срубы ряжей[53], вскрытые в нижней части береговой террасы и укреплявшие грунт на склоне, в основании которого строились каменные здания первой половины XIV в.

Исследовалась также береговая полоса р. Меленка. Установлено, что она была заболочена еще до X в.

В 1951 г. продолжалось исследование склона верхней береговой террасы у центральной части городища (раскопы 24, 26, 27) и заречной правобережной части побережья р. Меленка (раскопы 25, 28)[54]. Культурные напластования на левобережье содержали мощный слой IV золотоордынского времени и менее интенсивные, не везде прослеженные отложения домонгольского слоя. Интенсивность напластования слоя IV позволила наметить стратиграфические его горизонты — нижний, средний и верхний. В них обнаружены материалы ремесленного металлургического производства, остатки горнов, обломки чугуна. У подошвы верхней террасы левого берега р. Меленка[55], у земляного перехода в заречье через Меленку выявлено разрушенное каменное здание — еще одна общественная баня восточного типа второй четверти XIV в. Удалось реконструировать водопроводные и канализационные сооружения, изучить строительные приемы.

На склоне третьей террасы левобережья продолжалось исследование ряжей, открытых раскопками 1950 г. Вскрыто комбинированное дренажно-ряжевое сооружение начала XIV в.[56], построенное для укрепления и осушения склона, где возводились не только малые деревянные постройки, но и крупные каменные сооружения общественных бань.

Продолжались раскопки на правом берегу р. Меленка[57], где в 1950 г. была открыта баня XIV в. Обнаружены ямы для гашения извести и горн для обжига кирпича,

связанные со строительством бани. Перед баней открыты вымощенная каменными плитами площадь с основанием фонтана и три колодца, снабжавших баню водой. Хорошо выраженный слой IV (золотоордынский) залегает на погребенной почве. Домонгольские культурные напластования не встречены. Слой чернозема, прослеженный в верхних напластованиях слоя IV, свидетельствует о запустении территории в позднее золотоордынское время, после 1361 г.

В 1952 г. продолжались работы в восточной части склона верхней береговой террасы (дренажно-ряжевое сооружение — раскоп 31) и в заречье на правом берегу Меленки (раскопы 29, 30)[58]. Исследование гидротехнических сооружений было завершено. Выявлена сложная дренажно-ряжевая система[59], состоявшая из поглощающего и водоразборного колодцев, водоотводного канала, перекрытых массивными срубами ряжей. Дренажно-ряжевая система отводила избыточные грунтовые воды и укрепляла склон центральной части города. Построенная в конце XIII — начале XIV в. дренажно-ряжевая система пришла в упадок в позднее время существования города. Создание гидротехнических сооружений говорит о росте производительных сил города в XIV в., показывает опыт и мастерство болгарских гидростроителей.

На правом берегу Меленки, в западной части заречья, был исследован район гончарного ремесленного производства золотоордынского периода. Выявлено четыре гончарных горна различной конструкции, прослежены особенности производственного процесса, изучена продукция мастерских. Здесь находились две гончарные мастерские, разновременные и различные по производственному процессу и качеству продукции. Мастерская раннезолотоордынского периода выпускала продукцию более высокого качества с применением ангобирования и штамповки. Мастерская середины XIV в. изготавливала керамику более низкого качества и по составу глины, и по отделке[60].

В 1952 г. велись раскопки в средней части заречного района, где также обнаружены только золотоордынские напластования с жилищами земляночного и наземного типов и хозяйственными сооружениями.

В этот же сезон было начато исследование левобережной части памятника в низовьях Меленки, где в 1200 м к востоку от Ага-Базара обнаружена плотина. В урочище Ага-Базар раскапывался поселок.

Исследования Ага-Базара в 1952—1954 гг.[61] позволяют рассматривать его как торгово-ремесленный пригород Болгара X — начала XV в. Здесь прослежен слой IV значительной мощности, насыщенный культурными остатками. Выявлен слой V, разрешающий относить возникновение пригорода к домонгольскому времени. Среди находок было много золотоордынских монет, восточной и южной керамики. Встречены остатки металлургического и косторезного производств, жилых деревянных домов, по постройкам и предметам быта прослежена имущественная дифференциация. Обнаружено языческое святилище, состоявшее из кольца ям с жертвенными кострищами в них и остатками деревянного идола. Святилище датируется серединой XIV — началом XV в. и свидетельствует о сохранении и пережитках древних языческих верований. Болгарские напластования и культурные остатки перекрыты слоем запустения пригорода после разгрома Болгара в 1431 г.

В 1953 г. проводились исследования крайней северо-восточной окраины городища, на склоне береговой террасы (раскопы 33—35), в северо-западной части, у подножия высокой террасы под Бабыим бугром (раскоп 32) и в заречье (раскопы 36—40). Изучены городские укрепления на северо-восточном конце городского вала, на склоне и в низине левобережья Меленки. Траншеи выявили остатки деревянных крепостных сооружений — стены и угловой башни[62].

В восточной части заречья открыты следы металлургического производства, начавшегося в середине XIII в. и продолжавшего развиваться до запустения заречной слободы в конце XIV в.[63] Выявлены остатки сыродутных металлургических горнов, отличавшихся конструкцией от горнов, открытых в центральном металлургическом районе в 1947—1949 г. Одновременная работа в XIII—XIV вв. железодобывающих промыслов в центральной части города и заречной слободе свидетельствует о большом значении металлургии в экономике города. В непосредственной близости от производственных сооружений выявлены остатки жилых деревянных домов конца XIII — начала XIV в. Среди находок обращают на себя внимание древнерусские бытовые комплексы.

Несколько восточнее было исследовано древнерусское поселение, располагавшееся в заречье, на северо-восточной окраине Болгара[64]. Оно возникло в середине XIII в. Раскопаны древнерусские полуземлянки, в которых найдены бытовые вещи и керамика. Здесь же встречены шлаки, крицы, орудия ювелирного производства, выявляющие ремесленный характер поселка. Поселение прекратило существовать в конце XIV века в связи с общим запустением заречной слободы после разгрома 1361 г. Исследование западной части заречья продолжалось к северу от открытых в предыдущий сезон гончарных горнов. Выявлен жилой участок малообеспеченного населения окраины болгарского заречного посада конца XIII — начала XIV в. Исследователи обратили внимание на признаки обитания древнерусского населения и в этой части заречного посада. В 1954 г. было закончено исследование заречного района города (раскопы 42, 43) и склона верхней террасы (раскоп 41), подлежащих затоплению[65]. Продолжены раскопки восточной окраины заречья, где ранее были обнаружены следы металлургического производства, вскрыты усадьбы ремесленников-металлургов в виде земляночных и наземных жилищ с хозяйственными сооружениями, огражденных частоколом.

На левобережье Меленки было продолжено исследование района каменной бани, вскрытой в 1951 г. Удалось выявить раннеболгарский слой под массивом оползня со склона террасы и подтвердить стратиграфическое разделение золотоордынского слоя IV на три последовательных горизонта: до строительства бани (конец XIII — начало XIV в.), с остатками жилого дома; времени строительства и бытования бани (вторая четверть XIV в.); периода после разрушения бани (середина XIV — начало XV в.), с жилыми и производственными сооружениями.

Таким образом, в 1950—1954 гг. Куйбышевская археологическая экспедиция получила большие материалы по ранее не исследовавшейся подгорной северной части города Болгара и его торгово-ремесленному посаду в урочище Ага-Базар. Без этих работ невозможно было бы представить историческую и социальную топографию Болгара.

Коллекции музеев в эти годы пополнились значительными материалами, характеризующими культуру и культурные связи болгар и освещающими вопросы этногенеза Волжской Болгарии.

1957 год был последним сезоном работ Куйбышевской экспедиции в Болгарах. В этот сезон в связи с проведением строительных работ по укреплению берега и оврагов подтопляемой зоны были продолжены археологические исследования на верхнем плато, по краю террасы в центре (раскопы 44, 45, 48) и в западной части городища, близ Бабьего бугра (раскоп 47), а также в глубь террасы, вблизи Иерусалимского оврага, у Ханской усыпальницы (раскоп 49)[66]. Продолжена стратиграфическая разработка золотоордынского слоя IV, заключающаяся в разделении его на ранний и поздний горизонты. На раскопе в западной части городища (раскоп 47) прослежены домонгольские напластования. Очевидным стало их распространение вдоль края террасы. В слое IV исследовано значительное количество остатков жилых и хозяйственных сооружений, деревянных домов, несколько каменных построек, хозяйственные ямы. В домонгольских слоях выявлены полуземлянки и хозяйственные ямы.

Раскопки близ Ханской усыпальницы (раскоп 49) выявили два мусульманских могильника, каменные склепы второй половины XIV — начала XV в. и разрушенное каменное здание середины XIV в. с подпольной системой отопления. Найдено большое количество поливных орнаментированных изразцов.

В 1957 г. в связи с готовящейся реставрацией Черной палаты по заданию Архитектурного управления при Совете Министров ТАССР был заложен раскоп к юго-западу от этого памятника (раскоп 46) для получения сведений о датировке. Стратиграфические данные и комплекс культурных остатков горизонта строительства позволили датировать Черную палату XIV в.

С завершением работ Куйбышевской экспедиции исследования городища были на некоторое время прерваны. Возобновление их относится к 1964 г., когда начала свои работы Поволжская экспедиция под руководством А.П. Смирнова. Коллектив археологов ряда учреждений (Института археологии АН СССР, Института языка, литературы, истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, Болгарского историко-архитектурного заповедника, Государственного исторического музея и Государственного Эрмитажа) составил Болгарский отряд экспедиции, который в 1960—1970-е гг. проводил исследования городища, продолжающиеся и поныне. С 1969 г., когда был создан Болгарский историко-архитектурный заповедник, работы на городище организуются им.

Основное направление исследований 1960-х гг. — археологическое изучение архитектурных памятников городища для проведения их научной реставрации, которой и в настоящее время занимается Казанская специальная научно-реставрационная мастерская Министерства культуры ТАССР.

Археологическому исследованию были подвергнуты развалины всех известных архитектурных памятников: Соборной мечети (Четырехугольник) и близлежащих к ней дюрбе — Монастырского погребца и церкви св. Николая (раскопы I—XIV), Черной палаты (раскоп XV), Малого минарета (раскопы XVII, XXVII) и комплекса мавзолеев у Ханской усыпальницы (раскопы XXVI, XXIX, XXXI, XXXIII, XXXV, XXXIX). Были изу-

чены скрытые в земле части зданий, установлено время их возведения, а в ряде случаев — и гибели. Анализ культурных напластований вблизи зданий установил их связь с жизнедеятельностью города[67].

Археологическое изучение архитектурных памятников в Болгарах не прекращается. С созданием заповедника возникла необходимость увеличить число памятников, пригодных для обозрения. В этой связи в 1970-е и 1980-е гг. были вскрыты руины мавзолеев второй половины XIV — начала XV в. в юго-восточной части городища, за Малым минаретом. Раскрываются остатки бани Белая палата, каменные постройки на Малом городке[68]. Планируется расчистка руин других построек.

От археологических работ на архитектурных памятниках и в связи с ними с конца 1960-х гг. Болгарский отряд Поволжской экспедиции перешел к планомерному исследованию культурного слоя отдельных районов раннего и позднего города и его укреплений.

Районом длительных многолетних исследований был участок городища у Ханской усыпальницы и Малого минарета, к юго-востоку и востоку от них (раскопы XXXVII, XL, XLV, XLVIII, XLIX, LIV, LXXVI, LXXVII, LXXXI). Здесь выявлены напластования с раннезолотоордынскими землянками и полуземлянками, позднезолотоордынский слой с остатками усадеб состоятельного населения города, перекрытые слоем мусульманского кладбища феодальной верхушки со склепами и мавзолеями, возводимыми вплоть до XV в., а может быть, и позднее[69].

После исследования архитектурных памятников в районе Соборной мечети изучение этого центрального участка городища было продолжено в связи с обнаружением рва X в. В течение десяти полевых сезонов, с 1967 до 1981 г., велись поиски и исследования древнейших укреплений Болгара. Неизвестные ранее археологически укрепления X—XII вв. были вскрыты в нескольких пунктах (раскопы XVI, XXVIII, XXX, XLI, XLVI).[70] Изучались также укрепления XII — начала XIII в. (раскопы LII, LV, LVII, LXXIII, LXXVIII).[71]

В 1967 г. проводилось исследование линии городских укреплений XIV в. (раскопы XVIII—XXII, XXV), существенно дополнившее представления о болгарской фортификации, полученные в 1940-е гг.[72]

В 1970-е гг. были продолжены исследования центра и окраины города домонгольского периода и центра города XIV в.[73], начатые еще в 1940-е гг.

В эти же годы с целью уточнения стратиграфии проведены раскопки на северо-восточном мысу центральной части городища, в районе Коптелова бугра[74], где археологи работали еще в 1938 г.

Планомерное изучение отдельных районов города в течение нескольких сезонов, возвращение к ранее раскапываемым участкам с целью уточнения стратиграфии и получения дополнительных данных о том или ином районе города можно считать вторым, после архитектурных раскопок, направлением исследований конца 1960—1970-х и начала 1980-х гг.

Третье направление исследований на городище в последние десятилетия — охранные работы. Они заключаются в проведении раскопок и наблюдении за строительными траншеями протяженностью около 3000 м на месте строительных работ в

центре, западной и юго-западной частях города, а также на карьере, у Малого Иерусалимского оврага, в северо-восточной части городища. Благодаря всесторонней фиксации наблюдений за культурными напластованиями в траншеях, сбору материалов, вскрытию площадей раскопами, эти работы значительно дополняют результаты планомерных исследований по изучению стратиграфии и топографии Болгара[75].

Кроме того, следует указать еще на сбор подъемного материала, чем заповедник непрерывно занимается с начала своего возникновения.

* * *

За более чем столетний период с начала археологических работ на Болгарском городище раскопки проводились 46 полевых сезонов, причем 36 из них приходится на советское время, в том числе 34 — на период с 1938 г. Археологическое исследование Болгара, таким образом, относится в основном к последним четырём десятилетиям и неразрывно связано с именем А.П. Смирнова, создавшего советскую школу болгароведения. Все предыдущие работы, важные для своего времени и занимающие определенное место в истории науки, представляются как бы разведывательными перед последующим монографическим, планомерным, систематическим исследованием этого памятника.

Обращаясь к вопросу о степени исследованности городища в настоящее время, приведем несколько итоговых цифр о вскрытой площади. На городище и его укреплениях, на склоне верхней террасы и в заречной части памятника, с учетом также иноземных поселков — армянского у Греческой палаты, древнерусского в заречье — и района Ага-Базара 139 раскопами вскрыто около 16 тыс. кв. м. На территорию Ага-Базара приходится около 200 кв. м вскрытой площади, на армянскую колонию — около 600 кв. м. В заречной части города, за р. Меленка, вскрыто примерно 2 тыс. кв. м. На верхнее плато городища с укреплениями, склоном верхней террасы и Малым городком приходится более 13 тыс. кв. м.

Если попытаться соотнести вскрытую площадь с территорией города X—XI, XII — начала XIII и XIV в., получится следующая картина. На территории крепостной части города X—XI вв. вскрыто около 1 % площади; на территории посада X—XI вв. и в его укрепленной части XII — начала XIII в. — около 1,6 %; на площади города в пределах его границ золотоордынской поры — лишь 0,4 % площади. Очень слабо исследованы периферийные районы города XIV в., особенно в южной части городища. На южную треть площади города золотоордынской поры, включая Малый городок, приходится лишь 10 раскопов, которыми исследовались в основном укрепления. Почти не изучена площадь между Большим и Малым Иерусалимскими оврагами в восточной части городища. Да и северо-западный район города в пределах его площади золотоордынского периода, кроме участка Бабьего бугра, раскопан недостаточно.

Но если учитывать особенности распространения культурного слоя, то размещение исследованных участков городища на его площади (рис. 1) таково, что в результате раскопок, дополненных многолетними наблюдениями за культурными напластованиями в траншеях, в обнажениях слоя и сбором подъемного материала, имеются определенные основания для суждения об исторической и социальной топографии Болгара.

Особо важное значение имело то обстоятельство, что максимальное внимание при исследованиях обращалось на стратиграфию культурных напластований. С первых лет археологических работ А.П. Смирновым была поставлена задача разработки стратиграфической шкалы культурного слоя городища. Уже в 1938—1940 гг. он стремился сопоставить синхронные напластования разных раскопов между собой. Стратиграфия городища интенсивно разрабатывалась в 1940—1950-е гг. в неразрывной связи с исторической периодизацией истории Волжской Болгарии и Восточной Европы.

В надежно разработанной в настоящее время стратиграфической шкале городища различается семь напластований от времени, предшествующего возникновению города, до современности [76]. Нумерация слоев идет сверху вниз, от более поздних напластований к более ранним.

I — слой жизни современного села XX в.

II — слоя периода русской истории конца XVI—XIX в.

— слой времени Казанского ханства середины XV—XVI в.

— слой золотоордынского периода истории города второй половины XIII—начала XV в. Этот слой подразделяется на слои IVп — позднезолотоордынский середины XIV—начала XV в. — и IVр — раннезолотоордынский середины XIII—начала XIV в.

V—VI — слои домонгольского периода истории города, причем слой V датируется второй половиной периода, а начало его образования — XI в.; слой VI — первой половины периода, рубежом IX—X и частью XI в.

VII — слой доболгарских поселений середины — второй половины I тысячелетия н. э.

Эта стратиграфическая шкала связана с периодизацией истории Волжской Болгарии и восточноевропейской средневековой истории в целом. Со временем стратиграфия каждого слоя может получить более углубленную разработку. Так, в 1950—1960-е гг. золотоордынский слой IV был разделен на два, а местами, на склоне террасы, — и на три горизонта. Но общая схема, последовательность и датировка слоев твердо доказаны многолетними работами.

Разработка стратиграфической шкалы городища позволяет связывать любой его участок с определенным периодом в истории памятника. Это способствует более углубленному исследованию исторической топографии и разрешению других вопросов истории и культуры города. Остановимся на характеристике каждого из слоев, рассмотрим их распространение и содержание, используя не только опубликованные данные, но и отчеты о раскопах и наблюдениях на городище и коллекции его материалов.

В основании культурных напластований на ряде участков городища выделяется слой VII — слой доболгарских поселений. Это более или менее гумированное напластование супесчаной структуры на верхнем плато городища и суглинистое внизу, в заречье. Слой имеет светлый голубовато-серый цвет на подзоле, темно-серый и серый — на песке и буроватый — на суглинке [77].

Как слой вне ям это напластование прослежено в северо-восточной части верхнего плато городища у Подыванова (раскоп XXII, мощность около 20 см), в урочище Бабий бугор (раскоп 14, 20—40 см) и в заречье (раскоп 36). Лучшая сохранность его отмечена на Бабьем бугре, где прослежена даже четкая темная прослойка (может

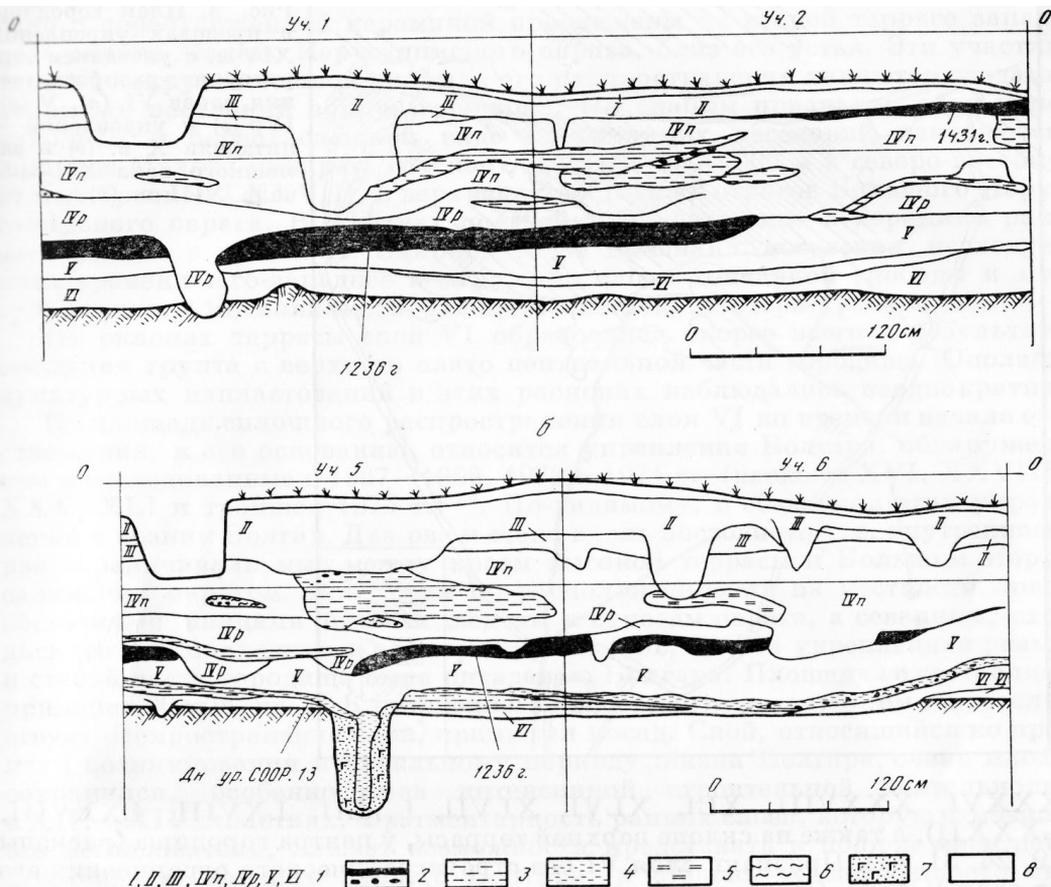

Рис. 2. Профили раскопа LXVIII 1979—1980 гг.

а — южная стенка участков 1 и 2; б — южная стенка участков 5 и 6 по бровке; 1 — слои по стратиграфической шкале городища; 2 — слои пожарниц и углиستость; 3 — суглинок, необожженная глина; 4 — древесная труха; 5 — обожженная глина; 6 — зола; 7 — песок с некоторой гумированностью; 8 — пестроцветный супесчаный и суглинистый слой

быть, почвенный слой), отделяющая его от лежащих выше болгарских напластований[78]. На Коптеловом бугре (раскопы 1, XLII, LXIX) этот слой наблюдался только в заполнении ям, а вне ям он подвергся полной переработке в период жизнедеятельности города Болгара.

Подобной переработкой объясняется, вероятно, отсутствие слоя VII (при наличии керамических материалов, характерных для его времени в поздних напластованиях золотоордынского слоя IV) на раскопе 1945 г. в северо-западной части городища, у Британкина озера (раскоп 5)[79] и на ряде других участков. Этот материал явно вторичного залегания — свидетельство о существовании на территории городища еще одного доболгарского поселения. Подобные следы аналогичных поселений на верх-

ней террасе с несохранившимся в результате интенсивной жизни города слоем могут быть указаны и на других раскопах центральной части городища. Они имеются на раскопе III 1957 г., в 150 м к юго-востоку от Бабьего бугра (раскоп 47) на раскопе 1957 г. (раскоп 48) и в траншее близ него (раскоп 44) в центральной части городища, в 200—300 м к западу и юго-западу от Коптелова бугра[80]. По-видимому, эти следы можно рассматривать как остатки селищ, тяготевших к укрепленным поселениям на Коптеловом и Бабьем буграх. Подобная картина размещения открытых поселений вблизи укрепленных городищ-убежищ на мысах весьма характерна для памятников середины и второй половины I тысячелетия н. э., предшествующих появлению болгар в Поволжье.[81]

К эпохе образования Болгара относится слой VI стратиграфической шкалы города. Светло-серый слой, более или менее гумированный, плотный, мелкой структуры в результате переработки подстилающего подзолистого грунта, представлен серой гумированной супесью на песке и плотным буроватым суглинком на глинистом материке. Таковы особенности слоя VI по составу. В слое наблюдаются мелкие углистые включения, чаще — редкие, но на отдельных участках — более заметные, подзолистые и глинистые прослойки и включения. В верхней части слоя, на грани его со слоем V, зачастую на достаточно большом протяжении, хотя и не повсеместно, прослеживается углистая прослойка толщиной 1—3 см. Мощность слоя колеблется от 10 до 35—40 см, а иногда достигает 60 и 70 см (рис. 2).

Сохранность слоя плохая из-за интенсивной перекопанности его в последующие столетия. На некоторых раскопах центральной части его удалось наблюдать между ямами лишь на 1/10 площади раскопа. На периферии он бывает переработан целиком.

Слой VI прослежен почти на всех раскопах центральной части верхнего плато городища (раскопы 10, 12, 15, 18, 45, I—XVI, XXII, XXVIII, XXX, XXXVI, XXXVIII, XLI, XLVI, XLVII, L, LII, LXVIII, LXXVIII, LXXXII), а также на склоне верхней террасы, у центра городища (раскопы 19, 24, 31, 41). Признаки слоя VI без стратиграфического ограничения его от слоя V А.П. Смирнов и А.М. Ефимова были склонны видеть и на раскопе 1949 г. в Школьном переулке (раскоп 17). На раскопах 1960—1970-х годов в этом районе (раскопы LV, LXV, LXXIII) слой VI не выделен, хотя находки вещей X—XI вв. в слоях, лежащих выше, были. Западнее по береговой полосе верхней террасы слой наблюдался в урочище Бабий бугор (раскоп 14) и поблизости от него (раскоп 47). Восточнее он прослежен близ устья Малого Иерусалимского оврага, на его правом берегу, на высокой террасе (раскоп XXII), и на левом берегу, на более низкой второй террасе (наблюдения за песчаным карьером и южнее). Прослойка, синхронная слоям VI и V, стратиграфически выделилась и в северо-восточной части заречья, на месте возникшей позднее древнерусской колонии (раскоп 36).

В центральной части городища слой VI имеет сплошное распространение на площади не менее 120 тыс. кв. м. (рис. 3). Далее на запад и восток он прослежен через 500—700 м (раскопы 14, 47, XXII). В удалении от площади сплошного распространения слоя, в 250—300 м к югу от нее, за западным отрогом Большого Иерусалимского оврага, находится еще один участок, где выявлен слой VI (раскопы L, LII). Остатки культурного слоя с переотложенной керамикой прослежены на второй террасе

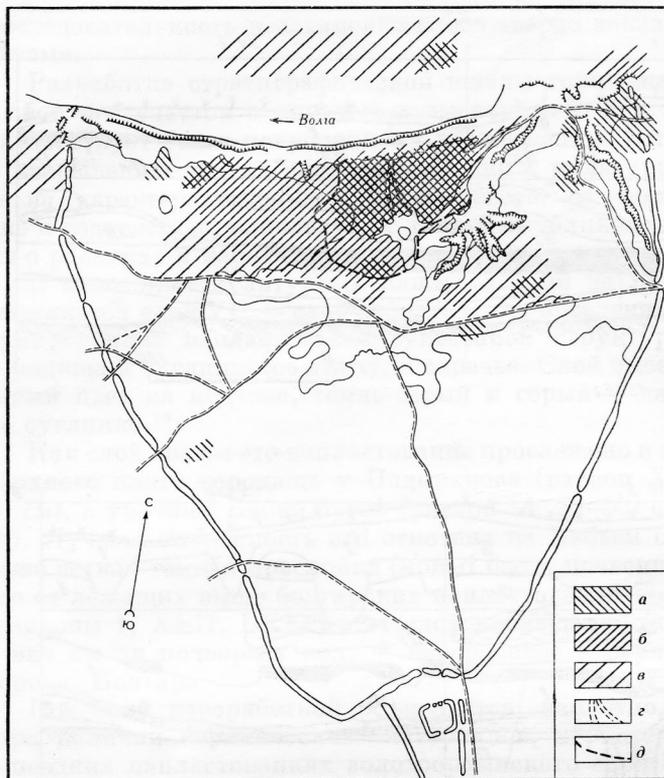

Рис. 3. План городища в пределах укреплений XIV в. с указанием территории распространения слоев VI (а), V (б), IVр (в) и укреплений — цитадели X в. (г) и замощного вала XII—начала XIII в. (д)

западного склона Малого Иерусалимского оврага, близ его устья. Эти участки слоя VI вокруг сплошной площади его распространения являются следами открытых поселений вокруг городища. По слабым признакам слоя и по находкам в переотложенном виде следы таких поселений намечаются в районе Малого минарета (раскоп XLV) и в 250—300 м к северо-востоку от него (раскоп LXXVII), в верховьях восточных отрогов Большого Иерусалимского оврага. В остатках постройки раннего типа и керамики раннего облика в ней А. П. Смирнов видел признаки поселения исследуемого времени юго-западнее центра, под слоем гончарной слободы и мусульманского могильника в районе Голланского озера (раскоп 16).

На склонах террасы слой VI образовался скорее всего в результате смещения грунта с верхнего плато центральной части городища. Оползни культурных напластований в этих раскопах наблюдались неоднократно.

На площади сплошного распространения слоя VI ко времени начала его отложения, к его основанию, относятся укрепления Болгара, обнаруженные и исследованные в 1967—1969, 1972 и 1974 гг. (раскопы XVI, XXVIII, XXX, XLI и траншея 1974 г.) [82]. По-видимому, с созданием этих укреплений и возник Болгар. Два рва и стена вдоль восточного, т. е. внутреннего, рва ограничивали мыс между краем высокой террасы и Большим Иерусалимским оврагом. Рвы, судя по расположению их на местности, юго-восточными концами были подведены к отрогам оврага, а северным,

сходясь вместе, подходили к обрыву террасы (рис. 3). Эта укрепленная рвами и стеной часть городища была цитаделью Болгара. Площадь ее составляет примерно 90 тыс. кв. м. К цитадели с запада вплотную, как о том свидетельствует распространение слоя, примыкал посад. Слой, относящийся ко времени возникновения и начальному периоду жизни Болгара, очень плохо сохранился, особенно из-за интенсивной строительной деятельности в XIII—XIV столетиях. Фрагментарность ранних слоев, которую отмечали все исследователи, лишает возможности представить в полной мере действительную картину раннего Болгара, и степень исследованности его еще недостаточна.

На площади цитадели, главным образом вблизи от укреплений, в основании слоя выявлены признаки юртообразных, несколько углубленных в землю жилищ (раскопы XLVII, LXVIII); плетневой наземной постройки со следами деревянного покрытия (раскоп XLI); полуземлянки (раскопы XXXVI, LX, LXXXII); подпольных ям наземных домов (раскоп XLI). Хозяйственные ямы-кладовки и зернохранилища (раскопы 48, XLI, LXVIII, LX, LXXVIII, LXXXII) прослежены на протяжении всего слоя. Начато изучение остатков крупной постройки из дерева, возведенной на основательном фундаменте, из крупных столбов с забранными в них бревнами (раскоп LXVIII)[83]. Фундамент постройки открыт на протяжении 13 м в направлении север—северо-запад—юг—юго-запад, с продолжением в северном и восточном направлениях.

Постройка относится ко второму строительному горизонту слоя VI на цитадели, так как выброс из ее котлована перекрывает располагавшееся поблизости заброшенное юртообразное сооружение. Но она бесспорно связана с начальным периодом образования слоя VI, ибо на других участках раскопа уровень котлована фундамента находится на материке и пласт сгнившего дерева от наземной части конструкции постройки залегают на очень незначительном (2—4 см) гумированном слое, не содержащем в пределах незначительной вскрытой части культурных остатков.

На посаде, за линией укреплений, выявлены многочисленные остатки различных построек: деревянных домов и подполий от них со следами облицовки стен деревом и завалившейся глинобитной печью (раскопы 15, 18, III), полуземлянки (раскопы 45, XIV) и хозяйственных ям различного характера, в том числе и зерновых (раскопы 15, 18, 45, I, XIII, XIV, XVI, XLI). Какие-либо сооружения ремесленного характера, относящиеся к слою VI, ни в цитадели, ни за пределами укреплений не вскрыты, но находки в слое железного шлака и криц (раскопы IX, XLI, LXVIII) свидетельствуют о наличии в начальный период жизни городища обработки черного металла.

На поселках вокруг городища прослежены признаки юртообразных построек (раскоп 16), полуземлянки (раскопы 46, XXII), развала наземной жилой постройки с глинобитной печью (раскоп 14) и различных хозяйственных ям (раскоп 47).

Хронологические рамки периода образования слоя VI, исходя прежде всего из вещевого содержания, определяются X—XI вв. Это обусловлено неоднократными находками в нем таких датирующих вещей (рис. 4), как двух- и трехчастные бусы желтого стекла — «лимонки» (раскопы 10, 15, 45, I); глазчатые рельефные и гладкие бусины глухого стекла (раскопы II, VII, XXII); рифленая эллипсоидная бусина из стекла голубоватого тона (раскоп 45). К слою VI относятся ромбовидный наконечник стрелы с широким острием и ровными, без вогнутости, сторонами типа 53 по клас-

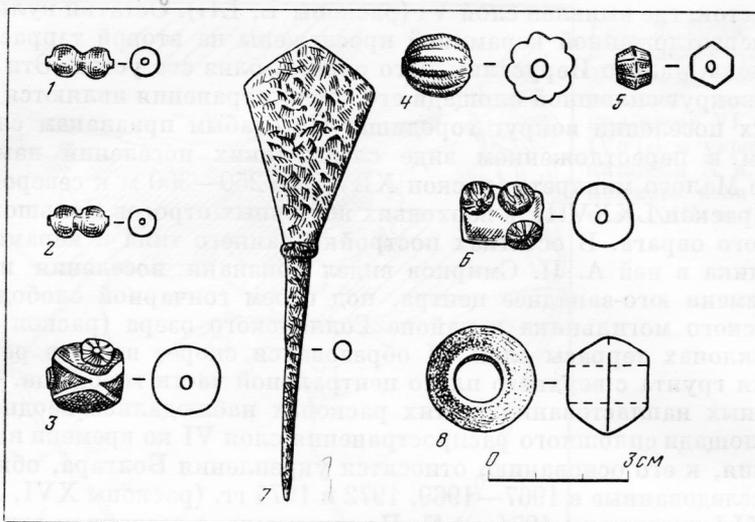

Рис. 4. Датирующие вещи слоя VI

1 — 1948, р. I, шт. 11 (ГИМ); 2 — 1946, р. II. Ч (ГМТР); 3, 4 — 1947, р. I, уч. 11, шт. 10 (ГИМ); 5, 7 — 1949, р. I, уч. 100, шт. 12 (ГИМ); 6 — 1964, р. II, уч. 3, шт. 8 (ГМТР); 8 — 1949, р. I, уч. 103, шт. 12 (ГИМ)

сификации А.Ф. Медведева[84], шестигранная сердоликовая бусина, шиферное пряслице с крупным (1 см) отверстием (раскоп 15). Там, где слой VI не отчленился от вышележащего слоя, найдены сердоликовые бипирамидальные и призматические бусы (раскопы I, VII). В заполнении ямы, относящейся по дневному уровню к слою VI, встречено еще одно розовое шиферное пряслице (раскоп 47).

Эти сравнительно немногочисленные находки из слоя можно дополнить большим числом предметов, переотложенных в вышележащие слои, вплоть до верхних штыков. Это бусы стеклянные, аналогичные перечисленным (раскопы 12, 15, 19, 22, 41, 45, XXXVI, XXXVIII, XLII, LV, LXV, LXXIII, LXXVII, LXXVIII), а также каменные — круглая сердоликовая (раскоп 45), многогранная аметистовая (раскоп 15), серебро- и золотостеклянные (раскоп XXVII). Немало бус перечисленных типов и в беспаспортных коллекциях Болгарского заповедника, собранных на различных участках городища.

Для определения нижней хронологической грани слоя VI следует обратить внимание на находки бус глухого стекла с выступающими рельефными глазками и рифленых или ребристых из непрозрачного стекла эллипсоидной формы. Те и другие характерны еще для предшествующего времени[85]. Возможному образованию слоя на рубеже IX—X — в начале X в. не противоречат находки сердоликовых, золото- и серебростеклянных бус[86].

Вероятность этого времени в качестве начальной даты слоя VI согласуется с историческим процессом общественного развития болгар, формированием оседлого земледельческого уклада жизни, развивавшегося у них еще в бытность их на юге, в составе Хазарии[87], и в Среднем Поволжье. Конец IX — начало X в. — время второго большо-

го притока болгар и других групп населения из Подонья и Предкавказья, способствовавшего, вероятно, интенсивному процессу их оседания. Находки глазчатых бус ранних типов, «лимонок», золото- и серебростеклянных бус, архичной лепной керамики лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры Подонья на городище весьма закономерны и хорошо определяют дату возникновения начального этапа жизни Болгара. Нет сомнения, что появление укрепленных и неукрепленных постоянных поселений относится у болгар Поволжья к рубежу IX—X — самому началу X в.

Верхняя же хронологическая грань слоя VI определяется не только его содержанием, но и лежащего выше слоя V, ряд находок из которого свидетельствует о начале отложения его еще в XI столетии (см. ниже). Так что верхнюю дату слоя VI, по-видимому, надо ограничивать лишь началом XI в. и считать временем отложения слоя рубеж IX—X — середину XI в.

Керамический комплекс слоя VI имеет весьма ранний облик. В нем содержится до 20 (раскоп 15), а то и до 30 (раскоп 31) % лепной посуды. Статистика в целом по домонгольскому слою, включая и слой V, дает значительный показатель лепной керамики — 8—10 % (раскоп XLI) среди гончарной до 15 % (раскоп L) составляет посуда с различными примесями. Среди общebolгарской керамики имеется до 17 % желтой слабого обжига (раскопы 15, 31).

Все исследователи отмечают большую долю керамики коричневого цвета — до 30—40 % (раскопы 15, 18, 47)а. В целом по слоям V—VI она составляет до 20 %б. Посуды красного цвета — 20—30 % (раскопы 15, 18) по слою VI и до 40 % при неразграниченности слоев VI и V (раскоп XLI). Среди посуды лепной и гончарной с признаками домашнего производства отмечаются весьма выразительные образцы, свидетельствующие о сохранении традиционных черт. Таковы горшковидная посуда, восходящая к салтово-маяцким прототипам, и керамика прикамского и приуральского происхождения (рис. 5).

Существенного различия в содержании слоя на цитадели, в посаде и на поселениях вокруг города на основании проведенных исследований не замечено. Повсюду встречаются различного характера жилые и хозяйственные постройки. В средней части цитадели, близ укреплений, открыта крупная деревянная постройка на основательном фундаменте, занимавшая здесь, возможно, центральное место. По содержанию находок выделяется участок возле этой постройки, насыщенной массой кухонных остатков и мелких кусков железного шлака. Однако без широкого вскрытия участка, где располагается постройка, о значении ее и об особенностях слоя на цитадели говорить затруднительно.

Итак, Болгар периода возникновения размещался на стрелке мыса высокой волжской террасы, был сильно укреплен естественно и искусственно и имел достаточно широкий обзор в сторону Волги. Площадь укрепленной части невелика. Это участок стрелки между оврагом и обрывом террасы с крутыми склонами, занимавший 90 тыс. кв. м. Одновременно с созданием укреплений была заселена территория в непосредственной близости к ним с напольной стороны. Вокруг, на расстоянии 300—700 м, располагались одновременные городищу пригородные поселения. Исходя из всего этого можно считать, что Болгар периода возникновения имел вид замка, владетель которого стремился сделать его неприступным оплотом своей вла-

сти в округе, густо заселенной. Это произошло в период оседания болгар на землю в конце IX—начале X в., т. е. в период феодализации болгарского общества и формирования государственности.

В начале X в. Болгар выступает уже в роли политического центра государственно-го объединения разнокультурного и разнотничного населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья.

В период возникновения Болгар был подобен, вероятно, памятникам Хазарии[88]. Он скоро оброс посадом, быстро перерастая из замка в город. Он нес еще признаки полукочевого быта болгарского населения предшествующего периода, отражая процесс перехода к прочной оседлости. В этом процессе развития оседлой хозяйственной деятельности и становления городов Болгар имел большие преимущества перед рядом других известных пунктов благодаря сочетанию таких факторов, как близость Волги, широчайшие волжские луга и благоприятные почвенные условия. Болгар конца IX — начала X в. фигурирует в письменных источниках как торговый центр Среднего Поволжья, центр международной торговли, связывавший Северо-Восточную Европу, со странами Востока, Кавказа, Крыма. С самого начала X в. Болгар уже чеканит собственную монету. В X—XI вв. в округе Болгара развивается сельскохозяйственное производство скотоводческо-земледельческого направления, и население города принимает в нем непосредственное участие. Развитие зернового направления в земледелии дает даже возможность вывозить зерно. К XI в. относится расширение ремесленного посада Болгара с железоделательным, медеообрабатывающим, кожевенным и другими производствами (раскопы 15, 17, 18). Продукция некоторых отраслей ремесленного производства также служит предметом вывоза. Формируется типично феодальный город. Поселки вокруг Болгара разнообразны. Одни с самого начала представляли собой поселения оседлого земледельческого быта с культурным слоем и постройками в виде полуземлянок и хозяйственных ям (раскопы 14, 47, XXII). Другие — с юртообразными постройками (раскопы 16, L) — были, вероятно сезонными лентими поселениями скотоводов. Процесс оседания рядового населения болгарского общества, равно как и процесс феодализации, был, по-видимому, достаточно длительным.

Среди поселков вдоль коренной волжской террасы особого внимания заслуживает Ага-Базар. Археологическим исследованием слой VI на нем стратиграфически пока не выделен. В основании культурных напластований вскрытых участков лежит слой светло-серой супеси (30 см), определенный в целом домонгольским временем[89]. Но сведения письменных источников начала X в. о торжище в 7 км от Болгара, на берегу Волги, позволяют считать, что уже в период отложения слоя VI Болгара поселок на Ага-Базаре существовал. находки того времени — детали поясного набора, керамика, монеты — встречены в переотложенном виде. Вероятно, слой VI на Ага-Базаре переработан в процессе последующей более интенсивной жизни поселка.

Слой V стратиграфической шкалы городища представляет собой серую супесь, более гумированную, не столь плотную, как напластования, лежащие ниже, и с более заметным содержанием мелких углистых включений. Гумированность и насыщенность включениями сильнее в центральной части. В слое V чувствуется еще

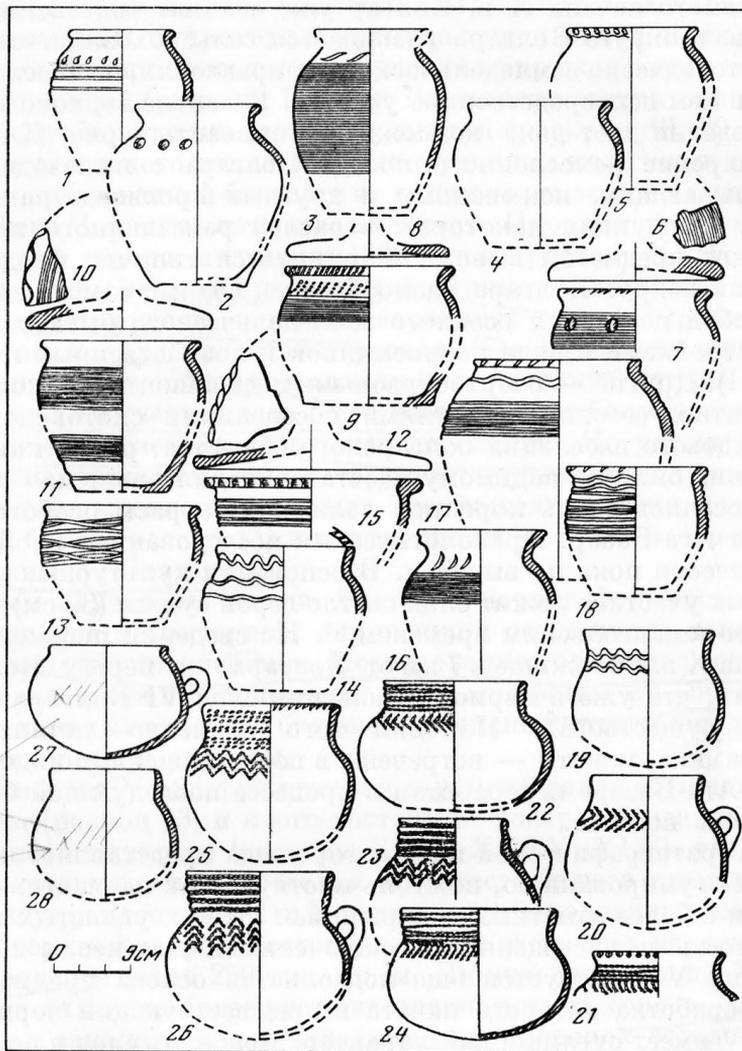

Рис. 5. Образцы кухонной керамики слоя VI

1 — 1948, р. I, уч. 82, шт. 11 (ГИМ); 2 — 1980, р. LXVIII, уч. 2, шт. 8; уч. 6, шт. 7 (БГИАЗ); 3 — 1978, из-под валов (БГИАЗ); 4 — 1948, р. I, уч. 78, яма 7 (ГИМ); 5 — 1950, р. I, уч. 50, шт. 16 (ГИМ); 6, 7, 9, 16 — 1973, 1977, 1981, поселение у Малого Иерусалимского оврага (БГИАЗ); 8 — 1949 ГМТР; 10, 11 — 1981, р. LXXVII, сооружение 9 (БГИАЗ); 12 — 1980, р. LXVIII, уч. 6, 160—175 см (БГИАЗ); 13 — 1972, р. XLI, уч. 13, шт. 9 (БГИАЗ); 14 — 1972, р. XLI, сооружение 23, дно (БГИАЗ); 15 — 1946, р. II.4, здание 1, шт. 18 (ГМТР); 17, 18 — поселение у Иерусалимского оврага ГИМ; 19 — 1950, р. III, уч. 29, яма (ГМТР); 20 — 1975, траншея 2 (БГИАЗ); 21 — из обнажения лоя (БГИАЗ); 22 — 1965, р. IX, уч. 9, шт. 10 (БГИАЗ); 23, 26 — 1972, р. XLI, сооружение 25 (БГИАЗ); 24, 25, 27 — 1972, р. XLI, сооружение 24 (БГИАЗ); 28 — 1972, р. XLI, сооружение 20 (БГИАЗ); 1, 2 — гончарные сосуды; 3 — 28 — лепные сосуды; 1 — 18 — посуда салтово-маяцких истоков; 19—26 — посуда прикамско-приуральского происхождения; 27—28 — ранние образцы ипа джукетау

подзолистая основа предматерикового грунта, переработка которого начата в предшествующий период. Но местами слой V имеет суглинистый характер. Мощность слоя в основном 30—40 см, однако на ряде раскопов в центре он достигал и 70 см, а на склоне террасы со смывными песчаными прослойками — 90 см, уменьшаясь на периферии до 10—25 см. Слой завершается повсеместно прослойкой пожарища из разложившегося угля с красноватыми и белесыми золисто-песчаными линзами. Мощность прослойки 5—20 см, а в западинах ям, в местах сдвинутого в ямы слоя — до 30 см. Слой пожарища, завершающего домонгольские напластования, интенсивнее в центре, на участках более плотной застройки.

Слой сохранился фрагментарно между ямами золотоордынского периода, нарушившими значительную его часть и переложившими его содержание выше, вплоть до самого верхнего горизонта слоя IV.

Распространение слоя V прослежено на всех раскопах в пределах территории, обжитой в предыдущий период, и за ее пределами на юге и западе (рис. 3). В западной части городища он хорошо выделяется на раскопах 13, 17, LIII, LV—LVIII, LXV, LXVI; в южной — на раскопах L, LII. По линии некоторых из этих раскопов (LII, LVII, LXXIII, LXXVIII) XII — начале XIII в. проходила граница укрепленной части города. Она включала весь бывший посад и находившийся прежде в некотором отдалении южный поселок (раскопы L, LII). Расширение территории произошло и за счет застройки склона террасы у центра (раскопы 19, 20, 22, 24, 31). В виде незначительного напластования с редкими находками слой V отмечается в непосредственной близости от линии укреплений и за их пределами к югу, в районе Черной палаты и восточнее ее. Прослежен он и в отдалении, к юго-западу от центра, в траншее 1973 г. и на раскопе XLIV, на расстоянии от 300 до 600 м от линий укреплений. Примерно в 500 м от укреплений, но ближе к краю террасы, в районе западного поселка предшествующего периода, слой V также выявлен (раскоп 47). Предстоит еще выяснить, было ли распространение слоя к западу и юго-западу от линии укреплений сплошным, или же участки слоя в траншее 1973 г. и более раннем западном поселке являются следами, отдельных поселений. Но расширение посада в западном направлении вдоль террасы — тенденция, наметившаяся раньше. Подтверждением ее служат прекращение жизни поселка в урочище Бабий бугор (раскоп 14) и появление на его месте кладбища, синхронного слою V Болгара.

Во всяком случае на западе Болгар в период формирования слоя V не ограничивался территорией, окруженной созданными к концу домонгольского периода укреплениями. Исследования городища раскопами LIII, LVII свидетельствуют о сплошном слое мощностью 20—50 см далее на запад и юго-запад с несколько большей интенсивностью в западном направлении, вдоль речной террасы.

Признаки слоя V обнаруживаются в районе ранее возникшего восточного поселка (раскоп 33) и к юго-востоку от центра города, за оврагом на участке Малого минарета (раскопы XVII, XXXV, XLV), где также продолжалась, видимо, жизнь поселка предшествующего времени.

Площадь укрепленной части Болгара второй половины домонгольского периода на верхней террасе составляет 240 тыс. кв. м, а включая северный склон террасы, — около 250 тыс. кв. м. Линией укреплений XII — начала XIII в. была охвачена более густо заселенная часть города. За пределами укреплений в западном и юго-запад-

ном направления осталась менее заселенная часть посада. Включая его, территорию Болгара можно определить в 350—400 тыс. кв. м.

Ближайшие к Болгару поселки сохраняли теснейшую связь с ним, будучи, по-видимому, как и ранее, его сельскохозяйственной округой. Некоторые из возникших прежде поселков с расширением территории Болгара в рассматриваемое время вошли в городскую черту, даже в укрепленную часть города, как, например, поселок X—XI вв., обнаруженный раскопами I и II. Выразительный слой V обнаружили исследования поселка в урочище Ага-Базар.

Остановимся на укреплениях, связанных со слоем V. Анализ заполнения рвов X в., разрезанных несколькими раскопами, позволяет считать, что они служили городу в течение всего домонгольского периода. Их подчищали, а местами и подновляли. Перестройка, прослеженная по линии раскопов XVI, XXVIII и XXX, приходится на вторую половину домонгольского периода. Как видно по разрезу, первоначально созданные рвы были засыпаны уже накопившимся к тому времени слоем V, а вновь созданные рвы были заполнены им лишь в нижней части. Таким образом, мысовая часть городища в рассматриваемое время сохраняла значение цитадели города.

С завершением образования слоя V, т. е. с концом домонгольского периода, связано создание новой системы укреплений, окружившей значительную часть городского посада (рис. 3). Конфигурация этой системы укреплений под названием «замошный вал» зафиксирована обмерами начала XVIII в., выполненными Н. Савенковым и И. Крапивиным[90]. Под названием «малый окоп» она упоминается в описи 1712 г. дьяка Михайлова[91]. Археологически ее удалось найти только в 1976 г. раскопом LII, а в последующие годы — раскопами LV, LVII, LXXIII и LXXVIII, благодаря наложению вычерченной по обмерам начала XVIII в. конфигурации замошного вала на план городища и привязки ее к местности. Весьма выразительно выявился ров, оказавшийся засыпанным по возвращении жителей на пепелище, возникшее в результате разрушения города в период, с которым связана верхняя часть слоя V. Вал обнаружен лишь в виде остатков суглинистого основания. Вероятно, он был срыт в ров при ликвидации укреплений, последовавшей, бесспорно, по требованию монгольских завоевателей, не допускавших на подвластных землях никаких укрепленных поселений.

О характере застройки цитадели по содержанию строительных остатков в слое V судить пока трудно. Мала вскрытая площадь, и при этом часть раскопов приходится на укрепления. Кроме того, все исследователи отмечают плохую сохранность слоя из-за перекопов.

В этих условиях можно лишь указать на жилые сооружения в виде двух землянок в основании слоя вблизи наружного восточного рва цитадели (раскоп XLVI), два подполья в завершении слоя на этом же раскопе и еще одно — на раскопе XXXVIII, ближе к центру городища. Все подполья имели в заполнении признаки завалившихся наземных деревянных конструкций сгоревших домов и разрушенных глинобитных печей. Землянки и подполья имели ориентировку по линии север—юг или север—северо-восток—юг—юго-запад. Следует указать и на признаки глинобитной постройки с деревянным каркасом в верхней части слоя (раскоп XLVII). В завершении слоя на ряде раскопов есть признаки сгоревших дотла наземных построек, о характере

которых судить невозможно. Хозяйственные ямы — зернохранилища, погреба и др. (всего более 25) — встречены на всем протяжении слоя на ряде раскопов.

В слое прослежено два-три строительных горизонта. Завершающий строительный горизонт наземной частью отразился в слое пожара 1236 г., достигавшем местами мощности 15—20 см. Он свидетельствует о достаточно плотной деревянной застройке в конце XII — начале XIII в. на исследованной близ укреплений части цитадели.

Из производственных остатков в цитадели найден железистый шлак. Скопление его (51 фрагмент) отмечается на участке близ внутренней линии укреплений (раскоп XLVII), т. е. в районе аналогичных находок предшествующего периода.

Больше сведений о застройке укрепленного посада. На вскрытой площади посада неизвестно ни одной землянки, связанной со слоем V. Полуземляночное сооружение обнаружено на крайнем западном раскопе (LVII), в непосредственной близости от укреплений и в одном горизонте с ними, под пожарищем, завершающим слой. Поскольку в цитадели землянки оказались также вблизи укреплений, то не лишено основания предположение, что постройки этого рода в рассматриваемый период в Болгаре могли быть недолговременными сооружениями, связанными с созданием или обслуживанием системы городских укреплений.

Остальное жилое строительство на укрепленном посаде — наземные дома. Вскрыты остатки 16 домов (раскопы 10, 15, 17, 19, 24, 25, III, IV, VII, XVI, XLVI, LV). Из них 12 имеют подполья, как правило, со стенками, облицованными деревом. В четырех домах на уровне пола прослежены основания глинобитных печей. В остальных остатках печей наблюдались в виде завалов в подполье. Вблизи домов вскрыто около 40 надворных хозяйственных сооружений различного назначения, в основном ямных, хотя есть и наземные. Часть из них определена как зернохранилища (раскопы 12, 15, 17, 19, XLVI). Часть служила погребями (раскопы VII, IX, L, LVII) или постройками типа клетки с небольшим углублением (раскопы 15, 17, VII, XVI). Были и столбовые ямы. Наблюдается два-три строительных горизонта жилых и хозяйственных сооружений.

Остатки производства обнаружены в виде металлургических сыродутных глинобитных горнов (раскопы 17, LVII), очага и горнов для выплавки меди (раскоп 18), а также следов кожевенных пошивочных мастерских (раскоп 18). Металлургия железа прослежена как в основании слоя, так и в его завершении. Остатки медеплавильного ремесла относятся к среднему и верхнему горизонтам слоя. Признаки деятельности кожевенных пошивочных мастерских прослежены на протяжении всего слоя.

В топографии размещения жилых и хозяйственных сооружений нет каких-либо особенностей. Они встречены на всех исследованных участках посада, от укреплений цитадели до границ замощенного вала и на склоне террасы. В размещении же производственных комплексов наблюдается определенная закономерность: мастерские по производству черного металла обнаружены лишь на крайней западной границе укрепленного посада и за валом, т. е. на окраине города. В районе размещения металлургических горнов обнаружены и такие признаки производства, как шлаки и крицы (раскопы 12, 15, 17, LV, LVII).

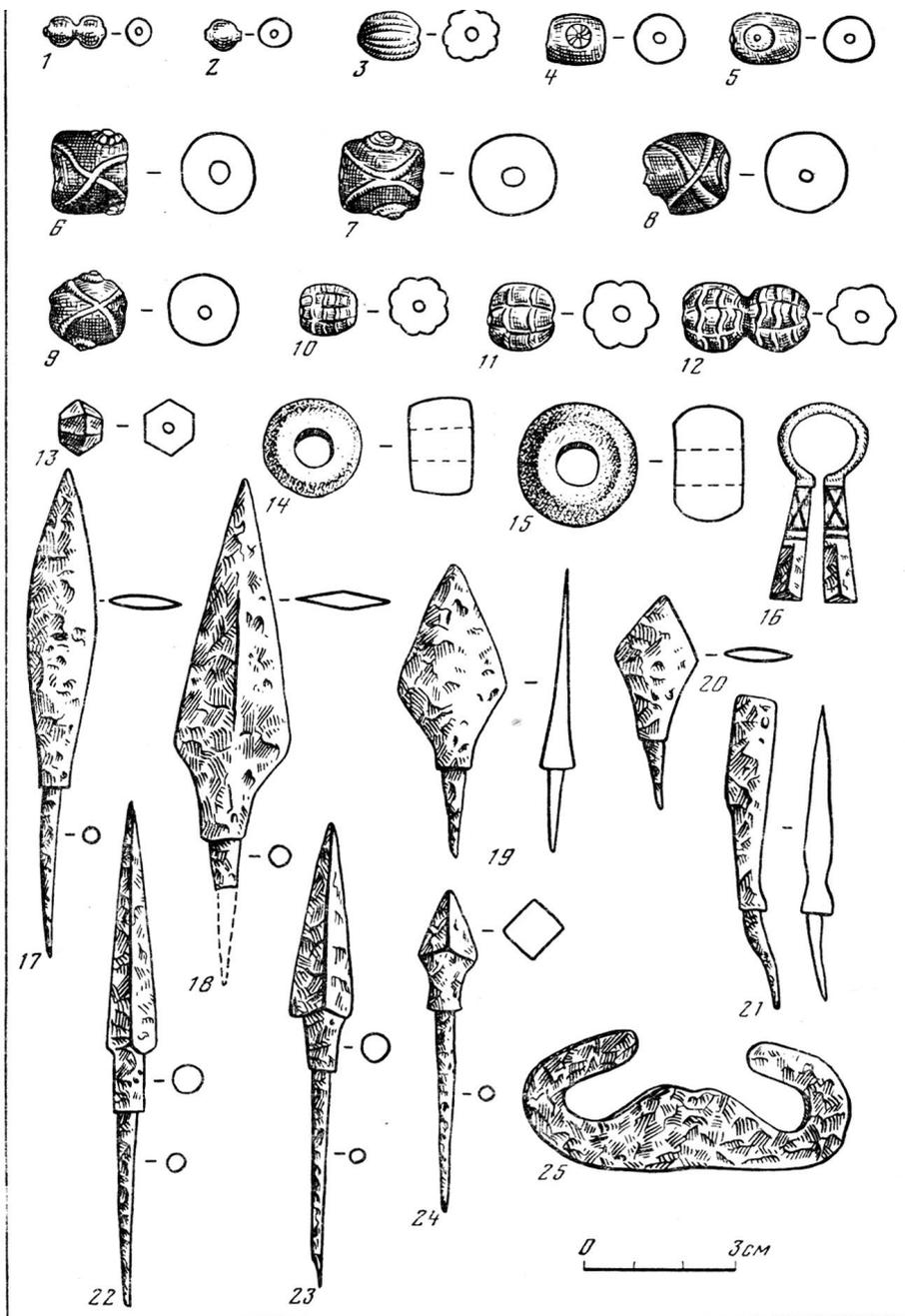

Рис. 6. Датирующие вещи слоя V

1 — 1948, р. I, уч. 78, шт. 8 (ГИМ); 2, 3 — 1947, р. I, уч. 17, шт. 7 (ГИМ); 4 — 1976, р. LV (БГИАЗ); 5 — 1949, р. I, уч. 96, шт. 9 (ГИМ); 6 — 1938, р. «В», уч. 1, шт. 10 (ГИМ); 7 — 1947, р. I, уч. 15,

Находки криц и шлака на других участках посада (раскопы 10, 18 б и др.) не имеющих производственных сооружений по выплавке металла, надо, вероятно, связывать с работой кузнецов по черному металлу, мастерские которых в городе не тяготели к окраине.

Выплавка меди осуществлялась в западной части города, ближе к центру посада (раскоп 18). Тут же оказались кожевенные пошивочные мастерские и дом сапожника. Слои участка городища (раскопы 15, 18) насыщены остатками производственной деятельности медников и сапожников.

На немногих исследованных участках неукрепленной части западного посада и в ближайших пригородных поселках вскрыты полуземлянка (раскоп XLIV), несколько хозяйственных ям (раскопы 47, XLIV, LXXXV, траншея 1973 г.), а также остатки наземного сгоревшего жилища с находками криц, принадлежавшего, вероятно, кузнецу (раскоп 33).

На посаде, в укрепленной его части, близ внешнего вала цитадели, в 50 м к западу вскрыто три погребения городского кладбища (раскопы II, VIII), стратиграфически связанных со слоем V. Погребения совершены по мусульманскому обряду. Размещение кладбища, связанного с домонгольским слоем V в центре города, на участке, где в золотоордынский период была возведена центральная Соборная мечеть, возле которой оно продолжало действовать вплоть до начала XIV в., навело на предположение о наличии на этом участке более ранней деревянной мечети дозолотоордынского периода[92]. По условиям размещения кладбища и строгости мусульманского ритуала его погребений оно было истолковано как некрополь городской знати.

Населению Болгара принадлежал, по-видимому, и могильник за западной окраиной неукрепленной части посада, на мысу третьей террасы в урочище Бабий бугор (раскоп 14). Погребения нижнего горизонта этого могильника синхронны слою V городища[93].

На исследованной площади торгово-ремесленного поселка на Ага-Базаре со слоем V связаны полуземлянка с глинобитной печью и наземный дом с подпольем и признаками завалившейся печи.

Время образования слоя V повсеместно определяется в основном второй половиной домонгольского периода. Но содержание датирующих вещей в слое (рис. 6), их сочетание позволяют датировать начало образования слоя XI в. Так, например, в нем встречены аналогичные содержащимся в слое VI бусы X—XI вв.: стеклянные «лимонки» (раскопы 12, 15 18, 33, XXXVIII) пастовые глазчатые рельефные (раскопы 2, 12, 15, I, XXXVIII) и серебростеклянные (раскоп L). Находки стеклянных черных и желтых глатких и витых браслетов (раскопы 15, 17, 45, XVI) и шиферных пряслиц розового, вишневого и сиреневого цвета (раскопы 10, 12, 13, 15, 18, 20, 47) тоже расширяют дату за рамки второй половины домонгольского периода. Сочетание их с бусами указанных типов вполне закономерно для XI в. Наконечники стрел из слоя V с ромбическим пером гнздовского тира, но мелкие (раскопы LXV, LXVIII, LXXVIII) также характерны для XI в.[94] Среди находок из слоя V есть наконечник стрелы с пирамидальным пером ромбического сечения XII в. (раскоп 41)[95].

Показателен для определения нижней хронологической грани этого слоя комплекс вещей из ямы, стратиграфически восходящей к основанию культурного слоя на западной границе города предшествующего периода (раскоп LXXXV). Комплекс состоит из сердоликовой бусины в виде шестигранной призмы X—XI вв.; топора с квадратным обухом, округлыми щековицами и нешироким бороздчатым лезвием X—XI вв.; наконечника плоской железной стрелы типа остролистных или лавролистных (тип 61 или 63 по А.Ф. Медведеву), бытовавших в Восточной Европе, начиная с этого же времени; костяного навершия (рис. 7). Дата этого комплекса и ямы не позднее XI в.

Из всех датирующих находок слоя V наиболее характерны для него, видимо, шиферные пряслица. Их находят при исследовании городища всюду, где есть слой V, непосредственно в нем, как указано выше, или переотложенными в вышележащие напластования (раскопы 19, XXXVI, XXXVIII, LX и др.). Неоднократно встречены такие пряслица в подъемном материале в районах расположения домонгольских пригородных поселений и под склоном центральной части городища. Находка розового шиферного пряслица на раннем западном поселении (раскоп 47), связанная исследователями со слоем VI, происходит из заполнения ямы и может быть отнесена к слою V.

Из датирующих вещей к слою V имеют отношение некоторые предметы, сопровождавшие погребения городского могильника в урочище Бабий бугор (раскоп 14). Это грушевидные серебряные серьги с янтарной вставкой и зеркало с крестообразным слаборельефным орнаментом типа кочевнических (могила 40); серебряная плетеная пуговица (могила 9); шелковая лента с золотой нитью (могила 207); желтый витой браслет (могила 158). Все эти предметы датируются XI—XIII вв., т. е. тем же временем, что и перечисленные датирующие находки из слоя V городища[96].

Ряд вещей IX — начала XIII в. оказался во вторичном залегании в слое IV городища (рис. 8). Таковы, например, желудевидная золотая подвеска (раскоп 19); прямое с ромбическим расширением посредине перекрестие сабли типа распространившихся в XI—XIII вв. (раскоп XXXV)[97]; типично домонгольской формы калачевидные кресала (раскопы 15, XXXVI, LVIII, LXIII и др.); наконечники стрел: ромбовидной формы новгородского типа, без упора, наиболее характерного для IX—XI вв. (раскопы 15, XVIII)[98]; бронебойные в виде кинжальчиков с перехватом IX—X вв. (раскоп LXVI)[99] и более позднего времени (раскопы L, LXXXIII)[100]; бронебойный с короткой массивной головкой квадратного сечения, с перехватом и длинным черешком второй половины XII — первой половины XIII в. (раскоп LXV)[101]; пирамидальные с упором круглого сечения XII в. (раскопы 17, LXXIII)[102]; долотовидный с утолщением и перехватом у черешка середины XI — первой половины XIII в.[103] и лавролистный с упором и шейкой круглого сечения того же времени (раскоп 22)[104]. Большинство указанных предметов связано со слоем V, хотя некоторые, может быть, происходят из слоя VI.

Обратимся к керамике. Поливная керамика пока не изучена. Неполивная керамика по сравнению с керамикой из слоя VI характеризуется уменьшением доли сосудов, выделанных от руки, до 4—6 % (раскопы 15, 33, XVI, XLVI), а то и до 2 % (раскопы 18, XXXVIII). До 2—3 % уменьшается доля гончарной посуды с различными приме-

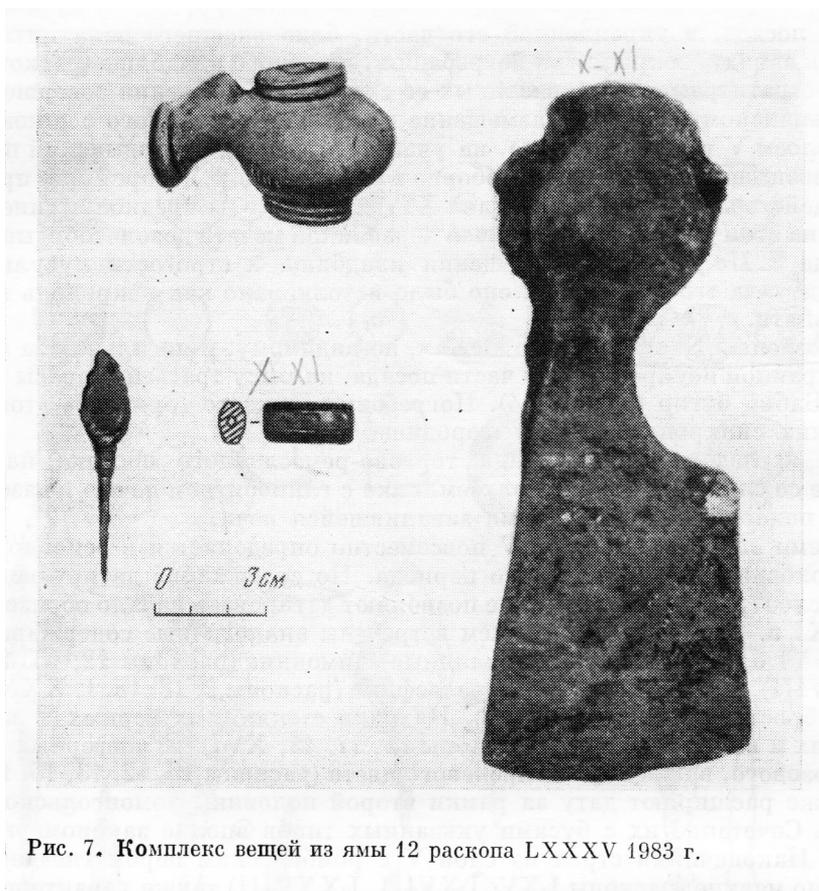

Рис. 7. Комплекс вещей из ямы 12 раскопа LXXXV 1983 г.

сями в тесте (раскопы XXXVIII, XLVI). Из общеболгарской гончарной керамики становится меньше, чем в слое VI, посуды желтого цвета слабого обжига: 8—11 % (раскопы 17, 33, XVI) или даже 2 % (раскопы 18, XXXVIII, XLVI). При этом заметно увеличивается количество красной посуды более высокого обжига. Она составляет 40—50 % общеболгарской (раскопы 15, 18, XXXVIII, XLVI), а в середине XIII в. — до 60 % (раскоп 33) в Доля керамики коричневого цвета на раскопах, где не выделялась бурая керамика, оказывается 30—40 % (раскопы 15, 17, 18), а там, где выделялась посуда бурого цвета, — от 9 до 20 % (раскопы XXXVIII, XXVI). Таким образом, различия в содержании коричневой керамики в группе общеболгарской в слоях V и VI несущественны.

Для определения верхней хронологической грани слоя V, кроме вещевых находок, свидетельствующих о XIII столетии, большое значение имеет факт повсеместного завершения слоя прослойкой пожарища, достигающей вне ям мощности 20 см, а в западинах ям — 30 см. Жизнь города в период отложения слоя V прервалась гран-

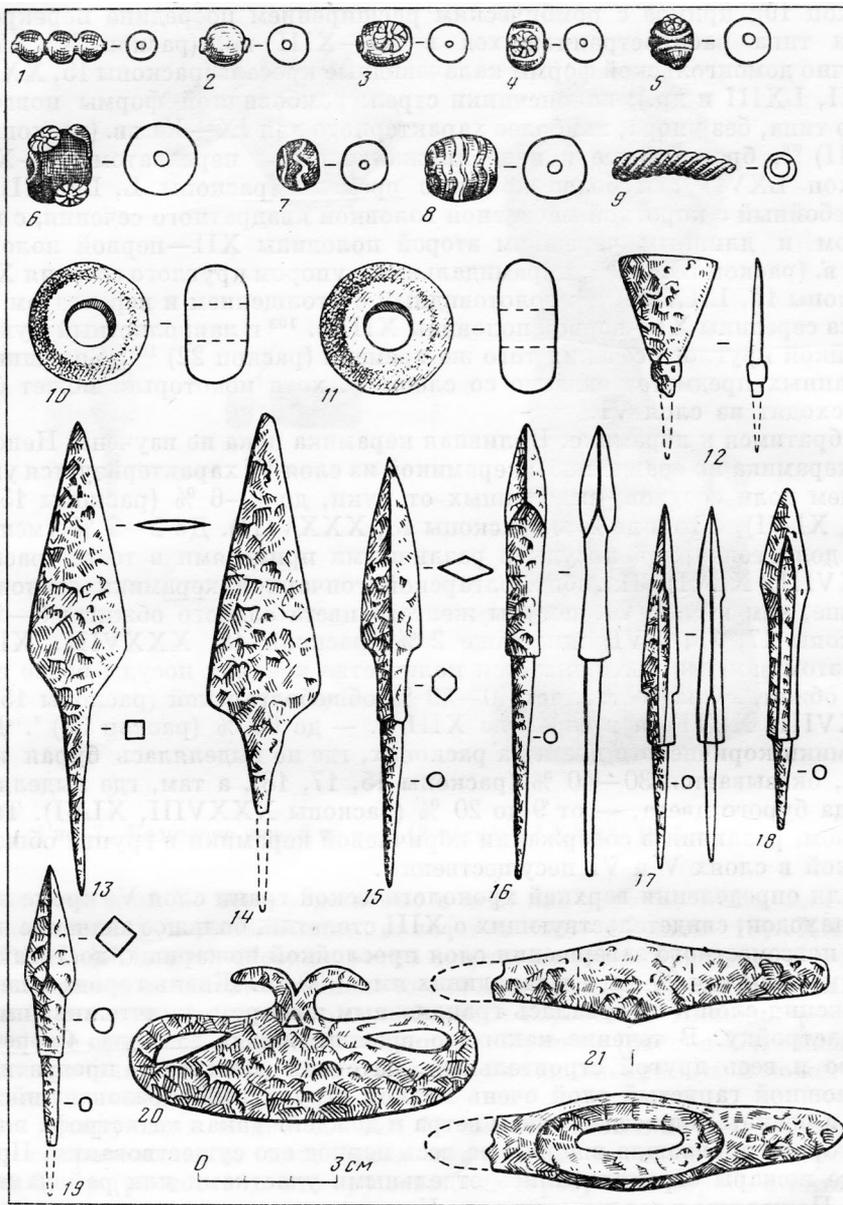

Рис. 8. Датирующие вещи домонгольского времени, оказавшиеся во вторичном захоронении

1 — 1948; р. I, уч. 77, шт. 6 (ГИМ); 2 — 1948, р. I, дом 1947 г. (ГИМ); 3, 7 — 1953, Ага-Базар, дом 7 (ГИМ); 4 — 1948, р. I, уч. 82, шт. 2 (ГИМ); 5 — 1947, р. I, уч. 29, шт. 3 (ГИМ); 6 — 1948, р. I, уч. 6, шт. 1 (ГИМ); 8 — 1947, р. I, уч. 34, шт. 5 (ГИМ); 9 — 1948, р. I, уч. 87, шт. 2 (ГИМ); 10 — 1947, р. I, уч. 1, шт. 6 (ГИМ); 11 — 1949, р. I, яма 21 (ГИМ); 12 — 1981, р. LXXXVIII, уч. 3, шт. 4 (БГИАЗ); 13 — 1979, р. LXVIII, уч. 1, шт. 2 (БГИАЗ); 14 — 1949, р. I, уч. 110, шт. 6 (ГИМ); 15 — 1979,

диозным пожаром, уничтожившим всю его застройку. В течение какого-то времени жизнь замерла. Сгоревшее дерево и весь другой строительный материал построек превратились в сплошной гаристый слой очень мелкой структуры, образовавшийся из угля и пачины под воздействием ветра и дождей. Такая катастрофа в истории города произошла впервые за весь период его существования. Предыдущие пожары ограничивались отдельными участками или районами города. Пожарище в завершении слоя V свидетельствует о полном уничтожении Болгара. Исходя из вещевое содержания слоя, пожар приходится на XIII в. и, вероятно, связан с разгромом Болгара полчищами хана Батия в 1236 г.

Исследование слоя V Болгарского городища позволяет представить Болгар конца XI — начала XIII в. Начало отложения слоя на цитадели, судя по раскопам близ ее укреплений и на площади посада, а также на ближайшем из выявленных южном поселке (раскоп L), связано с новой застройкой участков, пострадавших в результате какого-то разрушения (пожара?), отразившегося в завершении слоя VI. Крупная постройка на основательном фундаменте в цитадели, близ ее укреплений (раскоп LXVIII), сменяется хозяйственным строительством: ямы котлована ее фундамента были перестроены в зернохранилища.

С началом образования слоя V (XI — начало XII в.) связано развитие западной части ремесленного посада, где на окраине города возникают железоплавильные мастерские с сыродутными горнами (раскоп 17) и происходит расширение жилого строительства. Начало медеплавильного и кожевенного производств на посаде (раскопы 15, 18) также восходит к нижним горизонтам слоя. За всеми этими производствами закрепляются в последующее время занятые ими прежде районы города.

Расширение посада происходит далее к западу, юго-западу и югу, достигая к концу домонгольского периода площади, втрое большей по сравнению с первоначальной площадью города. В территорию города к этому времени включается ближайший южный пригородный поселок (раскопы L, LII). Под жильем осваивается и склон третьей террасы.

Более густо заселенная часть посада в конце домонгольского периода окружается новой системой обороны и занимает вдвое большую площадь, чем первоначальная.

Строительство в городе ведется из дерева и глины. Кирпич применяется только в кладке печей. Застройка имеет достаточно устойчивую ориентировку — с северо-запада на юго-восток или с северо-востока на юго-запад, что может свидетельствовать о ее планомерности и направлении улиц. Только постройки на склоне террасы ориентированы по линии восток—запад, что обусловлено, по-видимому, направлением склона.

Продолжают сохранять значение сельскохозяйственной округи ближайшие к городу поселки, но не все из возникших ранее. Южный поселок вошел в черту города. Западный, на урочище Батий бугор, сменился кладбищем. В восточном поселке развивается собственное кузнечное ремесло. Ага-Базар сохраняет роль торговой пристани с жилыми строениями. В этой картине жизни Болгара в конце XI — начале XIII в. обращают на себя внимание следующие моменты. Заметное развитие ремесленного посада приходится на начало рассматриваемого периода. Площадь посада с достаточно интенсивным слоем увеличилась сравнительно с предыдущим периодом относительно немного. На

всем протяжении второй половины домонгольского периода Болгар, как и прежде, остается деревянным городом. До конца домонгольского периода посад города не укреплен, и только в конце XII — начале XIII в. создается система обороны, окружающая более густо застроенную часть. Сравнительно с предыдущим периодом не ощущается значительного притока населения в округу Болгара.

Все это — свидетельства определенной замедленности в развитии Болгара в XII в., которую можно объяснить утратой ведущей политической роли в государстве, а вслед за тем и экономического значения, которое было у него в X—XI вв. Болгар продолжал оставаться торговым городом на волжском водном пути, но место его в экономике государства несколько изменилось. Город и округа обнаруживают поступательное экономическое и культурное развитие. Значение же первого города в государстве, центра внутренних связей столицы Волжской Болгарии в XII в., перешло от него к расположенному в глубине густонаселенного сельскохозяйственного района Закамья, удаленному от Волги и Камы Биляру.

К золотоордынскому периоду жизни Болгара относится слой IV стратиграфической шкалы городища. Нижний его горизонт — IVр (ранний) — соответствует раннезолотоордынскому периоду, XIII — началу XIV в., а верхний — IVп (поздний) — позднезолотоордынскому, XIV — началу XV в.

Слой IVр городища на верхней террасе и на ее склоне супесчаный, поскольку он включил серую супесь слоя V или почвенный подзолистый грунт третьей террасы. В заречной части городища, на правобережье р. Меленка, он образовался за счет переработки материкового суглинка и лугового почвенного слоя. Почти повсеместно слой характеризуется суглинистыми, песчаными и древесными включениями и прослойками, окрашивающими его в желтоватый и буроватый цвет. Большое содержание суглинка от интенсивных земляных работ и сгнившей древесины построек свойственно центральной части городища. На отдельных участках, например, у домонгольских рвов (раскопы XXVIII, L, LV, LVII), в слое наблюдаются не переработанные массивы суглинка от срытого вала или жилищного строительства на краю рвов. Возле Соборной мечети в слое прослежено включение известняковой крошки, связанное с началом строительных работ по созданию каменного фундамента здания.

Распространение слоя IVр значительно шире пределов домонгольского города (рис. 3). На запад по траншее 1973 г. он прослеживается на 250—300 м дальше крайних западных участков домонгольских напластований XII — начала XIII в., или на 750 м от границ укрепленной части города этого периода. Это — сплошное распространение слоя которое определяет территорию города. В южном направлении он отмечен на всех раскопах у Черной палаты (раскопы, XV, XXIII, XXIV, LXXXIII, LXXXVI). В территорию города конца раннезолотоордынского периода можно включать и бывшие юго-восточные пригородные поселки в районе Малого минарета, и поселки к северо-востоку от него с застройкой городского типа. От центральной части города они отделены только оврагом. Можно считать, таким образом, что на верхней террасе площадь города к концу раннезолотоордынского времени составляла около 900 тыс. кв. м. Кроме того, в этот период заселяется территория нижней террасы за Меленкой. Здесь, в заречье, слой тянется на протяжении около 1 км вдоль Меленки в виде полосы шириной 150—200 м.

Вблизи города, как и прежде, отмечается ряд тяготеющих к нему поселков. В начале золотоордынского периода продолжает жить северо-восточный ремесленный пригородный поселок близ устья Малого Иерусалимского оврага (раскоп 33). В 0,5 км к западу от границ сплошного распространения слоя возникает новый поселок, от которого сохранились остатки жилищ (раскопы 7, 8). Такие же поселки были, по-видимому, дальше на запад, вдоль края третьей террасы по направлению к Ага-Базару, где слой IVр также довольно интенсивен.

Мощность слоя IVр на центральной части города колеблется от 20 до 80 см. Наибольшей мощности он достигает в районе Соборной мечети. В заречье и в юго-восточной части города за оврагом он имеет толщину от 10 до 25 см.

Содержание слоя IVр свидетельствует о весьма интенсивной жизни города. Так, в центральной части городища выявлено 200 с лишним жилых и хозяйственных сооружений и прослежено от двух до четырех, а местами и до шести строительных горизонтов. Жилое строительство во всех горизонтах центральной части городища представлено преимущественно наземными срубными домами с подпольями и глинобитными печами. Лишь в основании слоя заметное место занимают жилища полуземляночного характера, возведенные жителями города при возвращении на пепелище. Много построек такого рода прослежено на краях домонгольских рвов (раскопы XVI, XXVIII, XXX, XLI). На средние и верхние горизонты слоя в центре городища земляночных жилых построек приходится немного. Связаны они в основном с районном монументального строительства у Соборной мечети (раскопы II, III, IX, XVI), будучи, возможно, временными жилищами строителей.

Вблизи остатков жилых построек на всех раскопах центральной части городища вскрыто много хозяйственных сооружений. Это зерновые ямы, ямы-погребя, наземные кладовые, слегка углубленные постройки в виде клетки и т. д.

Производственные мастерские с возвращением жителей в разрушенный Болгар поначалу были восстановлены в прежних местах, на западных участках центральной части городища. Таковы мастерские по обработке черного металла (раскоп 17), медеплавильные печи (раскоп 18), кожевенные мастерские (раскоп 18), мастерские по производству и обработке цветного металла (раскоп 18). На западной окраине центральной части городища вскрыты и вновь появившиеся в этот период кузнечная и косторезная мастерские (раскоп 13). Остатки кузнечного производства в виде обрубков криц и шлаков обнаружены в этом слое на многих раскопах в центре городища, но вне связи с его постройками.

К раннезолотоордынскому периоду относится начало каменного монументального строительства в центре Болгара. Так, к основанию слоя IVр относится закладка фундамента Соборной мечети, а к завершению его — окончание ее строительства.^[105]

В центре города, у строящейся Соборной мечети, в раннезолотоордынский период вплоть до завершения строительства располагался могильник (раскопы II, VIII, XIII). На границе слоев IVр и IVп прослежено строительство каменных дюрбе над погребениями, по-видимому, наиболее знатных лиц, похороненных на этом кладбище^[106]. Дюрбе известны под названиями церковь св. Николая и Монастырский погреб, или Восточный и Северный мавзолеи. Надгробие 1291 г. в первом из них^[107], вероятно, определяет время возведения мавзолея, поскольку датировка не противоречит археологическим данным о его строительстве.

На южной окраине города, в районе Черной палаты (раскопы XV XXIII, LXXXIV) и восточнее нее (раскоп L), в начале золотоордынского периода недолгое время находился могильник рядового населения города[108]. Затем эта территория была застроена жилыми сооружениями

Склон третьей террасы у центральной части городища, где в слое IVр прослежено два строительных горизонта, был застроен домами, частично вкопанными в склон террасы (раскопы 19, 27). Из хозяйственных сооружений, кроме ям, здесь на ряде раскопов (3, 4, 20, 22, 27, 41) в разных горизонтах слоя обнаружены колодцы, неизвестные пока на верхнем плато городища. Вскрытые на склоне жилища были ориентированы так же как на верхнем плато городища. Кое-где были намечены улицы в направлении северо-восток—юго-запад (раскоп 19). В верхней части склона обнаружены горны по производству и обработке железа (раскоп 19). В восточной части у подножия склона в начале золотоордынского периода возникла подгорная слобода с металлургическим производством (раскоп 22). В период завершения слоя IVр на месте этой слободы строилась одна из общественных бань города для рядового населения посада. Еще одно здание общественной бани, возведенное из камня, обнаружено в западной части склона (раскоп 28). По обилию богатых находок, лучшему благоустройству и богатому убранству исследователи связывают эту баню с состоятельной торгово-ремесленной верхушкой городского населения[109]. Ее создание относится к рубежу слоев IVр и IVп.

К этому же стратиграфическому горизонту восходит создание гидротехнических сооружений для укрепления склона третьей террасы, состоящих из ряжей в виде срубов с плотной забутовкой, водоотводного и дренажного каналов, водосборного бассейна и водопоглощающего колодца[110]. Укрепление склона должно было обеспечить сохранность застройки на верхней террасе и возможность использования под строительство территории, расположенной ниже гидротехнических сооружений. В западной части города, исследованной пока слабо, также прослежены остатки жилых и хозяйственных бытовых сооружений раннезолотоордынского периода (раскоп 47, траншея 1973 г.). Частично вскрыто около 20 подполий срубных домов и земляночных построек. Преобладают здесь, как и в центре, наземные жилища. Много хозяйственных ям. Производственные объекты не встречены.

У городской черты с западной стороны, в урочище Бабий бугор (раскоп 14), к слою IVр относится верхний горизонт возникшего еще в домонгольский период мусульманского могильника.

Юго-восточный район Болгара, за Большим Иерусалимским оврагом, изучен несколько лучше. Здесь в слое IVр прослеживается два горизонта жилого строительства. С основанием слоя связаны землянка с очагом (раскоп XVII) и несколько полуземлянок с забутовкой (раскопы XXXV, XXXIX), а также слегка углубленные хозяйственные сооружения (раскоп XXXVII). Застройка редкая. Это как бы продолжение ранее существовавшего пригородного поселка. К верхнему же горизонту слоя IVр и к границе его со слоем IVп относятся остатки более интенсивного жилого строительства иного характера. Это наземные дома с подпольной системой отопления типа канов, с печами. Дома построены с применением песчаника, сырцового и обожженного кирпича (раскопы XVII, XXVII, XXIX, XXXV, XXXVII, XXXIX)[111]. Эти дома, свое-

образные по планировке и стропельным приемам, характерным для жилого строительства монгольских и нижневолжских городов Золотой Орды[112], можно связать с монгольским компонентом населения Болгара, осевшим в юго-восточном районе города в течение раннезолотоордынского периода. В раннезолото-ордынское время в других районах города дома этого типа неизвестны. С завершением слоя р в юго-восточном районе Болгара связано возникновение еще одного городского могильника (раскопы 49, XVII).

Новый район Болгара раннезолотоордынского периода — заречье. Здесь, по правобережью заболоченной Меленки, наблюдалось два горизонта жилого и производственного строительства. В жилом строительстве преобладают срубные постройки с подпольями и глинобитными печами (раскопы 23, 30, 37—40). Земляночные жилища редки (раскоп 40). Встречаются хозяйственные сооружения типа клетки, немного углубленные в грунт (раскоп 40).

На ряде участков заречного Болгара в слое IVр обнаружены остатки ремесленного производства. На западной окраине действовала гончарная мастерская. Здесь вскрыты горны, ямы для хранения глины и сбросовые ямы с бракованной продукцией (раскоп 30). Вблизи гончарной мастерской обнаружен дом ремесленника-кузнеца по черному металлу (раскоп 38). Вскрыты остатки домов зажиточных жителей города из среды торгового населения. В восточной части заречья открыты следы металлургического производства с горнами и производственными отходами. У восточной ремесленной окраины располагался древнерусский поселок, где также обнаружены остатки различных ремесленных производств (раскоп 36)[113]. Таким образом, заречная часть Болгара в раннезолотоордынское время была заселена торгово-ремесленным людом, болгарями и выходцами из Северо-Восточной Руси.

Датировка слоя IVр затруднений не вызывает. Поскольку он лежит на слое пожараща 1236 г. без стерильных прослоек, начало его образования нужно связать с восстановлением города по возвращении жителей на пепелище. Характер слоя в основании, большое количество суглинистых прослоек и древесных остатков свидетельствуют о повсеместной строительной деятельности по восстановлению города.

По массовому материалу слой IVр близок к предшествующему. Неполивная керамика имеет характерные черты оформления и технологии домонгольского периода: налпы на ручках кувшинообразных форм, резная орнаментация в виде фасок, завитков, заштрихованных треугольников. Довольно много посуды с обжигом коричневого цвета (на некоторых раскопах такая керамика составляет почти половину всей гончарной посуды). Доля керамики желтого цвета достигает 12—15%. Нет преобладания красной посуды высокого обжига. Показательно соотношение различных групп гончарной керамики из раскопа 22, который был заложен в восточной части склона третьей террасы, у его основания. Здесь слой IVр начал откладываться в связи с возникновением подгорной слободы с металлообрабатывающим ремеслом, а завершилось его отложение в период строительства на месте слободы первой из известных в Болгаре общественных бань. В слое слободы красная неполивная керамика составляет 27 %, коричневая — 59,4 %, серая — 21,3 %, желтая — 12 %.

Архаичность неполивной керамики в слое слободы в какой-то мере могла быть обусловлена перекопами предшествующего слоя, а также социальным составом населения. Однако сравнение ее на этом же участке с керамикой последующего времени выявляет закономерное изменение, в то время как сравнение с домонгольским комплексом указывает на еще большую архаичность, чем в слое V.

Связь неполивной керамики слоя IVр с домонгольским комплексом хорошо прослеживается и в районе гончарной слободы в заречье (раскоп 30), где домонгольских слоев не было. Здесь также наблюдаются многие из указанных особенностей домонгольской гончарной посуды. Но в этой мастерской было производство штампованной керамики из местных глин в подражание привозной штампованной сероглиняной среднеазиатской посуде, столь свойственной Болгару именно со слоя IV.

В слое IVр находят и поливную привозную посуду типа иранской XIII в., среднеазиатской с голубой и бирюзовой поливой на кашине. Есть и красноглиняная посуда с поливой зеленого цвета. Но по сравнению с последующим периодом поливной керамики немного, и считать ее характерной для слоя IVр нельзя.

Связь с комплексом домонгольского слоя прослеживается и по бытованию таких вещей, как шиферные пряслица, столь характерные для слоя V. Они продолжали, видимо, использоваться в XIII и начале XIV в., так как их находят не только в центральной части городища, где слой IVзалегает на слое V и, следовательно, возможно вторичное залегание пряслиц, но и в заречье — в древнерусской слободе и вне ее территории, где слоя V нет.

Все сказанное убедительно свидетельствует об образовании слоя IVр в период, следующий непосредственно за домонгольским, т. е. во второй половине XIII в. Достаточно частые в слое IVр монетные находки подтверждают эту датировку и уточняют ее.

Слой IVр отразил начало чеканки джучидских монет (раскопы 17, 37, 39, XIII, XV, XVI, XLI, раскопы 1954 г. Ага-Базара и др.) [114]. Вместе с монетами 1250-х годов и отдельно от них в слое IVр встречены монеты 1260—1280 гг. В верхней части слоя оказались монеты 1280—1300 гг. (раскопы 38, XXIX, XL и др.), а на грани слоев IVр и IVп и в основании слоя IVп (поздnezолотоордынского), в напластованиях засыпи и разрушения самых поздних сооружений слоя IVр залегают монеты 1310—1334 гг. (раскопы 3, 4, II, XV, XXXVII, XL, XLI и др.).

Таким образом, верхняя грань слоя IVр может быть датирована первыми десятилетиями XIV в.

Вторая половина XIII — начало XIV в. — это время восстановления Болгара. Болгар был одним из крупнейших развившихся на протяжении предшествующего времени торгово-ремесленных центров Поволжья. Именно его как старый экономический центр Поволжья делают своим главным городом золотоордынские ханы XIII в. Экономика Болгара восстанавливалась трудно. Об этом можно судить хотя бы по затянувшемуся на многие десятилетия строительству самой ранней из монументальных построек города золотоордынской поры — Соборной мечети. Однако при определенном поощрении торговли Болгар в XIII — начале XIV в. не только достиг домонгольского уровня, но и вступил в период нового расцвета. На протяжении раннезолотоордынского периода расширились границы города, восстановилось и рас-

ширилось ремесленное производство, укрепились торговые связи, было начато монументальное строительство. К концу раннезолотоордынского периода закончилось возведение Соборной мечети и завершилось оформление центра города с торговой площадью, четко распланированными улицами, мавзолеями знати. Была сооружена в подгорной части общественная баня, начиналось строительство других общественных зданий. Окончательное оформление центра и расширение монументального строительства было осуществлено в начале следующего, позднезолотоордынского периода истории города. Он связан со слоем IVп.

Слой IVп отразил и пышный расцвет Болгара, и сильные потрясения 60-х годов XIV в., и последующее частичное восстановление, и, наконец, упадок города. На некоторых участках городища была сделана попытка разграничить стратиграфические пласты, относящиеся к завершающему периоду его истории, выделить прослойки, отложившиеся до похода Булак-Тимура и разгрома города в 1361 г. и после этого события, нанесшего урон экономике и застройке [115]. Однако до сих пор слой 1361 г. выделен еще не всюду, и разграничить слой IVп по горизонтам пока трудно. Поэтому слой IVп будет рассматриваться в целом, но с учетом отдельных наблюдений, анализируя и суммируя которые можно представить Болгар второй половины XIV и начала XV в.

Итак, позднезолотоордынский слой Болгара — IVп — почти повсеместно представляет собой серую рыхлую супесь с мелкими углистыми и суглинистыми включениями, строительными остатками в виде кирпичной, известковой и гипсовой крошки, обожженной и необожженной глины, сырца, обугленной и сгнившей древесины. Больше строительных остатков на центральных участках городища, на склоне третьей террасы и на местах каменного и кирпичного строительства в юго-восточном районе, а также в заречье. Мощность слоя IVп от 20 до 120 см (вне ям). На многих раскопах в этих районах, а также в западной и юго-западных частях городища прослежены углистые прослойки, имеющие широкое распространение. В центре, на склоне и в юго-восточном районе их две — в нижней части слоя и в его завершении. В заречной и юго-западной частях городища — одна. Эта углистая прослойка хорошо датируется монетами середины XIV в. Самыми поздними среди них являются монеты 1361 г., что позволило «исследователям увязать прослойку с походом на Болгар Булак-Тимура. В заречье и юго-западном районе эта углистая прослойка имеет характер разложившегося угля, пропитавшего и окрасившего верхнюю часть культурного слоя. Выше залегает почвенный, частично распаханый слой без следов строительства и с очень редкими случайными находками.

В центре, на склоне третьей террасы и в юго-восточном районе городища с событиями 1361 г. связана углистая прослойка в нижней части слоя IVп, выше которой залегают монеты второй половины XIV и начала XV в. Надо сказать, что характер этой прослойки в центре и в юго-восточных районах городища несколько иной: часто прослеживаются куски угля, обугленных плах и бревен. Жизнь в этих районах не прекращалась.

Вторая углистая прослойка слоя IVп в центре и юго-восточном районе залегает в завершении слоя IVп и отражает гибель города в результате похода русских князей в 1431 г. Датируется она всем содержанием подстилающего слоя и прежде всего

золотоордынскими монетами с надчеканкой конца XIV — начала XV в. Эта прослойка имеет характер сильно разложившегося угля, измельченного в пыль, пропитавшую и окрасившую до синевы супесь в завершении слоя IVп. Такова она на всей центральной части городища, на Коптеловом бугре, склоне третьей террасы, в восточном и юго-восточном районах и на участке всхолмления, где располагается Белая палата. Она подстилает лежащие выше напластования периода Казанского ханства, или почвенный слой того времени, также окрашивая их.

Территория Болгара позднезолотоордынского периода занимает около 4 млн. кв. м и определяется в пределах большого вала (рис. 1; 3), воздвигнутого в первой четверти XIV в. [116], включая северный и заречный районы города. Это территория периода наивысшего экономического расцвета города в первой половине XIV в. Но нельзя считать, что на всей этой площади слой IVп имел сплошное распространение. Повсеместно он прослеживается в западном и восточном направлениях, причем в западном направлении он наблюдается и за валом. Но южная треть города имела лишь островки культурного слоя. На юго-восточной территории города во второй половине XIV — начале XV в. в пределах большого вала размещались лишь мавзолеи. Юго-западная часть города вообще находилась в запустении. Заречная северная часть в то время также стала пустырем. Жизнь Болгара в этот отрезок позднезолотоордынского времени продолжалась лишь в центральной части, включая северо-восточный мыс, Коптелов бугор и склон третьей террасы.

В центре Болгара прежде всего надо отметить оформление площади у Соборной мечети. В то время, когда завершилось формирование слоя IVр и началось образование слоя IVп, перестало использоваться кладбище мечети. Его перекрывают вымостка мечети и мостовая возле нее (раскопы VII, VIII, XIII). Мавзолеей церковь св. Николая с одним из наиболее поздних погребений кладбища определяет его восточную окраину. Мавзолеей Монастырский погреб также одновременно вымостке вокруг Соборной мечети и оформлению площади (раскопы III, IV, XIV). С западной, северной и восточной сторон в связи с созданием площади вокруг мечети от нее было отодвинуто строительство домов. Южнее мечети была проложена улица с деревянной мостовой, трижды обновлявшейся в течение первой половины XIV в. (раскоп VII).

Жилая застройка в центре города представлена в первой половине XIV в., как и в раннезолотоордынский период, преимущественно домами в виде срубов с подпольями, глинобитно-кирпичными печами и придомными хозяйственными постройками (раскопы 10, 12, 13, 15, 17, 45, 48, VII, XVI, XXVIII, XXX, XXXVI, XLI, L, LX, LXVII, LXVIII). Встречаются землянки и полуземлянки (раскопы 48, XXVIII, XXXVI, L, LIII, LVI, LX, LXVIII, LXXXIII, LXXXVI). Некоторые из них явно связаны с деятельностью ремесленников (раскопы 48, XXVIII, LXXXIII). Это их дома и мастерские.

В слое IVп в центре города среди наземных срубных домов с подпольями появляются дома из сырцового и жженого кирпича с применением дымогарных труб в конструкции отопления. Об этом можно судить по скоплениям строительного материала в развалах дома. Остатки такого рода связаны с верхним горизонтом слоя IVп (раскопы 12, 15, 17, 45, XXIII, XXIV, L, LX, LXVIII, LXXXIV). Одновременно с такими домами продолжали существовать срубные постройки и землянки. Появление в центре города домов из сырцового кирпича с глинобитным полом, по-видимому, типа построек, характерных для

нижневолжских золотоордынских городов возможно, свидетельствует о том, что во второй половине XIV в., вероятно, после 1361 г., здесь обосновалось население, которое прежде обитало только в юго-восточном районе Болгара.

В слое IVп в центре города наблюдается три-четыре строительных горизонта с прежней, довольно выдержанной ориентировкой жилых сооружений, хотя и с некоторой перепланировкой (раскоп XXXVIII). В первой половине XIV в., до 1361 г., продолжалось интенсивное строительство. На вскрытой площади обнаружены признаки более 100 жилых и хозяйственных сооружений. В последующее время, во второй половине XIV — начале XV в., на той же площади их было не более 40.

Признаки производственной ремесленной деятельности в центральной части городища отмечены на многих участках (раскопы 12, 15, 18, 48, XXIII, XXIV, XXVIII, XXXVI, LVII, LVIII, LXVIII, LXXIII, LXXXIII и др.). Восточнее Соборной мечети обнаружены мастерская резчика по кости (раскоп XXVIII), отходы кузнечного производства (раскопы XXXVI, LXVIII) и следы деятельности медника в виде многочисленных обрезков листового металла и некоторых орудий труда (раскоп XXXVI). Юго-западнее Соборной мечети (раскоп 18) в слое IVп открыты признаки меднолитейного производства, существовавшего здесь издавна. Прерванная в середине XIV в., вероятно, в связи с событиями 1361 г., деятельность располагавшихся тут медеплавильных горнов позднее опять возобновляется[117]. Несколько западнее участка медеплавильного производства располагался район производства черного металла. Металлургические горны района, а их вскрыто 16 (раскопы 12, 15) и располагаются они несколькими горизонтами, производили кричное железо и чугуны в течение середины и второй половины XIV в.[118]

Производственные комплексы в этом месте продолжали традиции металлургического ремесла, возникшего первоначально на юго-западной окраине города в XI—XII вв.[119] и сохранявшегося на протяжении всей последующей истории города с некоторым расширением производственного района в XIV в. к северо-востоку (раскоп 5) и югу (раскопы XXIII, LXXXIII). Только в конце XIV — начале XV в. значение этого района как металлургического утрачивается, и происходит застройка его глинобитными и кирпичными жилыми домами, в том числе сырцовыми с подпольной системой отопления в виде канов (раскоп LXXXIV).

Ко второй половине XIV в. относятся признаки обработки металла в районе размещения Черной палаты. Здесь обнаружены развалы домов кузнецов со скоплениями необработанного железа (раскопы XXIII, XXIV) и остатки мастерских в виде землянок по обработке черного и цветного металла (раскоп LXXXIII).

Могильников в центральной части города с прекращением захоронений возле Соборной мечети не стало. Костяки, найденные в завершении слоя IVп на северо-восточной (раскоп 1) и северо-западной (раскоп 13) окраинах центральной части города, не связаны с регулярными захоронениями. Четыре костяка, встреченные на северо-западной окраине центральной части города, происходят из поздних неглубоких, совершенных наспех захоронений под слоем III, на заброшенном тогда участке. Несколько скелетов на Коптеловом бугре оказались неполными, при залегании и в подпольной, хозяйственной яме, в тех же стратиграфических условиях завершения слоя IVп. И те и другие можно, вероятно, связать с гибелью города в 1431 г.

В центре Болгара в позднезолотоордынскую пору, украшая город, придавая ему восточный облик, стояло несколько монументальных зданий из камня. Прежде всего это Соборная мечеть. Построенная в ранне-золотоордынский период, она после разрушений, причиненных походом Булак-Тимура, претерпела капитальный ремонт и внутреннюю перепланировку. Следы ремонтных работ болгарского периода несут и усыпальницы возле мечети.

Руины каменных зданий в виде крупных холмообразных возвышений с массой камня располагаются недалеко от северного края Большого Иерусалимского оврага. Работами южнее этих бугров (раскоп LX) в верхнем горизонте слоя IVп были обнаружены скатившиеся под уклон к оврагу большие, хорошо отесанные известняковые блоки. На всех планах конца XIX — начала XX в. здесь значатся развалины каменных зданий, а в сводном плане А. Штрауса, Н. Савенкова и др.[120] они определены как «ханские палаты или бани». Несколько не обнаруженных еще археологами каменных зданий отмечено на планах XIX в. восточнее Соборной мечети, на северо-восточной и южной окраинах центральной части города.

У южного края центра Болгара расположена Черная палата. Бывшая скорее всего небольшой мечетью, она служила этому новому ремесленному району Болгара с середины XIV в. и до конца истории города[121]. Вблизи нее обнаружены остатки еще одной каменной постройки (раскоп LXXXIV). К центру города позднезолотоордынского периода тяготеет и Белая палата — еще одна общественная баня из известнякового камня, единственная на верхнем плато. Она построена на всхолмлении у одного из верхних отрогов Большого Иерусалимского оврага.

Этот участок начал заселяться только в позднезолотоордынское время. В нижнем напластовании слоя IVп возле Белой палаты и под северной частью здания оказались землянки и несколько хозяйственных ям. Горизонт строительства бани по строительным остаткам и дневному уровню котлована, совпадающим с уровнем грани цоколя и фундамента, определяется как верхний горизонт слоя IVп. Он содержит типичную поливную керамику и монеты середины XIV в. Одновременны бани остатки небольшой наземной постройки с подпольем и несколько ям типа погребов. В завершении слоя IVп явно выделяется горизонт пожара, подстилающий слой II (русской деревни). Стратиграфически он может быть истолкован как результат разгрома города в 1431 г. В слое пожара, более мощном в углублениях, в западинах ям вблизи здания много известнякового камня — следы разрушения бани.

Склон третьей террасы у центра города в позднезолотоордынский период был местом расположения нескольких общественных бань, возведенных из камня и кирпича. Сооружение двух из них (раскопы 22, 26) относится ко времени завершения слоя IVр, но эксплуатация их связана, видимо, с первой половиной—серединой XIV в.[122] Более поздней является баня, известная в литературе под названием Красная палата из-за красного цвета штукатурки и кирпича ее стен (раскопы 3, 4). Выстроенная в середине XIV в., она существовала до конца Болгара[123] и после событий 1361 г. была единственной баней в нижней части города, так как все другие были разрушены.

Сооружение этой монументальной постройки стало возможным после осуществленного в начале XIV в. укрепления склона террасы дренажно-ряжевой системой, которая надежно служила в течение всего рассматриваемого периода, подвергаясь лишь некоторым ремонтным работам[124]. Такая картина застройки склона наводит на мысль о связном, комплексном решении благоустройства города в XIV столетии. Не исключена возможность водоснабжения бань, в частности Красной палаты, из системы гидротехнических сооружений на склоне террасы.

Кроме некоторых сооружений, связанных со строительством и функционированием Красной палаты (вымостка, колодец, водопровод, уличный водоем), в верхней части склона в слое IVп вскрыто несколько срубных домов с подпольями и печами из сырца и жженого кирпича (раскоп 19). В основании западной части склона после разрушения бани, т. е. уже во второй половине XIV — начале XV в., были построены жилые дома, в том числе дом с глинобитным полом, и вырыты хозяйственные ямы (раскопы 26, 41). На этом участке в завершении слоя IVп отмечены признаки ремесленной обработки черного металла — скопления железного шлака.

В северо-западном слабо исследованном районе верхнего плато городища сведений для характеристики слоя IVп немного. Работами близ края террасы (раскоп 47) выявлены следы монументальной постройки из кирпича и камня с известковой субструкцией вместо фундамента. Здание было, вероятно, отделано штукатуркой и мозаикой из изразцов. Существовало оно в середине XIV в.[125]

Юго-западнее этого здания, на южном краю Британкина озера (раскоп 5), открыта землянка с деревянной конструкцией стен и перекрытия, со скоплением железного шлака и отделено от него криц. Это сооружение интерпретируется как кузница из числа наиболее поздних в городе. Судя по тому, что ближайший от этого объекта строительный комплекс находится только в 20 м к востоку, а мощность слоя в этом направлении уменьшается с 30 до 5 см, можно заключить, что застройка северо-западной части города в позднесолотоордынский период была неплотной.

О том же свидетельствуют наблюдения, сделанные исследователями к югу от этого района (раскоп XLIV и траншея 1973 г.). Здесь на траншею Длиной 540 м и раскоп в слое IVп приходится только 20 жилых и хозяйственных сооружений и три погребения. Жилых построек в виде наземных срубных домов, землянок и полуземлянок — не более семи. Этот район без богатых находок и с весьма рядовой застройкой был обитаем в первой половине XIV в. После событий 1361 г., от которых остались выразительный слой пожарища и три оказавшихся в хозяйственной яме погребения, жизнь здесь замерла. Выше пласта пожарища залегает слой темно-серой аморфной супеси, отражающий последующее запустение района.

Участок города у западного вала, как показали траншеи 1975—1976, 1980 гг. и несколько небольших раскопов (LI, LIX, LXXII, LXXIV), был освоен как жилой только в позднесолотоордынский период. Здесь на траншею протяженностью 1332 м и раскопы приходится 93 жилых и хозяйственных сооружения, расположенных в двух строительных горизонтах. Около 40 из них — подполья наземных срубных домов и земляночные жилища. Таким образом, плотность и характер застройки здесь примерно те же, что и севернее, в районе траншеи 1973 г. Постройки относятся к первой половине — середине XIV в. С концом этого периода связано небольшое (1 га) кладбище (раскопы LIX,

LXXII, траншея 4 1976 г.)[126]. На нем вскрыто 19 мусульманских погребений. И постройки, и кладбище прекратили существование в середине XIV в. Слой пожарища, определяемый по содержанию в нем монет, наконечников стрел и другого материала как слой погрома, учиненного в 1361 г. Булак-Тимуром, перекрывает жилое строительство и погребения[127]. Монеты начала 60-х годов найдены только в нем.

Выше пожарища залегает почвенный слой, в значительной мере перепаханный. Пашней переработан не только почвенный слой, но и пласт пожарища. Но тот и другой хорошо прослеживаются в западинах ям. Таким образом, и этот участок городища во второй половине XIV в. приходит в запустение.

Юго-западный район города, у Голланского озера и на участках, прилегающих к нему с северо-востока, представлял собой в позднезолотоордынский период район обитания и жизнедеятельности ремесленников — гончаров, медников и кузнецов. Гончарные мастерские с одним, двумя и четырьмя горнами, запасы сырьевой глины в ямах, бракованная и битая посуда выявлены на северо-западном, юго-западном и северном берегах озера (раскопы 16, LXX, траншея 1969 г.)[128]. Эти мастерские снабжали продукцией высокого качества весь город, всю округу далеко за его пределами. Время работы гончарных мастерских по монетам и другим находкам ограничивается 20-ми — началом 60-х годов XIV в.

Признаки медеплавильного и медеобрабатывающего производства обнаружены на северо-восточном берегу Голланского озера и к северо-востоку от него (раскопы XXXIV, LXI—LXIV, LXX, траншея 1969 г.). Это скопление шлаков, обрезки листовой меди и полуфабрикаты в культурном слое, а также льячки в доме медника-литейщика (раскоп XXXIV). Время функционирования этого производства — первая половина-середина XIV в.

К северо-востоку от Голланского озера (раскопы LXI—LXIV, LXVI) в культурном слое и сбросовых ямах обнаружено большое количество железного шлака, куски криц и много железных изделий. Указанный материал свидетельствует о существовании кузнечного, а может быть, и металлургического производства в этом районе в течение первой половины XIV в.

Жилое строительство здесь представлено в основном землянками, хотя вскрыты и подполья наземных срубных домов с глинобитно-кирпичными печами. Прослеживается два строительных горизонта. Постройки ориентированы по линии север—юг и север—северо-запад—юг—юго-восток. В расположении землянок (раскопы LXI, LXIV, LXVI) наблюдается спланированность, выдержанная в обоих строительных горизонтах. Плотность застройки сравнительно невелика и подобна той, что наблюдалась северо-западнее, на участке у западного вала. В верхней части слоя найдены монеты 1350-х гг. и обнаружен пласт пожарища. Начало возникновения ремесленного поселка в юго-западной части городища, возможно, относится к раннезолотоордынскому периоду, о чем свидетельствуют некоторые более ранние, но оказавшиеся в слое IVп во вторичном залегании находки.

В юго-западной части Голланского озера и к югу от него найдены человеческие костяки (раскоп 16). Погребения, по-видимому, относятся к более позднему времени, чем гончарная мастерская. Южнее (раскоп XLIII) продолжения этого позднего кладбища не оказалось.

Юго-восточная и восточная части городища в позднезолотоордынский период осваиваются гораздо шире. Не только район Ханской усыпальницы и Малого минарета, но и пространство между Малым и Большим Иерусалимскими оврагами было заселено, хотя и не сплошь, как, впрочем, было в этой части городища и ранее. Слой IVп наблюдается и в обнажении восточного склона Малого Иерусалимского оврага, до большого вала. Более интенсивно обживаются уже заселенный прежде участок у Ханской усыпальницы и Малого минарета и район к юго-востоку от них. Появившийся в конце предшествующего периода могильник использовался и в первой половине XIV в. (раскопы XVII, XXVI). Здесь сооружается усыпальница (раскоп XXVI). Однако использование могильника, видимо, было ограничено. Зато расширяется застройка домами из сырцового кирпича с подпольной системой отопления (раскопы 49, XXVII, XXXV, XXXIX, XL, XLV, XLVIII, XLIX, LIV), образовавшая целое поселение-представителей привилегированного населения города. Одновременно с этими домами сооружаются глубокие и крупные землянки, вероятно, служившие жильем подневольному населению поселка (раскопы XLV, XLIX). Существовали, видимо, в этом поселке и обычные для Болгара срубные дома с подпольями (раскопы XXXVII, XL, LIV) и полуземлянки (раскоп XXXVII). Но их немного, и определяли облик поселка не они, а сырцовые и кирпичные постройки с застройкой усадебного типа, хозяйственными службами и пространством между усадьбами. Многолетние исследования этого района убедительно доказали, что жизнь в поселке продолжалась до середины XIV в. [129] По стратиграфическим данным и монетным находкам разрушение и гибель связываются с походом Булак-Тимура.

В дальнейшем облик района определяется кладбищем, на котором совершали погребения в усыпальницах и без них (раскопы 49, XXVI, XXVII, XXIX, XXXV, XXXVII, XXXIX, XLV, XLVIII, XLIX, LIV, LXXVI, LXXVII, LXXXI). После 1361 г. завершается строительство Ханской усыпальницы, начатое раньше (раскоп XXVI). Одновременно с ней и позднее рядом возводятся другие усыпальницы (раскопы XXVI, XXIX, XXXV). К верхней части слоя IVп относится строительство Малого минарета (раскоп XXVII) [130]. В конце XIV — начале XV в. мавзолеи с одиночными и коллективными захоронениями появляются восточнее (раскоп LXXVII) и юго-восточнее (раскопы XXXVII, LXXVI) минарета [131], занимая площадь бывшей усадебной застройки с сырцовыми и кирпичными домами. Здесь же возводится небольшая мечеть (раскоп LIV), позднее также превращенная в усыпальницу. Следы разрушенных каменных мавзолеев имеются и в южной части городища.

Все поздние постройки этого района подверглись разрушению в 1431 г. Признаки этого разрушения выявились при археологических исследованиях в верхней части слоя IVп. В частности, на вымостке поздней мечети (раскоп LIV) обнаружен слой пожара.

Заречный район Болгара оставался в позднезолотоордынский период ремесленным посадом. В восточной его части продолжалось железоделательное производство (раскоп 39), а в западной — гончарное (раскопы 30, 38) [132]. Участок жилого строительства зажиточной торгово-ремесленной прослойки в позднезолотоордынский период был превращен в свалку гончарного брака (раскоп 38). На окраине гончарной слободы (раскоп 37) и в районе металлургических мастерских (раскопы

39, 42) вскрыты наземные дома с подпольями и слегка углубленные в грунт жилища со стенами из кольев, обмазанных глиной, принадлежавшие ремесленникам среднего достатка.

Примечательностью района в исследуемый период была общественная баня, сооруженная из камня и кирпича, с фонтаном, водоразборным сооружением, площадью перед ней и колодцами (раскопы 23, 25)[133]. Ее строительство, от которого остались яма для гашения извести и горн для обжига кирпича, связано с основанием слоя IVп, а бытование и ремонтные работы — с последующими его напластованиями. Монетами и другими вещами (например, серебряный перстень с печатью времени хана Узбека) слой IVп в западной части заречья датируется 30—60-ми годами XIV в. Монеты 1360-х годов найдены в сгоревших постройках, стратиграфически относящихся к завершению слоя (раскопы 39, 42). Из найденных на площади бани 216 монет лишь одна оказалась чеканенной в 1360-х годах[134]. Более поздней застройки в западной части заречья не обнаружено. После событий 1361 г. жизнедеятельность слободы прекратилась.

Существование древнерусского поселка на восточной окраине заречья также ограничивается первой половиной XIV в.[135]

В районе домов металлургической слободы в восточной части заречья встречена монета с надчеканкой конца XIV — первой половины XV в. (раскоп 42). Возможно, что здесь жизнь продолжалась и в конце XIV — XV в.

Периферийные ремесленные слободы в основном были уничтожены погромом 1361 г. Этим золотоордынские правители и претенденты на правление значительно ослабили экономику не только города, но и более широкой округи. Но золотоордынские ханы не были заинтересованы в полном уничтожении Болгара. Поэтому, видимо, центр города пострадал меньше. Вскоре жизнь в нем восстановилась, хотя и на более низком экономическом уровне. Все же город был способен вести торговлю и обеспечивать продукцией ремесла оставшееся в нем население.

Завершая описание Болгара позднезолотоордынского периода, упомянем о находившейся за пределами городских укреплений, к северо-западу от них, у края верхней террасы, на месте ранее существовавшего болгарского пригородного поселка (раскопы 7, 8) армянской слободе.[136] Здесь были кладбище и христианский храм, именуемый Греческой палатой. Далее к западу вдоль террасы отмечены следы каменной постройки (раскоп 6).

К югу от городища, тотчас же за валом, располагается Малый городок, Скрепленный рвами и валами, с парадным, оформленным каменными пилонами въездом с северной стороны и с каменной постройкой в южной части. Назначение его еще не определено. Установлено, что каменная постройка входила в систему внутренней линии укреплений городка, а культурные остатки в его слое незначительны (раскопы LXXIX, LXXX, LXXXVII). Эти наблюдения, а также топография размещения свидетельствуют о сторожевом назначении городка. Ведь если по воде связи Болгара осуществлялись через Ага-Базар — поселок и пристань на Волге, то сухопутный южный путь вел сюда через Малый городок — городской форпост.

Торгово-ремесленный поселок на Ага-Базаре продолжал развиваться и во второй половине XIV—начале XV в. жил даже более интенсивной жизнью, чем Болгар[137].

Картина Болгара позднесолотоордынского периода будет неполной, если не указать на насыщенность слоя IVп, особенно той его части, которая отложилась в первой половине XIV в., вещевыми находками и прочими остатками жизни. Наибольшая насыщенность наблюдается в центральной части города с более густой застройкой, там, где размещалось жилье состоятельной части населения. Отдаленные ремесленные слободы жили скромнее. Однако и среди их жителей наблюдалось имущественное расслоение.

Последующий период истории Болгара археологически связан со слоем III стратиграфической шкалы городища, определяемым как слой эпохи Казанского ханства[138]. Он представляет собой серую супесь аморфной структуры в центре городища, на склоне и в юго-восточной части, т. е. везде, где слой IVп завершается прослойкой 1431 г. Иной характер — зернистую структуру, похожую на чернозем, — он имеет на других участках городища, где жизнь прекратилась в середине XIV в. и со временем стал образовываться почвенный слой. Везде, где слой III залегает на пожарище 1431 г., он окрашен в синевато-черный цвет. Мощность слоя III — от 8—10 до 30—40 см.

Залегая между слоями II (русским) и IVп (болгарским), слой III только на немногих участках содержит находки и остатки построек. Это участки центра городища, практически территория самой ранней части города, и северо-восточный мыс. Видимо, часть жителей сожженного в 1431 г. города осталась жить на его руинах, образовав небольшой поселок у края террасы.

В раскопах на этой территории (24, XXX, XLII, LIV, LXIX, LXVIII) обнаружены следы жизни этого поселка: подполья наземных домов (раскопы 24, XXX), столбовая ямка от наземной постройки (раскоп LXXVIII) и находки керамики (раскопы 10, XVI, XLII, XLVII, LXVIII, LXIX), а также погребения в мечети слоя IVп в юго-восточной части городища (раскоп LIV).

Датируется этот поселок стратиграфически и по находкам керамики наиболее позднего облика, в которой обращает на себя внимание серо-черная, почти сплошь гончарная лощеная посуда и кирпично-красная без лощения или с редким лощением и частым многозонным тонким линейным орнаментом.[139]

Небольшое население поселка жило в немногочисленных, видимо, жилищах у края террасы, занимая не более 5 тыс. кв. м вдоль террасы. Теплилась жизнь и на Ага-Базаре, где раскопками в основании слоя III также обнаружены остатки дома. Ни в Болгаре, ни на Ага-Базаре не найдены следы ремесленного производства. Скорее всего существование этих поселков поддерживалось паломничеством людей, хранящих память о Болгаре.

- 1 Смирнов А.П. Волжские булгары // Тр. ГИМ. М., 1951. Вып. 19. С. 168 сл.; 1 Он же. Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография // 1 МИА. М., 1954. № 42. С. 302 сл.
- 2 Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. С. 125—127.
- 3 Ефимова А.М. Кладбище на окраине посада города Болгара // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 24; Тизенгаузен В.Г. Древности, найденные близ г. Спасска Казанской губернии // Древности: Тр. MAO. М., 1873. Т. III; Архив ЛОИА. АК. № 15.
- 4 Смирнов А.П. Основные этапы... С. 304; Тр. IV AC. Казань, 1884. Т. I. С. XXXIX; Антропологическая выставка 1879 г. М., 1879. Т. II. С. 108.
- 5 Протоколы ОАИЭ за 1880—1881 гг. // ИОАИЭ. Казань, 1885. Т. IV. С. 45, 46.
- 6 Износков И.А. О болгарских раскопках // Изв. о занятиях VII AC. Ярославль, 1887. № 11. С. 3, 4; № 12. С. 3—5; Тр. VII AC. М., 1892. Т. III. С. 82—84; Казаринов В.А. Описание раскопок, произведенных в с. Болгарах Казанской губернии на так называемой Белой палате, или Бане // НБ КГУ, д. 2344; Он же. Развалины древних зданий при с. Болгарах // ИОАИЭ. Казань, 1888. Т. IV, вып. 2. С. 17—36.
- 7 Штукенберг А.А. Последние раскопки в Болгарах // ИОАИЭ. Казань, 1892. Т. X. вып. 1. С. 108—110; Он же. Экскурсии, раскопки и случайные находки: Раскопки «Четырехугольника» в Болгарах // Там же. Вып. 4. С. 477. 448; Он же. Отчет о работах в Болгарах в 1892 г. // ОАК за 1892 г. СПб., 1894. С. 67—69; Фирсов Н.А. Отчет о раскопках Четырехугольника // НБ КГУ, д. 7, л. 4, 91.
- 8 ОАК за 1893 г. СПб., 1895. С. 23, 24, 94—101; Волжский вестник. 1893. № 278; Археологические известия и заметки. СПб., 1893. С. 461.
- 9 Протоколы общих собраний и заседаний Совета ОАИЭ за 1914 г. // ИОАИЭ. Казань, 1916. Т. XXIX, вып. 4.
- 10 Хомяков М.М. Отчет о раскопках в Болгарах летом 1913 г. // ИОАИЭ. Казань, 1916. Т. XXIX, вып. 4. Кротов П.И. О поездке в Болгары и о проведенных там раскопках // Там же.
- 11 Ильинский Л.К., Худяков М.Г., Покровский С. П., Крелленберг Б.Е. Отчет О раскопках в Болгарах в июле 1914 г. // ИОАИЭ. Казань, 1916. Т. XXIX, вып. 5/6. С. 197—230; Крелленберг Б.Е. Сообщение о ходе работ 1914 г. в Болгарах на заседании Совета ОАИЭ // Там же; Хвостов М.М., Ильинский Л.К., Крелленберг Б.Е., Худяков М.Г. Отчет о раскопках в Болгарах летом 1914 г. // Там же.
- 12 Крелленберг Б.Е. Раскопки Четырехугольника в Болгарах в 1915 г. // ИОАИЭ. Казань, 1919. Т. XXX, вып. 1. С. 89—95; Смолин В.Ф. Отчет об археологических раскопках в Болгарах в июне 1915 г. // Там же. С. 67—73; Три альбома с зарисовками раскопок в Болгарах в 1914—1915 гг. // НБ КГУ, д. 1. 529—31.
- 13 Смолин В.Ф. Краткий отчет о раскопках в Болгарах летом 1916 г. // ИОАИЭ. Т. XXX, вып. 1. С. I3—116; Полевые дневники раскопок В.Ф. Смолина на Греческой палате в Болгарах в 1916 г. // НБ КГУ, д. 1.531.
- 14 Казанский музейный вестник. Казань, 1920. № 1/2. С. 55; Башкиров А.С. Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1929. С. 17; Ефимова А.М. Кладбище на окраине... С. 24.
- 15 Башкиров А.С. Памятники булгаро-татарской культуры... С. 17; Смирнов А.Л. Основные этапы... С. 305.
- 16 Казанский музейный вестник. 1920. № 1/2; Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. Казань, 1927—1929. Вып. I—III; ВНОТ. Казань 1928. № 8.
- 17 Древнейшая географическая карта, относящаяся к концу XVI в. / Возобновлена и пополнена в 1627 г., переиздана в 1838 г. СПб., 1838.
- 18 Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств // Тр. I AC. М., 1871. Т. II
- 19 Дмитриев А. Древний Булгар и татарские о нем предания // ИОАИЭ. Казань, 1889. Т. VII. С. 7.
- 20 Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. Прил. С. 571—582.

- 21 Борисов В.Л. Описание развалин города Булгара подполковником Свечиным в 1765 г. // ИОАИЭ. Казань, 1898. Т. XIV, вып. 5.
- 22 Шмит А. Архитектурные чертежи развалин древних Болгар. М., 1832; То же// ЗАН. СПб., 1872. Т. XXII. С. 127; Флоринский В. М. Первобытныя славяне по памятникам их доисторической жизни. Томск, 1894. Табл. X.
- 23 Тр. I АС. М., 1871. Табл. X.
- 24 План развалин и укреплений бывшей столицы Волжской Болгарии, находящейся при с. Успенское — Болгары // По замечательным местам Поволжья: Поездка по Казанской губернии и болгарским развалинам. Казань, 1896. Прил.
- 25 Россия: Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. П.П. Семенова-Тяньшанского. СПб., 1901. Т. VI: Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. С. 374—380.
- 26 Смолин В.Ф. По развалинам древнего Булгара. Казань, 1926.
- 27 Башкиров А.С. Памятники болгаро-татарской культуры... С. 10. Табл. 1.
- 28 Смирнов А.П. Волжские болгары. С. 171 сл.
- 29 Городище занимает край верхней третьей волжской террасы, ее склон и побережье заболоченной речки Меленка на первой надлуговой террасе.
- 30 Зрубева А., Смирнов А. Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла 1938—1939 гг. // ВДИ. 1939. № 4 (9). С. 199, 200; Смирнов А.П. Волжские болгары. С. 171—173.
- 31 Система указаний на раскопы в этом и других очерках книги следующая. Все раскопы до 1964 г. перенумерованы подряд арабскими цифрами, под которыми они обозначены на плане (рис. 1). В Приложении (см. ниже) дается опись раскопов, где арабские номера раскопов текста и рис. 1 приведены в соответствие с теми номерами, которые давались во время раскопок. Это вызвано тем, что до 1964 г. нумерация раскопов каждый год начиналась заново. Раскопы после 1964 г. обозначались римской цифрой в единой сплошной системе нумерации, которая не изменилась за все последующие годы. Эти номера сохранены при указании раскопов после 1964 г. в настоящем издании.
- 32 Смирнов А.П., Калинин Н.Ф. Отчет о раскопках в с. Болгарах Куйбышевского р-на ТАССР // Архив ГИМ. Д. 19. Л. 4.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Смирнов А.П. Волжские болгары. С. 308, 309.
- 36 Там же. С. 200, 201.
- 37 Смирнов А.П. Баня XIV в. в Великих Болгарах// КСИИМК. М., 1940. Вып. 6. Он же. Болгары // Тез. докл. археологической сессии Ученого совета ГИМ 19— 23 марта 1941 г. М., 1941; Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Реконструкция болгарской бани // КСИИМК. М., 1946. Вып. 23; Хованская О.С. Бани города Болгара // МИА. М., 1954. № 42. С. 3407—414.
- 38 Смирнов А.П. Волжские болгары. С. 173.
- 39 Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П., Хованская О.С. Исследование города Болгара // КСИИМК. М., 1949. Вып. 27. С. 152.
- 40 Ефимова А.М., Хованская О.С., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г. //КСИИМК. М., 1947. Вып. 21. С. 106—108; Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П., Хованская О.С. Исследование города Болгара. С. 152—155. Они же. Раскопки Великих Болгар//КСИИМК. М. 1950. Вып. 33. С. 63—68; Ефимова А.М. Металлургические горны в городе Болгаре // КСИИМК. М., 1951. Вып. 38. С. 128—134; Хованская О.С. Новые данные о городе Болгаре // КСИИМК. М., 1951. Вып. 38. С. 120—127.

- 41 Ефимова А.М., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Раскопки городища Великие Болгары в 1945 г. // КСИИМК. М., 1947. Вып. 17. С. 140, 148; Ефимова А.М., Хованская О.С., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Раскопки развалин Великих Болгар... С. 103, 110; Акчурина З.А., Смирнов А.П., Хованская О.С. Раскопки Великих Болгар. С. 70.
- 42 Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П., Хованская О.С. Исследование города Болгара. С. 150.
- 43 Ефимова А.М. Догородские поселения на территории Болгарского городища// Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 18; Акчурина З.А., Ефимова А.М. Смирнов А.П., Хованская О.С. Раскопки Великих Болгар. О. 75, 76.
- 44 Ефимова А.М., Хованская О.С., Калинин Н.Ф., Смирнов А.Я. Раскопки развалин Великих Болгар... С. 109, 110; Хованская О.С. Оборонительная система города Болгара // МИА. М., 1958. № 61. С. 316—329.
- 45 Хованская О.С. Оборонительная система города Болгара. С. 327, 328.
- 46 Ефимова А.М., Калинин Я.Ф., Смирнов А. П. Раскопки городища Великие Болгары... С. 148, 149.
- 47 Акчурина З.А., Ефимова Л.М., Смирнов А.П., Хованская О.С. Раскопки Великих Болгар. С. 69—74; Хованская О.С. Гончарное дело города Болгара МИА М., 1954. № 42. С. 356—365.
- 48 Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.Я., Хованская О.С. Исследование города Болгара. С. 149—152; Они же. Раскопки Великих Болгар. С. 74—78; Ефимова А.М. Кладбище на окраине... С. 24—29.
- 49 Ефимова А.М., Калинин Я.Ф., Смирнов А. Я. Раскопки городища Великие Болгары... С. 139.
- 50 Там же. С. 139—148; Ефимова А.М., Хованская О.С., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. I Раскопки развалин Великих Болгар... С. 102—106.
- 51 Смирнов А.П. Археологические исследования 1950 г. в зоне строительства Куйбышевской ГЭС // КСИИМК. М., 1952. Вып. 44. С. 20—28.
- 52 Хованская О.С. Раскопки бани начала XIV в. на Болгарском городище КСИИМК. М., 1952. Вып. 44; Она же. Бани города Болгара. С. 393, 415; Шмит А. Архитектурные чертежи развалин древних Болгар.
- 53 Ефимова А.М. Древние инженерные сооружения на укреплении берега в городе Болгаре // КСИИМК. М., 1952. Вып. 44. С. 41—44.
- 54 Смирнов А.П. Итоги исследований в зоне строительства Куйбышевской ГЭС // КСИИМК. М., 1953. Вып. 50. С. 5—13.
- 55 Хованская О.С. Водоснабжение и канализация болгарской бани // КСИИМК. М., 1953. Вып. 50. С. 69—75.
- 56 Ефимова А.М. Гидротехнические сооружения в городе Болгаре II КСИИМК. М., 1953. Вып. 50. С. 64—67.
- 57 Жиромский Б.Б. Подгорная слобода Болгара // КСИИМК. М., 1953. Вып. 50. С. 55—62; Хованская О.С. Бани города Болгара. С. 415.
- 58 Смирнов А.П., Мерперт Н.Я. Экспедиция на строительстве Куйбышевской ГЭС в 1952 г. // ВАН. М., 1953. № 1.
- 59 Ефимова А.М. Гидротехнические сооружения древнего Болгара // МИА. М., 1954. № 42. С. 369—392.
- 60 Смирнов А.П. Археологические работы ИИМК АН СССР на новостройках // КСИИМК. М., 1954. Вып. 55. С. 23; Хованская О.С. Гончарное дело... С. 350—356. I
- 61 Смирнов А.П. Археологические работы ИИМК... С. 23; Смирнов А.П., Мерперт Н.Я. Археологические исследования Куйбышевской археологической экспедиции в 1953 г. // ВАН. М., 1954. № 4. С. 67; Жиромский Б.Б. Ага-Базар // МИА. М., 1954. № 42. С. 326—339; Смирнов А.П. Итоги археологических работ в зоне затопления Куйбышевской ГЭС. Казань, 1955. С. 22, 23; Смирнов К.А. Святилище в урочище Ага-Базар // МИА. М., 1958. № 61. С. 453—458; Он же. Раннеболгарская, землянка в урочище Ага-Базар // МИА. М., 1960. № 80. С. 155—158.
- 62 Смирнов А.П., Мерперт Н.Я. Археологические исследования Куйбышевской. экспедиции в 1953 г. С. 66; Хованская О.С. Новые данные о крепостных сооружениях Болгар // КСИИМК. М., 1956. Вып. 62. С. 129-133.

- 63 Смирнов А.П., Мерперт Н.Я. Археологические исследования Куйбышевской экспедиции в 1953 г. С. 66; Ефимова А.М. Новые данные о болгарской металлургии // КСИИМК. М., 1956. Вып. 62. С. 135—139.
- 64 Смирнов А.П., Мерперт Н.Я. Археологические исследования Куйбышевской экспедиции в 1953 г. С. 67; Смирнов А.П. Итоги археологических работ в зоне затопления С 22; Хлебникова Т.А. Древнерусское поселение в Болгарах // КСИИМК. М., 1956. Вып. 62. С. 141—146.
- 65 Смирнов А.П., Мерперт Н.Я. Куйбышевская археологическая экспедиция 1964 г. // КСИИМК. М., 1956. Вып. 65. С. 86.
- 66 Смирнов А.П. Раскопки городища Великие Болгары в 1957 г. Казань, 1959; Акчурина З.А., Воскресенская Л.Я., Смирнов А.П. Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. // Поволжье в средние века. М., 1970. С. 5—23.
- 67 Воскресенский А.С., Смирнов А.П. Археологические исследования Соборной мечети («Четырехугольника») в Великих Болгарах // СА. 1966. № 1; Воскресенский А.С., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новое об архитектуре волжских болгар // СА. 1967. № 4; Смирнов А.П. К вопросу о времени памятников архитектуры городища Великие Болгары // Экспедиции ГИМ. М., 1969; Хлебникова Т.А. Археологические исследования мавзолеев города Великие Болгары в 1966 г. // Поволжье в средние века. М., 1970. См. также статьи Н.Д. Аксеновой, Ю.А. Краснова, А.П. Смирнова, Т.А. Хлебниковой в кн.: АО 1965-1969 гг. М., 1966—1970.
- 68 См. статьи Н.Д. Аксеновой, М.Г. Крамаровского, М.Д. Полубояриновой, Г.Ф. Поляковой А.П. Смирнова, П.Н. Старостина, Т.А. Хлебниковой, Р.Ф. Шарифуллина в кн.: АО 1971, 1976, 1977, 1979—1982 гг. М., 1972, 1977, 1978, 1980—1983.
- 69 Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные по истории города Болгара // СА. 1969. № 1. С. 215—218; Аксенова Н.Д. Жилые дома в Болгарах в районе Ханской усыпальницы и Малого минарета // СА. 1973. № 4. С. 218—226; Смирнов А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 11, 12; Аксенова Н.Д. К итогам археологических работ 1970—1972 гг. в юго-восточной части городища Великие Болгары // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы М., 1978. С. 211—215. См. также статьи о раскопках в Болгарах в кн.: АО 1970, 1972—1974, 1976, 1977, 1981, 1982 гг. М., 1971, 1973—1975, 1977, 1978, 1982, 1983.
- 70 Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные по истории. С. 211; Хлебникова Т.А. Исследование центра города Болгара в 1964—1970 гг. // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 19—21; Смирнов А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии... С.6. См. также статьи о раскопках в Болгаре в кн.: АО 1967—1969, 1972, 1973 гг.
- 71 См. статьи о раскопках в Болгаре в кн.: АО 1975—1977, 1980, 1981 гг.
- 72 Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные по истории... С 219—223; АО 1967 г. С. 134.
- 73 Хлебникова Т.А. Исследование центра... См. также статьи о раскопках в Болгаре в кн.: АО 1970—1982 гг.
- 74 АО 1972 г.; 1979 г.
- 75 АО 1969 г.; 1975 г.; 1978 г. (М., 1979); 1979 г.; 1980 г.
- 76 Смирнов А.П. К вопросу о времени памятников архитектуры... С. 230.
- 77 Ефимова А.М. Догородские поселения... С. 14—16.
- 78 Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П., Хованская О.С. Исследование города Болгара. С. 150.
- 79 Кол. ГМТР, инв. 9150, АА-115.
- 80 Кол. ГМТР, инв. 13385, АА-388.
- 81 Подробнее о доболгарских поселениях и их археологических остатках см. в очерке П.Н. Старостина в данном издании.

- 82 Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные по истории. С. 214; Смирнов А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии. С. 6; Хлебникова Т.А. Исследование центра... С. 19—21; Она же. Ранний Болгар // СА. 1975. № 2. С. 122—124; см. также очерк Ю.А. Краснова в настоящем издании.
- 83 См. статью о раскопках Болгара в кн.: АО 1980 г.
- 84 Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие: Лук и стрелы, самострел // САИ. М.; Л., 1966. Вып. Е1-36.
- 85 Деопик В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. // СА. 1961. №3. С. 218, 223; Львова З.А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи // МИА. М., 1959. № 75. С. 331, 332. Рис. 6; 7.
- 86 Деопик В.Б. Классификация... С. 211, 221. Рис. 2; 4; Фехнер М.В. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в. // Международные связи России до XIII в. М., 1961. С. 52; Львова З.А. Стекланные браслеты и бусы... С. 325, 326; Боброва А.С. Бусы из Афрасиаба // КСИИМК. М., 1949. Вып. 30; Пташникова Н.В. Бусы древнего и средневекового Хорезма // Тр. ХАЭЭ. М., 1952. Т. 1.
- 87 Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967. С. 181 сл.; Красильников К.И. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья // СА. 1981. № 4.
- 88 Плетнева С.А. От кочевий к городам. С. 24, 44 сл.
- 89 Жиромский Б.Б. Ага-Базар. С. 326—327.
- 90 Шпилевский С.М. Древние города... С. 571 сл.; Дмитриев А. Древний Булгар и татарские о нем предания. С. 7.
- 91 Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств. С. 8, 9; см. очерк Ю.А. Краснова в данной книге.
- 92 Воскресенский А.С., Смирнов А.П. Археологические исследования Соборной мечети... С. 249.
- 93 Подробнее о некрополях см. ниже очерк Л.Т. Яблонского.
- 94 Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие... Тип 41, вариант 2. Табл. 23, 38
- 95 Там же. Тип 96. Табл. 21, 40.
- 96 Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П., Хованская О.С. Исследование города Болгара. С. 151, 152; Они же. Раскопки Великих Болгар. С. 77, 78.
- 97 Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1 // САИ. М.; Л., 1966. Вып. Е1-36.
- 98 Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. . . Тип 46. Табл. 13, 32.
- 99 Там же. Тип 97, вид. 1. Табл. 17, 12—14.
- 100 Там же. Тип 97, вид 2. Табл. 30, 116.
- 101 Там же. Тип 92. Табл. 25, 7, 18.
- 102 Там же. Вариант типа 97.
- 103 Там же. Тип 100. Табл. 19, 35; 30, 97.
- 104 Там же. Тип 63. Табл. 16, 25; 18, 28; 21, 10; 23, 28.
- 105 Воскресенский А.С., Смирнов А.П. Археологические исследования Соборной мечети... С. 249—251; Смирнов А.П. К вопросу о времени памятников архитектуры... С. 232.
- 106 Хлебникова Т.А. Археологические исследования мавзолеев... С. 62, 67; Воскресенский А.С., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные об архитектуре... С. 278, 279.
- 107 Катанов Н.Ф. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии // ИОАИЭ. Казань, 1905. Т. XXI. С. 263; Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960. Табл. 4.
- 108 Воскресенский А.С., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные об архитектуре... С. 282; АО 1975 г. С. 154.
- 109 Хованская О.С. Бани города Болгара. С. 407.
- 110 Ефимова А.М. Гидротехнические сооружения древнего Болгара. С. 369 сл.

- 111 Аксенова Н.Д. Жилые дома...; Она же. К итогам археологических работ 1970—1972 гг. ... С. 212, 213.
- 112 Смирнов А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии... С. 12; Аксенова Н.Д. Жилые дома... С. 225; Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая // Поволжье в средние века. М., 1970. С. 172, 173.
- 113 Хлебникова Т.А. Древнерусское поселение... С. 141.
- 114 Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг. // МИА. М., 1954. № 42. См. также очерк Г.А. Федорова-Давыдова в данном издании.
- 115 Смирнов А.П. Основные этапы... С. 320 сл. Все исследователи Болгара вслед за А.П. Смирновым склонны связывать указанные события с походом Булак-Тимура.
- 116 Ефимова А.М., Хованская О.С., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Раскопки развалин Великих Болгар. С. 109—111; Хованская О.С. Новые данные о крепостных сооружениях... С. 131; Смирнов А.П. Основные этапы... С. 316.
- 117 Хованская О.С. Новые данные о городе Болгаре. С. 123.
- 118 Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П., Хованская О.С. Раскопки Великих Болгар. С. 65—68.
- 119 Ефимова А.М. Металлургические горны в городе Болгаре. С. 131—134.
- 120 Россия... Т. VI.
- 121 Воскресенский А.С., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные об архитектуре. С. 281—285; Смирнов А.П. К вопросу о времени памятников архитектуры... С. 231, 232.
- 122 Хованская О. С. Бани города Болгара. С. 393—407.
- 123 Там же. С. 407—414; Смирнов А.П. Баня XIV в. ...
- 124 Ефимова А. М. Гидротехнические сооружения древнего Болгара. С. 389.
- 125 Акчурина З. А., Воскресенская Л.П., Смирнов А.П. Работы на городище... С. 15.
- 126 АО 1976 г. С. 126.
- 127 ДО 1980 г. С. 122, 123.
- 128 Хованская О.С. Гончарное дело... С. 356 сл.; АО 1980 г. С. 122.
- 129 Аксенова Н.Д. Жилые дома... С. 218—225.
- 130 Смирнов А.П. К вопросу о времени памятников архитектуры... С. 235.
- 131 Аксенова Н.Д. К итогам археологических работ 1970—1972 гг. ... С. 214.
- 132 Хованская О.С. Гончарное дело... С. 354—356.
- 133 Жиромский Б.Б. Подгорная слобода Болгара. С. 55—65; Хованская О.С. Бани города Болгара. С. 415—421.
- 134 Жиромский Б.Б. Подгорная слобода Болгара. С. 60.
- 135 Хлебникова Т.А. Древнерусское поселение... С. 141.
- 136 Ефимова А.М., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Раскопки городища Великие Болгары... С. 139—148; Ефимова А.М., Хованская О.С., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Раскопки развалин Великих Болгар... С. 103—106; Смирнов А.П. Армянская колония города Болгара // МИА. М., 1958. № 61. С. 330—359.
- 137 Жиромский Б.Б. Ага-Базар. С. 333 сл.
- 138 Смирнов А.П. Основные этапы... С. 309—311; Хлебникова Т.А. О III слое и поздней керамике городища Великие Болгары // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 223, 224.
- 139 Хлебникова Т.А. О III слое. С. 225—228.

ПРИЛОЖЕНИЕ
ОПИСЬ РАСКОПОВ НА БОЛГАРСКОМ ГОРОДИЩЕ

- 1* — раскоп А 1938 г., 80 кв. м, на Коптеловом бугре; А.П. Смирнов, Н. Ф. Калинин; архив ГИМ, № 18
- 2 — раскоп В 1938 г., 36 кв. м, у Монастырского погребя; А.П. Смирнов, Н. Ф. Калинин; архив ГИМ, № 18
- 3 — раскоп Б 1938 г., около 150 кв. м, на склоне; А.П. Смирнов, А.М. Ефимова; архив ГИМ, № 18
- 4 — раскоп 1939—1940 гг., около 700 кв. м, у Красной палаты; А.П. Смирнов, Н.Ф. Калинин, А.М. Ефимова; архив ГИМ
- 5 — раскоп 1945 г., 98 кв. м, у Британкина озера; Н.Ф. Калинин; архив ИА, р-1, №42
- 6 — раскоп А 1945 г., 22,5 кв. м, по старой дороге к Ага-Базару; А.П. Смирнов; архив ИА, р-1, № 42
- 7 — раскопы Б, В 1945 г., 408 кв. м, у Греческой палаты; А.П. Смирнов, А.М. Ефимова; архив ИА, р-1, № 42
- 8 — раскопы I—III 1946 г. и раскоп 1947 г., 253 кв. м, у Греческой палаты; А.П. Смирнов, А.М. Ефимова; архив ИА, р-1, № 49
- 9 — раскоп 1947 г., 272 кв. м, на западному валу; О.С. Хованская; архив ИА, р-1, № 49
- 10 — раскоп 1946 г., 100 кв. м, на площади Четырехугольника; Н.Ф. Калинин; архив ИА, р-1, № 49
- 11 — Раскоп 1946 г., 48 кв. м, на Малом городке; О.С. Хованская; архив ИА, р-1, №49
- 12 — раскоп I 1947 г., 180 кв. м, на центральной улице села; А.П. Смирнов, З.А. Акчурина; архив ИА, р-1, № 123
- 13 — раскоп II 1947 г., 288 кв. м, на ул. Набережная в центральной части села; О.С. Хованская; архив ИА, р-1, № 123
- 14 — раскопы 1947—1948 гг., 237 кв. м, на Бабьем бугре; А.М. Ефимова; архив ИА, р-1, № 123, 219
- 15 — раскоп I 1948—1949 гг., 380 кв. м, на центральной улице села; А.П. Смирнов, З.А. Акчурина; архив ИА, р-1, № 219, 335
- 16 — раскоп III 1948 г., 238 кв. м, у Голланского озера; О.С. Хованская; архив ИА, р-1, № 219
- 17 — раскоп II 1949 г., 163 кв. м, центральная часть села, близ бывшей школы; А.М. Ефимова; архив ИА, р-1, № 335
- 18 — раскоп III 1949 г., 180 кв. м, центральная улица села; О.С. Хованская; архив ИА, р-1, № 335
- 19 — раскоп I 1950 г., 284 кв. м, на склоне; А.П. Смирнов, З.А. Акчурина; архив ИА, р-1, № 463
- 20 — раскоп II 1950 г., 88 кв. м, на склоне; А.М. Ефимова; архив ИА, р-1, № 463
- 21 — раскоп IIб 1950 г., 98 кв. м, на склоне; А.М. Ефимова; архив ИА., р-1, № 463
- 22 — раскоп III 1950 г., 400 кв. м, на склоне; О.С. Хованская; архив ИА, р-1, № 463
- 23 — раскоп IIа 1950 г., 340 кв. м, в заречье; А.П. Смирнов, В. В. Седов; архив ИА, р-1, № 463
- 24 — раскоп I 1951 г., 144 кв. м, на склоне; А.П. Смирнов, З.А. Акчурина; архив ИА, р-1, № 632
- 25 — раскоп II 1951 г. 472 кв. м, в заречье; Б.Б. Жиромский; архив ИА, р-1, № 632
- 26 — раскоп III 1951 г., 400 кв. м, у подножия склона; О.С. Хованская; архив ИА, р-1, № 632
- 27 — раскоп IV 1951 г., 270 кв. м, на склоне; А.М. Ефимова; архив ИА, р-1, № 632, 633
- 28 — раскоп V 1951 г., 240 кв. м, в заречье; О.С. Хованская, В.А. Тихомирнова; архив ИА, р-1, № 632
- 29 — раскоп I 1952 г., 200 кв. м, в заречье; А.П. Смирнов, З.А. Акчурина; архив ИА, р-1, № 680
- 30 — раскопы Ia, Ib 1952 г., 388 кв. м, в заречье; О.С. Хованская; архив ИА, р-1, № 680; раскоп 1в 1952 г., на склоне у кордона, в 1200 м от Ага-Базара; О.С. Хованская; архив ИА, р-1, № 680
- 31 — раскоп II 1952 г., 252 кв. м, на склоне; А.М. Ефимова; архив ИА, р-1, № 680; раскоп III 1952 г., 200 кв. м, на Ага-Базаре; Б.Б. Жиромский; архив ИА, р-1, № 680
- 32 — траншеи I и II 1953 г., 64 кв. м, у подножия Бабьего бугра; А.М. Ефимова; архив ИА, р-1, № 815
- 33 — раскоп I 1953 г., 58 кв. м, у подножия склона близ Капитанского колодца; О. С. Хованская; архив ИА,

р-1, № 815

- 34 — раскоп Ia 1953 г., 8 кв. м, на восточном валу у склона; О.С. Хованская; архив ИА, р-1, № 815
- 35 — раскоп II 1953 г., 48 кв. м, у подножия склона близ Капитанского колодца; А. М. Ефимова; архив ИА, р-1, № 815; раскоп III 1953 г., 92 кв. м, на Ага-Базаре; К.А. Смирнов; архив ИА, р-1, № 815
- 36 — раскоп IV 1953 г., 306 кв. м, в заречье; Т.А. Хлебникова; архив ИА, р-1, № 815
- 37 — раскоп V 1953 г., 332 кв. м, в заречье; О.С. Хованская; архив ИА, р-1, № 815
- 38 — раскоп Va 1953 г., 92 кв. м, в заречье; О.С. Хованская; архив ИА, р-1, № 815
- 39 — раскоп VI 1953 г., 142 кв. м, в заречье; А.М. Ефимова; архив ИА, р-1, № 815
- 40 — раскоп VII 1953 г., 200 кв. м, в заречье; А.П. Смирнов, З.А. Акчурина; архив ИА, р-1, № 815; раскопы III/I и III/II 1954 г., 200 кв. м, на Ага-Базаре; К.А. Смирнов; архив ИА, р-1, № 944
- 41 — раскопы II и IV 1954 г., 436 кв. м, у подножия склона; О.С. Хованская, И. А. Талицкая; архив ИА, р-1, № 944
- 42 — раскоп V 1954 г., 150 кв. м, в заречье; А.М. Ефимова; архив ИА, р-1, № 1011
- 43 — раскоп VA 1954 г., 100 кв. м, в заречье; А.М. Ефимова; архив ИА, р-1, № 1011
- 44 — траншея 1957 г., 128 кв. м, у склона; А.П. Смирнов, З.А. Акчурина; архив ИА, р-1, № 1538
- 45 — раскоп I 1957 г., 188 кв. м, к северо-востоку от Монастырского погребца, у склона; А.Л. Смирнов, З.А. Акчурина; архив ИА, р-1, № 1538
- 46 — раскоп II 1957 г., 16 кв. м, у Черной палаты; А.П. Смирнов; архив ИА, р-1, № 1538
- 47 — раскоп III 1957 г., 248 кв. м, западная часть села, близ склона; Л.П. Воскресенская (Матвеева); архив ИА, р-1, № 1538
- 48 — раскоп IV 1957 г., 100 кв. м, близ склона над Красной палатой; А.П. Смирнов, З.А. Акчурина; архив ИА, р-1, № 1538
- 49 — раскоп V 1957 г., 100 кв. м, у Ханской усыпальницы; Л.П. Воскресенская (Матвеева); архив ИА, р-1, № 1538
- 50 — шурфы начала 1950-х годов, в западной части заречья; З.А. Акчурина; архив ИА, р-1, № 680
- Раскоп I 1964 г., 145 кв. м, у Соборной мечети; А.С. Воскресенский; архив ИА, р-1, № 2863
- Раскоп II 1964 г., 58 кв. м, между Соборной мечетью и церковью св. Николая; С.В. Морозова; архив ИА, р-1, № 2863
- Раскоп III 1964 г., 67 кв. м, между Соборной мечетью и Монастырским погребом; Т.А. Хлебникова; архив ИА, р-1, № 2863
- Раскоп IV 1964 г., около 80 кв. м, у Соборной мечети; А.П. Смирнов, В.Л. Егоров; архив ИА, р-1, № 2863
- Раскоп V 1964 г., 6 кв. м, на Соборной мечети; А.П. Смирнов, Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 2863
- Раскоп VI 1964 г., около 10 кв. м, на Соборной мечети; А.П. Смирнов, Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 2863
- Раскоп VII 1964 г., около 100 кв. м, у Соборной мечети; А.П. Смирнов, Н.В. Трубникова; архив ИА, р-1, № 2863
- Раскоп VIII 1964 г., около 90 кв. м, у Соборной мечети; А.С. Воскресенский; архив ИА, р-1, № 2863
- Раскоп IX 1965 г., 126 кв. м, у Соборной мечети; Т.А. Хлебникова; архив ИА, р-1, № 3011
- Раскоп X 1965 г., 17 кв. м, у Соборной мечети; А.П. Смирнов, Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 3011
- Раскоп XI 1965 г., 9 кв. м, у Соборной мечети; А.П. Смирнов, Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 3011
- Раскоп XII 1965 г., 18 кв. м, у Соборной мечети; А.П. Смирнов, Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 3011
- Раскоп XIII 1965—1966 гг., 66,4 кв. м, у церкви св. Николая; Г.А. Архипов, Т.А. Хлебникова; архив ИА, р-1, № 3011, 3220
- Раскоп XIV 1966 г., 52 кв. м, у Монастырского погребца; Т.А. Хлебникова; архив ИА, р-1, № 3220
- Раскоп XV 1966 г., 254 кв. м, у Черной палаты; А.С. Воскресенский; архив ИА, р-1, № 3220
- Раскоп XVI 1967 г., 72 кв. м, у Успенской церкви; Т.А. Хлебникова; архив ИА, р-1, № 3480
- Раскоп XVII 1967 г., 80 кв. м, у Малого минарета; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 3480

- Раскоп XVIII 1967 г., 9,8 кв. м, на западной части большого вала; А.П. Смирнов, Ю.А. Краснов; архив ИА, р-1, № 3481
- Раскоп XIX 1967 г., 9 кв. м, на юго-западной части большого вала; А.П. Смирнов, Ю.А. Краснов; архив ИА, р-1, № 3481
- Раскоп XX 1967 г., около 30 кв. м, на южной части большого вала; А.П. Смирнов, Ю.А. Краснов; архив ИА, р-1, № 3481
- Раскоп XXI 1967 г., 4,5 кв. м, на восточной части большого вала; А.П. Смирнов, Ю.А. Краснов; архив ИА, р-1, № 3481
- Раскоп XXII 1967 г., 9 кв. м, на восточной части большого вала; А.П. Смирнов, Ю.А. Краснов; архив ИА, р-1, № 3481
- Раскоп XXIII 1967 г., 56 кв. м, у Черной палаты; А.П. Смирнов, Н.В. Трубникова; архив ИА, р-1, № 3480
- Раскоп XXIV 1967 г., 48 кв. м, у Черной палаты; А.П. Смирнов, Н.В. Трубникова; архив ИА, р-1, № 3480
- Раскоп XXV 1967 г., 28 кв. м, на юго-западной части большого вала; А.П. Смирнов, Ю.А. Краснов; архив ИА, р-1, № 3481
- Раскопы 1967 г., около 80 кв. м, к западу от школы; Н.В. Трубникова; архив ГИМ
- Траншея 1967 г., протяженность 150 м, по центральной улице села; Т.А. Хлебникова; архив БГИАЗ
- Раскоп XXVI 1968 г., 20 кв. м, у Ханской усыпальницы; Ю.А. Краснов; архив ИА р-1, № 3647
- Раскоп XXVII 1968 г., 80 кв. м, у Малого минарета; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1 № 3647
- Раскоп XXVIII 1968 г., 64 кв. м, у Успенской церкви; Т.А. Хлебникова; архив ИА р-1, № 3647
- Траншея 1969 г., протяженность около 400 м, в западной части городища; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 3921
- Раскоп XXIX 1969 г., 312 кв. м, у Ханской усыпальницы; Н.Д. Аксенова; архив ИА р-1, № 3821
- Раскоп XXX 1969 г., 40 кв. м, у Успенской церкви; Т.А. Хлебникова; архив ИА, р-1, № 3821
- Раскоп XXXI 1969 г., 2,1 кв. м, у Ханской усыпальницы; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 3821
- Раскоп XXXII 1969 г., 9 кв. м, на траншее у западного вала; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 3921
- Раскоп XXXIII 1969 г., 2,24 кв. м, у Ханской усыпальницы; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 3821
- Раскоп XXXIV 1969 г., 28 кв. м, у восточного конца траншеи 1969 г., в западной части городища; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 3921
- Раскоп XXXV 1970 г., 368 кв. м, у Ханской усыпальницы; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 4070
- Раскоп XXXVI 1970 г., 140 кв. м, на центральной улице села; Т.А. Хлебникова; архив ИА, р-1, № 4070
- Раскоп XXXVII 1970—1971 гг., 504 кв. м, к юго-востоку от Малого минарета; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 4081
- Раскоп XXXVIII 1971 г., 80 кв. м, на центральной улице села; Т.А. Хлебникова; архив ИА, р-1, № 4427
- Раскоп XXXIX 1971 г., 134 кв. м, у Ханской усыпальницы; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 4427
- Раскоп XL 1971—1972 гг., 336 кв. м, к юго-востоку от Малого минарета; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 4427, 4727
- Раскоп XLI 1972 г., 72 кв. м, на центральной улице села; Т.А. Хлебникова; архив ИА, р-1, № 4719
- Раскоп XLII 1972 г., 48 кв. м, на Коптеловом бугре; П.Н. Старостин, Т.А. Хлебникова; архив ИА, р-1, № 4719
- Раскоп XLIII 1972 г., 12 кв. м, в юго-западной части городища; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 4727
- Траншея 1972 г., протяженность около 150 м, по центральной улице села; Н.Д. Аксенова
- Траншея 1973 г., протяженность около 540 м, в западной части городища; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 5059
- Раскоп XLIV 1973 г., 54 кв. м, на восточном конце траншеи; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 5059
- Раскоп XLV 1973 г., 144 кв. м, у Малого минарета; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 5479
- Раскоп XLVI 1973 г., 24 кв. м, юго-восточнее церкви св. Николая; Т.А. Хлебникова, Г.Ф. Полякова; архив ИА, р-1, № 5144

- Три траншеи 1974 г., протяженность 255 м, юго-восточнее Успенской церкви и у здания заповедника; Т.А. Хлебникова; архив ИА, р-1, № 5290
- Раскоп XLVII 1974 г., 48 кв. м, восточнее Соборной мечети, под котельной; Г.Ф. Полякова; архив ИА, р-1, № 5290
- Раскоп XLVIII 1974 г., 311,8 кв. м, юго-восточнее Малого минарета; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 5478
- Раскоп XLIX 1974 г., 64 кв. м, у Малого минарета; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 5478
- Траншея 1975 г., протяженность 185 м, в западной части городища; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 5677
- раскоп L 1975 г., 60 кв. м, восточнее Черной палаты, у сельского кладбища; Т.А. Хлебникова; архив ИА, р-1, № 5310
- Раскоп LI 1975 г., 64 кв. м, у восточного конца траншеи 1975 г.; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 5310
- Четыре траншеи 1976 г., протяженность около 920 м, в западной части городища; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 6465
- Раскоп LII 1976 г., 88 кв. м, восточнее Черной палаты, у кладбища; Т.А. Хлебникова; архив ИА, р-1, № 6415
- Раскоп LIII 1976 г., 48 кв. м, у бывшей школы; Г.Ф. Полякова; архив ИА, р-1, № 6415
- Раскоп LIV 1976—1977 гг., 280 кв. м, юго-восточнее Малого минарета; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 6415, 6802
- Раскоп LV 1976 г., 72 кв. м, на центральной улице села; М.Д. Полубояринова; архив ИА, р-1, № 6415
- Траншея 1977 г., протяженность 28,5 м, у зданий заповедника; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 6633
- Раскоп LVI 1977 г., 84 кв. м, у школы; Г.Ф. Полякова; архив ИА, р-1, № 6709
- Раскоп LVII 1977 г., 48 кв. м, на центральной улице села; М.Д. Полубояринова; архив ИА, р-1, № 6709
- Раскоп LVIII 1977 г., 48 кв. м, на центральной улице села; М.Г. Крамаровский; архив ИА, р-1, № 6709
- Раскоп LIX 1977 г., 198 кв. м, у траншеи 4 1976 г., в западной части городища; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 6633
- Раскоп LX 1977 г., 48 кв. м, у Иерусалимского оврага; Т.А. Хлебникова; архив ИА, р-1, № 6709
- Раскоп LXI 1978 г., 200 кв. м, в западной части городища; Н.Д. Аксенова, М. Г. Крамаровский; архив ИА, р-1, № 7297
- Раскоп LXII 1979 г., 118 кв. м, в западной части городища; М.Д. Полубояринова; архив ИА, р-1, № 7680
- Раскоп LXIII 1978 г., 100 кв. м, в западной части городища; Н.Д. Аксенова, В.И. Ледяйкин; архив ИА, р-1, № 7297
- Раскоп LXIV 1978 г., 116 кв. м, в западной части городища; М.Д. Полубояринова; архив ИА, р-1, № 7297
- Раскоп LXV 1978—1979 гг., 172 кв. м, у школы; Г.Ф. Полякова; архив ИА, р-1, № 7296, 7995
- Раскоп LXVI 1979 г., 108 кв. м, в западной части городища; М.Г. Крамаровский; архив ИА, р-1, № 7680
- Раскоп LXVII 1979 г., 1981—1982 гг., 225 кв. м, у Белой палаты; Т.А. Хлебникова; архив ИА, р-1, № 7525, 8556, 9807
- Раскоп LXVIII 1979—1980, 1983 гг., 156 кв. м, у котельной, восточнее Соборной мечети; Т.А. Хлебникова, Л.Л. Савченкова; архив ИА, р-1, № 7525, 7818
- Раскоп LXIX 1979 г., 45 кв. м, на Коптеловом бугре; П.Н. Старостин; архив ИА, р-1, № 7470
- Раскоп LXX 1980, 1982 гг., 290 кв. м, в западной части городища; Г.Ф. Полякова, И.Н. Васильева; архив ИА, р-1, № 8426, 9808
- Раскоп LXXI 1980 г., 63 кв. м, у Белой палаты; Р.Ф. Шарифуллин; архив ИА, р-1, № 8015
- Две траншеи 1980 г., протяженность 250 м, в западной части городища; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 7784
- Раскоп LXXII 1980 г., 40 кв. м, на траншее 1980 г., в западной части городища; Н.Д. Аксенова; архив ИА,

р-1, № 7784

Раскоп LXXIII 1980 г., 80 кв. м, у центральной улицы села; М.Д. Полубояринова; архив ИА, р-1, № 7681

Раскоп LXXIV 1980 г., 15 кв. м, на траншее 1980 г., в западной части городища; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 7784

Раскоп LXXV 1981—1982 гг., 621 кв. м, у Белой палаты; Р.Ф. Шарифуллин; архив ИА, р-1, № 8556, 9807

Раскоп LXXVI 1981 г., 196 кв. м, к юго-востоку от Малого минарета; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 8575

Раскоп LXXVII 1981 г., 166 кв. м, к северо-востоку от Малого минарета; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 8575

Раскоп LXXVIII 1981 г., 48 кв. м, к северу от Иерусалимского оврага; Т.А. Хлебникова, Л.Л. Савченкова; архив ИА, р-1, № 8520

Раскоп LXXIX 1981 г., 84 кв. м, на Малом городке; Т.А. Хлебникова, Л.А. Беляев; архив ИА, р-1, № 8520

Раскоп LXXX 1982 г., 152 кв. м, на Малом городке; Л.А. Беляев; архив ИА, р-1, № 9807

Раскоп LXXXI 1982 г., 102 кв. м, к юго-востоку от Малого минарета; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 9807

Раскоп LXXXII 1982 г., 36 кв. м, траншея к зданию фондохранилища; Л.Л. Савченкова, Т.А. Хлебникова; архив ИА, р-1, № 9807

Раскоп LXXXIII 1982 г., 80 кв. м, севернее Черной палаты; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 9807

Раскоп LXXXIV 1982 г., 116 кв. м, севернее Черной палаты; М.Д. Полубояринова; архив ИА, р-1, № 9807

Раскоп LXXXV 1983 г., 64 кв. м, центральная часть села, Школьный пер., у перекрестка с ул. Набережная; М.Д. Полубояринова; архив ИА, р-1, № 9600, т. 1

Раскоп LXXXVI 1983 г., 80 кв. м, севернее Черной палаты; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 9600

Раскоп LXXXVII 1983 г., 254 кв. м, на Малом городке; Л.А. Беляев; архив ИА, р-1, № 9602, т. 3

Раскоп LXXXVIII 1983 г., 36 кв. м, в южной части городища; Н.Д. Аксенова; архив ИА, р-1, № 9600

Раскоп LXXXIX 1983 г., 56 кв. м, у Малого городка; Л.А. Беляев; архив ИА, р-1 № 9600, 9602

ПРЕДБОЛГАРСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

П.Н. Старостин

Район Болгарского городища и прилегающей к нему территории были заселены человеком с глубокой древности. Это во многом объясняется природными условиями. Широкая долина Волги с массой пойменных озер и прилегающих к ним лесов всегда привлекала к себе рыбаков и охотников. Луга и участки степей издавна давали возможность заниматься скотоводством; плодородные почвы позволяли развивать земледелие; выходы кремня в Сюкеевских обнажениях были прекрасной сырьевой базой для развития кремневой индустрии; болотные руды способствовали развитию металлургии железа.

Наиболее ранние памятники рассматриваемого региона относятся к эпохе мезолита[1]. В районе урочища Ага-Базар и бывшего Степного озера зафиксирована серия памятников эпохи неолита и бронзы. Эти поселения ныне затоплены Куйбышевским водохранилищем. Казанскими археологами в течение 1961—1981 гг. в этой зоне собрана интересная и разнообразная коллекция орудий труда, оружия, украшений, принадлежностей костюма и керамики того отдаленного времени[2].

Ряд находок может быть отнесен к периоду раннего железа. С территории самого Болгарского городища происходят поздние римские монеты, найденные в разное время. К сожалению, недостаточно точная паспортизация этих находок не позволяет связать их с каким-то определенным археологическим объектом.[3]

Среди случайных находок из Болгар следует отметить бронзовую литую привеску в виде стилизованного изображения конька (рис. 9, 20). Лицевая сторона привески гладкая и украшена насечками[4]. Ушко сломано. По форме, технике изготовления и орнаментации привеска аналогична украшениям с памятников азелинского типа[5], обычно датируемым III—VI вв.

Среди находок дореволюционного времени из Болгарского городища, относящихся к середине I тысячелетия н. э., назовем железный серп, ныне хранящийся в Государственном музее ТАССР (рис. 9, 24)[6]. Он слабо изогнут, длина 17,8 см, имеется перпендикулярно загнутая пяточка для крепления рукояти. Серп аналогичен находкам с памятников именьковской культуры[7]. Перечисление случайных находок можно продолжить. Существование в регионе Болгарского городища памятников середины I тысячелетия н. э. убедительно подтверждено систематическими исследованиями Болгар, регулярно проводимыми с 1938 г.

Остатки одного из поселений зафиксированы на Бабьем бугре. Это урочище представляет собой мыс левого коренного берега Волги, сложенный из супеси. Склоны террасы слабо задернованы, они часто обрушивались и размывались. Здесь постоянно фиксировались находки костей человека. Этот памятник, привлекавший внимание исследователей со второй половины XIX столетия[8], был сравнительно полно исследован в 1947 и 1948 гг. экспедицией Института истории материальной культуры и Государственного музея ТАССР. А.М. Ефимовой вскры-

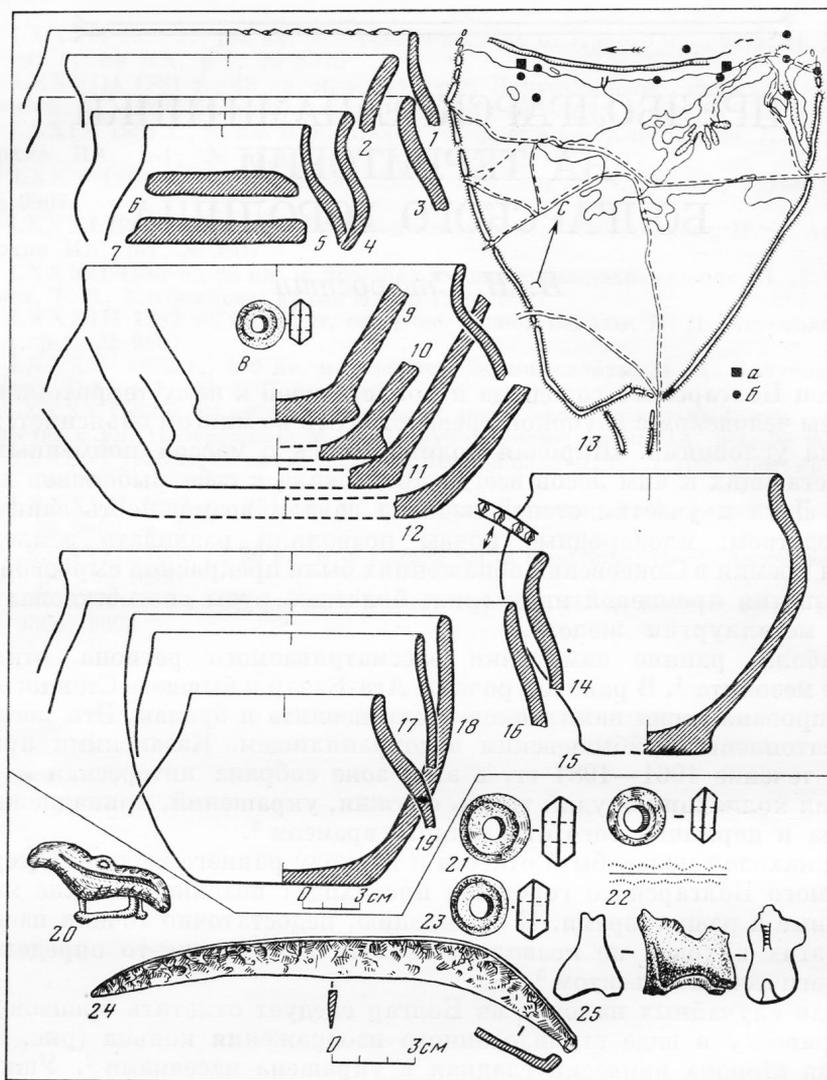

Рис. 9. Находки предболгарского времени с Болгарского городища и расположение на нем поселений этого периода

1—12, 16 — с урочища Бабий бугор; 13 — схема расположения поселений (а — городища; б — селища); 14 — с правого берега Малого Иерусалимского оврага; 15, 20, 24 — случайные находки; 17, 19, 21, 23 — с Подьявановского селища; 18, 22, 25 — с урочища Коптелов бугор; 1—12, 14—19, 21—23, 25 — керамика; 20 — бронза; 24 — железо

то на Бабьем бугре 237 кв. м и зафиксированы культурные напластования мощностью от 1,5 до 3 м (раскоп 14; см. рис. 1).

На всех раскопах Бабьего бугра отмечены остатки слоя VII стратиграфической шкалы городища. Толщина слоя 0,2—0,4 м. Этот слой на Бабьем бугре четко выделяется тем-

ной гумированной полосой, имеет бледную окраску и постепенно переходит в материковый суглинок. В слое зафиксированы полосы обуглившегося дерева и отдельные углистые включения — следы древних построек. Среди объектов слоя VII обращают на себя внимание остатки полуземлянки. Хотя сооружение было в значительной части разрушено, удалось установить, что полуземлянка имела четырехугольную в плане форму. Длина ее составляла 2,5 м, ширина — около 4 м и глубина — 0,4 м. Зафиксированные в полу котлована около стен ямки позволяют предполагать, что стенки полуземлянки были облицованы досками. В заполнении жилища встречена грубая лепная посуда, а также фрагменты керамики болгарского типа, попавшие сюда из погребений более позднего времени. Полуземлянка напоминает остатки жилища, исследованного А.М. Ефимовой на Балымерском селище[9]. Жилища-полуземлянки представлены и на других памятниках именьковского типа[10].

Вблизи полуземлянки на Бабьем бугре обнаружены остатки хозяйственных земляных ям-кладовых, заполненных лепной керамикой грубой выделки, аналогичной, как отмечала А.М. Ефимова, находкам из заполнения жилища.[11]

На участках 4, 8, 20—23 раскопа 1948 г. на Бабьем бугре зафиксирован большой полуразрушенный очаг с наслоениями угля и золы. Диаметр очага около 5—5,2 м[12]. Удалось проследить остатки каменной кладки от наружного края, имевшей дугообразную форму. Размеры очага, сильная прокаленность грунта, насыщенность продуктами горения, солидность каменной кладки позволили исследователю отнести объект к числу культовых.

В слое VII обнаружена главным образом лепная керамика (рис. 9, 1, 12, 16), которую можно связать с именьковской культурой. Она представлена обломками серого и бурого цвета с примесями крупнозернистого шамота и песка. Поверхность фрагментов неровная, бугристая, со следами небрежного сглаживания. Немного фрагментов с примесью песка, гладкой, а иногда и подлощенной поверхностью. Орнамент, как правило, отсутствует, лишь на некоторых сосудах по срезу венчиков встречается простая нарезка. В коллекции представлена серия плоских днищ с сильно выступающими и прямыми краями и без краев. Сосуды в большинстве имели горшковидную форму с цилиндрическими и блоковидными горловинами. Встречены обломки глиняных «крышек» (рис. 9, 6, 7), а также глиняное усеченноконическое пряслице из глины серого цвета с мелкими примесью (рис. 9, 8). Рассматриваемая керамика аналогична находкам с памятников именьковской культуры Нижнего Прикамья.

Датирующие вещи в слое VII Бабьего бугра не найдены, кроме красной пастовой бусины[13], имеющей сравнительно широкое время бытования.

Некоторые топографические особенности памятника (расположение на высоком береговом мысу) и ограниченное распространение слоя позволяют согласиться с предположением А.М. Ефимовой, что Бабий бугор в древности был укрепленным поселением[14].

А.М. Ефимова в числе находок из слоя VII на Бабьем бугре отметила фрагменты тонкостенной, хорошо отмученной, пористой, невысокого обжига керамики. На некоторых венчиках есть орнамент в виде округлых и овальных ямок и угловых вдавлений. Исследовательница склонна считать, что данные находки напоминают пьяноборские.

Позднепьяноборские (или азелинские) памятники на правом берегу низовий Камы представлены серией могильников (Усть-Брыскинский, Нармонский, Рождественский V, Именьковский, Гремячкинский)[15]. Позднепьяноборские (азелинские) племена расселялись и по правому берегу Волги (Сюкеевский и Тетюшский могильники)[16]. Следует упомянуть находки с Кузькинского селища, открытого летом 1965 г. в Алексеевском р-не ТАССР около б. д. Кузькино[17]. Вещи азелинского типа обнаружены на Базяковском взвозе в низовьях р. Ахтай [18], на Маклашеевском II городище[19], а также в окрестностях Болгар.

А.М. Ефимова упоминает о находках керамики в урочище Борки, расположенном на правом берегу р. Меленка. Она считает керамику урочища Борки и Бабьего бугра аналогичной[20]. В 1964 г. в 5 км к северо-западу от Успенской церкви на вышедшем из-под воды останце надлужовой террасы (20 x 30 м) удалось собрать фрагменты лепных слабопрофилированных сосудов, иногда украшенных на шейке неглубокими круглыми ямками. В тесте — примесь толченых раковин. Все изложенное позволяет предполагать, что отдельные группы азелинского поселения выходили на край левого берега Волги и Камы, в том числе и в районе Болгарского городища. Малочисленность азелинских предметов и керамики говорит о том, что пребывание этого населения в рассматриваемом регионе было кратковременным. Оно датируется III—V вв. Позднее эта территория в основном была занята носителями именьковской культуры.

Второе поселение доболгарского времени изучено на месте Коптелова бугра. Это урочище занимает мыс между левым коренным берегом Волги и глубоким Большим Иерусалимским оврагом. Мыс сложен из суглинка и во многих местах разрушается[21]. В обнажениях мыса зафиксированы остатки культурного слоя толщиной 0,5—0,8 м, содержащего древнюю керамику, а также обломки костей животных. Во время работ на Коптеловом бугре в 1972 (раскоп XLII) и 1979 (раскоп LXIX) гг. в обнажениях по краю мыса также прослежены остатки культурного слоя толщиной 50—90 см. Отмечены три ямы диаметром в верхней части около 1,5 м. В заполнении двух ям встречена болгарская керамика, одна из ям содержала обломки костей животных и лепную керамику именьковского типа.

Раскоп 1938 г. (раскоп 1) площадью 2 x 40 м, вытянутый с севера на юг, позволил зафиксировать остатки доболгарского слоя. Они представляли собой нижние части заполнения хозяйственных ям-кладовок. Ямы-кладовки прорезали серо-голубоватый слой подзола, лежащего на материковом суглинке. Толщина слоя подзола составляла в среднем 20 см. На остальной территории доболгарский слой, по-видимому, переработан строительством, которое особенно интенсивно велось в XIII—XIV столетиях. На площади раскопа обнаружено 25 ям, восемь из которых относятся к доболгарскому времени. Ямы доболгарского времени врезались в материк почти на 1,5 м. Форма ям в плане круглая и овальная. Диаметр их доходил до 2 м. Встречены ямы с вертикальными стенками и чашевидной формы. Яма, вскрытая на участке 1 на уровне слоя голубоватого подзола, в верхней части имела диаметр 1,9 м, суживалась книзу. Диаметр нижней части ямы составлял 1,2—1,4 м. Среди конструктивных особенностей отмечены ступеньки по восточному краю шириной около 20 см и высотой 20 см. Ямы-кладовки со ступеньками известны и на других именьковских поселениях[22]. Основная часть земля-

ных ям-кладовок сооружалась для хранения зерна. Над некоторыми из них устраивались навесы. На дне ям обнаружена обуглившаяся солома. Возможно, это остатки специального устройства для хранения припасов или следы особой обработки поверхности стенок. На поселениях именьковской культуры была отмечена специальная обработка стенок некоторых кладовок — обжиг, уплотнение, подсыпка золой, облицовка досками и т. д. [23] В яме на участке 12 встречено обуглившееся зерно ячменя. В заполнении ям найдено большое количество керамики именьковского облика, а также обломки костей животных, рыб и камней.

Раскоп XLII, заложённый к востоку—северо-востоку от с. Болгары в 10 м от Иерусалимского оврага, позволил провести наблюдения за стратиграфией поселения. Раскоп имел площадь 12 x 4 кв. м и был вытянут с севера—северо-востока на юг—юго-запад. Слой VII в этой части Коптелова бугра зафиксирован фрагментарно лишь на некоторых участках (2, 5, 8—11). Он залегал на белесоватом подзоле или на материковом суглинке. Кроме того, с этим слоем следует связывать нижнюю часть заполнения хозяйственной ямы (сооружение 16). К доболгарскому периоду жизни городища относится склон древнего рва, следы которого зафиксированы в северной части раскопа (сооружение 20). Дневная поверхность этого рва лежала на уровне основания культурного слоя, на материковом суглинке. Установлено, что данное сооружение во вскрытой части было заполнено слоем IV. Запад слоя плавный, постепенный, что свидетельствует о нивелировке сооружения сравнительно крупных размеров. Кроме того, можно предполагать, что сооружение пересекало Коптелов бугор.

Хозяйственная яма-кладовка (сооружение 16) выявлена на глубине 161 см от уровня нулевой отметки. Судя по сохранившейся части, яма имела круглую в плане форму диаметром 1,6 м. Стенки ямы вертикальные. Заполнение ее — светло-серая супесь, сопоставимая с грунтом слоя VII на раскопе. В заполнении ямы обнаружено пять фрагментов сосудов именьковского типа.

Раскоп 1979 г. (LXIX) находился к востоку—северо-востоку от крайних восточных усадеб с. Болгары. Он состоял из пяти квадратов размерами 3 x 3 м каждый. Стратиграфия культурных напластований этой части городища оказалась довольно сложной, и культурный слой был очень мощным.

Остатки доболгарского слоя были зафиксированы в нижних частях участков 3—5, представляющих собой заполнение рва доболгарского времени, обнаруженного раскопом 1972 г. Дневной уровень этого сооружения лежал на прослойке голубовато-серой супеси на участке 1. Голубовато-серая супесь подстилалась материковым суглинком. Глубина рва составляла около 4 м от уровня дневной поверхности. По раскопанной части можно предполагать, что ширина рва была около 15 м. Материалы раскопов XLII и LXIX дают основания утверждать, что ров, ограждавший мыс городища, имел дуговидную форму. Возможно, что небольшой овражек по краю террасы к Волге, к северу от раскопа LXIX, был продолжением зафиксированного нами рва.

К слою VII раскопа LXIX следует отнести яму (сооружение 23). Она выявлена на участках 3 и 4. Значительная часть ее осталась не вскрытой, так как уходила в стенку раскопа. Глубина составляла 4,5 м. Судя по сохранившейся части, яма была овальной в плане, ее длина составляла 3,4 м. Юго-восточная сторона в значитель-

ной части разрушена поздним болгарским жилищем (сооружение 9). В заполнении встречены только фрагменты именьковской керамики. Рассматриваемое сооружение устроено на склоне рва городища. Оно, вероятно, служило дополнительным укреплением линии обороны.

Домонгольский слой во рву не отложился, хотя отдельные фрагменты керамики типологически можно отнести к этому периоду. В золотоордынское время была проведена нивелировка местности, в результате которой был засыпан ров, и на месте насыпи развернулось строительство жилищных и хозяйственных построек. Стратиграфические наблюдения показывают, что в насыпи много переработанного, полубожженного суглинка с углистыми включениями, сброшенного с северо-восточной, более высокой стороны. Все это дает основание предполагать, что здесь в доболгарское время проходил вал. О форме и размерах насыпи вала судить трудно. Скорее всего он имел кокошниковидную форму, наиболее распространенную среди валов именьковских городищ, расположенных на широких мысах. А.П. Смирнов и А.М. Ефимова были склонны рассматривать Коптелов бугор как городище-убежище жителей ближайших неукрепленных поселений[24].

Вещевой материал доболгарского времени на Коптеловом бугре представлен главным образом обломками лепных плоскодонных сосудов, имеющих, как правило, в тесте примесь крупнозернистого шамота. Поверхность этих сосудов обычно неровная, бугристая, со следами небрежного сглаживания. В раскопе 1938 г. зафиксировано 569 фрагментов именьковских сосудов. В раскопах XLII и LXIX — соответственно 77 и 68 фрагментов. Встречены фрагменты сосудов с прямыми, блоковидными и раструбовидными горловинами. На некоторых венчиках — остатки орнамента в виде нарезок по краю. Найдены единичные обломки сосудов с мелкими несущественными примесями, гладкими, а иногда и подпощенными стенками. Среди других керамических изделий отметим обломки крышек с примесями в тесте растительных остатков. Края крышек округлые или вертикально срезанные. При раскопках Коптелова бугра в 1938 г. обнаружена глиняная миниатюрная фигурка животного (рис. 9, 25), изготовленная из серого, хорошо промешенного теста с мелкими примесями. Поверхность фигурки аккуратно заглажена пальцами. Ноги и часть хвоста ее сломаны, голова выполнена довольно схематично. Скульптурка находит аналогии в материалах ряда именьковских памятников[25]. Летом 1981 г. в осыпях обнажений Коптелова бугра найдено глиняное усеченно-биконическое пряслице с острым ребром, украшенное по боковым сторонам волнистыми линиями, нанесенными мелкими точечными наколами (рис. 9, 22).

Еще одно поселение именьковского типа существовало в северо-восточной части городища, на правом берегу Малого Иерусалимского оврага. Ныне поселение почти полностью разрушено. На площади 120 x 100 м собран подъемный материал в виде керамики именьковского облика. На верхнем краю надлуговой террасы сохранились остатки культурного слоя. В 1966 г. нами выявлена следующая стратиграфия: 1) дерн — 10—15 см; 2) темно-серый подзол — 50—60 см; 3) желто-красный материковый суглинок. В слое темно-серого песка обнаружены фрагменты именьковской керамики. Один из них — венчик большого, по-видимому, горшковидного сосуда с блоковидным горлом, украшенным по срезу глубокими насечками. В обнажении

берега зафиксированы остатки ям-кладовок, содержащих керамику именьковского типа, кости животных, золу, обломки известняка. Осенью 1966 г. были обнаружены остатки селища, расположенного в 0,5 км к северу от д. Подываново, на краю надлужной террасы левого берега Волги. На площади 40 x 20 м собран подъемный материал, состоящий из керамики именьковского типа. Здесь встречено два усеченно-биконических пряслица (рис. 9, 21, 23).

Селище доболгарского времени зафиксировано раскопками 1967 г. на северо-восточной окраине городища, при исследовании оборонительных сооружений XIV столетия (раскоп XXII). Оно занимало мыс между двумя оврагами. Ориентировочно площадь поселения составляла 125 x 75 кв. м. Под насыпью вала, возведенного в XIV в., отмечен темный, сильно гумированный, супесчаный слой толщиной 35—40 см. В верхней его части, до глубины 10—20 см, попадались отдельные находки раннеболгарского времени[26].

Еще несколько поселений доболгарского периода открыто восточнее Бабьего бугра, в заречье и на верхней террасе правого берега Малого Иерусалимского оврага. Существование первого из них убедительно документируется материалами раскопа 1957 г. (раскоп 47), в котором выявлены ямы-кладовки с керамикой именьковского облика[27]. Второе поселение занимало равнинную поверхность в заречной части Болгара и было исследовано Куйбышевской экспедицией в 1953 г. (раскоп 36). В числе вскрытых сооружений доболгарского слоя примечательна большая (около 16 кв. м) яма глубиной 22—30 см, содержащая доболгарский именьковский материал.

Все изложенное позволяет утверждать, что в середине I тысячелетия н. э. прибрежная территория Болгарского городища была занята поселениями именьковской культуры (рис. 9, 13). Два из них, по-видимому городища, располагались на Коптеловом и Бабьем буграх. К городищам примыкал ряд селищ. Селищ, по-видимому, было больше. Об этом свидетельствуют отдельные фрагменты именьковской посуды, встреченные на других участках Болгарского городища. Но культурные напластования этих селищ, вероятно, полностью переработаны интенсивным строительством средневековья.

Расположение поселений группами, иногда включавшими по два городища и пять-семь селищ, типично для именьковской культуры. Судя по площади селищ и их количеству, основная жизнь носителей именьковской культуры протекала на селищах. Городища, вероятно, использовались как укрытия в период опасности и как места хранения припасов. Но на площадках городищ какие-то группы населения проживали постоянно, не случайно поэтому культурные слои на них значительны[28]. Существование двух городищ на рассматриваемой ограниченной территории именьковских поселений в настоящее время объяснить трудно. Возможно, что вначале было устроено небольшое городище на Бабьем бугре, и лишь с течением времени возведено городище на Коптеловом бугре.

До недавнего времени памятники интересующего нас круга всеми археологами относились к так называемой позднегородецкой, или послегородецкой, культуре, генетически связанной с памятниками Городецкого типа. Исследователи полагали, что в середине I тысячелетия н. э. в связи с распространением пашенного земледелия значительная часть позднегородецкого населения перешла на левый берег

Волги и расселилась на востоке до среднего течения р. Белая. Этническая принадлежность памятников определялась как финно-угорская, в частности мордовская.

Но в связи с накоплением материалов, открытием новых поселений этого круга и осмыслением полученных источников взгляд на них изменился. В.Ф. Генинг предложил выделить исследуемые памятники в самостоятельную культуру, получившую название именьковской по первому наиболее полно изученному городищу около с. Именьково Лаишевского р-на ТАССР.[29]

Территория памятников именьковского типа занимает широкий регион от средней Суры до уфимского течения Белой, от низовьев Камы до Самарской Луки. Только на территории Татарии нами учтено более 350 памятников именьковской культуры, преимущественно городищ и селищ. Ведущую роль в хозяйственной жизни населения, оставившего памятники именьковского типа, играло пашенное земледелие с применением железных ральников. Следует отметить железные слабоизогнутые серпы, косы-горбуши, каменные жернова. Анализ остеологических находок позволяет утверждать, что это население занималось и домашним скотоводством (обнаружены остатки костей свиньи, лошади, крупного и мелкого рогатого скота). Роль охоты и рыбной ловли отходила на второй план. Разнообразный набор орудий труда, инструментов, остатки сыродутных горнов, а также отходы производства (шлаки и крицы) свидетельствуют об успехах в развитии металлургии железа.

Могильников именьковской культуры известно немного: Рождественский II в низовьях р. Меша в Лаишевском р-не ТАССР, Маклашеевский IV в низовьях р. Утка, левого притока Волги, в Куйбышевском р-не ТАССР, и Богородицкий в низовьях р. Брыска, правого притока Волги, в Лаишевском р-не. Кроме того, обнаружены одиночные захоронения. Погребальный обряд могильников характеризуется сжиганием умерших в полном одеянии на стороне, помещением остатков сожжения в небольшие ямы, наличием в ямах сосудов, не являвшихся урнами.

Многие проблемы, связанные с происхождением именьковской культуры, ее этнической принадлежностью и историческими судьбами, остаются дискуссионными. А.П. Смирнов и другие исследователи полагали, что значительная часть носителей именьковской культуры влилась в состав населения Волжской Болгарии и растворилась в нем[30]. Они исходили из того, что на многих поселениях между напластованиями именьковского времени и слоями Волжской Болгарии нет стерильных прослоек[31]. Однако встречающееся во многих случаях взаимопроникновение 1 материала можно объяснить переработкой нижележащих слоев в результате последующей жизнедеятельности. Есть немало примеров таких поселений, на которых нет стерильных прослоек даже между горизонтами эпохи бронзы и средневековья.

Говорить конкретно о преемственности памятников именьковского типа и волжских болгар на территории Болгарского городища пока нет оснований, так как между именьковскими памятниками и болгарскими существует хронологический разрыв. Верхнюю дату именьковской культуры мы относим к VII в. н. э.[32] Болгарские поселения, в том числе поселения на месте Болгарского городища, содержат материал, датирующийся временем начиная с грани IX—X вв.[33] Известную на памятниках волжских болгар раннего периода лепную плоскодонную посуду горшковидных форм с примесями в тесте шамота, украшенную по венчику насечками, накольчатыми

вдавлениями, зашипами по краю или без орнамента, исследователи справедливо увязывают с салтово-маяцкими памятниками Подонья, Приазовья и Предкавказья^[34]. Поэтому генетически связывать именьковские памятники с волжскими болгарами пока нет оснований.

- 1 Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969. С. 8; Косменко М.Г. Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. М., 1977. Вып. 149. С. 94—99; Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А. Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 6, 10.
- 2 Халиков А.Х. Древняя история... С. 42, 43, 128, 212, 272, 273, 290, 291.
- 3 Лихачев А.Ф. Скифский след на бильярской почве // ИОАИЭ. Казань, 1884. Т. V. С. 11; Ешевский С. Заметка о пермских древностях // Пермский сб. М., 1859. Кн. 1. С. 135; Флоринский В. М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической археологии. Томск, 1894. Т. 1. С. 272; Ефимова А.М. К вопросу о происхождении городов Волжской Болгарии. Казань, 1957. С. 7; Кропоткин В.В. Клады римских монет в Восточной Европе // ВДИ. 1951. № 4. № 283, 622; Он же. Клады римских монет на территории СССР // САИ. М.; Л., 1961. Вып. Г4-4. № 252, 253.
- 4 ГМТР. № 7179-42; Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. М.; Л., 1979. Вып. Е1-59. Табл. 11, 1.
- 5 Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. М., 1952. № 28. Табл. XVII, 1, 2; Голубева Л.А. Зооморфные украшения... Табл. 11, 1—4.
- 6 ГМТР. № ОА-41-33; 5384.
- 7 Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ. М., 1967. Вып. Д1-32. Табл. 13, 3, 7.
- 8 Историю изучения памятника см.: Ефимова А.М. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары // МИА. М., 1960. № 80. С. 169, 170.
- 9 Ефимова А.М. Городецкое селище и болгарское городище у с. Балымеры Татарской АССР // МИА. М., 1962. № 111. С. 26.
- 10 Старостин П.Н. Памятники... С. 13, 14.
- 11 Архив ИА. Р-1. Д. 123. Л. 21.
- 12 Архив ИА. Р-1. Д. 219. Л. 53.
- 13 Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П., Хованская О.С. Исследование города Болгара // КСИИМК. М., 1949. Вып. 27. С. 150.
- 14 Ефимова А.М. К вопросу... С. 6.
- 15 Старостин П.Н. Этнокультурные общности предболгарского времени Нижнего Поволжья // Археология и этнография Татарии. Казань, 1971. С. 39—43.
- 16 Калинин Н.Ф. Памятник пьяноборской культуры близ с. Мордовские Каратаи // ИОАИЭ. Казань, 1928. Т. XXXIV, вып. 1/2; Казаков Е.П., Халикова Е.А. Тетюшский могильник // АО 1969 г. М., 1970; Халиков А.Х., Халикова Е.А. Раскопки Тетюшского могильника и караван-сарая в Бильяре в 1970 г. // АО 1970 г. М., 1971.
- 17 Старостин П.Н. Этнокультурные общности... С. 41, 42. Табл. 1, 5.
- 18 Коллекции ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Баз. вз-70.
- 19 Старостин П.Н. Памятники... Табл. 19, 15.
- 20 Ефимова А.М. К вопросу... С. 7.
- 21 Архив ГИМ. Д. 24.
- 22 Старостин П.Н. Памятники... С. 15.

- 23 Там же.
- 24 Смирнов А.П. Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография // МИА. М., 1954. № 42. С. 308; Ефимова А.М. Догородские поселения на территории Болгарского городища // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 15.
- 25 Жиромский Б.Б. Древнеродовое святилище «Шолом» // МИА. М., 1958. № 61. С. 445; Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Именьковское городище // МИА. М., 1960. № 80. Рис. 6, 10—14; Старостин П.Н. Новый памятник предболгарского времени на нижней Каме // СА. 1968. № 1.
- 26 Ефимова А.М. Догородские поселения... С. 16.
- 27 Акчурина З.А., Воскресенская Л.П., Смирнов А.П. Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. // Поволжье в средние века. М., 1970. С. 18.
- 28 Старостин П.Н. Памятники... С. 13.
- 29 Генинг В.Ф. Этнические культуры Прикамья в эпоху железа // Тез. докл. на конференции по археологии древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани. М., 1956; Он же. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. КФАН. Казань, 1959. Сер. гуманитар. наук. Вып. 2.
- 30 Смирнов А.П. Очерки по истории древних болгар // Тр. ГИМ. М., 1940. Вып. 11. С. 61—74; Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П., Хованская О.С. Раскопки Великих Болгар // КСИИМК. М., 1950. Вып. 32. С. 75—80; МИА. М., 1958. № 61. С. 7; МИА. М., 1960. № 80. С. 7; МИА. М., 1962. № 111. С. 5; Генинг В.Ф. Очерк... С. 210.
- 31 Смирнов А.П. Древняя история чувашского народа. Чебоксары, 1948. С. 17; Он же Новые данные о сложении культуры волжских болгар // КСИИМК. М., 1951. Вып. 40. С. 17; Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ 1945—1952 гг. Казань, 1954. С. 62; Ефимова А.М. Городецкое селище... С. 29.
- 32 Старостин П.Н. Памятники... С. 29.
- 33 Смирнов А.П. Основные этапы... С. 309; Хлебникова Т.А. Ранний Булгар // СА. 1975. № 2. С. 128; Хлебникова Т.А., Казаков Е.П. К археологической карте ранней Волжской Болгарии на территории ТАССР // Из истории Волго-Камья. Казань. С. 116.
- 34 Хлебникова Т.А., Казаков Е.П. К археологической карте... С. 133; Хлебникова Т.А. Основные производства волжских болгар периода X — начала XIII в.: Автореф. дис. канд. ист. наук. Казань, 1964. С. 20.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДА БОЛГАРА

Ю.А. Краснов

Первое описание оборонительных сооружений Болгарского городища относится к 1712 г. и связано с построением Болгарского Успенского монастыря, когда «дьяк Андрей Михайлов, приехав на то прежде бывшее Болгарское городище, древнее строение, что в окружном земляном валу ныне есть, описал»[1]. Кроме «окружного земляного вала», остатки которого сохранились до наших дней, Андрей Михайлов упоминает также внутреннее укрепление — «малый окоп, где был царский дом», в котором и были отведены земли для построения монастыря. В 1732 г. комплекс укреплений городища был описан подполковником Н. Савенковым и геодезистом И. Крапивинным[2]. Ими были измерены и описаны внешняя линия валов и рвов, внутренний вал («малый окоп» Андрея Михайлова), названный «замошным», укрепления сохранившегося до наших дней Малого городка, а также «окоп», примыкавший с северо-востока к внешней линии валов. Последний в более поздних работах получил название «окоп Савенкова».

Определенные сведения об укреплениях содержатся в описаниях Болгарского городища, сделанных во второй половине XVIII — первой половине XIX в. подполковником Свечиным[3], академиком П.С. Палласом[4], студентом Озерецковским, работавшим в составе экспедиции академика И. Лепехина[5], Ф. Эрдманом[6], П. Свиныным[7], И. Березиным[8] и некоторыми другими авторами. В этих описаниях фигурирует лишь та линия укреплений, которая сохранилась до наших дней. «Малый окоп», или «замошный вал», уже во второй половине XVIII в., вероятно, перестал быть заметным на поверхности.

Первый топографический план оборонительных сооружений городища был составлен в 1827 г. архитектором А. Шмитом[9]. Позднее съемку валов и рвов городища произвел полковник А.М. Штраус. Составленный по его обмерам план опубликован в 1870 г. в книге А.Ф. Риттиха[10]. План Болгарского городища, снятый в 1869 г., был опубликован в «Трудах» I археологического съезда [11].

Археологическое изучение оборонительных сооружений Болгарского городища начала в 1919 г. экспедиция Самарского государственного университета под руководством А.С. Башкирова, когда на некоторых участках вала были расчищены остатки деревянных конструкций. Одновременно горным инженером П.Н. Ефимовым, работавшим в составе экспедиции А.С. Башкирова, производилась полная съемка сохранившихся валов и рвов [12].

Большие работы по изучению остатков оборонительной системы города провели в разные годы сотрудники Болгарской, Куйбышевской и Поволжской экспедиций[13]. В 1946 г. под руководством О.С. Хованской был предпринят разрез западного вала и рва городища, изучались укрепления Малого городка. В 1953 г. ею же исследовались остатки стен и башни на восточном валу и на второй (средней) террасе склона к Волге в северной части укрепленной линии[14]. Этими работами удалось установить, что сохранившиеся до наших дней остатки укреплений были сооружены в золотоордынский период. В 1950 г. А.П. Смирнов снял план валов и рвов в районе

древних ворот в восточной части укрепленной линии[15]. В 1967 г. под руководством Ю.А. Краснова была проведена полуинструментальная съемка всей сохранившейся линии валов, позволившая определить места расположения башен и волнообразных изгибов валов, обеспечивающих фланговый обстрел, изучались разрезы валов, остатки стен и башен в западной, восточной и южной линиях обороны[16]. Этими исследованиями была подтверждена дата постройки укреплений городища. В 1970-х годах группой геодезистов под руководством С.С. Перуанского выполнен план городища с сохранившимися укреплениями (см. рис. 1). Работами 1967—1969 и 1972—1974 г. под руководством Т.А. Хлебниковой в северной, наиболее древней части городища открыта и изучена древнейшая система оборонительных сооружений, возникшая не позднее X в.[17] В 1975—1977 и 1980 г. Т.А. Хлебниковой и М.Д. Полубояриновой выявлена и исследована еще одна линия укреплений домонгольского времени, которую можно связать с «малым окопом», или «замошным валом», описаний первой половины XVIII в.[18] По-видимому, на юго-восточный склон рва, относящегося к этой линии укреплений, попал северо-западный угол раскопа LXXVIII 1981 г. В 1981 и 1982—1983 г. вновь была подвергнута раскопкам территория Малого городка, в том числе и его оборонительные сооружения[19].

Широкие археологические исследования Болгарского городища позволяют в основных чертах проследить изменение системы оборонительных сооружений средневекового Болгара в тесной связи с ростом и развитием города, изменением его социально-экономической роли и политического статуса.

* * *

В настоящее время можно считать установленным, что Болгар как поселение городского типа, важный пункт международной торговли у пересечения волжского и камского водных путей, экономический центр широкой земледельческо-скотоводческой округи, политический и административный центр формирующегося государства волжских болгар возник не позднее самого начала X в.[20] Древнейшее упоминание о Болгаре в письменных источниках содержится в сочинении ал-Балхи, известном под различными наименованиями и написанном в 919—920 или 920—921 гг.: «Булгар — имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть... Дома деревянные и служат зимними жилищами; летом же жители расходятся по войлочным юртам»[21]. Почти одновременно о Болгаре как городском поселении упоминает ал-Джайхани, отрывки из произведения которого «Книга путей и государств» дошли до нас в передаче автора XI в. ал-Марвази[22]. Подтверждением того, что уже в 907 г. Болгар был политическим центром Волжской Болгарии, может служить и нумизматический материал [23].

Археологические данные полностью соответствуют свидетельствам; письменных источников. В ходе многолетних раскопок в северной части нынешнего Болгарского городища во многих пунктах прослежен хорошо датированный культурный слой X—XI вв. (слой VI стратиграфической шкалы городища, разработанной коллективом исследователей под руководством А.П. Смирнова), перекрывающий более ранние догородские поселения[24] и занимающий сплошную площадь не менее 12 га (см. рис. 3). Содержание этого культурного слоя, сильно нарушенного позднейшими,

напластованиями и сохранившегося лишь фрагментарно, близко к тому, что дают другие памятники волжских болгар рассматриваемого времени. Здесь обнаружены остатки наземных и полужемляночных жилищ, хозяйственных построек, зерновых ям, найдено большое количество бытовых вещей, орудий ремесленного и сельскохозяйственного производств, предметы вооружения, остеологические и палеоботанические материалы и т. п. Лишь многочисленные привозные вещи, попавшие сюда в результате широких торговых связей с Востоком, Русью, Крымом, Закавказьем, да значительное количество ремесленной продукции свидетельствуют о городском характере поселения[25]. Такое содержание культурного слоя вполне закономерно для городских центров Волжской Болгарии периода их формирования. Возникновение города Болгара знаменовало, с одной стороны, завершение процесса перехода полукочевого болгарского населения к оседлости, а с другой — начало становления городов в Среднем Поволжье.

Как уже отмечалось, остатки древнейшей оборонительной системы города Болгара были исследованы в 1967—1969 и 1972—1974 г. к востоку и юго-востоку от Успенской церкви при работах на раскопах XVI, XXVIII, XXX, XLI и XLVI, а также при наблюдениях за прокладкой водопроводных траншей. Археологически они прослеживались в виде двух мощных рвов (см. рис. 1; 3). Оба рва начинались у северного края высокой волжской террасы, примерно в 500 м к западу от устья Иерусалимского оврага[26], и шли в направлении на юг и юго-восток, расходясь на расстояние около 50 м. Южным концом оба рва подходили к одному из крупных отрогов. Иерусалимского оврага, показанному на плане Болгарского городища, опубликованном в «Полном географическом описании нашего отечества»[27]. Ныне этот отрог сильно запылил и прослеживается лишь в виде неглубокой ложбины юго-восточнее остатков Соборной мечети. Предполагаемая длина рвов составляла 200—220 м. Оба рва отрезали значительный участок площади мыса между волжской террасой и Иерусалимским оврагом, где сохранились культурные отложения X—XI вв. Первоначально укрепление Болгара имело, таким образом, мысовый характер, как и многие другие городища Волжской Болгарии домонгольского периода[28].

Верхние края рвов в раскопах повсюду были срезаны сооружениями золотоордынского времени (рис. 10). В некоторых местах, однако, удалось проследить, что дневной уровень рвов поднимался к основанию культурных напластований домонгольского времени[29]. Кроме того, остатки, характерные для слоя VI, найдены в заполнении рва. Все это позволяет относить время их сооружения к периоду не позднее X в., когда культурный слой поселения еще только начал откладываться. Нужно отметить, что ал-Балхи, и ал-Марвази, и Ибн Фадлан об укреплениях Болгара не говорят[30]. Но из этого отнюдь не следует, что их не было или что сам город Болгар возник позднее. Да и наличие укреплений является, хотя и важным, но не всегда обязательным признаком раннегородских центров. Напомним, что ал-Балхи и ал-Марвази называют Болгар городом[31]. Даже если формирующийся политический центр Волжской Болгарии, возникший в важном пункте международной торговли на волжском пути, будучи в социально-экономическом плане поселением городского типа, какое-то время не имел укреплений, то это не меняет понимание его значения[32].

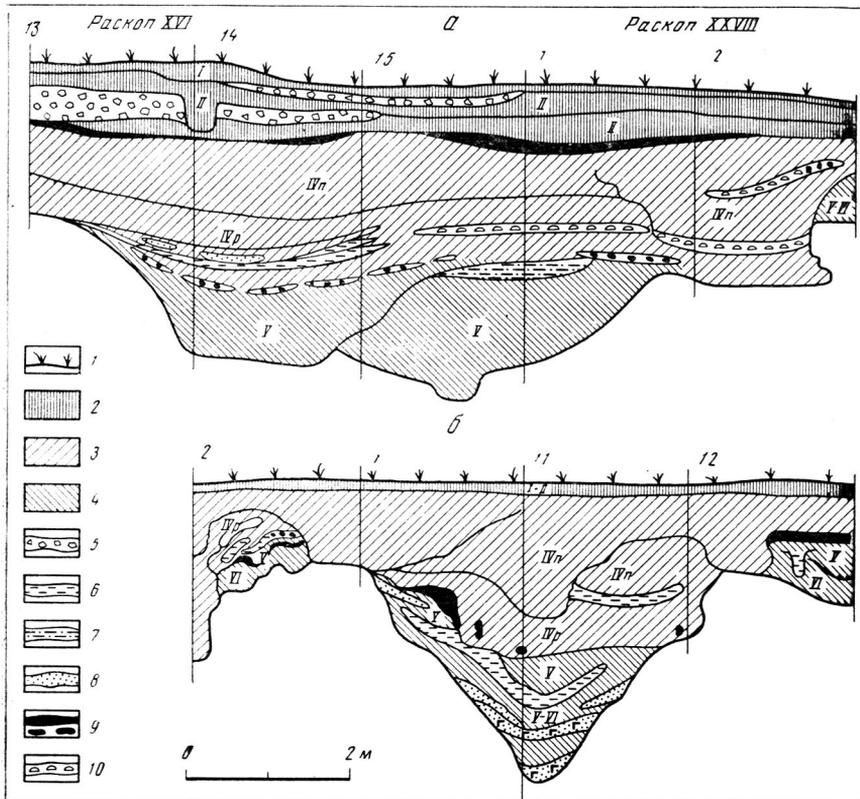

Рис. 10. Рвы начала X в.

а — западный ров в профиле северной стенки раскопов XVI и XXVIII; б — восточный ров в северо-западной стенке раскопа XLI; 1 — дерн; 2 — современный слой (I) и слой русской деревни XVI—XIX вв. (II); 3 — слои золотоордынского времени — поздний (IVп) и ранний (IVр); 4 — слои домонгольского времени (V—VI); 5 — кирпичный лом; 6 — глина; 7 — суглинок; 8 — песок; 9 — уголь; 10 — древесная труха

Рвы существовали весьма длительное время, о чем свидетельствует их неоднократная перестройка. Так, удалось проследить, что западный ров, по крайней мере на некоторых участках, в течение домонгольского времени перестраивался дважды (рис. 10, а). Первоначально он имел ширину около 7 м и глубину 2,8 м. Этот ров сильно запыл намывным песком с прослойками гумусированной супеси. Позднее он был вычищен и несколько смещен к западу, причем ширина и глубина его уменьшились соответственно до 5,4 и 2,4 м. Восточный ров в раскопах XXVIII и XXX имел следы троекратной перестройки. Ширина первоначального рва, сохранившегося фрагментарно, составляла около 6 м при глубине 2,5—2,6 м. На дне его отмечено струйчатое заполнение, свидетельствующее о заполнении рва водой. Затем наиболее глубокая часть рва, очевидно, во время работ по его прочистке, была перемещена на запад не менее чем на 1,5 м. Ширина рва составляла в это время около

8—9 м. Еще позднее ров вновь был перестроен, передвинувшись далее к западу. Глубина его стала примерно такой же, как глубина раннего рва, ширина составляла, около 10 м. Судя по характеру отложений, ров также заполнялся водой[33]. В раскопе XLI следы перестройки восточного рва не обнаружены (рис. 10, б).

Время ликвидации восточного и западного рвов хорошо определяется стратиграфически. В ряде мест на небольшой высоте от дна рвов позднего этапа, на древнем заполнении, имеющем обычно характер смывов и затеков, прослежена довольно мощная прослойка угля и его сгоревшего дерева. Та же прослойка отчетливо видна на площадях рядом со рвами. Ее надо связывать с разгромом города в 1236 г. Выше этой прослойки и непосредственно на ней повсюду лежит мощный слой раннезолотоордынского времени (слой IVp по стратиграфической шкале городища), во рвах носящий характер более или менее единовременной засыпки. В некоторых местах рвы засыпали и в поздний золотоордынский период — очевидно, там, где более ранняя засыпка со временем осела, что мешало нормальной жизни этого плотно заселенного района города. Таким образом, описанные рвы существовали в качестве одного из элементов оборонительной системы на протяжении всего домонгольского периода жизни Болгара и были ликвидированы лишь после разгрома города войсками Батыя.

Рвы имели значительную асимметричность: западный склон их, обращенный во внешнюю от укреплений сторону, был более крутым, чем восточный. Особенно ярко это заметно на ряде участков восточного рва. На восточном склоне западного рва были обнаружены небольшие (диаметр 0,1—0,15 м) столбовые ямки, углубленные в материк до 0,15 м, расположенные в несколько рядов по линии направления рва[34]. Их следует интерпретировать, по-видимому, как остатки кольев, поддерживавших слези или плетни, укреплявшие склон рва от осыпания. Аналогичные конструкции известны, например, у рвов Суvara, сооруженных также в домонгольское время[35]. По обеим сторонам восточного рва отмечены ямы от столбов толщиной 0,4—0,75 м, которые были углублены в материк, на 0,8—1 м. Эти столбы располагались на расстоянии около 2 м друг от друга[36]. Явственные следы вала, связанного со рвами, не обнаружены, это и неудивительно: район города, где изучались древнейшие укрепления, в золотоордынское время был очень плотно застроен, так что ожидать сохранения даже небольших частей скрытого вала здесь вряд ли возможно. Однако в заполнении восточного рва с восточной его стороны, а также в раннем горизонте золотоордынского слоя рядом с восточным склоном рва были отмечены пласты плотного желтого суглинка и супеси толщиной до 0,5 м[37]. Возможна интерпретация этих напластований как остатков скрытого в начале золотоордынского периода вала, перед которым располагался восточный ров. В районе западного рва подобные напластования не встречены. Если указанные слои действительно являются остатками вала, то мы можем получить представление лишь о дате его разрушения, относящегося к началу золотоордынского периода, но не о времени насыпки. Он мог быть сооружен как в период строительства рвов, т. е. одновременно с ними, так и позднее, в какой-то иной отрезок домонгольского времени. Последнее предположение представляется наиболее вероятным, так как ямы толстых столбов по внутреннему краю восточного рва вряд ли можно истолковать иначе, чем остатки достаточно

мощной стены столбовой конструкции, которая здесь не была бы нужна при наличии вала. По имеющимся скудным остаткам, сильно нарушенным позднейшим строительством, можно следующим образом реконструировать древнейшие оборонительные сооружения Болгара. По-видимому, в их истории можно выделить два этапа. В начале X в. эти укрепления состояли из двух рвов. Основную линию обороны представлял восточный ров, многократно перестраивавшийся. Перед ним и позади него были устроены стены, состоявшие из глубоко врытых в материк опорных столбов толщиной до 0,75 м, пространство между которыми забиралось горизонтальными бревнами, вставлявшимися в пазы вертикальных столбов. О высоте стены мы можем только догадываться. По-видимому, она была не менее 3 м. Позднее также в домонгольский период, стена по восточному краю рва была заменена валом, остатки которого, возможно, встречаются в засыпке ряда участков этого рва. Может быть, большие перестройки восточного рва, в результате которых он стал почти вдвое шире, были связаны именно с сооружением вала. По гребню его должна была идти деревянная стена, ибо без нее оборона крепости вряд ли была бы возможной. О существовании в XII в. крепостной стены Болгара, сделанной из дуба, сообщает Ибн Хамид Андалуси, посетивший город в 1135 г.[38]

Замена в течение домонгольского периода системы укреплений из рва и деревянных стен по его сторонам рвами в сочетании с валами прослежена также на Танкеевском городище[39]. Однако здесь деревянные стены X в. имели вид частокотла. По-видимому, такая эволюция укреплений может считаться достаточно характерной для ранней истории оборонительного зодчества волжских болгар.

В целом можно считать, что ранний Болгар имел мощные для своего времени укрепления. Строители крепости умело включили в систему ее обороны крутые склоны Иерусалимского оврага на юге и востоке и более чем 30-метровый обрыв к Волге на севере. Недалеко от подножия обрыва до затопления первой (нижней) террасы при создании Куйбышевского водохранилища протекала небольшая речка Меленка, берега которой уже в древности были заболочены. Раскопками 1952 г. близ устья Меленки исследованы остатки плотины, насыпанной в XI или XII в. и перегородившей Меленку. Это привело к образованию перед обрывом, на котором располагались укрепления, непроходимого болота, сильно затруднявшего подходы к подножию крепости[40].

Укрепления раннего Болгара ограничивали лишь часть территории города X—XI вв., составляли его цитадель. Расположенный западнее посад занимал значительную площадь (см. рис. 3) и по содержанию слоя VI существенно не отличался от укрепленной части. Слабые следы домонгольских напластований намечаются и за пределами посада. По мнению А.П. Смирнова, ранняя застройка волжской террасы тянулась с перерывами вплоть до Ага-Базара[41], который был портом Болгара и, судя по письменным источникам и археологическим данным, возник одновременно с городом[42].

Данные археологии и письменных источников свидетельствуют, что город Болгар на протяжении всего домонгольского периода был не столько крупным ремесленным центром, сколько важнейшим пунктом международной торговли [43]. Это и определило с X в. его роль как политического центра формирующегося государства волж-

ских болгар. Однако на фоне бурного развития ремесел и внутренней торговли Волжской Болгарии последующего времени этот факт обусловил некоторое отставание Болгара в экономическом отношении от других городских центров. Это обстоятельство, а также неоднократные разрушения города в ходе длительной борьбы за волжский путь способствовали переносу столицы государства в конце XI или в XII в. в Биляр, находившийся в глубине страны, в ее географическом центре[44].

Тем не менее Болгар, оставаясь крупным торгово-ремесленным центром значительной округи, продолжал расти и развиваться. Культурный слой второй половины XI — начала XIII в. (слой V по стратиграфической шкале городища) занимает территорию, более чем вдвое превышающую площадь распространения слоя ранней поры домонгольского периода. То обстоятельство, что возникшие еще в начале X в. укрепления защищали теперь только небольшую часть города, безусловно, создавало серьезные неудобства. Правда, Т.А. Хлебникова высказала предположение о возможном существовании еще одной линии городских укреплений, проходившей примерно по границе посада X—XI вв.[45] Однако это предположение пока не доказано археологически.

С вопросом о системе оборонительных сооружений города Болгара поздней поры домонгольского периода тесно связаны сведения о «малом окопе», или «замошном вале», которые имеются в описаниях городища первой половины XVIII в. До сравнительно недавнего времени «замошный вал» считали укреплением древнейшего города[46]. Изучение описанной выше оборонительной системы, возникшей в X в., заставило пересмотреть это положение.

«Выпись из межевых книг...» 1712 г. и описание 1732 г. свидетельствуют, что в пределах «замошного вала» находились Соборная мечеть (Четырехугольник), дюрбе Монастырский погреб и церковь св. Николая, Большой минарет, упавший в 1841 г., и несколько «каменных палат», не сохранившихся до наших дней. Уже это показывает, что площадь, ограниченная остатками укреплений, была значительно больше цитадели раннего Болгара, а сам «замошный вал», очевидно, был сооружен позднее древнейших городских укреплений. Важное значение для реконструкции размещения «замошного вала» имеют измерения ограниченной им территории и отдельных отрезков вала, сделанные Савенковым и Крапивиным. Обращает на себя внимание, что размеры «окружного» (большого) и «замошного» валов даны ими в существенно различающихся формулировках. В первом случае говорится: «Большого валу от горы до горы мерою 2620 сажень ... От валу до валу горою 965 сажень»[47]. Вполне очевидно, что «большой вал» начинался и кончался у края высокой волжской террасы, справедливо названной здесь «горой». О внутреннем укреплении говорится иначе: «Перваго замачного валу от горы до горы 545 сажень ... Меж валов и горою 250 сажень»[48]. Это может указывать на то обстоятельство, что «замошный вал» лишь одним концом подходил к волжской террасе. Тогда другой его конец следует искать только в одном месте — у обрывов Иерусалимского оврага.

«Замошный вал» на планах Болгарского городища показывали различным образом[49]. Наиболее удачная реконструкция его размещения по данным обмеров Савенкова и Крапивина, опубликованная в 1975 г., принадлежит Т.А. Хлебниковой[50]. Эта реконструкция убедительно подтверждена работами 1976—1977 и 1980—1981

гг. на раскопах LII, LVII, LXXIII и LXXVIII, где исследовались остатки укреплений, которые можно связать с «замошным валом». По данным Т.А. Хлебниковой, этот последний начинался у откоса верхней волжской террасы, примерно в 700 м от устья Иерусалимского оврага и в 200 м к западу от рвов X в., шел далее на юг с существенным отклонением к западу в районе расположения раскопов LVII и LXXIII, полукругом охватывал территорию к северу от Черной палаты, продолжался с небольшими изгибами на северо-запад, включая в ограничиваемую им территорию два крупных отрога Большого Иерусалимского оврага, показанных на уже упоминавшемся плане городища из «Полного географического описания нашего отечества», и оканчивался у наиболее крутых склонов этого оврага, примерно в 300 м от выхода его к волжскому склону. В описании Болгарского городища 1765 г. упомянуты остатки трех рвов, выходящих к Иерусалимскому оврагу[51]. Два из них можно связывать с укреплениями цитадели, третий — с «замошным валом». Интересен, но пока непонятен, выступ в западной части укрепленной линии.

Следует обратить внимание на два момента. Во-первых, «замошный вал» уже нельзя считать укреплением мысового типа: здесь налицо явный переход к круговому характеру обороны, свойственному дальнейшему этапу развития военного зодчества у многих народов, в том числе и у волжских болгар. Во-вторых, новая линия обороны, как и цитадель X—XI вв., не охватывала всей территории города, которая очерчивается распространением культурного слоя поздней поры домонгольского времени (см. рис. 3). Вне укреплений находилась территория вдоль волжской террасы, районы вокруг построенных позднее Черной палаты, Малого минарета, Ханской усыпальницы и некоторые другие.

Укрепления, соответствующие «малому окопу», или «замошному валу», описаний первой половины XVIII в., как и древнейшие оборонительные сооружения Болгара, археологически представлены остатками рва[52]. Глубина и ширина его на разных участках оказались различными. В южной части (раскоп LII) ров имел глубину 2,5—3 м от дневного уровня при ширине около 5,5 м, в западной (раскопы LVII и LXXIII) — всего 1,5—1,85 м при ширине 2,9—3,2 м. Ров перерезал свиту домонгольских напластований и был вырыт в слое материкового суглинка, ниже которого шел песок. Дно рва лежало в слое песка зеленоватого цвета. Засыпь нижней части рва в ряде мест имела слоистую структуру, свидетельствующую, что в определенный период он заполнялся водой.

Дневной уровень, с которого был вырыт ров, относится к верхней части напластований домонгольского времени. Лишь намного выше этого уровня располагались слой пожарища 1236 г., хорошо прослеживаемый на всей территории домонгольского Болгара, и нивелирующая его прослойка. Это дает основание считать, что рассматриваемый ров, как и связываемый с ним «замошный вал», были сооружены в самом конце домонгольского периода, вероятно, в конце XII — начале XIII в.

По своим конструктивным особенностям ров конца XII—начала XIII в. был близок к рвам более ранних укреплений Болгара. Поперечное сечение его также характеризовалось асимметричностью: внутренняя стенка была менее крутой, чем внешняя. На этой последней в раскопах LVII и LXXIII в верхней части отмечен уступ высотой 0,2 м и шириной 0,45—0,55 м (рис. 11, б). В раскопе LII на внешнем склоне рва

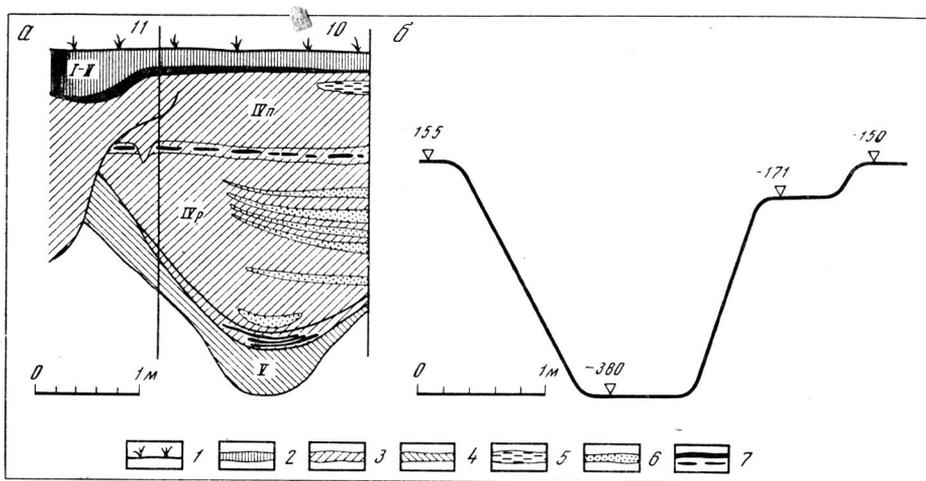

Рис. 11. Ров конца домонгольского периода

а — профиль рва в раскопе LII; б — поперечный разрез рва в раскопе LXXIII; 1 — дерн; 2 — современный слой (I) и слой русской деревни XVI—XIX вв. (II); 3 — слои золотоордынского времени — поздний (IVn) и ранний (IVp); 4 — слой домонгольского времени (V); 5 — глина; 6 — песок; 7 — уголь

обнаружены 12 округлых столбовых ям диаметром 0,12—0,2 м, углубленных в материк на 0,1—0,25 м и образующих более или менее ровную линию, шедшую параллельно направлению рва. Как и у более ранних укреплений, эти столбы следует интерпретировать как поддерживающие слези или плетни, предохраняющие от осыпания крутой склон рва. Немного ниже них отмечены две ямы от более крупных столбов (диаметр 0,26—0,27 м), назначение которых недостаточно ясно[53].

Остатки вала в раскопах, как уже упоминалось, обнаружены не были. Однако археологическим указанием на то, что за рассматриваемым рвом был насыпан вал, служит выявленное в раскопе LVII обстоятельство: земля из рва попадала только на северо-восточный его борт, т. е. на внутреннюю по отношению к укреплению сторону[54]. Никаких признаков выброса земли из рва на внешнюю его сторону не было и в раскопе LXXVIII.

Сведения о том, когда прекратил существование укрепления, соответствующие «замошному валу», несколько противоречивы. С одной стороны, в раскопах LII, LVII и LXXIII отчетливо прослежено, что соответствующий «замошному валу» ров был засыпан сразу же после разгрома Болгара в 1236 г. (рис. 11, а). Естественно предположить, что одновременно был ликвидирован и вал. Однако по крайней мере местами остатки этого вала сохранялись вплоть до первой половины XVIII в., когда они были описаны и измерены. Весьма интересное наблюдение сделано в 1981 г. на раскопе LXXVIII: здесь отмечено, правда, на ограниченной площади, подновление рва с уровня позднезолотоордынского слоя[55]. Сейчас можно предполагать, что внешняя линия укреплений города домонгольского периода, если и не была полно-

стью разрушена после 1236 г., то во всяком случае оказалась сильно ослабленной. На большей части ее протяжения ров был засыпан, частичной нивелировке, возможно, подверглись и валы. Существенного фортификационного значения эта линия обороны уже не могла иметь.

Таким образом, в конце домонгольского периода Болгар имел двойную систему укреплений — цитадель, сооруженную еще в X в. и впоследствии неоднократно подновлявшуюся, и внешнюю линию обороны, построенную незадолго до монгольского нашествия. С наиболее опасной для нападения южной стороны ров и, очевидно, вал внешней оборонительной линии были достаточно мощными. Размеры рва здесь (ширина 5,5 м, глубина 2,5—3 м) сопоставимы с тем же элементом укрепления цитадели города. На других участках ров и, вероятно, вал имели значительно меньшие размеры, что, впрочем, не составляет исключения среди близких по времени укреплений. Так, рвы Нового Сарая, сооруженные в 60-х годах XIV в., имели глубину всего 1,5—2 м[56]. Следует предполагать, что по гребню «замошного вала» шла деревянная стена, об устройстве которой мы вряд ли сможем что-либо узнать.

Рассматриваемую двойную систему укрепления Болгар имел лишь короткое время. Как показывают археологические данные, в результате разгрома города монголами в 1236 г. были уничтожены укрепления цитадели и сильно ослаблена внешняя линия обороны. Это вполне согласуется со многими свидетельствами средневековых авторов о том, что завоеватели уничтожали все укрепления в покоренных городах.

От монгольского нашествия Болгар оправился довольно быстро. Восстановительные работы начались, вероятно, сразу же после погрома 1236 г. В короткое время город не только был восстановлен, но и расширил свои границы. Культурный слой раннезолотоордынского времени (вторая половина XIII — начало XIV в.) занимает более широкую площадь, чем домонгольский (см. рис. 3). В позднезолотоордынский период была освоена почти вся территория нынешнего Болгарского городища, а отдельные заселенные в то время районы с западной стороны выходили за пределы городских укреплений. Продолжая оставаться важнейшим торговым пунктом, Болгар превратился в крупнейший ремесленный центр Среднего Поволжья, оставив в этом отношении далеко позади другие болгарские города, которые так и не смогли оправиться от ударов, нанесенных им монголами. По-видимому, в это время Болгар вновь становится политическим центром Волжской Болгарии, о чем свидетельствует, в частности, восстановление в 50-х годах XIII в. монетной чеканки. Конец XIII в. и особенно первую половину XIV в. следует считать временем расцвета города[57]. Именно этому периоду здесь свойственно каменное строительство, памятники которого дошли до наших дней[58].

Какое-то время после монгольского нашествия город не имел укреплений[59], если не считать остатков «замошного вала». Это обстоятельство объясняется политикой золотоордынских ханов в подвластных им областях, к числу которых относилась и Волжская Болгария. Лишь спустя некоторое время была создана та система укреплений, остатки которой в виде валов и рвов, опоясывающих Болгарское городище, сохранились до настоящего времени.

Письменные источники не содержат указаний на время сооружения этой линии городских укреплений. Археологические материалы лишь обобщенно определяют дату этого события. Так, при раскопках валов в основании насыпи или в ее нижних горизонтах неоднократно находили фрагменты керамики, которая может широко датироваться золотоордынским временем, в том числе и ранним [60]. Так, например, в слое, непосредственно предшествовавшем постройке укреплений в подгорной части линии обороны, при раскопках 1953 г. было обнаружено большое количество обломков керамики, среди которой домонгольская отсутствовала полностью. Красная керамика по фактуре, характеру обжига и орнаментации может датироваться XIII — началом XIV в. На раскопе XVIII в 1967 г. среди керамики из нижних слоев насыпи встречены фрагменты серой хорезмийской полихромной посуды, которая изготовлялась с начала XIII в. Учитывая весь комплекс археологических и исторических данных о Болгаре золотоордынского периода, О.С. Хованская высказала предположение, что оборонительная система города, остатки которой сохранились до наших дней, была построена не позднее первой четверти XIV в. [61] Эта дата и сейчас представляется наиболее вероятной.

В настоящее время укрепления Болгарского городища начинаются у кромки верхней волжской террасы к западу от с. Болгары, идут к югу и далее к юго-востоку, у южной оконечности городища делают довольно резкий поворот к северо-востоку и, поворачивая затем на север, оканчиваются опять-таки у верхней террасы, к востоку от устья Иерусалимского оврага. Огражденная валами и рвами площадь городища напоминает равнобедренный треугольник, основанием которого служит верхняя терраса Волги (см. рис. 1; 3). По данным съемки П.Н. Ефимова в 1919 г. и измерениям, проведенным в 1967 г., длина валов на верхней террасе составляла около 5,6 км. До создания водохранилища Куйбышевской ГЭС, затопившего нижнюю террасу Волги, было хорошо видно, что вал и ров в восточной части городища спускались по сравнительно отлогому здесь склону с верхней террасы на вторую, надлуговую, и заканчивались, немного не доходя до заболоченной низины, в которой протекала Меленка. Протяженность вала от кромки верхней террасы до его окончания в низине, по данным О.С. Хованской, составляла 85 м, а разность высот верхней террасы и места, где вал кончался, равнялась 26,6 м [62]. Раскопками 1953 г. выяснено, что далее укрепления почти под прямым углом поворачивали на запад. Рва и вала здесь не было, а выявленная раскопками деревянная стена располагалась на невысоком естественном всхолмлении, шедшем в направлении восток—запад и немного подправленном искусственной подсыпкой [63]. Остатки стены здесь прослежены на небольшом протяжении.

Как шли укрепления дальше, недостаточно ясно. О.С. Хованская высказала предположение, что стена в подгорной части охватывала лишь устья двух крупных оврагов, разрезавших плато городища, — Большого Иерусалимского и расположенного немного восточнее Малого Иерусалимского. Далее укрепления, по ее мнению, поднимались вверх по склону волжской террасы и смыкались с северо-восточной частью укреплений «детинца», под которым она понимала «замошный вал» [64]. Такое предположение, однако, достаточно уязвимо. Согласно рассмотренной наиболее вероятной реконструкции расположения «замошного вала» его северо-вос-

точный конец далеко не достигал кромки верхней террасы, упираясь в высокие и крутые склоны Большого Иерусалимского оврага. К тому же, у нас нет оснований считать, что «замошный вал» функционировал в золотоордынское время как фортификационное сооружение, т. е. действительно выполнял роль детинца. Данные о засыпке рва перед валом на большей части его протяжения в ранний золотоордынский период скорее говорят об обратном. Поэтому представляется более вероятным, что укрепления в подгорной части имели большую протяженность, чем это предполагает О.С. Хованская, и, как в восточной части городища, смыкались с укреплениями на верхней террасе в его западной части. По-видимому, следы этих укреплений уже давно уничтожены.

Если высказанное предположение верно, то оборонительная система Болгара золотоордынского времени имела круговой характер. Она защищала не только центральную часть города, но и ремесленные районы, расположенные на верхней волжской террасе, а также посады на средней террасе и у края нижней. Только обширный посад за Меленкой[65] и район так называемой армянской колонии у северо-западного угла городища[66] находились вне основной линии укреплений.

Рассматривая оборонительную систему Болгара XIV — начала XV в., нельзя не отметить небольшие укрепления у южной оконечности городища (Малый городок) и на краю волжской террасы у северо-восточного угла крепости (так называемый окоп Савенкова).

Описания Малого городка и остатков каменных построек в нем приведены в работах С.М. Шпилевского, В.Ф. Смолина, А.С. Башкирова и некоторых других исследователей[67]. Он расположен примерно в 80 м к югу от валов Болгарского городища и имеет самостоятельные внутреннюю и внешнюю линии укреплений. По обмерам П.Н. Ефимова, общая протяженность внутренней оборонительной линии, ограничивавшей площадь, близкую по форме к квадрату, составляла 320 м, а внешней, имевшей прямоугольную форму, — 839 м. Внешняя оборонительная линия состояла из невысокого вала и рва, которые сохранились местами и с западной стороны примыкали к валу городища. Ныне это соединение Малого городка и Болгарского городища практически уничтожено, валы сильно сnivelированы. Внутренняя оборонительная линия, по мнению О. С. Хованской, состояла из двух невысоких (1,7 м от дневного уровня) валов и рва глубиной до 2 м между ними[68]. Работы 1981—1983 гг. показали, что по существу оборонительная линия состояла только из рва, по обеим сторонам которого лежал выброс из него, образовавший валообразные возвышения. Раскопки свидетельствуют, что укрепления Малого городка возводились в золотоордынское время. Более точная дата их постройки пока не установлена. Может быть, строительство этих укреплений не было завершено.

«Окоп» у северо-восточного угла Болгарского городища известен по описанию Н. Савенкова и И. Крапивина: «За болшим же верхним валом земляной вал, который от большаго валу приведен к горе, мерою того валу 515 сажень... Меж валов и горою 210 сажень»[69]. Из этого описания достаточно ясно, что «окоп Савенкова» западной стороной примыкал к восточному валу городища близ выхода его на край волжской террасы и ограничивал территорию длиной по обрыву к Волге в 210 саженей. В настоящее время от этого укрепления не сохранилось никаких следов. На площади,

где оно располагалось, при работах 1967 г. в почти полностью развеянном песчанистом по структуре культурном слое найдено значительное количество керамики золотоордынского периода[70], что позволяет датировать этим временем и сооружение «окопа».

На некоторых старых планах Болгарского городища у западного его угла, в районе армянской колонии, показаны следы каких-то сильно снивелированных валов[71]. Не исключена возможность, что здесь также располагалось какое-то укрепление золотоордынского времени, близкое по характеру расположения и, вероятно, назначению к «окопу Савенкова».

Возвращаясь к описанию укреплений собственно Болгарского городища, отметим, что размеры валов на разных его участках существенно различались. По данным П.Н. Ефимова, высота их в западной части крепости колебалась от 1,65 до 2 м, в восточной — от 2 до 2,2 м, а в южной и юго-восточной достигала 4,9 м. Ширина верхней части валов колебалась от 0,8 до 1 м, у основания составляла 10—12 м. Ров на всем протяжении имел глубину 2,2—2,4 м при ширине 8—10 м. Вполне естественно предположить, что в период создания укреплений валы были значительно выше, а рвы — глубже. Действительно, работами 1946 г. на западной линии укреплений установлено, что дно рва было заполнено илом и более поздним культурным слоем примерно на 0,4 м[72]. По мнению О.С. Хованской, высота валов со времени их насыпки уменьшилась не менее чем на 0,5 м[73]. По-видимому, с учетом этих поправок и следует рассматривать укрепления Болгара золотоордынского времени. Тогда высота валов его колебалась от 2,05 до 5,4 м, а глубина рвов — от 2,6 до 2,8 м. Рвы золотоордынского времени не уступали аналогичным элементам оборонительной системы домонгольского периода, а местами превосходили их. Наибольшая высота валов и глубина рвов наблюдались в южной и юго-восточной частях оборонительной линии.

Изучение старых планов окрестностей Болгарского городища и проведенный в 1967 г. тщательный осмотр местности позволили прийти к выводу, что при строительстве укреплений учитывалось наличие вокруг предполагаемой крепости озер, болот, заболоченных низин и оврагов, по отношению к которым валы насыпались таким образом, что естественные препятствия оказывались перед укреплениями и включались в систему обороны. Сама конфигурация крепости, имеющей вид треугольника, обращенного вершиной к югу, в значительной мере была обусловлена этим фактором[74]. Так, в северо-западной части перед стенами крепости оказался неглубокий овраг, обнаруженный раскопками 1946 г. С западной и восточной сторон городские укрепления были прикрыты болотистыми низинами и несколькими озерами. С севера подход к укреплениям, как и в более раннее время, прикрывался заболоченной низиной, в которой протекала Меленка. Описание 1732 г. свидетельствует, что ширина низины достигала здесь 50—80 сажень, а «вода в тряснике... стоит меж кочек..., аршина по три и больше, а в других местах аршина по два»[75]. Максимальное использование защитных свойств местности и стремление к наибольшему сокращению, протяженности линии, на которой был возможен прямой штурм, характерны для крепостного строительства XIII—XIV вв. как в Европе, так и на Востоке. Это вытекало из применявшейся в то время тактики захвата укрепленных пунктов штурмом при поддержке камнеметных машин, а позднее — пушек[76].

Для крепости Болгара золотоордынского времени наиболее уязвимым участком обороны была узкая южная и прилегающие к ней участки восточной и западной сторон, где естественных препятствий для осаждающих не было. Именно здесь валы и в настоящее время имеют наибольшую высоту, а в древности возвышались более чем на 5 м. На этих участках стены города были укреплены башнями, следы оснований которых выявлены при работах 1967 г. в виде полукруглых расширений внутренней стороны вала. Размеры их около 12—13 х 3—5 м, поверхность обычно горизонтальная и несколько понижена по сравнению с прилежащими участками валов. О том, что эти площадки были действительно основаниями башен, убедительно свидетельствуют раскопки двух из них (раскопы XX и XXV 1967 г.) [77]. На южной и прилегающих участках восточной и западной стен зафиксированы основания 14 башен. Расстояние между ними составляет около 125 м, в единичных случаях достигает 180 м или уменьшается до 50—75 м. На тех участках, где зафиксированы остатки башен, валы и рвы сооружались практически по прямой линии или по дуге, выступающей наружу по отношению к городищу (рис. 12, 3).

На других участках западной и восточной оборонительных линий, где эти последние прикрывались различными естественными препятствиями, валы были значительно ниже. Следы оснований башен здесь не обнаружены. Однако линия валов и рвов повсюду идет здесь не по прямой, а с волнообразными изгибами, причем эти изгибы не отражают рельеф местности, а должны истолковываться как определенный фортификационный прием, обеспечивающий более удобный фланговый обстрел врагов, приближающихся к стенам крепости (рис. 12, 2). Длина таких волнообразных изгибов для западного вала составляла около 120 м (т. е. была близка к среднему расстоянию между башнями и соответствовала дальности полета стрелы, выпущенной из лука или самострела), глубина колебалась от 5 до 9—10 м. В восточном валу наблюдается чередование «волн» таких же размеров с более крупными, длиной 200—240 м и глубиной до 10—12 м. Можно предполагать, что система стен с башнями в оборонительном отношении была более эффективной, чем система стен без башен, но с волнообразными изгибами. Этим и объясняется применение первой только в наиболее уязвимой для врага части крепости.

В северной части линии обороны подход врага к укреплениям города был маловероятен из-за труднопроходимого болота. В этом месте строители крепости ограничились возведением одной только деревянной стены. Однако у поворота стены на запад в подгорной части раскопками 1953 г. обнаружены остатки угловой башни [78].

В настоящее время в валах Болгарского городища имеются многочисленные разрывы, в большинстве случаев поздние. Обследование укреплений в 1967 г. показало, что в древности в валах было лишь три проезда — по одному в западной, южной и восточной стенах города. Это и ныне существующие проезды: к западу — в г. Куйбышев (районный центр ТАССР, рядом с которым расположено с. Болгары), к востоку — на с. Ржавец, к югу — на совхоз «Три Озера». Несмотря на сильную разрушенность валов в этих местах, можно установить, что отрезки вала по обеим сторонам проходов сдвигались так, что проезд шел параллельно направлению самих стен, и подходящие к воротам оказывались обращенными к стенам правой, не защи-

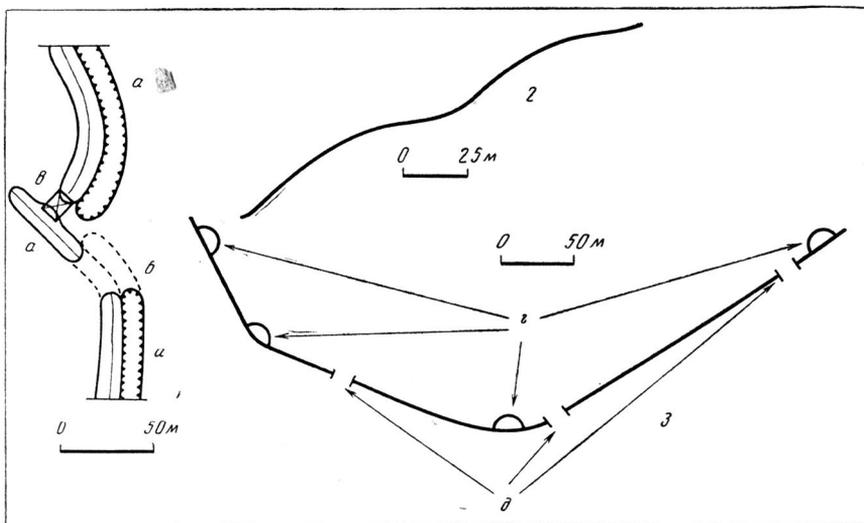

Рис. 12. Детали линии обороны золотоордынского времени

1 — схематический план въездных ворот в восточной стене крепости по съемке А. П. Смирнова 1950 г.; 2 — схема части западной линии обороны; 3 — схема части южной линии обороны; а — линия валов и рвов; б — уничтоженная часть вала и рва; в — предполагаемое место надвратной башни; з — места выступов вала для башен внутри городища; д — поздние проемы в валах

щенной щитом стороной⁷⁹. Наиболее хорошо такая система устройства входа в крепость сохранилась в восточном валу, где можно предполагать также наличие надвратной башни (рис. 12, 1). У древнего южного проезда башня располагалась не над воротами, а немного восточнее их (раскоп XX). На раскопе XVIII по обеим сторонам западного проезда никаких следов надвратной башни не обнаружено^[80]. Аналогичная система расположения проездов в крепостных стенах широко применялась в средневековье в различных модификациях как в западной Европе и на Руси, так и на Востоке, причем и в каменном и в дерево-земляном строительстве. Кроме указанных древних проездов, следует предполагать, что в северной линии обороны были какие-то ворота и мост или гать через низину Меленки, которые обеспечивали сообщение с заречным посадом.

В связи с установлением мест древних проездов в валах Болгарского городища можно предположить, что такие укрепления, расположенные вне основной линии городской обороны, как Малый городок, «окоп Савенкова» и зафиксированные старыми планами валы в районе армянской колонии, могли выполнять роль фортов, прикрывающих дороги, ведущие к городу^[81]. Этому не противоречат различные точки зрения о назначении Малого городка, высказанные в литературе.

Во время осады население Болгара не могло испытывать недостатка в воде. Верхняя волжская терраса, на которой располагался город, сложена делювиальными песками и суглинками, в толще которых залегают глины, местами выходящие на поверхность. Благодаря этому здесь образовались небольшие и относительно

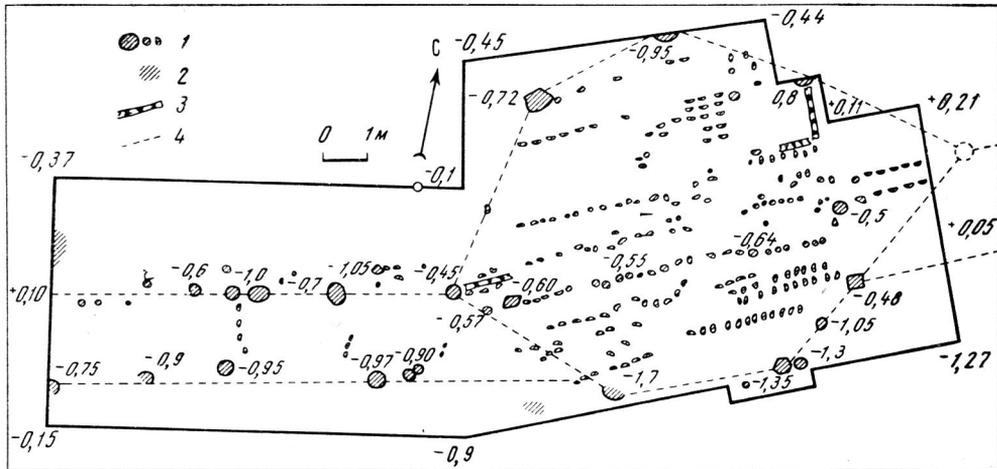
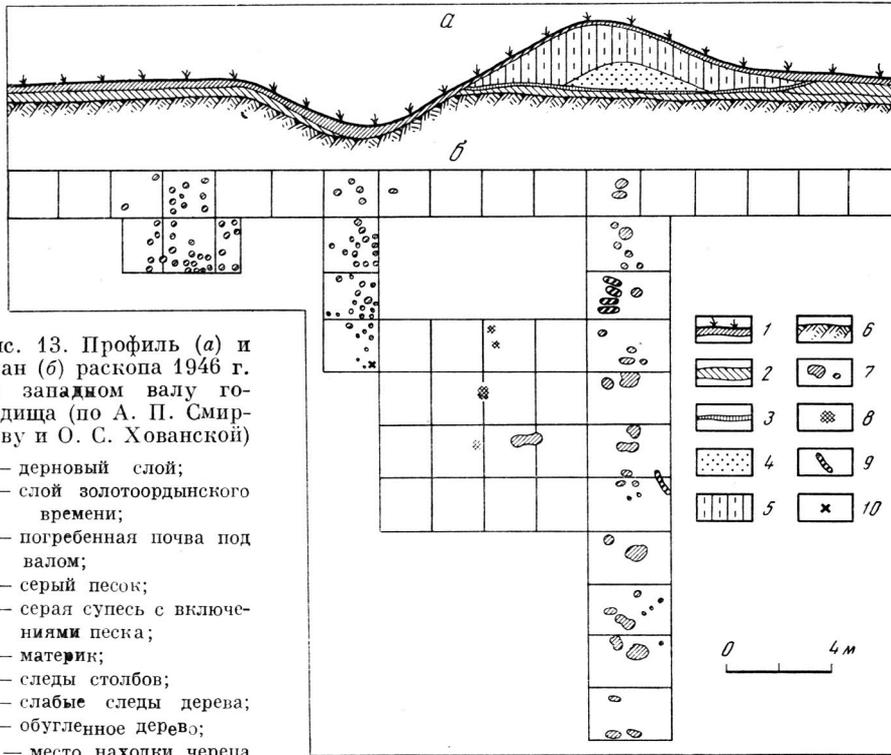
неглубокие озера, питавшиеся дождевыми и отчасти грунтовыми водами (на дне некоторых озер наблюдаются маломощные ключи)[82]. Большинство озер сейчас высохло, и от них сохранились лишь более или менее крупные западины, весной заполняющиеся водой. Однако еще в XIX в. они были достаточно полноводными в течение всего года. Часть таких озер располагалась внутри крепостных стен, в том числе в пределах «замошного вала».

Устройство валов Болгарского городища исследовано неоднократно разрезами и зачистками в местах современных разрывов[83]. Валы насыпались из взятых в ближайших к строительству местях почвенного слоя, супеси и чистого песка. В основании вала лежит обычно слой древней почвы, взятой из рва или с ближайшей части площадки городища. Выше располагается слой песка, супеси или песчанистого суглинка, составляющий основную часть насыпи (рис. 13, а). Площадки для башен насыпались из глины с супесью или чистой глины, что придавало этим конструкциям большую прочность. В западной линии обороны вал был насыпан на более или менее мощном культурном слое[84], в других местах — на почвенном слое, не имевшем культурных остатков.

Для придания большей прочности насыпи вала применялись сваи — врытые или битые в насыпь короткие бревна диаметром не менее 0,2—0,3 м и длиной около 1 м. Они прослеживались при раскопках с глубины 0,6—0,7 м от поверхности. Располагались они довольно часто, но без определенного порядка. Так, в раскопе XX на протяжении 21 м выявлено 48 свай[85]. Значительное количество свай прослежено под угловой башней в подгорной части крепости. Укрепление грунта сваями было хорошо знакомо болгарским строителям. Система свай обнаружена при раскопках бани на правом берегу Меленки, Белой палаты, под контрфорсами Соборной мечети др.[86] Сваи применялись в средневековье при строительстве и за пределами Волжской Болгарии. Они выявлены, например, при раскопках Белого города в Москве[87] и в ряде других мест. В Болгарах сваи были преобладающей, но не единственной формой укрепляющих вал конструкций. В раскопе XVIII, например, в насыпи вала выявлены остатки срубов[88]. На одном из участков южного вала городища отмечен своеобразный прием укрепления насыпи путем добавления в песок, из которого она здесь состояла, связующего вещества — извести[89]. На Малом городке с той же целью был применен алебастр, оставшийся от каменного строительства[90].

При работах 1967 г. на раскопе XX отмечено обжигание поверхности почвы перед насыпкой вала. Такое же явление зафиксировано на ряде поселений Среднего Поволжья доболгарского времени. Не исключена возможность, что такой обжиг имел какое-то ритуальное значение. В том же раскопе в середине насыпи вала найден целый череп лошади, лежавший поперек вала лицевой частью к его внешней стороне. Вероятно, и эта находка может быть связана с ритуальными действиями, являясь своего рода оберегом[91].

На валах возвышались деревянные стены и башни. Их остатки при раскопках прослеживались под тонким дерновым слоем и лежащим ниже, пронизанным корнями растений слоем угля и золы. Этот слой нужно рассматривать как след большого пожара при разгроме города в 1431 г.[92], после которого укрепления уже не восстанавливались.

Остатки стен изучались в западной, восточной, северной и южной частях оборонительной линии. Повсюду они представляли собой следы вертикально стоявших столбов диаметром не менее 0,3—0,5 м, углубленных на 0,5—0,8 м[93]. Они располагались не строго по гребню вала, а несколько ближе к его внешней стороне, образуя обычно два параллельных ряда (рис. 14). В раскопе 1946 г. на западном валу такие ряды были неотчетливы (рис. 13, б). Расстояние между рядами в раскопе XX составляло 1,8—1,9 м, в раскопе XXV — 1,5—1,6 м, в раскопе 1953 г. на восточном валу и в подгорной части крепости — около 1,6 м. Нередко следы столбов были сдвоенными или строеными, что отражает замену и укрепление опорных столбов стен во время ремонтных работ. Расстояние между опорными столбами в ряду колебалось от 2 до 3 м. Очевидно, стены были двухрядными и имели столбовую конструкцию, знакомую нам уже по древнейшим оборонительным сооружениям города Болгара. Основу стен составляли толстые вертикальные столбы, пространство между которыми забиралось горизонтальными бревнами, скреплявшимися в паз с опорными столбами. В раскопе XXV обнаружены слабые признаки таких бревен, толщина которых была не менее 0,25—0,3 м. В раскопе XX на южном участке вала выявлены остатки своего рода перегородки, шедшей перпендикулярно стенам между внешним и внутренним их рядами.

Приведенные данные позволяют реконструировать стены Болгара золотоордынского времени по образцу укреплений, известных в русском военном зодчестве XVI—XVII вв. под названием тарас. При устройстве тарас рубились две параллельные стены, имевшие обычно срубную конструкцию, а иногда представлявшие собой частокол. На некотором расстоянии эти стены связывались поперечными перевязями, на которые укладывался настил. Стена, обращенная наружу, делалась более высокой, в ней проделывались бойницы для нижнего и верхнего боя. Над настилом могла быть устроена двускатная или односкатная крыша, в известной степени служившая и защитой для воинов. Внутреннее пространство между стенами в нижней части заполнялось землей, песком или камнями, оставлялись только проходы к нижним бойницам[94]. Впрочем, раскопки на Болгарском городище не дали ясных указаний на то, что пространство между стенами заполнялось песком или камнем: никакого инородного материала на поверхности вала или во рву не найдено. Заполнение тарас землей в Болгарах не может быть исключено. В русском оборонительном зодчестве такое заполнение пространства между стенами нередко производилось только во время опасности и не всегда на всем протяжении стен[95]. Характерной для Болгара была столбовая конструкция тарас, почти неизвестная на Руси.

Остатки башен археологически изучены на южном и юго-западном участках стен [96], а также в подгорной части крепости, в ее северо-восточном углу[97]. Они представлены прежде всего нижними концами толстых опорных столбов диаметром 0,35—0,45 м и более, углубленных, как и опорные столбы стен, не менее чем на 0,5—0,7 м (рис. 14). Следы некоторых столбов могли не сохраниться, отдельные столбы заменялись во время ремонтных работ. Поэтому с точностью реконструировать форму башен затруднительно. Ясно лишь, что они были многоугольными. Наиболее вероятно, что башни, исследованные в раскопах XX и XXV, имели форму несколько вытянутого вдоль вала шестиугольника (рис. 14). Башню в северо-восточном углу крепости О. С. Хованская

реконструировала в форме восьми- или двенадцатигранника, однако возможны и иные варианты ее реконструкции. Очевидно, башни Болгара, как и его стены, имели столбовую конструкцию. Можно говорить о сравнительно небольшой их высоте: об этом свидетельствует то обстоятельство, что толщина их опорных столбов существенно не отличалась от толщины опорных столбов стен. Интересной особенностью башен было то, что они больше выступали внутрь укреплений, чем наружу. Впрочем, выступание башен за внешнюю линию стен все же составляло 1,5—2 м, что было вполне достаточно для ведения флангового обстрела. Башни имели не менее двух ярусов. Остатки сгоревших и рухнувших вниз настилов из колотых досок толщиной 5—7 см отчетливо прослежены при раскопках угловой башни в подгорной части укрепления я в раскопе XXV на юго-западной линии обороны.

В раскопках XX и XXV внутри периметра башен отмечено большое количество отпечатков столбов небольшого диаметра (0,1—0,15 м), прямоугольных плах и толстых горбылей, располагавшихся более или менее правильными рядами вдоль длинной оси вала. Их углубленность была меньше, чем у опорных столбов, и составляла 0,3—0,5 м. Часть из них могла служить опорой для настилов и лестниц внутри башни, часть выполняла роль свай для укрепления верхнего слоя насыпи. В раскопе на северо-восточном углу крепости грунт под башней, как уже отмечалось, укреплялся сваями, имевшими такую же толщину, что и опорные столбы.

Уже говорилось, что на южном и прилегающих западном и восточном Участках линии валов предполагается наличие 14 башен. Две из них исследованы раскопками. Остатки одной башни изучены в северо-восточном углу крепости. Такая же угловая башня могла быть в подгорной части и в противоположном северо-западном углу укрепления. Вполне возможна надвратная башня у восточных ворот, на что указывает конфигурация отрезка вала. Таким образом, Болгар золотоордынского времени имел не менее 17 башен.

Ров золотоордынского времени, как и рвы более ранних укреплений города, характеризовался некоторой асимметрией: внешний склон его был более крутым, чем внутренний. Судя по отложениям в нижней части, ров заполнялся водой, поступавшей сюда из многочисленных озер, по крайней мере одно из которых было перерезано рвом. Существенный перепад высот в местах, где располагалась крепость на верхней террасе, а также то обстоятельство, что вал и ров спускались по склону к Волге, заставляют предполагать существование во рву каких-то сооружений, позволявших поддерживать определенный уровень воды на его отдельных участках. В северной линии укреплений, не имевшей рва, по-видимому, были какие-то приспособления для пропуска воды, стекавшей во время таяния снегов и в дождливые периоды из двух больших оврагов, пересекавших верхнюю террасу [98].

При разрезе рва в раскопе 1946 г. на западном участке обороны отмечены остатки заграждений в виде надолб перед рвом и следы кольев, вбитых в дно рва (рис. 13, б).

Оценивая оборонительную систему города Болгара золотоордынского времени в целом, отметим, что она по величине сооружений, глубокой продуманности способов защиты занимала одно из первых мест среди дерево-земляных укреплений Восточной Европы.

Оборонительные сооружения Болгара за более чем 500-летний период его существования претерпели большие изменения, которые не только служат показателем развития военного искусства, но и в значительной мере отражают историю, рост и развитие города, изменение экономической и политической его роли в государстве волжских болгар.

Древнейшие укрепления Болгара были возведены не позднее начала X в., вскоре после возникновения города, ставшего почти на два века не только важнейшим пунктом международной торговли на волжском пути и важным экономическим центром широкой земледельческо-скотоводческой округи, но и политико-административным центром Волжской Болгарии ранней поры домонгольского периода. Будучи достаточно мощными для своего времени, они защищали лишь центральную часть еще небольшого города, его цитадель, напоминая тем самым феодальный замок. В конце XII — начале XIII в. в связи с ростом и увеличением площади города была построена вторая линия укреплений, защищавшая значительную часть растущего торгово-ремесленного посада. Протяженность ее более чем в пять раз превышала длину укреплений цитадели. Тем не менее оборонительные сооружения Болгара позднего домонгольского периода, который, оставаясь важным центром международной торговли, в силу ряда причин утратил первенство в развитии ремесла и внутренней торговли и перестал быть столицей государства, заметно уступали укреплениям таких городов, как Биляр или Сувар.

Укрепления домонгольского времени были уничтожены в результате разгрома Болгара войсками Батыя в 1236 г. Быстро возрождавшийся город, вновь сделавшийся в золотоордынский период крупнейшим экономическим и политическим центром Волжской Болгарии, какое-то время не имел укреплений. Но уже в начале XIV в., ставшего периодом расцвета Болгара, была построена новая мощная оборонительная линия, окружавшая не только центральную часть города, но и большинство торгово-ремесленных посадов. Лишь сравнительно небольшой посад севернее Меленки и район армянской колонии находились вне основных городских укреплений, периметр которых почти в семь раз превышал протяженность внешней линии укреплений конца домонгольского периода и в 35 раз — длину укреплений X в.

Значительные изменения прослеживаются и в характере городских укреплений. Если крепость X в. относится к мысовому типу, а внешняя линия укреплений конца XII — начала XIII в. знаменует переход к круговому построению оборонительной линии, то в укреплениях Болгара золотоордынского времени круговая система обороны нашла свое завершение. Древнейшие укрепления Болгара состояли из двух рвов с деревянными стенами, построенными по обе стороны внутреннего рва. Вскоре эта недостаточно эффективная система оборонительных сооружений была заменена новой — рвами в сочетании с валом, на гребне которого возвышалась деревянная стена. Вал с деревянными стенами и выкопанный перед ним ров являлись основными элементами обороны города и в золотоордынский период. На наиболее уязвимых участках и по углам крепости в то время были построены башни, валы насыпались с волнообразными изгибами, которые могли обеспечить фланго-

вый обстрел противника и в тех местах, где башен не было. Предмостные укрепления прикрывали дороги, ведущие к городу. Такое направление эволюции укреплений Болгара было связано с развитием военного искусства в Европе в целом, с появлением новых видов вооружения, изменением тактики обороны и нападения.

Необходимо подчеркнуть глубокое понимание строителями, возводившими крепостные сооружения Болгара в различные периоды его существования, задач обороны и в связи с этим — удачное использование защитных свойств местности, а в необходимых случаях и усиление их.

История защитных сооружений города Болгара достаточно ясно показывает, что военное зодчество волжских болгар, если и испытывало определенное влияние со стороны, возникло и развивалось в целом на местной основе и было достаточно самобытным. Нельзя не согласиться с мнением О.С. Хованской, что «если с багдадским посольством в 922 г. и прибыли мастера-строители, то в сооружении крепости в Болгарском царстве они не принимали никакого участия, так как на Востоке оборонительные комплексы возводились из камня, кирпича»^[99]. Оборонительные сооружения волжских болгар по материалу, из которого они строились, за единичными исключениями, относились к дерево-земляным, как большинство средневековых крепостей северной половины Восточной Европы. Сходство русских и болгарских крепостных сооружений объясняется прежде всего именно широким применением в строительном деле дерева.

- 1 Выпись из межевых книг письма и меры дьяка Андрея Михайлова на земли новостроящегося Болгарского Успенского монастыря 1712 г. // Невоструев К.И. О городищах древних Волжско-Болгарского и Казанского царств // Тр. I АС. М., 1871. Т. II. С. 528 сл.
- 2 Описание см. в кн.: Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 571-580. См. также: ЦГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 4/4.
- 3 Борисов В.Л. Описание развалин города Булгара подполковником Свечиным в 1765 г. // ИОАИЭ. Казань, 1898. Т. XIV, вып. 5. См. также: ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 41. Д. 3419.
- 4 Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб. 1771 г. Ч. I. С. 185. Сл.
- 5 Полное собрание ученых путешествий по России: Записки путешествия академика Лепехина. СПб. 1821. Т. 3.
- 6 Erdmann. F.F. Beitrage zur Kenntniss der Innern von Russland. Riga; Leipzig, 1822-1826. V/ I S/ 280-305.
- 7 Свиньин П. Развалины города Булгара // Отечественные записки. 1824. № 48. Он же. Картины России. СПб., 1839.
- 8 Березин И. Булгар на Волге // Уч. Зап. Казан. Ун-ва. Казань, 1852. Кн. III.
- 9 Шмит А. Архитектурные чертежи развалин древних Болгар. М., 1832.
- 10 Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России: Казанская губерния. Казань, 1870.
- 11 Собрание карт, планов и рисунков к «Трудам» I археологического съезда. М. 1871.
- 12 Башкиров А.С. Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1929. С. 12, 17.
- 13 Об истории исследования Болгарского городища см. очерк Т.А. Хлебниковой в настоящей книге.
- 14 Смирнов А.П. Волжские булгары // Тр. ГИМ. М., 1951. Вып. 19. С. 93, 170-182. Рис. 14; 15; Хованская О.С. Оборонительная система города Болгара // МИА. М., 1958. № 61. С. 319-329.
- 15 Хованская О.С. оборонительная система... С. 316. Рис. 7.
- 16 Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные по истории города Болгара // СА. 1969. №1. С. 219-222. Рис. 6, 7.

- 17 Там же. С. 213, 214; Аксенова. Н.Д., Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Поволжская экспедиция // АО 1968 г. М., 1969. С. 170; С. 171, 172; Аксенова Н.Д., Хлебникова Т.А. Исследование Булгара // АО 1972 г. М., 1973. С. 151, 152; Они же. Работа В Болгарах // АО 1973 г. М., 1974. С. 172; Хлебникова Т.А. Исследование центра города Болгара в 1964–1970 гг.// Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 19–21; Она же. Ранний Булгар // СА. 1975. №2. С. 122–126.
- 18 Аксенова Н.Д., Полуобяринова М.Д., Хлебникова Т.А. Работы в Болгарах // АО 1976 г. М., 1977 . С. 126, 127; Аксенова Н.Д., Крамаровский М.Г., Полуобяринова М.Д., Полякова Г.Ф., Хлебникова Т.А. Работы в Болгарах // АО 1977 г. М. 1978. С. 152, 153; Аксенова Н.Д., Полуобяринова М.Д., Полякова Г.Ф., Хлебникова Т.А., Шарафуллин Р.Ф. Исследование города Болгара // АО 1980 г. М., 1981. С. 122, 123; Аксенова Н.Д., Ефимова А.М., Мухаметшин Д.Т., Хлебникова Т.А.. Исследование городища Великие Болгары // Древности Волго-Камья. Казань. 1977. С. 61.
- 19 Аксенова А.П., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Исследования Болгара // АО 1981 г. М., 1983. С. 134, 135.
- 20 Смирнов А.П. Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография // МИА. М., 1954. № 42. С. 309, 314 сл.; Он же. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 5. 6; Ефимова А.М. К вопросу о происхождении городов Волжской Болгарии. Казань, 1957; Фахрутдинов Р.Г. Домонгольский Болгар в письменных источниках// Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 64–77; Хлебникова Т.А. Ранний Булгар. С. 120–132; см. также очерк Т.А. Хлебниковой в данной книге.
- 21 Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах. СПб., 1869. С. 82. О датировке этого сочинения см.: Худуд ал-алем / Рукопись А.Г. Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930. С. 11; Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Извр. Сочинения. М.; Л., 1957. Т.IV. С. 195; Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962. Т. I. С. 75; см. также очерк Р.Г. Фахрутдинова в данной книге.
- 22 Якубовский А.Ю. К исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X вв.// СА. М., 1948. Т. X. С. 268; Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. С. 222; Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II. С. 37; см. также очерк Г.А. Федорова-Давыдова в настоящем издании.
- 23 Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в.// МИА. М., 1962. № 111. С. 190, 191.
- 24 Ефимова А.М. Догородские поселения на территории Болгарского городища// Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 14–17; см. также очерки П.Н. Старостина и Т.А. Хлебниковой в настоящей книге.
- 25 Хлебникова Т.А. Ранний Булгар. С. 124, 125, 127.
- 26 Ряд геологических и археологических данных свидетельствует, что Иерусалимский овраг сформировался задолго до возникновения города Болгара. См. об этом: Смирнов А.П. Волжские булгары. С. 170.
- 27 Россия: Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. П.П. Семенова-Тяньшанского. СПб. 1901. .IV.
- 28 См., например: Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг.// Тр. КФАН. Казань, 1954. Сер. Гуманит. Наук. С. 63 сл.; Фахрутдинов Р.Г. Картографирование и классификация городищ Волжской Болгарии // Тез. Докл., посвященных итогам полевых археологически исследований в СССР. Тбилиси, 1971.
- 29 Хлебникова Т.А. Исследование... С. 21
- 30 Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956.
- 31 Серьезную аргументацию в пользу существования города Болгара уже во время приезда туда Ибн Фадлана привел в свое время Б.Д. Греков. См.: Греков Б.Д. Волжские булгары в IX–X вв.// Ист. Зап. М., 1945. №4. С. 21; см. также: Фахрутдинов Р.Г. Домонгольский Болгар... С. 64–67.

- 32 По мнению других исследователей, в основе раннего Болгара лежит крепостное замковое сооружение, возле которого сосредоточивалась торгово-ремесленное население. См.: Смирнов А.П. Основные этапы... С. 309; Ефимова А.М. К вопросу...С. 12-17; Хлебникова Т.А. Ранний Булгар. С. 128.
- 33 Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные... С. 214. Рис. 2; Хлебникова Т.А. Исследование... С. 19, 21. Рис.1, 2.
- 34 Хлебникова Т.А. Исследование... С. 19
- 35 Смирнов А.П. Волжские булгары. С. 19.
- 36 Хлебникова Т.А. Исследование... С. 21; Она же. Ранний Булгар. С. 122, 124.
- 37 Хлебникова Т.А. Исследование... С. 21.
- 38 Шпилевский С.М. Древние города... С. 10.
- 39 Хлебникова Т.А. Краткие итоги исследования Танкеевского городища в 1963 г. // Итоговая научная сессия ИЯЛИ КФАН СССР за 1963 г.: Краткое содержание докладов. Казань. 1964. С. 64.
- 40 Хованская О.С. Оборонительная система... С. 318.
- 41 Смирнов А.П. Раскопки городища Великие Болгары в 1957 г. Казань, 1959. С. 10; Он же. Новые данные... С. 5, 7, 8. Однако за пределами городища в направлении Ага-Базара застройка не выявлена. См. очерк Т.А. Хлебниковой в настоящем издании (Редколлегия).
- 42 Жиромский Б.Б. Ага-Базар// МИА. М., 1954. № 42. С. 337; Ефимова А.М. К вопросу... С. 7, 8.
- 43 Смирнов А.П. Новые данные... С. 8.
- 44 Смирнов А.П. О столице государства волжских болгар // СА. 1972. № 1.
- 45 Хлебникова Т.А. Ранний Булгар. С. 124, 125. Рис. 1, в.
- 46 Смирнов А.П. Основные этапы... С. 314, 315.
- 47 Шпилевский С.М. Древние города... С. 572.
- 48 Там же. С. 571.
- 49 См., например: Смирнов А.П. Волжские булгары. Рис. 114; Хованская О.С. Оборонительная система... Рис. 1.
- 50 Хлебникова Т.А. Ранний Булгар. Рис. 1, г.
- 51 Борисов В.Л. Описание... С. 574.
- 52 Хлебникова Т.А., Полякова Г.Ф., Аксенова Н.Д., Полубояринова М.Д. Отчет о раскопках Болгарского городища в 1976 г. // Архив ИА. Р-1. № 6415. С. 14-18; Краматорский М.Г., Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф., Хлебникова Т.А. Отчет о работах в Болгарах в 1977 г. // Архив ИА. Р-1. № 6709. С. 102, 103; Полубояринова М.Д. Отчет о работах на Болгарском городище в 1980 г. // Архив ИА. Р-1. № 7681. С. 16, 17; Аксенова Н.Д., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Исследования... С. 134, 135.
- 53 Хлебникова Т.А., Полякова Г.Ф., Аксенова Н.Д., Полубояринова М.Д. Отчет о раскопках Болгарского городища в 1976 г. С. 16.
- 54 Крамаровский Т.А., Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф., Хлебникова Т.А. Отчет о работах в Болгарах в 1977 г. С. 102.
- 55 Аксенова Н.Д., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Исследования... С. 134, 135.
- 56 Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические раскопки Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в середине века. М., 1970. С. 71.
- 57 Смирнов А.П. Волжские булгары. С. 53–73; Он же. Новые данные... С. 8–13; см. также очерки Т.А. Хлебниковой, Г.А. Федорова-Давыдова в настоящем издании.
- 58 Смирнов А.П. Волжские булгары. С. 201, 223; Хованская О.С. Бани города Болгара // МИА. М., 1954. № 42; Акчурина З.А., Воскресенская Л.П., Смирнов А.П. Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. // Поволжье в средние века. М., 1970., С. 11, 12; Айдаров С.С. Архитектурное обследование руин Соборной мечети в Болгарах// Там же. С. 39–56;

- Хлебникова Т.А. Археологическое исследование мавзолеев города Великие Болгары// Там же. С. 57–67.
- 59 Смирнов А.П. Новые данные... С. 8.
- 60 Смирнов А.П. Волжские болгары. С. 180; Хованская О.С. Оборонительная система...С. 320–322; Смирнов А.П., Краснов Ю.А. Отчет о работах Болгарского отряда Поволжской экспедиции в 1967 г. // Архив ИА. Р-1. № 3481. С. 30.
- 61 Хованская О.С. Оборонительная система... С. 322.
- 62 Там же. С. 320, 321.
- 63 Там же. С. 320-324. Рис.3.
- 64 Там же. С. 326; см. также: Смирнов А.П. Волжские болгары. Рис. 114
- 65 Хлебникова Т.А. Древнерусское поселение в Болгарах // КСИИМК. М., 1956. Вып. 62; Смирнов А.П. Новые данные... С. 10; см. также очерк Т.А. Хлебниковой в настоящем издании.
- 66 Смирнов А.П. Армянская колония города Болгара // МИА. М., 1958. № 61
- 67 Шпилевский С.М. Древние города... С. 229; Смолин В.Ф. По развалинам древнего Булгара. Казань, 1926; Башкиров А.С. Памятники...С. 20–23.
- 68 Хованская О.С. Оборонительная система... С. 327–329. Рис. 8.
- 69 Шпилевский С.М. Древние города... С. 573.
- 70 Смирнов А.П., Краснов Ю.А. Отчет о работах Болгарского отряда Поволжской экспедиции в 1967 г. С. 33–35.
- 71 См., например: Смирнов А.П. Волжские болгары. Рис.114.
- 72 Хованская О.С. Оборонительная система...С. 324.
- 73 Там же. С. 323.
- 74 Смирнов А.П., Краснов Ю.А. Отчет о работах Болгарского отряда Поволжской экспедиции в 1967 г. С. 38, 39; Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные... С. 219.
- 75 Шпилевский С.М. Древние города... С. 574.
- 76 Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв.// МИА л., 1964. № 140. С. 217.
- 77 Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные... С. 220.
- 80 Смирнов А.П., Краснов Ю.А. Отчет о работах Болгарского отряда Поволжской экспедиции в 1967 г. С. 30–32, 39, 40.
- 81 Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные... С. 220.
- 82 Хованская О.С. Оборонительная система... С. 218.
- 83 Смирнов А.П. Волжские болгары... С. 180, 181; Хованская О.С. Оборонительная система... С. 320; Смирнов А.П., Краснов Ю.А. Отчет о работах Болгарского отряда Поволжской экспедиции в1967 г. С. 30-38; Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные ... С. 220, 221.
- 84 Хованская О.С. Оборонительная система... С. 320; Смирнов А.П., Краснов Ю.А. отчет о работах Болгарского отряда Поволжской экспедиции в 1967 г. С. 30.
- 85 Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные... С. 321.
- 86 Хованская О.С. Бани... С. 16–21.
- 87 Коробков Н.М. Стена Белого города // Историко-археологический сб. М., 1948. С. 16-22.
- 88 Смирнов А.П., Краснов Ю.А. Отчет о работах Болгарского отряда Поволжской экспедиции в 1967 г. С. 30.
- 89 Там же. С. 32, 48, 49.
- 90 Хованская О.С. Оборонительная система... С. 327, 328.
- 91 Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные... С. 221.

92 ПСРЛ. СПб., 1901. Т. XII. С. 9.

93 Хованская О.С. Оборонительная система... С. 320, 322–324; Смирнов А.П., Краснов Ю.А. отчет о работах Болгарского отряда Поволжской экспедиции в 1967 г. С. 32–40; Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные... С. 222.

94 Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1858. С. 102–118; см. также: Хованская О.С. Оборонительная система... С. 325.

95 Раппопорт П.А. Очерки... С. 139.

96 Смирнов А.П., Краснов Ю.А. Отчет о работах Болгарского отряда Поволжской экспедиции в 1967 г. С. 39, 40; Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные... С. 222.

97 Хованская О.С. Оборонительная система... С. 325. Рис. 5.

98 Там же. С. 326, 327.

99 Там же. С. 329.

НЕКРОПОЛИ БОЛГАРА

Л. Т. Яблонский

Более столетия продолжается археологическое изучение Болгарского городища. За это время наряду с жилыми, производственными и хозяйственными комплексами здесь раскапывались и могильники с многочисленными погребениями. Они разновременны и оставлены разноэтничными группами городского населения. В этом очерке делается попытка обобщить сведения, полученные в результате исследования городских некрополей, дать сравнительную характеристику физического облика захороненных в них людей.

Первые погребения на территории городища были вскрыты в последней трети XIX в. Эти работы связаны с именами Э.Д. Пельцама, И.Н. Смирнова и А.И. Александрова. Археологические и краниологические материалы, полученные в результате раскопок Э.Д. Пельцама, крайне плохо документированы. Известно, что костяки лежали в вытянутом положении, черепом на восток (?). При них найдены бусы и железные вещи. Погребения были раскопаны в районе Черной палаты (раннезолотоордынское время) и Бабьего бугра (часть погребений относится к дозолотоордынской эпохе). Несмотря на условную атрибуцию, краниологическая серия из этих раскопок в течение нескольких десятилетий была единственной, представляющей древних болгар, и неоднократно входила в палеоантропологические сводки[1].

Изучив эти черепа, Г.Ф. Дебец сделал вывод о том, что «расовый состав волжско-камских болгар был в общем тот же, что и в населении той же области в I тысячелетии до н. э.»[2].

О раскопках И.Н. Смирнова и А. И. Александрова до нас дошли лишь самые общие сведения[3].

Летом 1914 г. большой раскоп на территории городища был заложен М.Г. Худяковым. Он исследовал четыре примыкавших друг к другу мавзолея, содержащих погребения. Часть могил была раскопана поблизости от зданий. Вскрыты захоронения в вытянутом положении на спине, головой на запад. Некоторые костяки обнаружены лежащими в гробовищах. В общей сложности исследовано 31 погребение. Могилы были расположены правильными рядами. Вещи при погребениях не найдены.[4] Погребения относились к некрополю, расположенному рядом с дюрбе Ханская усыпальница. Еще пять погребений этого некрополя вскрыл В.Ф. Смолин во время рекогносцировочных работ на городище[5]. Обстоятельные раскопки кладбища были продолжены уже в 1950-е годы.

Широкий размах исследования Болгар и некрополей города связан с работой археологических экспедиций, созданных и долгие годы возглавляемых А.П. Смирновым. На протяжении 30-х годов в раскопах попадались отдельные погребения, а с 1945 г. ведутся планомерные раскопки кладбищ. Выявленные на городище кладбища и отдельные погребения указаны на рис. 15.

Кладбище у Греческой палаты. Исследование этого некрополя относится к 1945—1946 гг. (раскопы 7, 8; см. рис. 1). В результате раскопок А.П. Смирнов пришел к

выводу, что погребения у Греческой палаты оставлены жителями христианской армянской колонии города[6].

Краниологическая серия из раскопок обработана Т.А. Трофимовой, которая находит аналогии в физическом облике населения, оставившего этот могильник, с современными армянами, но отмечает при этом неоднородность средневековой серии, связанную с межэтническими контактами в среде городского населения[7].

Могильник Бабий бугор. Исследование могильника проводилось в 1947—1948 гг. (раскоп 14). Было вскрыто более 200 погребений, датирующихся как домонгольским, так и золотоордынским временем. Обряд, захоронения даже для разновременных могил отличается единообразием. Костяки лежали на спине вытянуто, черепом на запад, лицо обращено к югу или востоку, реже — к северу. Количество погребений с вещами очень невелико. Авторы раскопок рассматривали могильник как оставленный рядовым населением города[8]. Е.А. Халикова пришла к выводу, что кладбище принадлежало неболгарской группе населения[9].

Краниологическая серия из могильника Бабий бугор исследовалась частично А.П. Богдановым[10] и Г.Ф. Дебецем[11], а с добавлением материалов 1947—1948 гг. — Т.А. Трофимовой. Основу серии составляют мезо- и долихокранные европеоиды, которых Т.А. Трофимова предположительно отнесла к местному населению, генетически связывая их с людьми из Верхнесалтовского могильника. В серии устанавливается также урало-лапоноидный компонент, который автор связывает с местным финно-угорским населением[12].

Один из компонентов серии Бабьего бугра, а именно — доминирующий здесь долихо-мезокранный европеоидный компонент с сильно выступающими носовыми костями и сильно профилированным в горизонтальной плоскости лицом, не имеет аналогий среди других краниологических серий Волжской Болгарии[13]. Этот вывод вполне согласуется с мнением Е.А. Халиковой о неболгарской этнической принадлежности большинства дозолотоордынских погребений могильника.

Могильник Ханская усыпальница. Первые погребения были вскрыты, раскопками М.Г. Худякова. В 1957 г. (раскоп 49) и в последующие годы (раскопы XXVI, XXIX, XXXIX, XLIX) работы здесь были продолжены. Исследовано 23 погребения, а также несколько небольших мазаров. Некоторые из могил имели кирпичные надгробия — вымостки или ступенчатые, находящие аналогии в некрополях нижеволжских городов. Могилы располагались рядами, вытянутыми в направлении север—юг. Погребенные лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад, лицом на юг или восток. Найдены остатки гробовищ. Кладбище было мусульманским некрополем социальной верхушки города. Оно может быть датировано XIV — началом XV в.[14] Раскопки продолжались с 1969 по 1974 г. Краниологические материалы из погребений находятся в обработке.

Могильник Четырехугольник исследовался в 1964—1965 гг. близ Соборной мечети. Раскопами II и VIII здесь вскрыто 25 погребений двух периодов — домонгольского и золотоордынского времени. А.П. Смирнов считал, что кладбище оставлено наиболее правочерными мусульманами города. Лишь в редких случаях удавалось проследить пережитки домусульманской погребальной обрядности. Как правило, захоронения совершены в грунтовых ямах. Погребенные лежали на спине вытянуто, головой

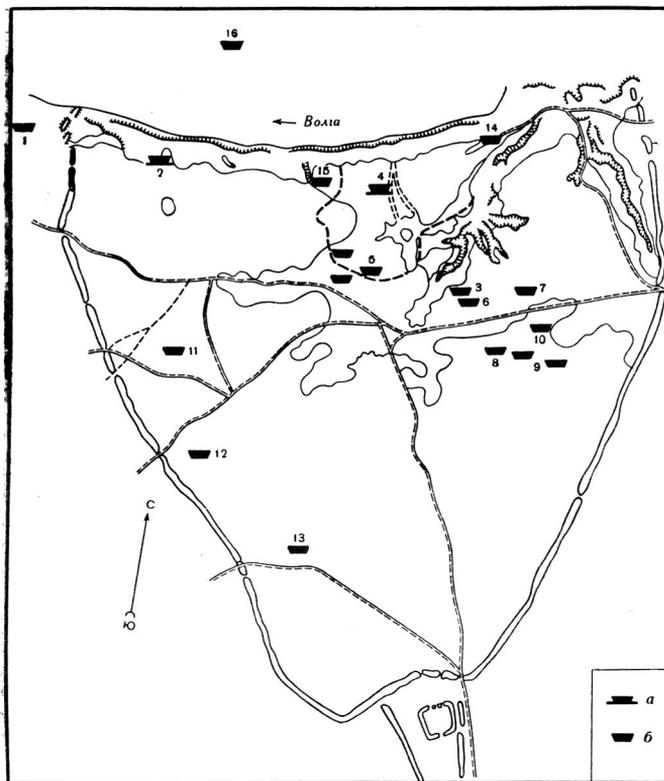

Рис. 15. Схема расположения на городище могильников

- а — домонгольского и золотоордынского периодов;
 б — золотоордынского периода;
 1 — у Греческой палаты;
 2 — Бабий бугор;
 3 — Ханская усыпальница;
 4 — Четырехугольник;
 5 — у Черной палаты;
 6 — у Малого минарета;
 7—10 — восточнее и юго-восточнее Малого минарета;
 11 — у западного вала;
 12—16 — отдельные погребения

на северо-запад—запад, лицом на юг. Погребальный инвентарь в могилах отсутствовал. Хронологически все погребения могильника делятся, по мнению А.П. Смирнова, на домонгольские (X—XII вв.) и раннезолотоордынские (XIII — начало XIV в.). Несколько могил относится к XVIII—XIX вв.[15]

Остеологический и краниологический материал из средневековых погребений исследован Н.М. Постниковой (Рудь). Автор устанавливает близость черепов с сериями из раннего Кайбельского и отчасти Большетарханского могильников. Серию из Болгар Н.М. Постникова (Рудь) относит к «зливкинскому» варианту болгарского населения, отмечая признаки далеко зашедшей метисации. В основе антропологического облика населения, оставившего могильник Четырехугольник, лежит сарматский тип; несомненно, по мнению автора, связь его с салтово-маяцкими группами[16]. Суммарное сопоставление серии из Четырехугольника с синхронными золотоордынскими позволило установить сходство ее с материалами из Хан-Тюбе Астраханской обл. и Миздахкана в Хорезме[17].

Кладбище у Черной палаты датируется ранним этапом золотоордынского времени. Раскопки производились в 1966—1967 гг. (раскопы XV, XXIII), а затем — в 1975 г. (раскоп L). Могильник оставлен мусульманской группой городского населения. Как

правило, умерших хоронили в грунтовых ямах, в гробовищах. Погребенные лежали на спине в вытянутом положении, головой на запад, лицом на юг[18].

Два черепа из могильника опубликованы Н.М. Постниковой (Рудь)[19]. Черепа европеоидные брахикранные, с высоким и широким лицом, слабопрофилированным в верхней части, с сильно выступающим носом. Такой тип черепов отмечался в материалах из могильника Четырехугольник.

Кладбище у Малого минарета. Раскопами 1967—1968 и 1973—1974 гг. (XVII, XXVII, XLIX) вскрыты мусульманские погребения, датирующиеся поздним золотоордынским временем. Захоронения совершены в грунтовых ямах на спине, головой на запад, лицом к югу. Встречены также погребения в могилах с подбоями[20].

Краниологическая серия из могильника опубликована Н.М. Постниковой (Рудь). По мнению автора, население, оставившее могильник у Малого минарета, отличалось неоднородностью антропологического состава. В общем черепа близки к «зливкинскому» варианту болгарских серий, в частности, аналогии в антропологическом типе есть в материалах могильника Четырехугольник[21].

Отдельные группы мусульманских погребений, датирующихся золотоордынским временем, исследовались в 1970—1971, 1977—1982 гг.[22]

А.П. Смирнов неоднократно подчеркивал роль, которую сыграли болгары в распространении ислама на территории средней Волги и Приуралья[23]. Действительно, ислам проник в массу болгарского населения задолго до монгольского завоевания[24]. В отличие от болгар, племена, обитавшие в нижневолжских степях и попавшие под власть золотоордынских ханов, были подвергнуты сплошной и часто насильственной исламизации уже в эпоху расцвета золотоордынского государства. У местного нижневолжского населения отсутствовали мусульманские традиции. Они получили ислам в «готовом» виде, непосредственно из рук хорезмийских имамов, которые и сыграли, видимо, основную роль проповедников ислама на нижней Волге, прежде всего в городах. О степени исламизации населения можно судить по особенностям погребального обряда мусульман в городах Золотой Орды. На основании изучения погребального обряда; городских некрополей мы высказали предположение о существовании двух центров распространения ислама на территории золотоордынского государства, противопоставляя особенности погребального обряда Болгара и прилегающих территорий, с одной стороны, и нижневолжских городов — с другой[25].

Особенности мусульманского погребального обряда Болгара можно выявить путем сравнения его погребений с захоронениями некрополя Селитренного городища (Сарая Бату), расположенного в Астраханской обл. Отметим при этом, что среди населения обоих городских центров мусульмане составляли подавляющее большинство.

Таблица 1
Типы надгробий в некрополях (рис.16, 1-7)

Тип надгробия	Болгары	Селитренное
1. Полуцилиндрическое	2	-
2. Каменная оградка с забутовкой из камня, кирпича	2	-
3. Каменная или кирпичная вымостка	1	5
4. Ступенчатое из кирпича	5	3
5. Кирпичное с отвесными стенками	-	1
6. Кирпичная оградка без забутовки	-	11
7. Кирпичи по торцам могилы	-	4
Всего	10	24
% от общего количества могил	7,7	8,8

В сопоставлении учтены данные по 130 погребениям, происходящим из некропелей Болгара, и 272 — из некрополя Селитренного городища. Надгробия учтенных типов не характерны для погребального обряда мусульман Болгара (табл. 1). Они были зафиксированы лишь в 10 случаях (7,7 % от общего количества учтенных погребений). В Селитренном доля погребений с надгробиями 8,8 %.

Можно заметить, что надгробия некоторых типов (3 и 4) встречаются в некрополях обоих городов, другие — и их большинство — характерны только для одного из них. Так, кирпичные оградки, столь типичные для Селитренного, в Болгарах не фиксируются. В то же время погребения с применением камня составляют отличительную черту болгарского обряда. На нижней Волге такие надгробия обнаружены лишь в некрополе Водянского городища[26], о синкретичности погребального обряда которого нам уже приходилось писать[27].

Таблица 2
Конструкция погребальных камер (рис. 16, 8-12)

Конструкция	Болгары		Селитренное	
	Количество	%	Количество	%
1 Склеп из кирпича	-	-	22	8,1
2. Могила с подбоем	1	0,8	84	30,9
3. Могила с деревянным перекрытием	13	10	35	12,9
4. Кирпичное перекрытие на заплечиках	-	-	12	4,4
5. Без перекрытия	116	89,2	119	43,7
Всего	130	100	272	100

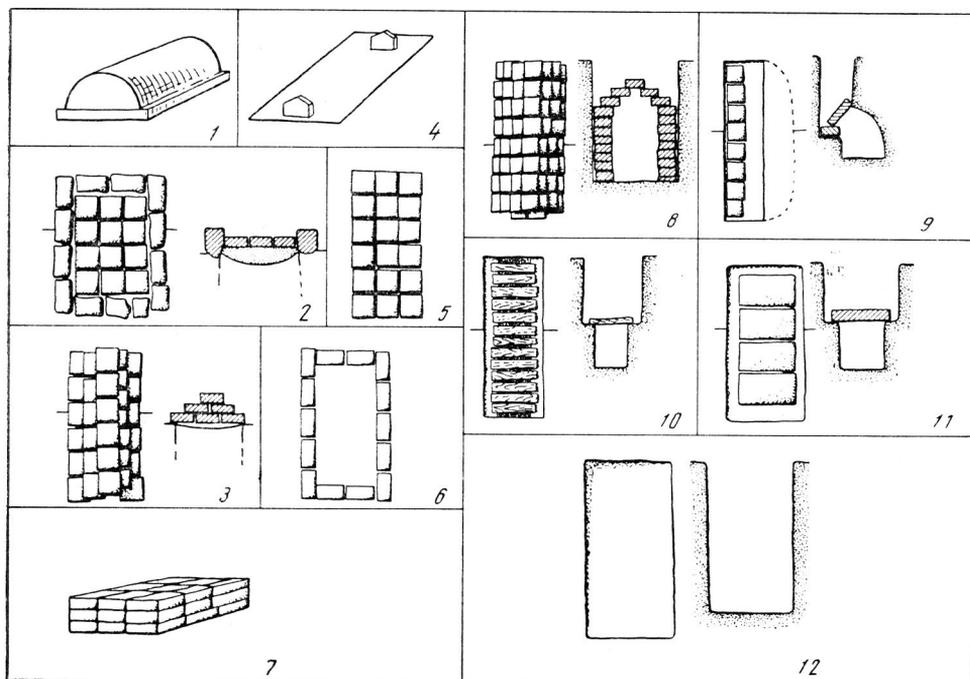

Рис. 16. Типы надгробий (1—7) и погребальных камер (8—12)

1 — тип 1, полуцилиндрическое; 2 — тип 2, каменная ограда; 3 — тип 4, ступенчатое из кирпича; 4 — тип 7, кирпич по торцам ямы; 5 — тип 3, кирпичная вымостка; 6 — тип 6, ограда из кирпича; 7 — тип 5, кирпичное с отвесными стенками; 8 — тип 1, кирпичный склеп; 9 — тип 2, могила с подбоем; 10 — тип 3, могила с деревянным перекрытием; 11 — тип 4, кирпичное перекрытие на заплечиках; 12 — тип 5, грунтовая яма без дополнительных устройств

Обратившись к анализу конструкций погребальных камер могил, отметим, во-первых, сравнительное единообразие погребений в Болгарах (табл. 2). Могилы без перекрытия составляют отличительную особенность нижеволжского могильника. Сходный удельный вес имеют в обоих некрополях могилы с деревянным перекрытием.

Одним из важнейших признаков, позволяющих определить степень мусульманизации различных групп золотоордынского населения, является ориентировка лица погребенного[28]. Напомним, что для областей Поволжья «правильной» будет ориентировка лица на юг, совпадающая здесь с кыблой. По этому признаку погребения обоих некрополей распределяются следующим образом (табл. 3).

В Болгарах подавляющее большинство (84,3 %) погребенных ориентировано «правильно», и совсем нет случаев обратной ориентировки. Не то в Селитренном. Здесь «правильно» уложено немногим более половины погребенных, остальные — с явным нарушением обряда, причем значительное количество людей (12,3 %) захо-

ронено с нарочитым поворотом лица на север. Близок и процент захороненных лицом вверх. Рассмотренные показатели еще раз свидетельствуют о давних мусульманских традициях населения Болгара, в отличие от Селитренного, где 1/3 людей захоронена с соблюдением домусульманских традиций.

Таблица 3
Ориентировка лица погребенных

Ориентировка	Болгары		Селитренное	
	Количество	%	Количество	%
1. На юг	75	84,3	166	68,4
2. Вверх (на восток)	14	15,7	47	19,3
3. На север *	-	-	30	12,3
Всего	89	100	243	100

*Исключены погребения из могильника Бабий бугор.

Таблица 4
Способы трупоположения *

Способ	Болгары		Селитренное	
	Количество	%	Количество	%
1. На спине, с разворотом на правый бок	6	5,5	74	29,5
2. На спине	93	85,3	157	62,5
На правом боку	10	9,2	20	8
Всего	109	100	251	100

*Как случайные исключены отдельные случаи погребения на животе, спиной вверх.

Рассмотрим теперь распространение основных способов трупоположения в обоих некрополях (табл. 4).

Трупоположение на спине наиболее характерно для некрополей Болгара. В Селитренном таких погребений тоже много, но все же процент их меньше. Здесь чаще, чем в Болгарах, встречается положение «на спине, с разворотом на правый бок», которое в Болгарах составляет исключение. Примерно равную долю составляют погребения на боку. Замечено, что в данном случае, как правило, речь идет о захоронении детей.

Таким образом, наряду с чертами сходства в погребальной обрядности Болгара и некрополя Селитренного городища прослеживаются и существенные различия. Главное из них определено широким применением кирпича на нижней Волге при сооружении могил и практически полным отсутствием его в погребениях Болгара. Здесь следует подчеркнуть широкое распространение кирпичных конструкций в средневековых мусульманских некро-

полях Средней Азии. Влияние среднеазиатской культуры в большей степени сказывается в погребальном обряде населения нижневолжских городов и значительно меньше — в обряде Болгара. Отметим также, что некрополь Селитренного городища демонстрирует отдельные устойчиво сложившиеся типы погребального обряда мусульман, что на кладбищах Болгара не наблюдается[29]. В частности, в Селитренном распространен обряд труположения в могиле с подбоем, перекрытым кирпичной закладкой. Погребенный в таком подбое лежит, как правило, на спине с разворотом на правый бок, головой на запад, лицом к Мекке. Именно этот обряд (таких могил в Селитренном больше 30 %) имеет наиболее близкие аналогии в среднеазиатских некрополях. Все данные говорят о том, что процесс исламизации в среде населения Болгара начался раньше, чем в Сарае Бату, и охватил более широкие слои населения. В Сарае Бату погребальный обряд мусульман в большей степени приближен к исламским канонам. В качестве причины этого явления можно предполагать непосредственное присутствие в нижневолжских городских центрах групп переселенцев из областей Средней Азии. Это предположение не противоречит сложившимся историческим представлениям[30].

Сосуществование двух центров распространения ислама в Золотой Орде не могло служить препятствием в процессе этнических контактов населения средней и нижней Волги, объединенного монголами в рамки единого государства с общей религией. Культурное влияние болгар отчетливо проявляется в погребальном обряде некрополей нижневолжских городищ, таких, например, как Водянское и Мечетное[31]. С другой стороны, отдельные черты в погребальном обряде мусульман Болгара имеют прямые аналогии на кладбищах нижневолжских и среднеазиатских городов Золотой Орды[32].

Значительные успехи в детальном палеоантропологическом исследовании болгарского населения раннего средневековья и Золотой Орды достигнуты благодаря усилиям Г.Ф. Дебеца[33], Т.А. Трофимовой[34], М.С. Акимовой[35], М.М. Герасимовой[36], К.Н. Наджимова[37], Н.М. Постниковой (Рудь)[38], С.Г. Ефимовой[39].

В этих исследованиях проводится подробный внутри- и межгрупповой анализ городских и сельских болгарских средневековых популяций. В рамках настоящего очерка наша основная цель сводится к общей сравнительной характеристике особенностей антропологического облика населения Болгара и нижневолжских городов. При сравнении использованы серии из сельских болгарских могильников и материалы из кочевнических средневековых курганов Нижнего Поволжья. Привлечены также материалы по краниологии современных татар, чувашей, узбеков и казахов. Современные серии помогают оценить межгрупповой масштаб сходства и различий при анализе средневековых популяций.

Серии из некрополей Болгара (Четырехугольник, Малый минарет, Бабий бугор) опубликованы Н.М. Постниковой (Рудь)[40] и Т.А. Трофимовой[41]. Краниологические данные из некрополей нижневолжских городов обработаны Л.Т. Яблонским[42]. Черепа из сельских могильников Кайбельского и Воровского врага — опубликованы М.М. Герасимовой[43] и суммированы В.П. Алексеевым[44]. Черепа кочевников из нижневолжских курганов измерены Г.Ф. Дебецем[45] и Л.Т. Яблонским и суммированы Л.Т. Яблонским[46]. Краниологические материалы по казанским татарам и чувашам обработаны В.П. Алексеевым[47].

Таблица 5
Средние показатели краниологических серий. Мужчины

Признак (по Мартину)	Признак	Могильник, группа											
		Четырехугольный	Малый минарет	Бабий бугор	Кайбельский и Воров-ской враг	Водянское	Селитренное	Курганы Нижнего Поволжья	Измерский	казанские татары	северные чувашаи	казахи	узбеки
1	Продольный диаметр	179,2	181,7	182,2	177,7	177,0	178,8	179,8	179,7	179,0	180,4	180,7	175,7
8	Поперечный диаметр	146,4	149,0	140,3	146,1	145,4	145,2	152,0	144,6	143,5	143,7	150,6	145,3
17	Высотный диаметр	132,6	136,9	137,1	131,9	132,8	132,3	129,8	132,6	131,0	133,2	130,8	135,8
8:1	Черепной указатель	81,9	82,3	76,8	82,3	82,3	81,3	84,6	80,6	80,2	79,7	83,4	82,8
5	Длина основания черепа	100,5	101,3	106,6	101,2	101,3	102,3	99,8	100,6	100,7	101,4	102,4	100,7
9	Наименьшая ширина лба	94,9	97,7	97,2	96,4	96,4	94,9	95,3	98,0	97,0	96,0	96,3	96,2
40	Длина основания лица	96,2	97,4	97,5	98,3	95,8	99,1	97,1	97,5	99,2	99,2	97,9	95,5
45	Скуловой диаметр	135,7	134,4	130,9	136,8	136,9	137,1	140,6	134,5	135,5	134,4	143,7	134,9
48	Верхняя высота лица	72,2	71,5	65,7	73,6	73,4	73,4	75,6	69,8	69,9	73,5	75,1	73,2
51	Ширина орбиты	42,5	43,4	41,7	43,1	43,2	43,3	42,0	42,3	41,6	41,6	43,5	42,7
52	Высота орбиты	33,0	34,1	30,8	33,0	34,2	33,8	34,3	32,9	32,0	33,2	35,2	34,5
DC	Дакриальная ширина	20,6	20,9	22,7	20,6	23,1	21,6	20,9	21,8	22,0	21,2	22,2	21,0
DS	Дакриальная высота	12,2	9,9	12,1	11,5	11,7	11,6	10,6	10,9	11,9	11,7	10,9	11,4
SC	Симотическая ширина	7,9	8,1	9,5	8,0	9,3	8,3	7,7	9,2	9,1	8,2	8,7	8,7
SS	Симотическая высота	4,2	3,1	4,2	3,9	4,6	3,8	3,6	3,8	4,0	3,9	4,0	4,1
DS:DC	Дакриальный указатель	53,3	47,2	52,5	56,1	51,4	53,9	51,4	50,6	55,5	55,8	49,4	54,5
SS:SC	Симотический указатель	53,4	37,0	45,0	50,7	50,2	51,7	47,6	41,6	44,5	47,7	46,4	47,4
32	Угол лба	82,3	83,7	87,2	82,2	81,9	83,6	80,4	84,9	83,4	81,4	81,8	84,8
72	Общий лицевой угол	84,8	84,9	85,3	86,8	87,6	88,2	87,7	87,9	84,6	85,4	89,0	86,9
75 (1)	Угол выступания носа	26,1	26,4	30,1	31,2	25,9	28,2	26,4	24,4	27,3	25,9	24,9	26,1
77	Назомаллярный угол	135,9	141,9	139,8	143,2	139,1	141,8	146,6	141,1	139,6	139,6	144,3	140,1
Lzm'	Зигомаксиллярный угол	128,2	129,4	125,1	128,5	130,3	129,2	135,6	129,1	127,9	130,6	134,4	129,5

Суммарная серия черепов узбеков составлена В.В. Гинзбургом и Т.А. Трофимовой по материалам из городов Узбекистана[48]. Они же опубликовали суммарную серию казахских черепов по материалам В.В. Гинзбурга, Н.Г. Залкинд и О. Исмагулова[49]. Основные краниологические параметры мужских серий из перечисленных некрополей представлены в табл. 5.

По черепному указателю все серии брахикранные. Исключение составляют черепа Бабьего бугра, отличающиеся мезокранией за счет присутствия в этой серии значительного количества долихокраничных и мезо-долихокраничных вариантов европеоидных черепов. По признакам, характеризующим уплощенность лицевого скелета, выделяются черепа кочевников и казахов. Именно в этих сериях углы горизонтальной профилировки лица достигают наибольших размеров, а значения углов выступления носа сравнительно малы. Эти же популяции выделяются большими размерами высоты и ширины лица, т.е. тем комплексом признаков, который свидетельствует о значительной доле монголоидности. Невелик угол выступления носовых костей и в серии из Измерского могильника, но по прочим параметрам серия практически не отличается от остальных болгарских. Объединяет все серии умеренная брахикрания и более или менее выраженная монголоидная примесь.

Отдельные признаки в разных сериях выступают в мозаичных сочетаниях, что затрудняет сравнительный анализ. Это обстоятельство требует применить какой то прием суммарного сопоставления, позволяющий оценить степень сходства или различий между отдельными сериями по совокупности признаков. В качестве такого приема был использован способ вычисления расстояний по формуле Пенроуза. Этот способ хорошо себя зарекомендовал в различных исследованиях[50].

Сопоставление проводилось по следующим признакам: продольный диаметр (1), поперечный диаметр (8), высотный диаметр (17), наименьшая ширина лба (9), скуловой диаметр (45), верхняя высота лица (48), ширина (51) и высота (52) орбиты, дакриальная (DS) и симотическая (SS) высоты, общий лицевой угол (72), угол выступления носовых костей (75/1), назомолярный и зигомасиллярный углы (77, Lmz').

Для указанных серий с использованием данного набора признаков были вычислены расстояния «по форме» и «по величине», суммарные расстояния, а также средние суммарные расстояния от всех сопоставляемых групп.

Наиболее удалены «по форме» от всех групп серии из Бабьего бугра (0,154), кочевническая (0, 145) и казахская (0, 261). Минимально – серии из могильника у Малого минарета и Водянского (0, 050 и 0, 054). Отдаленность кочевнической и казахской серий «по форме» можно объяснить их выраженной монголоидностью. Серия же из Бабьего бугра, напротив, выделяется четко выраженным комплексом европеоидных признаков наряду с мезокранией черепной коробки.

Таблица 6
Суммарные расстояния между сериями

№	Могильник, группа	1	2	3	4	5	6
1	Четырехугольник	-	0,558	0,628	0,371	0,179	0,265
2	Малый минарет		-	0,971	0,441	0,588	0,418
3	Бабий бугор			-	0,700	0,913	0,715
4	Кайбельский и Воровский враг				-	0,259	0,084
5	Водянское					-	0,118
6	Селитренное						-
7	Кочевники нижнего Поволжья						
8	Измерский						
9	Казанские татары						
10	Казахи						
11	Узбеки						
12	Чуваши						
	Среднее расстояние1	0,409	0,542	0,892	0,363	0,370	0,301
	Среднее расстояние2	0,328	0,522	0,676	0,329	0,339	0,280

Таблица 6 (продолжение)

№	Могильник, группа	7	8	9	10	11	12
1	Четырехугольник	0,856	0,370	0,145	0,689	0,219	0,223
2	Малый минарет	0,638	0,313	0,553	0,623	0,352	0,508
3	Бабий бугор	1,921	0,546	0,374	1,811	0,791	0,440
4	Кайбельский и Воровский враг	0,530	0,289	0,201	0,504	0,237	0,373
5	Водянское	0,615	0,281	0,300	0,403	0,090	0,324
6	Селитренное	0,465	0,211	0,258	0,330	0,129	0,319
7	Кочевники нижнего Поволжья	-	0,654	0,693	0,135	0,579	1,071
8	Измерский		-	0,207	0,507	0,229	0,239
9	Казанские татары			-	0,742	0,299	0,121
10	Казахи				-	0,491	0,832
11	Узбеки					-	0,270
12	Чуваши						-
	Среднее расстояние1	0,742	0,350	0,354	0,642	0,335	0,429
	Среднее расстояние2	-	0,299	0,273	-	0,291	0,313

Та же тенденция сохраняется в значениях расстояний «по величине». Удаленностью от остальных выделяются те же серии — Бабий бугор (1,017), кочевники (0,860), казахи (0,855) — при минимальной удаленности серии из Измерского могильника (0,411).

То же и в цифрах, отражающих суммарные расстояния (табл. 6): Бабий бугор — 0,892, кочевники — 0,742, казахи — 0,642, при минимальном расстоянии от остальных серий из некрополя Селитренного городища — 0,301. Все данные заставляют предположить, что в ряду рассматриваемых материалов серии кочевников, казахов и из Бабьего бугра являются инородными и не связанными происхождением с остальными. На этом основании серии кочевников и казахов были из последующего анализа исключены. Их присутствие в расчетах существенно увеличивает масштабы средних расстояний между группами. В дальнейшем мы будем пользоваться результатами, в которых кочевники и казахи участия не принимают (среднее расстояние 2).

«По форме» наиболее типичной в рассматриваемой группе популяций оказывается серия из Четырехугольника, Малого минарета и измерская, а «по величине» — серия казанских татар, измерская и чувашская. Суммарно наименьшие расстояния от остальных дают казанские татары (0,273), селитренская (0,280), узбекская (0,291) и измерская (0,299) серии при максимальной удаленности и на этот раз серии из Бабьего бугра (0,676).

Среднее суммарное расстояние между тремя современными народами выражается цифрой 0,292, а между тремя сериями Болгара — 0,509. Таким образом, по физическому облику жители Болгара отличались друг от друга больше, чем отличаются друг от друга современные татары, чуваша и узбеки, что еще раз подтверждает антропологическую неоднородность населения города, причем на абсолютной величине цифры сказывается прежде всего фактор неординарности серии из Бабьего бугра.

Гораздо более сходны между собой серии из нижеволжских городов (0,310) и серии сельских болгар из могильников Кайбельского, Измерского и Воровского оврага (0,314).

Если перейти к попарному сопоставлению серий, то наибольшее сходство «по форме» отмечается между людьми из могильников Четырехугольник и Измерского, между погребенными Четырехугольника и казанскими татарами, некропелей Водянского и Селитренного городищ, между селитренской и кайбельской сериями. Серия из Бабьего бугра «по форме, приближается только к казанским татарам и сильно при этом удалена от остальных.

Наименьшие попарные значения в расстояниях «по величине» обнаруживают опять же селитренская и водянская серии, селитренская и кайбельская, Четырехугольник и казанские татары, водянская и узбекская серии, казанские татары и северные чуваша.

Наименьшими суммарными расстояниями характеризуются попарно серии из некропелей Водянского и Селитренного городищ (0,118), селитренская и кайбельская серии (0,084), серия из Четырехугольника и казанские татары (0,145), казанские татары и северные чуваша (0,121). Максимально удалены друг от друга серии из Бабьего бугра и Малого минарета (0,971).м

Таким образом, минимальное расстояние между сериями выражено в расчетах цифрой 0,084, максимальное — 0,971. Если этот размах выразить пятью классами, то в амплитуду очень малых расстояний попадут значения 0,084—0,266 (класс 1), а очень больших — 0,793—0,971 (класс 5). Надо полагать, что различия результатов, оказавшихся в пределах классов 1 и 5, будут реальными, а значения, попавшие в эти амплитуды — действительными. Значения, попавшие в три средних класса, в расчет не принимаем: разница между ними нереальна.

В группу максимально удаленных популяций попадают серии из Бабьего бугра и Малого (0,971), Бабьего бугра и узбеков (0,971), Бабьего бугра и Водянского (0,913).

По принципу наименьших суммарных расстояний образуются следующие группы:

1. Четырехугольник — Водянское — 0,179; Селитренное — 0,265; казанские татары — 0,145; узбеки — 0,219; северные чуваша — 0,223; средняя в группе — 0,206.

2. Могильники Кайбельский и Воровской враг — Водянское — 0,259; Селитренное — 0,084; казанские татары — 0,201; узбеки — 0,237; средняя в группе — 0,195.

3. Водянское — Селитренное — 0,118; Четырехугольник — 0,179; Кайбельский и Воровской враг — 0,259; узбеки — 0,237; средняя в группе — 0,162.

4. Селитренное — Четырехугольник — 0,265; Кайбельский и Воровской враг — 0,084; Водянское — 0,118; Измерский — 0,211; казанские татары — 0,258; узбеки — 0,129; средняя в группе — 0,178.

5. Измерский могильник — Селитренное — 0,10,211; казанские татары — 0,207; узбеки — 0,229; чуваша — 0,239; средняя в группе — 0,222.

6. Казанские татары — Четырехугольник — 0,145; Кайбельский и Воровской враг — 0,201; Селитренное — 0,258; Измерский — 0,207; чуваша — 0,121; средняя в группе — 0,186.

7. Узбеки — Четырехугольник — 0,219; Кайбельский и Воровской враг — 0,237; Водянское — 0,090; Селитренное — 0,129; Измерский — 0,229; средняя в группе — 0,181.

8. Северные чуваша — Четырехугольник — 0,223; Измерский — 0,239; казанские татары 0,121; средняя в группе — 0,194.

Не вдаваясь в частности, можно отметить, что по признаку наименьших суммарных расстояний образуется группа популяций, представленная пятью средневековыми сериями, — Четырехугольник, Кайбельский и Воровской враг, Водянское, Селитренное и Измерский, и тремя современными — казанские татары, северные чуваша и узбеки.

Наиболее «типичной» для этой группы популяций оказывается серия из некрополя Селитренного городища — она в различных парных сочетаниях участвует семь раз. По шесть раз встречаются в связках серии из четырехугольника и узбекская; по пять раз — черепа татар, из суммарной группы Кайбельского могильника и Воровского врага, из некрополя Водянского городища; по четыре раза — серии из Измерского могильника и чувашская.

В монографии «Происхождение народов Кавказа» В.П. Алексеев широко пользуется методом вычисления обобщенных расстояний между популяциями. Автор отмечает, что величина расстояний сама по себе не свидетельствует о генетических взаимоотношениях групп, и адекватная информация получается лишь при удачно

сформированных дополнительных гипотезах. В качестве таковых им предложены две основные:

1. Расстояния «по форме» более фундаментально отражают структуру таксономического поля, поскольку соотношения, характеризующие форму, важнее с таксономической точки зрения, чем абсолютные величины размеров черепа. 2. Абсолютная величина расстояний прямо пропорциональна времени дивергенции популяций — чем больше расстояние между популяциями, тем раньше они разошлись в процессе микроэволюции[51].

С использованием в качестве матрицы табл. 3 была рассчитана дендрограмма для мужских серий. Дендрограмма графически отражает суммарные расстояния между сериями, которые по степени морфологического сходства, подразумевающего генетическое родство, объединяются в группы.

Средневековые и современные серии разбиваются на две большие группы популяций, практически не связанных между собой происхождением. Одну из этих групп составляют кочевники Нижнего Поволжья и казахи, которые оказываются близки по физическому облику. Объединяет их прежде всего существенная доля монголоидного компонента. Эта же черта отделяет их от остальных рассмотренных групп.

Вторая группа популяций имеет скорее всего общий генетический корень. Особое место в этой группе занимает население, оставившее могильники Бабий бугор и Малый минарет в Болгарах. Антропологический облик этого населения складывается довольно рано и мало изменяется к средневековью. Остальные серии второй группы подразделяются на две основные ветви, имеющие общую предковую форму и весьма сходные по комплексу признаков.

Первая состоит из горожан Нижнего Поволжья эпохи Золотой Орды. Население Водянского городища по физическому облику в целом почти не отличается от современных узбеков. Чрезвычайно сходны черепа из Селитренного и болгарского Кайбельского могильника.

Вторая ветвь представлена одной средневековой (Четырехугольник) и двумя современными сериями — казанскими татарами и чувашами. Казанские татары оказываются генетически связаны со средневековым населением Болгара, оставившим могильник Четырехугольник. Чуваша, занимая несколько обособленное положение в этой группе, все же демонстрируют определенное сходство с обеими средневожскими сериями.

Население, оставившее Измерский могильник, по особенностям антропологического облика оказывается промежуточным между нижевожской и средневожской группами, вместе с тем обнаруживая тяготение к нижевожской.

С учетом всех этих данных можно предполагать, что в основе формирования физического облика таких современных народов, как татары, чуваша и узбеки, лежит антропологический пласт, который в средние века представляло население, оставившее, в частности, городские могильники Четырехугольник в Болгаре, на Водянском и Селитренном городищах и сельские — Кайбельский, Воровской враг и Измерский.

Кочевники степей Нижнего Поволжья сыграли в этом процессе гораздо менее заметную роль. Более тесными генетическими связями с ними могут быть объединены казахи.

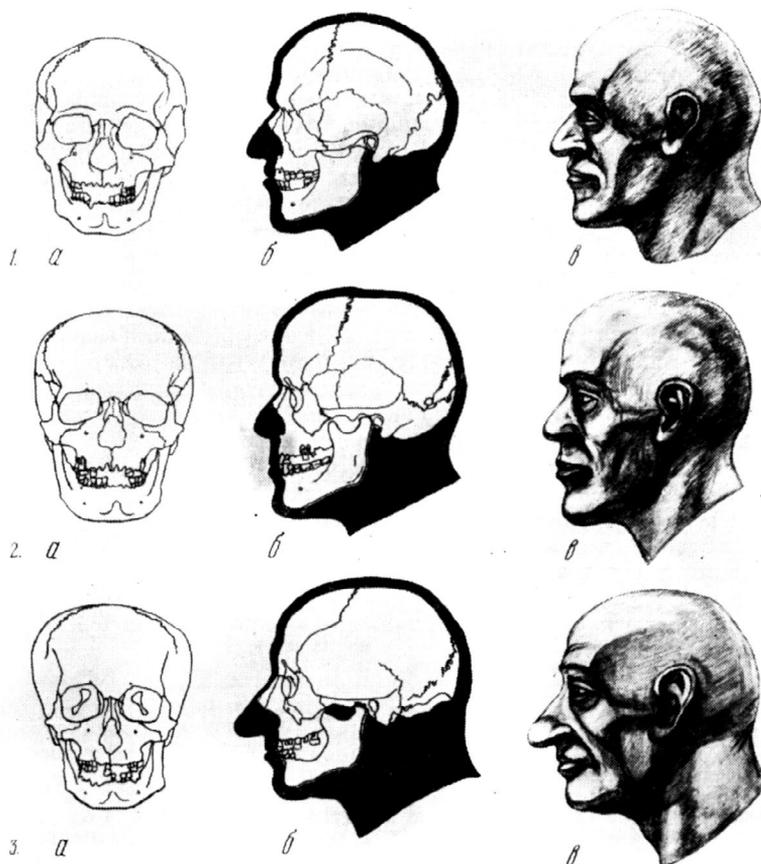

Рис. 18. Болгары

1 — раскоп XXVII 1968 г., погребение 19; 2 — раскоп XV 1966 г., погребение 11; 3 — раскоп XXVII 1968 г., погребение 13; а — череп, фас; б — череп, профиль и профильный обвод мягких тканей; в — графическая реконструкция лица по черепу

В свою очередь основу мусульманского населения средневековых городов Нижнего Поволжья и в значительной части Болгара составили популяции, генетическим происхождением связанные с племенами, оставившими такие могильники, как Кайбельский, Воровской враг и Измерский. Это население антропологически близко к сарматским группам и к «зливкинскому» варианту болгарских серий. Оно в целом относится к европеоидной брахикранной расе с монголоидной примесью, усилившейся в период монгольских завоеваний.

Краниологическая серия из могильника у Бабьего бугра в Болгаре выпадает из этого круга популяций. Не является, видимо, типичной для него и серия из кладбища

у Малого минарета. Люди, захороненные на территории могильника Четырехугольник в Болгаре, обнаруживают большое сходство с населением нижневолжских золотоордынских городов как «по форме», так и «по величине». С учетом упоминавшегося тезиса А.П. Смирнова о «классическом» типе мусульманских погребений Четырехугольника, можно, на наш взгляд, высказать предположение о непосредственном присутствии в средневековом Болгаре выходцев из городов Нижнего Поволжья. При этом нельзя отрицать участия отдельных болгарских групп в составе населения нижневолжских городов, в первую очередь Водянского городища. Серии из Кайбельского могильника и Четырехугольника дают наименьшие расстояния с водянской как «по форме», так и «по величине».

В результате работ археологических экспедиций были получены значительные по объему данные, касающиеся погребального обряда населения средневековых городов Поволжья. Одновременно собраны палеоантропологические материалы, позволяющие судить об антропологическом облике жителей этих городов.

На основании изучения погребального обряда городских мусульман было отмечено, что несмотря на общее сходство, прослеживаются особенности, позволяющие наметить два центра исламизации населения в Поволжье и сопредельных областях. Одним из них является Болгар. Процесс внедрения ислама в широкие массы населения начался в Болгаре раньше, чем в золотоордынских городах Нижнего Поволжья. В нижневолжских городах погребальный обряд мусульман в большей степени канонизирован. Можно предполагать присутствие в нижневолжских городских центрах переселенцев из Средней Азии.

Большая часть средневековых жителей поволжских городов по антропологическому типу близка к позднесарматским племенам Нижнего Поволжья и к тем группам раннесредневекового болгарского населения, которые антропологи относят к «зливкинскому» варианту.

С.Г. Ефимова, применив в исследовании методику межгруппового краниометрического анализа, отличную от нашей, также пришла к выводу, что часть серий Волжской Болгарии (Большетарханский, Кайбельский, Семеновский II, Четырехугольник, Измерский могильники) обнаруживает сходство с брахикранным мезоморфным, с небольшим налетом монголоидности краниологическим типом, представленным в средневековом населении салтово-маяцкой культуры, Хазарии, а в более позднее время – в городском населении Золотой Орды[52].

Антропологические исследования подтверждают вывод Е.А. Халиковой о неболгарской этнической принадлежности большинства погребений могильника Бабий бугор. Краниологическая серия из этого могильника резко отличается от типичных поволжских и по комплексу признаков, как это убедительно показано С.Г. Ефимовой, сближается с материалами Северного Кавказа эпохи средневековья[53].

Можно высказать предположение и о непосредственном присутствии выходцев из нижневолжских золотоордынских городов в составе населения Болгара, и об участии каких-то болгарских групп в процессе формирования населения отдельных нижневолжских городов. В этом отношении данные антропологии подкрепляются материалами погребального обряда.

Предполагаемые нами реконструкции по черепам из Болгара представлены на рис. 18[54].

- 1 Богланов А.П. Жители древних Болгар по краниологическим признакам // Антропологическая выставка 1879 г. М., 1879. Т. III, ч. 1; Малиев Н.М. Каталог краниологической коллекции Казанского университета // Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-ве. Казань, 1888. Т. XIX, вып. 2; Дебец Г.Ф. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье // Антропологический журнал. 1932. № 3; Он же. Палеонтология СССР // Тр. Ин-та этнографии. М.; Л., 1948. Нов. Сер. Т. IV; Трофимова Т.А. Антропологический состав населения города Болгара в X—XV вв. // Тр. Тн-ва этнографии. М., 1956. Нов. Сер. Т. XXXIII: Антропологический сб. № 1.
- 2 Дебец Г.Ф. Палеонтология СССР. С. 225.
- 3 ОАК за 1893 г. СПб., 1895. С. 25.
- 4 Ильинский Л.К., Покровский С.И., Худяков М.Г., Крелленберг Б.Е. Отчет о раскопках в Болгарах летом 1914 г. // ИОАИЭ. Казань, 1916. Т. XXIX, вып. 5/6.
- 5 Смолин В.Ф. Отчет об археологических раскопках в Болгарах в июне 1915 г. // ИОАИЭ. Казань, 1919. Т. XXX, вып. 1; Он же. По развалинам древнего Булгара. Казань, 1926.
- 6 Смирнов А.П. Волжские болгары // Тр. ГИМ. М., 1951. Вып. 19.
- 7 Трофимова Т.А. Антропологический состав...
- 8 Ефимова А.М., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Раскопки городища Великие Болгары в 1945 г. // КСИИМК. М., 1947. Вып. 17; Ефимова А.М., Хованская О.С., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г. // КСИИМК. М., 1947. Вып. 21; Смирнов А.П. Волжские болгары; Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П., Хованская О.С. Исследование города Болгара // КСИИМК. М., 1949. Вып. 27; Они же. Раскопки Великих Болгар // КСИИМК. М., 1950. Вып. 33; Ефимова А.М. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары // МИА. М., 1960. № 80; она же. Кладбище на окраине посада города Болгара // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
- 9 Халикова Е.А. Мусульманские могильники Волжской Болгарии X — начала XIII в. как исторический источник: Автореф., дис. ... канд. ист. наук: М., 1976. С. 13, 14; Она же. О могильнике Бабий бугор в Болгарах // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- 10 Богданов А.П. Жители древних Болгар...
- 11 Дебец Г.Ф. Турко-финские взаимоотношения; Он же. Палеоантропология СССР.
- 12 Трофимова Т. Антропологический состав... С. 114.
- 13 Ефимова С.Г. Антропология древнего населения Волжской Болгарии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.
- 14 Смирнов А.П. Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. Казань, 1959; Он же. Раскопки городища Великие Болгары в.. 1957 г. Казань, 1959; Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные по истории города Болгара // СА. 1969. № 1; Ефимова А.М. Кладбище у Ханской усыпальницы на Болгарском городище // Древности Восточной Европы. М., 1969; Акчурина. З.А., Воскресенская Л. П., Смирнов А. П. Работы на городище Болгары в 1957 г. // Поволжье в средние века. М., 1970.
- 15 Воскресенский А.С., Смирнов А.П. Археологические исследования Соборной мечети («Четырехугольника») в Великих Болгарах // С. А. 1966. № 1; Смирнов А.П. Об этническом составе Волжской Болгарии // Новое, в археологии. М., 1972.
- 16 Постникова Н.М. К антропологии средневекового могильника «Четырехугольник» // Поволжье в средние века. М., 1970.
- 17 Яблонский Л.Т. Население средневековых городов Поволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.
- 18 Архив ИА. Р-1. №3220, 3480.
- 19 Постникова П.М. К антропологии населения Волжской Болгарии // СА. 1973. № 3.

- 20 Архив ИА. Р-1. № 3480.
- 21 Постникова Н.М. К антропологии населения ..
- 22 Архив ИА. Р-1. № 4081, 6633, 7784 и др.
- 23 Смирнов А.П. Волжские булгары; Он же. Железный век Башкирии // МИА. М.; Л., 1957. № 58.
- 24 Халикова Е.А. Мусульманские могильники...
- 25 Яблонский Л.Т. Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды // ВМГУ. 1975. Сер. История. № 2.
- 26 Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
- 27 Яблонский Л.Т. Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях...; Он же. Население...
- 28 Яблонский Л.Т. Типы погребального обряда на мусульманском некрополе Селитренного городища // Полевые исследования Ин-та этнографии 1978 г. М., 1980.
- 29 Там же.
- 30 Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950.
- 31 Яблонский Л.Т. Население...
- 32 Ефимова А.М. Кладбище у Ханской усыпальницы...
- 33 Дебец Г.Ф. Турко-финские взаимоотношения...; Он же. Палеоантропология СССР.
- 34 Трофимова Т.А. Антропологический состав...
- 35 Акимова М.С. Материалы к антропологии ранних болгар // Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964; Она же. Антропологические материалы из Танкеевского могильника // ВА. 1973. № 43.
- 36 Герасимова М.М. Скелеты древних болгар из раскопок у с. Кайбелы // Тр. Ин-та этнографии. М., 1956. Нов. сер. Т. XXXIII: Антропологический сб. № 1.
- 37 Наджимов К.Н. О черепах Зливкинского могильника // КСИЭ. М., 1955. Вып. 24.
- 38 Постникова Н.М. К антропологии средневекового могильника...; Она же. Антропология населения Волжской Булгарии: Антропологические материалы из могильника «Минарет» XIV—XV вв. // СА. 1973. № 3; Она же. Антропологические особенности сельского населения Волжской Болгарии // Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание. Казань, 1974; Она же. К антропологии сельского населения Волжской Болгарии // В А. 1978. № 58.
- 39 Ефимова С.Г. Краниологические материалы домонгольского времени из Биляра города Волжской Болгарии // ВА. 1974. № 48; Она же. Антропологические материалы из Билярских некрополей // Исследования Великого города. М., 1976; Она же. Антропология древнего населения...
- 40 Постникова Н.М. К антропологии средневекового могильника...; Она же. Антропологические материалы...
- 41 Трофимова Т.А. Антропологический состав...
- 42 Яблонский Л.Т. Об этнической связи подбойных погребений мусульманского некрополя XIV в. Водянского городища // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978; Он же. Некоторые результаты исследования мусульманского некрополя Селитренного городища в 1976—1977 гг. // Полевые исследования Ин-та этнографии 1977 г. М., 1979; Он же. Мусульманский некрополь Водянского городища//СА. 1980. № 1; Он же. Население...
- 43 Герасимова М.М. Скелеты древних болгар...
- 44 Алексеев В.П. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных антропологии // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. Вып. 1: Археология и этнография Татарии.
- 45 Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР.

- 46 Яблонский Л.Т. Население...
- 47 Алексеев В.П. Очерк происхождения...
- 48 Гинзбург В.В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
- 49 Там же.
- 50 Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
- 51 Там же. С. 69.
- 52 Ефимова С.Г. Антропология древнего населения... С. 18.
- 53 Там же. С. 19.
- 54 Рисунки черепов и графические реконструкции выполнены автором по методу М.М. Герасимова. Автор выражает признательность Н.М. Постниковой (Рудь) за предоставление в его распоряжение черепов из Болгар.

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БОЛГАРА

Д.Г. Мухаметшин, Ф.С. Хакимзянов

В настоящее время выявлено около 400 болгарских надгробных эпитафийных памятников, из них более 150 плит происходит из Болгарского городища. В действительности в Болгарах было гораздо больше надгробных плит, чем зафиксировано в различных источниках и обнаружено непосредственно на месте. Здесь уместно привести слова С.М. Шпилевского: «Сообщали мне и о том, что будто бы у одного помещика в Спасском уезде выложен на дворе целый тротуар из камней с надписями. Другой спасский помещик сам рассказывал мне, как он распорядился о перевозке огромного камня с надписями из с. Успенского, т. е. Болгарского городища, к себе в имение, но, к сожалению, по дороге этот камень возчики разбили. Вспомним, наконец, показание одного из старинных описателей древностей г. Булгара Кафтанникова, что многие надгробные памятники свезены окрестными жителями под фундамент частных домов»[1]. Известно также, что часть памятников использовали при строительстве церкви Успения и реставрации некоторых других объектов.

В наши дни эпитафийные памятники найдены во время реставрационных работ в Малом минарете, Ханской усыпальнице, Черной палате, а также при раскопках Белой палаты.

Начало изучения болгарских эпитафийных памятников связано с именем Петра I. Во время посещения Болгар в мае 1722 г. по его приказу были списаны и переведены на русский язык 47 мусульманских эпитафий. Позднее с этого списка была снята копия, очевидно, для подполковника Савенкова и геодезиста Крапивина, которая поступила в архив Министерства иностранных дел. Подлинник, хранившийся в Казани, сгорел во время пожара 1815 г., а уцелевшие копии легли в основу позднейших публикаций И. Лепехина, Ю. Клапрота, Ф. Эрдмана, И.Н. Березина[2]. Видимо, было снято несколько копий, так как публикация И.А. Ардашева[3] несколько отличается от указанных. История изучения эпитафийных памятников волжских болгар нашла отражение в ряде работ[4], поэтому мы лишь схематично покажем сам процесс выявления и накопления памятников.

При посещении Болгарского городища в 1846 г. Березин открыл ряд новых памятников, которые позднее были положены под фундамент строящейся колокольни Успенской церкви[5].

В 1877 г. во время раскопок Белой палаты было обнаружено еще 20 фрагментов эпитафий, которые, по-видимому, использовались как строительный материал в начале XVIII в.

В конце XIX — начале XX в. в Болгарах было найдено несколько эпитафийных памятников, которые нашли отражение в публикациях Н.Ф. Катанова, С.Е. Малова[6].

* Под эпитафийными памятниками в данном случае мы подразумеваем исключительно lapidary epigraphy.

В 1942 г. Комиссией по болгаро-татарской эпиграфике в фундаменте церкви Успения были зафиксированы ранее не снятые надписи[7].

В 50—60-е годы новые камни были выявлены археологической экспедицией под руководством А.П. Смирнова, несколько эпитафий обнаружил и расшифровал Г.В. Юсупов[8].

После организации Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника в его фонды поступило восемь памятников из Болгарского музея, 23 — из Черной палаты (видимо, из бывшего Музея древностей, существовавшего с 1877 г. по 20-е годы XX в.).

В 1971 г. во время ремонта Успенской церкви было обнаружено 22 фрагмента надгробных камней. В последующие годы выявлено два фрагмента в районе Малого минарета, две эпитафии — у церкви Успения и два памятника — в южной части городища. Затем в связи с ремонтными работами в церкви Успения и колокольне, а также при реставрации Черной палаты находили еще новые памятники. Можно указать на последнюю большую находку (два целых памятника и 20 фрагментов) из раскопок Белой палаты летом 1981 — 1982 гг.

В настоящее время более 100 памятников из Болгар хранятся в фондах заповедника, 32 — находятся в фундаменте Успенской церкви. Известно по Петровскому списку 47 памятников (часть из них находится в фундаменте церкви, а часть — в фондах заповедника). Кроме того, эпитафии из Болгарского городища имеются в Казанском университете и фондах Государственного музея ТАССР. Таким образом, из Болгарского городища известно более 150 эпиграфических памятников.

Лишь 32 памятника сохранилось полностью, а большинство дошло до нас в сильно разрушенном виде. Некоторые из них восстановлены из нескольких осколков: № 57*, например, состоит из шести фрагментов, № 50 — из трех и т. д. Одиннадцать памятников датируется последней четвертью XIII в., 32 — первой половиной XIV в., остальные по типологии можно считать поставленными в XIII—XIV вв.

Болгарские надгробные памятники представляют собой тщательно обработанные известняковые плиты в форме плоского параллелепипеда, длина которых колеблется от 70—80 до 350 см и более. Устанавливались они в землю у изголовья погребенного лицевой стороной на восток. Так как основной текст эпитафий занимает около половины (иногда больше) лицевой части плиты, подземная часть камня не обрабатывалась. Верхняя часть надгробия, как правило, прямоугольная или слегка скошенная, с углубленными на 3—7 см плечиками и со стрельчатой или килевидной аркой, где расположена кораническая формула, а иногда шести- или восьмилепестковая розетка. Редко встречаются памятники с остроконечным завершением, и как исключение нужно указать на два памятника с полукруглым завершением и плечиками на всю толщину камня.

* Номера памятников до сего включительно указываются по фондовой книге БГИАЗ, последующая нумерация продолжена авторами.

У большинства памятников имеются боковые надписи, состоящие, как правило, из благочестивых изречений. Часто встречаются надписи и на обратной стороне.

Оформление эпитафических памятников и их декорировка неразрывно связаны со структурой текста, его почерком и содержанием самой надписи. Это источники особого рода, включающие в себя особенности памятников письменности и материальной культуры. При классификации эпитафических памятников Болгара мы учитывали такие признаки, как оформление оголовника, наличие тимпана, шрифт, орнаментация бордюра, размеры, с одной стороны, и язык, структура текста, почерк — с другой. Учитывались также текст и орнаментация боковых частей, декорировка нижней части, обратной стороны и другие особенности. По указанным признакам эпитафические памятники города Болгара в рамках классификации болгаро-татарских памятников XIII—XIX вв. разделяются на две группы, а те в свою очередь — на типы, подтипы и виды. Обе группы по хронологической и региональной классификации относятся к Болгарскому региональному округу болгарских эпитафических памятников XIII — первой половины XIV в.

К первой группе относятся памятники с прямоугольным и полукруглым верхом, стрельчатой или килевидной аркой с плечиками и с формулой в тимпане, выполненной рельефным почерком сульс на арабском языке или же на литературном языке, который часто называют «поволжским тюрки». По структуре текста и языку эти памятники разделяются на три типа: I) на арабском языке; II) на тюркском литературном языке того периода с поэтическими эпитетами; III) смешанного оформления.

Ко второй группе мы относим памятники с прямоугольным, остроконечным или полукруглым верхом, выполненные почерком куфи на болгарском языке. По наличию и заполнению тимпана и структуре текста эпитафии данной группы подразделяются на четыре типа:

I — эпитафии с формулой в тимпане, которые в свою очередь имеют два подтипа: А — с формулой «Он (Аллах) живой, который не умирает!» в тимпане; Б — с формулами «Суд Аллаха всевышнего, великого!» и «Всякая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь!»

II — памятники с розеткой в тимпане и формулой «Суд Аллаха всевышнего, великого!» в первой строке. По размерам здесь можно вычленить два вида: 1) памятники больших размеров и 2) маломерные памятники с сокращенным вариантом текста.

III — памятники с прямоугольным верхом, стрельчатой аркой и формулой в тимпане, с употреблением различных шрифтов в заглавной формуле и основном тексте. Малое количество памятников этого типа не позволяет выделить подтипы и виды.

IV — памятники с полукруглым верхом, без тимпана и даты. Первая строка начинается с формулы «Всякая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь!»

В памятниках XIII в. большое значение имеют бордюры, которые сделаны главным образом для усиления художественного восприятия (рис. 19). Бордюрные орнаменты могут быть трех разновидностей: 1) углубленные одинарные или двойные прямые линии; 2) рельефные или углубленные полосы; 3) параллельно идущие валики или линии, пересекающиеся под прямым углом через определенные промежутки. Третья разновидность очень оригинальна и, как нам кажется, имеет датирующее значение. Подобный орнамент можно увидеть в михрабе праздничной мечети XII в.

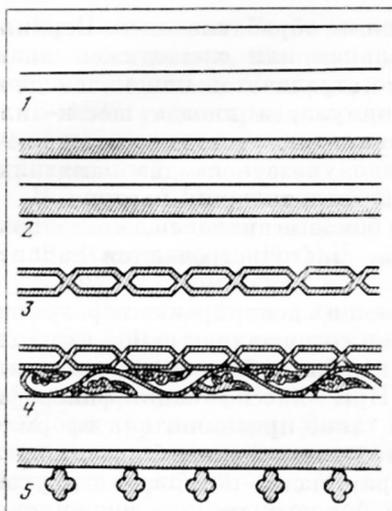

Рис. 19. Орнаментация бордюра
1—5 — типы

Бухары[9], в арке мавзолея Гюлистана XII—XIII вв. в Азербайджане[10], на бордюре бронзовой чаши второй половины XIII в. из Болгар[11]. Близки к этому орнаменту картуши болгарских дирхемов конца XIII в.[12] Эти аналогии позволяют утверждать, что данный вид орнамента бытовал в пределах XII—XIII вв.

Довольно любопытен декор памятника № 71, где орнамент третьей разновидности сочетается с растительным побегом. Это единственный известный нам памятник с подобным дополнением в орнаменте, широкое распространение которого относится только к концу XV в.

Основной текст эпитафии может отделяться от заглавной формулы орнаментальной полосой, которая имеет вид растительного побега, известного на Востоке под названием «византийской ветки» или же «ислими». На памятниках из Болгар крупные изгибы стебля завершаются мотивом

трилистника (№ 118) или гроздьями винограда (№ 114). У единичных памятников боковая часть украшена геометрическим орнаментом, состоящим из ряда ромбиков и треугольников, пересеченных параллельными линиями, которые в свою очередь разделяют их на еще более мелкие треугольники. Внутренняя часть треугольников выбрана. Такой орнамент на стенах данного периода, найденных в других местностях Волжской Болгарии, не зафиксирован. Продолжением традиции подобного орнамента можно считать бордюрное украшение эпитафий XV в. из с. Татарское-Ходяшево Пестречинского р-на ТАССР. Аналогичный орнамент в стиле выемчатой резьбы встречается в деревянной резьбе казанских татар, например, на столбе ворот в с. Бахтияр Арского р-на ТАССР[13].

Мы считаем необходимым дать краткую характеристику памятников в хронологическом порядке по группам и типам. На наш взгляд, раньше других появились памятники типа I первой группы и типов I и II второй группы. Размеры наиболее ранних памятников первой группы в основном такие: толщина 18—20 см, ширина 45—62 см, длина 158—190 см. Выделяется величиной (18 x 70 x 285 см) памятник № 97, поставленный на могиле Сабар-илчи, дочери Бураш-бека[14]. Два памятника этой группы имеют полукруглое завершение со сквозными плечиками. Тимпан у всех плит заполнен формулой «Он (Аллах) живой, который не умирает!»

Памятники XIII в. не отличаются богатой декорировкой, для них первостепенной, вероятно, была каллиграфия, которая в мусульманских странах считалась разновидностью искусства. Особенно изящной каллиграфией выделяются памятники № 47, 72, 118, к шрифту которых очень близок шрифт стелы из б. архиерейской дачи близ Казани, датированной Марджани концом XIII в.[15] Однако встречается и четко вырезанный крупный простой сульс, без излишней орнаментальности, без завитков, которыми так богат этот почерк (например, памятник №51; рис. 20).

Тексты эпитафий более ранних памятников первой группы по структуре подразделяются на семь последовательных частей:

1. Обязательна кораническая формула «Он (Аллах) живой, который не умирает, все живущее умрет!»

Однако она может употребляться и в сокращенном варианте: «Он (Аллах) живой, который не умирает!»

2. Слова, указывающие место захоронения. Для лиц мужского пола применяется арабская формула «эта могила», тогда как для женщин — «этот сад».

3. Характеризующие эпитеты. Они могут быть краткими и более обстоятельными, но в большинстве случаев стандартными, т. е. они встречаются в надгробиях из Кухистана, Средней Азии и т. д. Женщин обычно характеризуют слова «скромная», «целомудренная», «благочестивая», «постница» и др. Мужчин же восхваляют словами «благородство», «великодушие», «благочестивость», «славность».

4. Титулы, имена, родословие покойных. Этот компонент также может быть кратким или развернутым. Иногда встречается перечисление родословия до седьмого колена, и, как правило, предок указывается с нисбой «булгари» (например, № 51).

5. Благожелательная формула. Чаще всего встречается изречение «Боже мой, помилуй ее милостью неизмеримой»; реже — изречения индивидуального характера, например «Да оросит всевышний Аллах его могилу, да дарует ему жилище в раю, да помилует его оставлением грехов и прощением, да вселит его в селения райские» (№ 102). Этот компонент в мужских эпитафиях представлен богаче, имеет большую смысловую нагрузку, чем в женских, что соответствовало канонам ислама.

6. Слова или словосочетания, обозначающие понятие смерти: «Он(она) отдался (или отдалась) милости Аллаха всевышнего» (№ 102, 118), «Отошла к Аллаху» (№ 5) и т. д.

7. Дата, как правило, обозначается словами, хотя на более ранних плитах встречаются и цифровые обозначения (например, № 47 и 51). Точно такое же явление зафиксировано и на ранних памятниках XIII в. из сел Ямбухтино Тетюшского р-на ТАССР и Старое Байрамгулово Учалинского р-на Башкирской АССР.

Из памятников второй группы наиболее ранними являются эпитафии типов I и II. К типу I можно причислить памятники № 24, 48, 119, 120; из них № 48 относится к большемерным эпитафиям; его размеры 20 x 55 x 183 см, форма прямоугольная, имеется килевидная арка, бордюры сделаны в виде рельефной полосы, а в тимпане помещена известная кораническая формула. Текст выполнен рельефным кувическим почерком. Маломерные эпитафии имеют толщину 12—17 см, ширину — 28—42 см. Из-за дефектности плит об их длине судить трудно, однако она не слишком

Рис. 20. Эпитафии первой группы XIII в.

велика. Для них характерны бордюры первой разновидности и врезанный куфический почерк. Видимо, к этому же типу относится и надгробие № 98, на котором помещен орнамент в виде стилизованного изображения птицы[16]. Среди эпитафических памятников XIII—XIV вв. подобное изображение отмечено и на одном камне из с. Старые Салманы Алькеевского р-на ТАССР. Данный рисунок можно расценивать как связующее звено между языческими изображениями более раннего периода и зооморфными узорами, которые появляются в деревянной резьбе казанских татар с XVIII в. Генетически, вероятно, он связан с представлением татар о том, что после смерти человека душа улетает, покидает его. Птица, вероятно, рассматривалась как переносчик души в «потусторонний вечный» мир. В татарском языке с этим представлением связано словосочетание «кот очу», т. е. «сильно испугаться», «прийти в ужас» (дословно «отлет души»). Можно полагать, что изображение птицы свидетельствует о тесном соединении в мировоззрении болгар мусульманских догматов и языческих верований.

Тип II второй группы памятников XIII в. представлен надгробием № 4. Это прямоугольная плита размерами 22 x 60 x 117 см с килевидной аркой и бордюрным орнаментом третьей разновидности. В тимпане помещена восьмилепестковая розетка с узкими лепестками без деления на дольки и с мотивом свастики между ними. Во внутреннем кружочке розетки вырезана маленькая восьмилепестковая розетка. Надпись выполнена рельефным куфическим почерком, начертания букв несколько отличаются от традиционного куфи болгарских эпитафий: написание отдельных графем, например, джима, ра, за, алифа, сближает шрифт памятника с шрифтом куфических дирхемов.

Структура текстов памятников второй группы XIII в. точно так же, как и в эпитафиях первой группы того времени, состоит из семи компонентов, однако местоположение их вытекает из правил и законов тюркской грамматики:

Вначале идут коранические формулы «Он (Аллах) живой, который не умирает!», или же «Всякая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь!»

Имя, титул, родословие погребенного. Эпитеты, как правило, отсутствуют. Они характерны только для памятников второй группы. К XIV в. относится несколько стел с эпитетами, однако они переданы на арабском языке. Этот компонент очень краток, обычно он состоит из двух имен и одного титула.

Слова, связанные с обрядом захоронения. Для памятников типа I характерно слово *zerat* — 'место погребения'; типа II — *baluk* — 'намогильный знак, памятник'.

Благожелательная формула — «Да будет милость Аллаха над ним(или над ней) милостью обширной!» — на арабском языке имеется на всех памятниках второй группы.

Слова или словосочетания, обозначающие понятие смерти. Все многочисленные варианты этого компонента являются кальками и восходят к арабскому оригиналу.

Дата передается словами, причем, в отличие от надгробий первой группой, весьма подробно: обозначаются год, месяц, дни месяца, а иногда и дни недели. Дата на памятниках типа II с предыдущим компонентом надписи связана словом «хиджра».

Благочестивое изречение встречается весьма редко. На памятнике № 48 вырезано изречение «Смерть — врата, и все люди войдут в нее», восходящее к арабскому поэту Абу-л-Атахии (748—828 г. х.)

Известные надгробные стелы XIII в. охватывают небольшой отрезок времени (670—699 г. х.) и типологически составляют единое целое с памятниками первой половины XIV в. Однако зафиксированы некоторые элементы, которые в дальнейшем развиваются или исчезают. К таковым нужно отнести бордюрный орнамент третьей разновидности, полукруглое завершение верхней части плиты плечиками на всю толщину камня, проставление даты цифрами, а также наличие в тексте слова «хиджра».

В количественном отношении более половины эпитафий XIII в. относится к первой группе, и написаны они на арабском языке.

К XIV в. отнесено 27 памятников: ранний датирован 700 г. х., позднейший — 749 г. х. С Болгарского городища также происходит большое количество фрагментарно сохранившихся памятников, стилистически и типологически датируемых первой половиной XIV в.

Подавляющее большинство памятников первой группы XIV в. относится к типу I (например, № 1, 9, 14, 19, 21, 27, 46, 59, 63, 64, 70). По оформлению и размерам они почти не отличаются от памятников конца XIII в. Как исключение, нужно отметить эпитафию № 19, выделяющуюся малыми размерами, полукруглым верхом и плечиками на всю толщину камня. Плиты такой формы очень редки, и лишь в XIX в. отмечается их массовое распространение.

Для памятников первой группы XIV в. характерна простота оформления. Виноградная лоза отделяет основной текст от заглавной формулы (№ 14, 16, 113, 115, 117), а на № 74 вместо нее имеется широкая рельефная полоса. Обращает на себя внимание орнаментальная полоса на эпитафии № 114, состоящая из растительного побега, закрученного в спираль, с очень мелкими листочками. Этот редкий мотив можно увидеть на боковой части эпитафии XVI в. из Заказанья. Основным орнаментом следует считать бордюр, выполненный в виде рельефной полосы. Естественно, бывают и различные отклонения от общепринятого бордюра. Кроме указанного растительного побега, на одном фрагменте зафиксирован мотив с не связанными между собой трилистниками. На стелах Казанского ханства и более позднего времени данный мотив является компонентом более развитой цветочной орнаментации, здесь же он выступает самостоятельным орнаментом.

Нужно упомянуть и орнамент нижней части плиты, находящейся в фундаменте колокольни церкви Успения. Немноголепестковые розетки цветочного характера расположены на обеих сторонах уступа рамки, придавая плите художественную завершенность. Аналогичный орнамент встречается и на памятниках из других мест Волжской Болгарии^[17], но рисунок на болгарской плите отличается прекрасным исполнением.

Тексты на памятниках XIV в. выполнены рельефным почерком сульс, как и на памятниках XIII в. Только № 1 имеет текст, врезанный куфическим почерком. И по структуре текста памятники данного типа продолжают традиции XIII в. Незначительные изменения отмечаются в компоненте 6, где употребляется слово «умер». Нередко этот компонент вообще отсутствует, зато появляется новый компонент (8) — благочестивое изречение.

О языке памятников типа II первой группы высказаны разные суждения. Предполагали, что это чагатайский язык, или древнетатарский, или среднеазиатский литературный тюркский, или новоболгарский и т. д.[18] Мы придерживаемся того мнения, что в XIII—XIV вв. (а возможно, и ранее) на территории Волжской Болгарии, бывшей одним из культурных центров Золотой Орды, должен был функционировать локальный вариант литературного языка «тюрки». По всей видимости, этот язык сложился на базе более древнего караханидско-уйгурского языка и местных диалектов. Именно на таком языке написаны тексты памятников типа II первой группы (например, № 114, 124), в которых употреблены и поэтические эпитеты «краса молодцов», «сердце сердец»[19].

Если рассмотреть структуру текстов надгробий типа II, то можно заметить, что компонент 1 памятников типа II тождествен таковому памятников типа I; компонент 2 на памятниках типа II отсутствует; компонент 4 заканчивается словом, связанным с обрядом захоронения, и соответствует компоненту 2 типа I (ср.: *zerati turur* — 'его (ее) место погребения'). Здесь уже появляется присвяточный член *turur* <[^] *tir* — 'стоять'. Компонент 5 представлен известной формулой «Да помилует Аллах!»; компонент 6 может отсутствовать (№ 124) или же аналогичен тексту памятников второй группы (№ 113; ср.: «Мир бранный покинув, в дворец вечности перешел»). Дата передается точно так же, как и на памятниках типа I. Компонент 8 зафиксирован лишь в тексте эпитафии № 113.

Структура текстов памятников типа III первой группы в какой-то степени является смешанной, ибо здесь объединены характерные черты типов I и II: компоненты 1—3 соответствуют таковым памятников типа I, а компоненты 5—7 — типа II. Компонент 8 на надгробиях типа III отсутствует.

Некоторые памятники первой группы имеют рельефную надпись и на боковых сторонах (например, № 21, 63, 64, 67), которая представляет собой известное двустишие на арабском и тюркском языках: «Вижу мир развалиной по существу, но он продолжительно останется в покое».

Намогильные стелы второй группы, главным образом типов I и II, продолжают развиваться на базе памятников XIII в. (№ 6, 17, 36, 38, 40, 41, 44, 51, 56, 58, 60 и др.). Некоторые из них (№ 6, 58, 60, 66, 75, 104) имеют орнаментальную полосу между основным текстом и тимпаном. Особо надо выделить орнаментальную полосу в надгробии № 75, которая близка к бордюроному орнаменту третьей разновидности, хотя в архитектурных памятниках Средней Азии и Кавказа этот мотив встречается и самостоятельно[20]. На памятниках № 58, 90 роль бордюра выполняет широкая рельефная полоса.

Надписи на памятниках типов I и II данной группы сделаны в основном рельефным кувическим почерком. Подавляющее большинство из них принадлежит к подтипу А (рис. 21, 1). К подтипу Б нужно отнести № 17 и 20 (последний отличается небольшими размерами, врезанным шрифтом и сокращенным вариантом текста (рис. 21, 2). Особняком стоят два памятника (№ 68, 125), в тимпане которых помещены две формулы, причем вначале идет формула «Суд Аллаха!» в сокращенном варианте. Однако рельефный шрифт, полнокомпонентный текст и само оформление сближают их с надгробиями подтипа А. Как указано, для памятников типа I розетки не харак-

терны, но все же иногда встречаются. В тимпане памятника № 90, кроме формулы, имеются две маленькие розетки, похожие на розетки эпитафии из с. Татарский Адам Алексеевского р-на ТАССР[21]. На обратной стороне памятников (№ 6 и 75) зафиксированы орнаменты в виде восьмилепестковой розетки с широкими остроконечными листьями, между которыми помещены кружочки, а также в виде круга, в который вписаны четыре полукруглые полосы, пересекающиеся в центре, причем между кругом и полосой — треугольники.

К эпитафиям типа II второй группы, имеющим розетку в тимпане и кораническую формулу «Суд Аллаха всевышнего, великого!» — в первой строке, мы относим памятники № 10, 15, 22, 49, 50, 54, 86, 111, 123 и др. (рис. 22, 1). Все они (кроме № 10, 54) должны считаться большемерными. По размерам, орнаментации, бордюру и почерку памятники этого типа в основном не отличаются от эпитафий типа I. Розетки надгробия имеют шесть или восемь лепестков. Особняком стоят два памятника с остроконечным (№ 42) и пирамидальным (№ 13) верхом и с одинаковыми розетками на обеих сторонах.

В XIV в. появляются эпитафии типа III второй группы (рис. 22, 2), в заглавной формуле и в основном тексте которых употребляются различные шрифты (№ 3, 57, 103, 113, 126). Заглавная формула памятников № 3, 103, 113 оформлена рельефным шрифтом сульс, а основной текст — рельефным шрифтом куфи; памятников № 57 и 126 — соответственно рельефным куфи и врезанным куфи. Своеобразно оформление памятников № 3 и 113. Верхняя часть и арка у первого шестигранная, основной текст от тимпана отделен узкой рельефной полоской. Сам тимпан украшен двумя сердцевидными фигурками с отростками. Подобными виньетками украшались и картуши болгарских монет конца XIII в.[22] Текст полностью не восстанавливается, но все же удается расшифровать в начале текста четыре коранические формулы, что среди памятников Болгары встречается впервые.

Памятники типа IV второй группы немногочисленны (№ 7, 29, 32) и отличаются плохой обработкой и значительно меньшими размерами (рис. 23). Надпись сделана некаллиграфическим врезанным куфическим почерком, а текст начинается с коранической формулы «Каждая душа вкусит смерть, после вы вернетесь к нам!»

Структура текстов памятников XIV в. второй группы более или менее близка. В них сохраняются те же компоненты, что и на надгробиях XIII в. Компонент 1 — кораническая формула — в большинстве случаев на памятниках типов I и III расположена в тимпане, а в эпитафиях типов II и IV — открывает основной текст. Если заглавная формула дается без сокращений или употребляется несколько формул, то в тимпане размещается только первая часть формулы или одна из формул. Вероятно, здесь учитывалось и то обстоятельство, что заглавная формула имела и декоративную функцию.

Компонент 2 обычно состоит из имени отца и сына и указателя родственных отношений, а в некоторых случаях родословие перечисляется до седьмого—девятого колен (например, сын Сирадж-йори Ягкуб-йори), (его) сын Аюб-йори, (его) сын Хасан-йори, (его) сын Али-йори, (его) сын Этрэч-йори, (его) сын Мухамед Мир-Махмуд). Обращает на себя внимание эпитафия № 95, где к имени покойной прибавлены два эпитета на арабском языке, которые Г.В. Юсуповым были приняты за сложное имя[23].

Рис. 21. Памятники второй группы типа I

1 — подтип А; 2 — подтип Б

В качестве компонента 3 могут употребляться оба термина: *baluk* — ‘намогильный знак, памятник’ и *zerat* — ‘место захоронения’. Точную дифференциацию по типам установить невозможно. Замечено лишь, что первый из них употребляется значительно реже. Кроме того, на одном памятнике (№ 29) зафиксировано слово *bitik* — ‘надпись’, а сама надпись отличается вертикальным расположением строк.

Компоненты 4—7 ничем не отличаются от компонентов на соответствующих памятниках XIII в., правда, в некоторых текстах могут отсутствовать компоненты 4 или 5.

У многих памятников типа I (№ 36, 41, 44, 51, 60, 66) имеются надписи на боковых частях. Текст надписи не оригинален, обычно это заключенные в рамку формулы «Смерть известит тебя о сроке, а могила есть предел деяний» или «Самый терпеливый к опасностям здешней жизни не умирает ранее определенного срока». Надпись обычно сделана по всей длине памятника в одну строку (№ 36, 38, 40, 41, 60) или помещается в середине боковой части в две строки (№ 44, 51, 66). Особо отметим памятник № 58, где в боковой части помещена дата «семьсот сорок девятый год ...

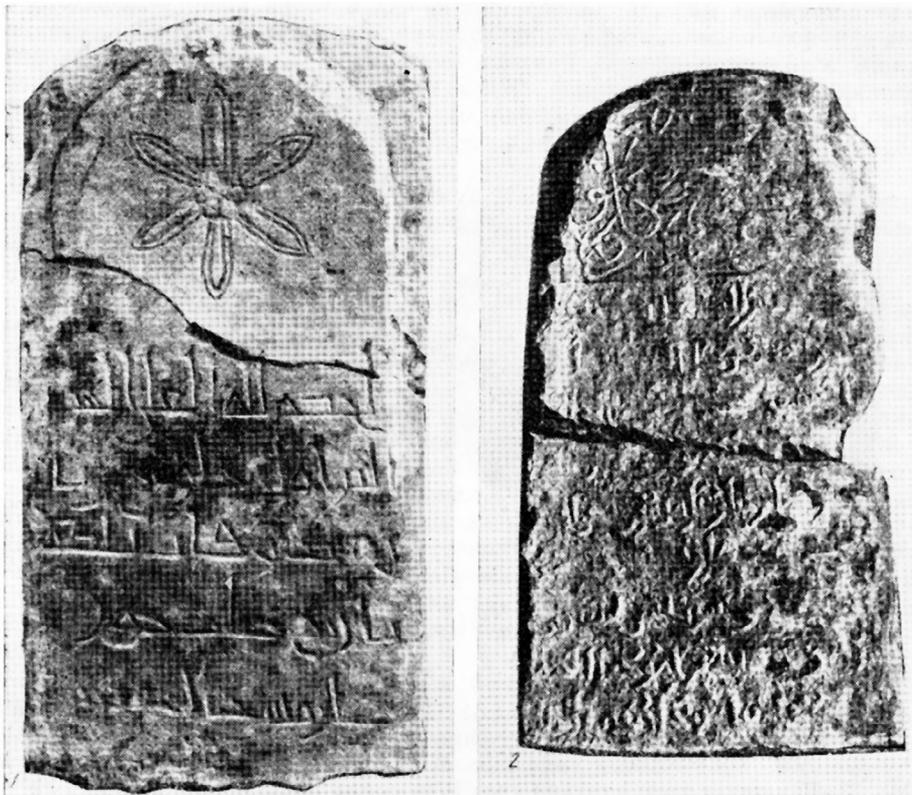

Рис. 22. Памятники второй группы

1 — тип II; 2 — тип III

мухаррам ...» Текст на лицевой стороне сохранился лишь частично но с уверенностью можно сказать, что боковая надпись является продолжением основного текста. По расположению текста видно, что боковые надписи состоят только из даты, и для других слов или словосочетаний совершенно нет места.

Имеется несколько памятников с надписью, выполненной мелким некаллиграфическим куфическим почерком, на обратной стороне. В основном она состоит из благопожеланий и в какой-то мере дополняет основной текст.

Разбор текстов памятников второй группы XIV в. показывает, что существовал определенный стереотип, который в обязательном порядке употреблялся мастером-резчиком. Компоненты текста расположены в определенном порядке, нарушения не замечены. Компоненты 1—4 отмечены у всех видов, компоненты 5 и 6 имеются на большинстве надгробии, реже встречается компонент 7. Лишь на памятниках типа IV и на маломерных плитах употреблены только первые четыре компонента.

Типовое оформление, определенная структура и шаблонность отдельных фраз подтверждает ранее высказанное исследователями предположение о существова-

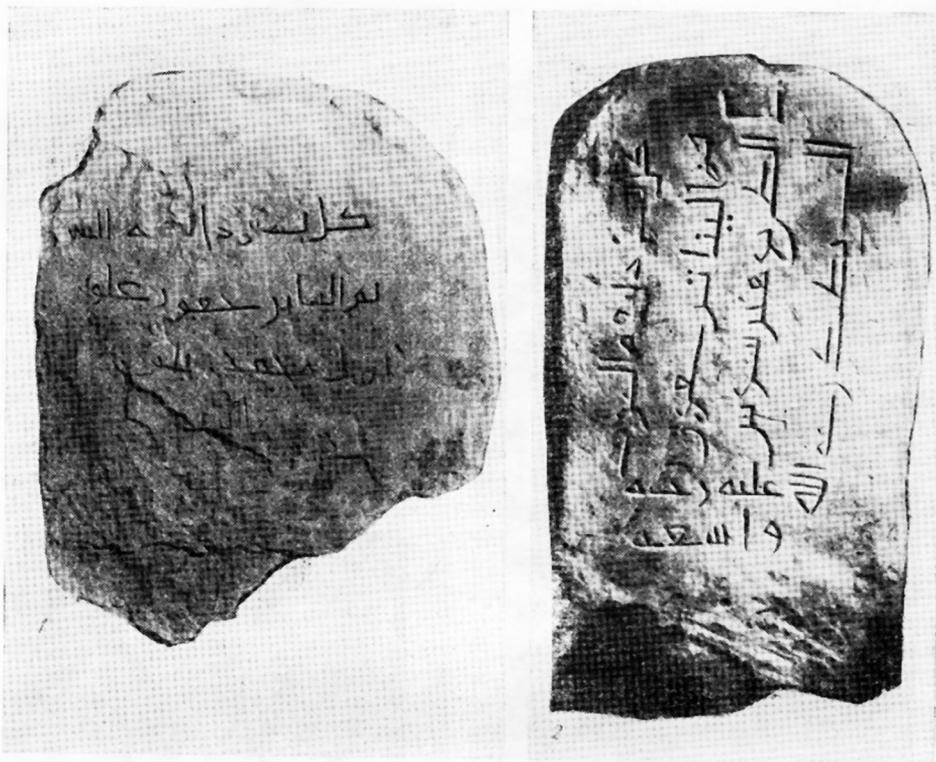

Рис. 23. Памятники второй группы типа IV

нии болгарской школы по изготовлению надгробий. Характерной чертой ее является стрельчатая, реже — килевидная арка с плечиками. Арки преимущественно крутые, а стрела подъема равняется 1 : 4. Только пять памятников типа IV второй группы не имеют никакой арки.

Другим характерным признаком болгарской школы мы считаем заглавную кораническую формулу «Он (Аллах) живой, который не умирает, все живущее умрет!» Из 91 эпитафии, где присутствует заглавная формула и ее удастся восстановить, 74 содержат именно данную формулу. В 11 случаях встречается формула «Суд Аллаха великого, всевышнего!», а в шести — формула «Каждая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь!». Необходимо отметить, что все памятники первой группы начинаются с первой формулы.

Памятники болгарской школы отличаются каллиграфическим почерком сульс или куфи. Некоторые эпитафии первой группы выполнены таким изящным шрифтом, что их можно рассматривать и как произведения искусства. Кроме того, надгробия из Болгар выделяются четким аккуратным исполнением, наличием надписи или орна-

ментом на боковой и обратной сторонах. Почти все памятники типа I первой группы имеют боковые надписи.

На болгарском городище обнаружено несколько заготовок для эпитафий, что доказывает существование в Болгаре мастерской по изготовлению надгробий и дает возможность проследить процесс изготовления. Камень для памятников, очевидно, добывали на правой стороне Волги. Архитектурные памятники Болгара построены из этого же камня. В мастерской резчика камню придавали форму плоского параллелепипеда (№ 52, 53), намечали и вырезали арку (№ 1, 53, 55). Затем производили первичную обработку поверхности долотом и троянкой, следы которых обнаружены на многочисленных плитах. Подобные заготовки хранились в мастерских, вероятно, в большом количестве. На некоторых из них (№ 33, 55) поставлены знаки в виде трезубца, известные и по керамическому материалу из Болгар. После первичной обработки намечались тимпан, площадь, предназначенная для письма, и нижняя часть для установки памятника. Далее шла шлифовка лишь той части камня, которую предполагали занять надписью или орнаментом. На шлифованную поверхность острым предметом наносили линии строк, орнамент или контуры букв. Затем промежуток между буквами выбирали. Часть памятников изготовлена другим способом: буквы и орнамент вырезаны на ровной поверхности камня, образуя углубленный шрифт.

Использование разнообразных орнаментации и шрифта, трудоемкость процесса изготовления и длительное сохранение традиции устанавливать надгробия с эпитафиями говорят о том, что в мастерских существовало разделение труда. Первичную обработку камня, выемку арки, шлифовку плиты и другие трудоемкие работы, не требующие специальных знаний и большого мастерства, могли выполнять подмастерья. Работа мастеров, по нашему мнению, начиналась с вычерчивания строк и букв. Можно полагать, что резчики эпитафий не только занимались изготовлением намогильных памятников, но и принимали деятельное участие в строительстве, точнее, в декорировке, архитектурных памятников. И там и здесь использование единой меры длины — локтя, наличие стрельчатой арки косвенно свидетельствуют о том, что высококачественная резьба по камню и в архитектуре, и на эпитафиях производилась в одних и тех же мастерских. Это подтверждается памятником № 1. Камень при выемке плечиков дал трещину, и в дальнейшем его пытались использовать для изготовления архитектурных деталей в форме розеток, вероятно, для украшения водоемов бани.

Однако нельзя считать, что все намогильные стелы делались только в мастерских. Памятники типа надгробия № 31 изготовлялись людьми, знающими грамоту и камнерезное дело, в домашней обстановке, подобно тому как работали гончары, которые изготовляли лепную керамику для домашнего пользования даже в XII—XIII вв., когда в производство прочно вошел гончарный круг.

Эпиграфические памятники болгарской школы получили широкое распространение по обоим берегам Волги. Западная граница их ареала совпадает с границей Волжской Болгарии, восточная проходит по линии Иски-Рязяп Куйбышевского р-на, Старое Ромашкино Чистопольского р-на, Ново-Чувашский Адам Алексеевского р-на — в Закамье. Измя, Таутермень Мамадышского района — в Заказанье. За предела-

ми этой территории памятники болгарской школы обнаружены в пос. Чишма Башкирской АССР.

Однако это не значит, что все памятники болгарской школы изготовлены в Болгаре^[24]. Не было никакой надобности перевозить готовые памятники из Болгара, например, в Северное Предволжье, где надгробия делали на месте, ибо чувствуется некоторое своеобразие в изготовлении этих эпиграфических памятников, хотя они, несомненно, относятся к болгарской школе. Эти плиты делались мастерами, получившими в Волгаре навыки резьбы по камню и использовавшими болгарские образцы текстов и декора (содержание и структура текста, художественное оформление и т. д.). Такие каноны могли соблюдаться только при централизованном руководстве со стороны верховной духовной власти в пределах округа.

- 1 См.: Шпилевский С.М. О задачах деятельности Казанского общества археологи и истории и этнографии и о возможном, содействии обществу со стороны жителей местного края // ИОАИЭ. Казань, 1884. Т. III. С. 18.
- 2 Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб., 1771. Ч. I С. 273 283; Klaproth J / Notice et explication des inscriptions de Bolhari // Nouveau Journal Asia-tique. Paris. 1831. Т. VIII. P. 483—503; Эрдман Ф.И. О надгробных надписях, в Болгарах // Заволжский муравей. Казань, 1832. Кн. 21/23. С. 1219—1230, 1342—1358; Березин И. Булгар на Волге // Уч. зап. Казан, ун-та. Казань, 1852. Кн. 3.
- 3 Ардашев И.А. Развалины Болгар и древние Болгары по описанию англичанина Э.П. Турнерелли. Казань, 1901.
- 4 См., например, Юсупов Г.В, Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960;; .Хакимянов Ф.С., Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978.
- 5 В 1981 г. в фундаменте было обнаружено несколько эпитафий, когда-то описанных И. Н. Березиным..
- 6 Катанов Н.Ф. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии // Казанский музейный вестник. Казань, 1921. № 1/2. С. 54—56; Малое С.Е. Булгарская и татарская эпиграфика // ЭВ. М.: Л., 1948. Вып. I. С. 44—48.
- 7 См.: Калинин Н.Ф. Итоги работ комиссии по булгаро-татарской эпиграфике // Научный архив ИЯЛИ КФАН СССР. Ф. 8: Оп. 1. Д. 59; Он же: Альбом по булгаро-татарской эпиграфике // Там же. Д. 62—64
- 8 Юсупов Г.В. Эпиграфические памятники Болгарского городища // Архив ИА.Р-2 ,N 2015,
- 9 Кочнев В.Ф. Средневековые загородные культовые сооружения Средней Азии. Ташкент, 1976. Рис. 7
- 10 Вретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII—XV вв. М., 1966. Рис. 187.
- 11 Даркевич В.П. Художественный, металл Востока. М., 1976. С. 48.»
- 12 Федоров-Давыдов Г.А. Два клада»серебряных монет XIII в. из Болгар // НЭ. М.,1972: Т. X. С. 170, №20.
- 13 Валеев Ф.Х. Архитектурно-декоративное искусство казанских татар: Сельское жилище. Йошкар-Ола; 1975. С. 34. Рис. 17
- 14 Юсупов. Г.В. Введение... Табл. 4.
- 15 Марджани III. Мустафад аль-Ахбар фи ахфаль Казан ва Булгар. Казан, 1897.С. 28; Юсупов Г.В. Введение... Табл. 2.
- 16 Юсупов Г.В. Введение... Табл.6.
- 17 Хакимянов Ф.С. Язык эпитафий... Рис. 15; 34.
- 18 Ашмарин Н.И. Болгары и чувашы // ИОДИЭ. Казань, 1902. Т. XVIII, вып. 1/3.С. 84; Серебренников Б.А. К вопросу о действительных взаимоотношениях между чувашским, болгарским и татарским языками

- // Уч. зап. НИИЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары,-1956. Вып. 14. С. 73; Малое С.Е. Булгарские и татарские эпиграфические памятники // ЭВ. М.; Л., 1947. Вып. I. С. 40; Юсупов Г.В. Введение... С. 88.
- 19 Юсупов Г.В. Введение.... Табл. 15.
- 20 Например, на арке мавзолея из с. Хаджи-Дорбашлы (Азербайджан), на мечети Намазга в Бухаре. См. Дебиров П.М. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966, Рис. .43.,
- 21 Хахимзянов Ф.С. Язык эпитафий... С. 141. Рис. 20.
- 22 Федоров-Давыдов Г.А. Два клада... С. 170. Рис. 2, № 25, 26.
- 23 Юсупов Г.В. Эпиграфические памятники... С. 11; Хахимзянов Ф.С. Язык эпитафий... С. 126—127. Рис.13.
- 24 См., например: Тагирджанов А.Т. Влияние поэмы Фирдоуси. «Йусуф и Зулейха» на «Кисса-и Йусуф» 'Али и «Йусуф и Зулейха». Шайяд Хамзы // Палестинский сб. Л., 1970. Вып. 21 (84). С. 55

ДЕНЕЖНОЕ ДЕЛО И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ БОЛГАРА

Г. А. Федоров-Давыдов

Денежное дело и денежное обращение Болгара давно привлекают внимание ученых нумизматов. Еще Х. М. Френ посвятил этой теме ряд исследований. Обращались к ней почти все русские нумизматы-ориенталисты. Особенно большой вклад в ее изучение внесла С. А. Янина, опубликовавшая и снабдившая подробными комментариями монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах за 1946—1958 гг. Этот капитальный труд позволил не только подробно рассмотреть монетные выпуски Болгара, но во всех деталях представить его денежное обращение.

Пытаясь в предлагаемой работе обобщить накопленный по денежному делу и денежному обращению материал, автор идет по пути, проложенному Яниной, используя опубликованные ею нумизматические факты и дополняя их монетными находками, сделанными в Болгарах в 1974—1983 гг., которые хранятся в Болгарском государственном историко-архитектурном заповеднике.

Начало денежного дела и денежного обращения в городе Болгаре относится к X в. В Болгаре, как и во всем районе обитания волжских болгар, встречены клады и отдельные находки куфических монет, зафиксировавшие начало обращения восточной монеты в Волго-Камье еще с VIII в., а в Среднем Прикамье — еще с эпохи Сасанидов. Известно два клада куфических монет из Болгар — 1895 и 1957 гг.[1] Найдены подражания куфическим монетам, видимо, местного происхождения.

Об обращении в начале X в. привозных дирхемов и о замене денег шкурками куниц сообщают восточные авторы — например, Ибн Русте[2]. Тогда же, в X в., началась и самостоятельная чеканка Болгара. Эмиссии были очень незначительны по объему. Впервые сведения о монетах Волжской Болгарии X—XI вв. собрал и опубликовал Р. Р. Фасмер[3]. Данные Фасмера существенно дополнила Янина[4].

Большая редкость монет эмиров Волжской Болгарии заставляет думать, что основным средством обращения были кубические (главным образом саманидские) монеты и подражания им, находимые на территории Волжской Болгарии. Собственный чекан преследовал в основном престижные, политические цели.

Фасмер допускал возможность первоначальной чеканки в Болгаре подражаний саманидским монетам с помещением иногда на них названий болгарских городов — «Болгар» и «Сувар».

Первыми бесспорно болгарскими монетами, по мнению Фасмера, были монеты, чеканенные также по типу саманидских, на которых вместо имени саманидского эмира стояло имя Микаила ибн Джафара. Названия монетных дворов сохранялись среднеазиатские — Самарканд, аш-Шаш и др. Д. П. Ковалевский писал, что болгарский чекан, сначала анонимный, начался после признания болгарским эмиром верховной власти багдадского халифа, т. е. после посольства 922 г.[5] Но Янина считала, что чеканка началась от имени Алмуша, сына Шилки, имевшего мусульманское имя Джафар ибн Абдаллах, и до этой даты. Янина основывала этот тезис обломан-

ной монетой из Неревского клада, найденного в Новгороде, которая, судя по имени халифа и имени саманидского эмира, могла быть отчеканена в 289—295 г. х. (902—908 г.). Это «удревняет» принятие ислама болгарским эмиром, относит это событие ко времени до приезда посольства 922 г., описанного Ибн Фадланом. Саманидский тип первых монет Болгара говорит о путях исламизации страны, связанных со Средней Азией.

Янина к раннему этапу чеканки Болгара отнесла монету с неясным именем одного из сыновей Джафара, а также, вслед за Фасмером, подражательные монеты с титулом и ... Толкованию этого титула посвящено несколько экскурсов Фасмера, Ковалевского, Бартольда, Яниной, Фахрутдинова, но он остается неясным и до сих пор.

Больше всего чеканил монет сын Джафара Микаил. Это также типы, у которых круговые легенды и легенды в поле л. с. имеют характер подражаний саманидским, а легенды в поле о. с. написаны иногда довольно грамотно. На некоторых монетах имеется имя города «Болгар». Янина считает возможным на одной монете из ГИМ, чеканенной явно в Волжской Болгарии, усматривать не имя Микаила, а неясное имя другого (третьего) сына Джафара.

Сын Микаила Абдаллах чеканил монеты в Болгаре с именем аббасидского халифа ал-Мустакфи, которое помещалось на саманидских монетах между 333—345 г. х. (944—957 г.), что датирует правление Абдаллаха 40—50-ми годами X в. В Суваре с 337 г. х. (948/949 г.) начинается чекан монет Талиба ибн Ахмеда.

К 360—370 г. х. (970—980 г.) относится чеканка монет с именами Мумина. Янина показала, что эти монеты чеканились с именем Мумина ибн Хасана в Болгаре (с именем халифа ал-Мутти) и с именем Мумина ибн Ахмеда (может быть, брата Талиба ибн Ахмеда, как предположил еще Френ) — в Суваре. Суварские монеты не несут никаких знаков вассалитета по отношению к болгарским правителям.

Болгарская чеканка представляет аналогию чеканке древнерусских монет Киевской Руси. Выпуски так же были очень малы по объему и играли не экономическую, а политическую роль, так же основным средством обращения были куфические монеты, и собственный чекан развивался на их фоне, но в Руси в соответствии с ее христианизацией символика и надписи были христианские, легенды — русские, а в Волжской Болгарии — мусульманские религиозные, среднеазиатские. Болгарские монеты в XI в., видимо, уже не чеканились, а на Руси собственная чеканка, возникшая позднее, в конце X в., еще продолжалась в XI в.

Следует отметить, что в Ага-Базаре в 1980 г. среди подъемного материала было обнаружено низкопробное серебряное подражание западноевропейскому денарию XI в.

В XI—XII вв. в Волжской Болгарии своих монет не чеканили. В течение XI в. нарастают последствия серебряного кризиса на Востоке и прекращается поступление куфического дирхема. Вторая половина XI и весь XII в. — это эпоха безмонетная, так же как и на Руси. Средством мелкого розничного торгова служили заменители денег, может быть, бусы и шиферные пряслица.

Одним из возможных заменителей денег были оловянные кружки с дыркой, находимые в культурном слое Болгара и других городов Волжской Болгарии. О торговле на кусочки олова в Саксине в XII в. писал ал-Гарнати[6].

Обращались золото, серебро и медь в слитках. Но хронология обращения денежных слитков в Волжской Болгарии пока не разработана. В Прикамье, на памятниках V—VII вв., зафиксированы бронзовые или латунные слитки в виде трехгранных палочек. Вес таких слитков довольно устойчив и колеблется главным образом в пределах 96—106 г. Они составляют, например, Щербетский клад из 87 слитков, найденный в Куйбышевском р-не ТАССР[7].

В Волжской Болгарии обращались отличные от русских серебряные овальные и круглые слитки. Обрубок одного такого слитка найден в Болгарах в 1880 г. Вместе с ним были найдены обрубки в виде четырехугольной плитки с косо обрубленными краями, в виде пятиугольной неправильной плитки и в виде неправильного четырехугольника[8]. Иногда попадаются слитки, свернутые в трубку. Так, в 1869 г. близ г. Спасск, видимо в Болгарах, был найден клад из 47 слитков, часть из которых была свернута в трубку, часть — разрублена. В кладе были золотые и серебряные вещи[9]. По вещам этот клад относится к домонгольскому времени. Судя по другимкладам из Волжской Болгарии, эти слитки обращались в XII—начале XIII в., т. е. в домонгольское время[10]. Одновременно с этими свернутыми в трубочку или разрубленными пластинчатыми слитками в Волжской Болгарии еще, видимо, в домонгольское время появились палочковидные слитки, вес которых близок к 196—200 г, и ладьевидные слитки, найденные с домонгольскими вещами, в частности с желудевидными подвесками[11]. В Болгарах такие палочковидные слитки новгородского типа были найдены в XIX в.[12] В отличие от пластинчатых слитков, которые разрезались на нестандартные по весу части, палочковидные слитки в Волжской Болгарии обычно не разрезались и не разрубались и имели примерно одинаковый вес, отражающий какой-то весовой стандарт, по которому слитки отливались с потерей доли серебра в виде «угара».

Постепенный выход из безмонетного состояния в Волжской Болгарии начался, видимо, так же как и в Средней Азии, с середины XIII в. Тогда в Болгаре были осуществлены первые после длительного, 200-летнего, перерыва монетные серебряные и медные эмиссии. Это монеты с именем халифа ан-Насир лид-Дина, которые Френ[13], Янина[14], Федоров-Давыдов[15] относили к середине XIII в., к эпохе хана Берке, рассматривая имя уже умершего к этому времени халифа как религиозный символ, тогда как Френ (в ранних работах) [16], А. Ф. Лихачев[17], П. С. Савельев[18] — ко времени правления этого халифа (1180—1225 гг.).

В последнее время А. Г. Мухамадиев пришел к выводу, что монеты с именем ан-Насир лид-Дина домонгольские и относятся ко времени его правления. Основания для такого тезиса следующие: Монеты эти резко отличаются по внешнему виду от ранних джучидских — у них неправильная форма, напоминающая о некоторых закавказских домонгольских медных монетах так называемого неправильного чекана. На них нет ни чингизидской, ни джучидской тамги, обязательной для всех ранних джучидских монет Волжской Болгарии. Мухамадиев привел и другие соображения, подтверждающие, по его мнению, тезис о чеканке этих монет до монгольского заво-

евания, в частности, упомянул о том обстоятельстве, что перечекалка штемпелем монет Менгу коснулась только медных монет. В последнее время А. З. Сингатуллина вновь рассмотрела этот вопрос и отнесла монеты с именем халифа Насира к середине 1240-х годов[19].

Монеты с именем халифа Насира представлены следующими типами*:

Серебряные:

1) Л. с. В круглой линейной рамке

الناصر
الد
بين الله امير
المؤمنين

Ан-Насир ад-Дин
Аллах. Правитель
правоверных.

О. с. В такой же рамке

الدينار
ضرب بو
الغار

Динар.
Чекан
Болгара (рис. 24, 1)[20]

Есть варианты в размещении строк и слов.

2) Л. с, как л. с. типа 1

О. с. В такой же рамке

الديناسا
عة فجعلها
طا عة

Жизнь есть час.
Употребляй ее на
дела благочестия (рис. 24, 2)[21]

3) Л. с, как л. с. типа 1

О. с. В круглой линейной рамке

الدينار الضر
ب امال بو
لغارى

Динар. Чекан казны
Болгарской
(рис. 24, 3)[22]

Медные:

4) Л. и о. с. такие же, как типа 2[23].

Обращает внимание написание имени халифа: Насир ад-Дин Аллах вместо Насир лид-Дин биллах. Хотя на монетах типа 2 нет имени Болгара, сходство по л. с. с монетами типов 1 и 3 позволяет относить их к чеканке этого города.

В Болгарах найдено довольно много монет халифа Насира, а в 1887 г. клад из 104 таких монет[24].

По весу эти монеты сильно различаются, но все же наибольшее их количество приходится на вес 1,9-2,4 г.[25]

Следующие выпуски монет в Болгаре, видимо, в 1250-х годах, были осуществлены от имени монгольского великого каана Менгу, чьими вассалами были джучидские ханы. Чеканились такие типы:

Серебряные:

5) Л.С. В круглой двойной точечной рамке квадратная точечная рамка с четырьмя виньетками по сторонам. Тамга, сверху منكو قا -Менгу Ка(ан), снизу الا عظم Верховный.

* Здесь и ниже описания типов даются без указания на варианты по размещению точек и звездочек и других декоративных элементов монетного поля.

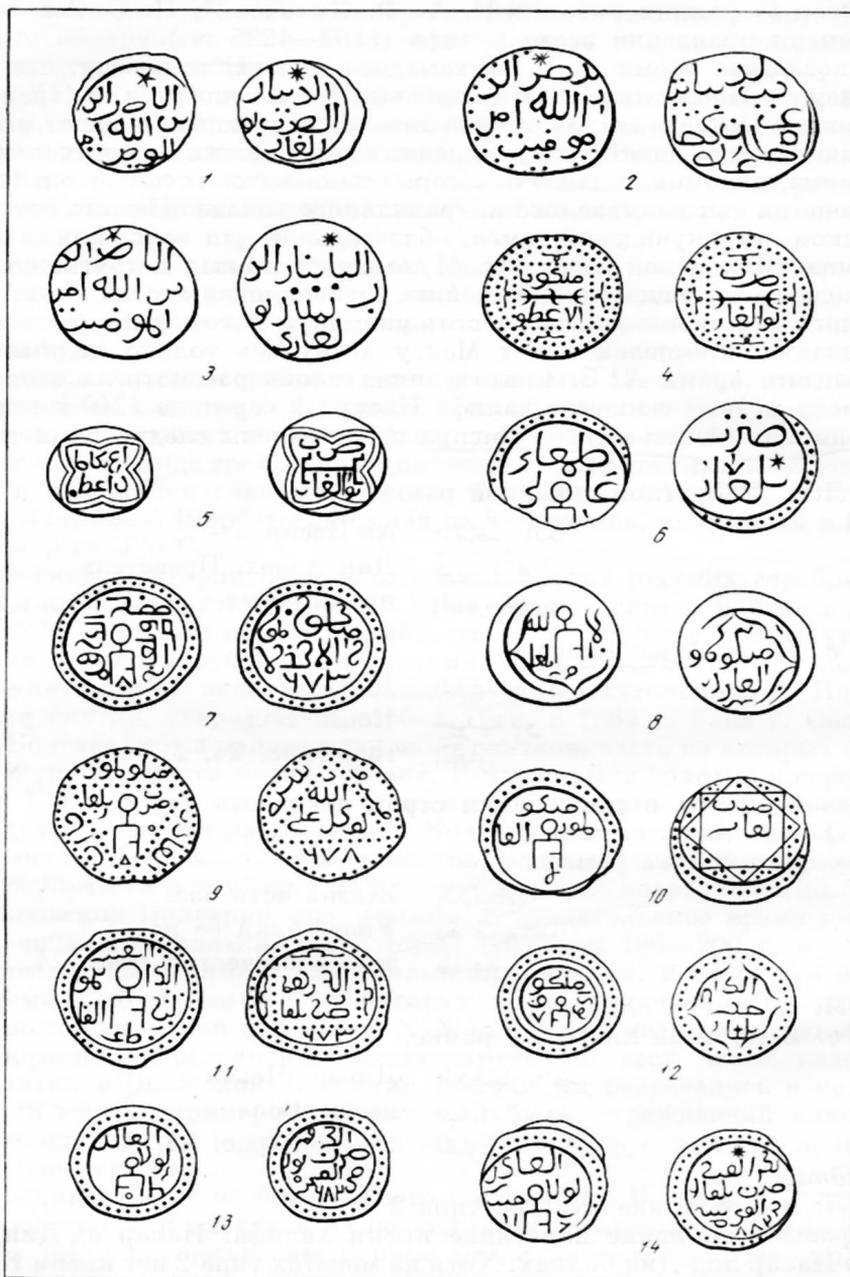

Рис. 24. Серебряные монеты Болгара XIII в.

1—3 — из Болгарского клада 1887 г.; 4—13 — реконструкции штемпелей (по С. А. Ляной); 14 — из находок на Болгарском городище; на всех рисунках монеты даны в масштабе $\frac{3}{4}$.

О: с. В такой же рамке. Тамга, сверху ضرب - Чекан, снизу بوالغار - Болгара (рис. 24, 4)[26].

Медные:

6) Л. С. И о. с. Такие же, как у типа 5[27]. Есть вариант[28] в написании слова «Болгар» (без «алифа»).

Многие из этих медных монет являются перечеканкой монет с именем халифа Насира, сохранившихся в обращении до выпуска новых монет в 1250-х годах с именем Менгу.

Мухамедиев обратил внимание на то, что медные монеты с именем Насира делятся на две группы – крупные, более тяжелые, и мелкие, более легкие. При этом почти только одни мелкие оказываются перечеканенными штемпелем с именем Менгу. Из этого Мухамедиев делает вывод о том, что крупные монеты были более ранними и к 1250-м годам уже вышли из обращения, а более легкие сохранились в денежном обращении до середины XIII в.[29].

В середине XIII в. Болгар играл роль экономического и политического центра Джучидов в Поволжье. В нем первом, как видим, начинается чеканка золотоордынских монет, значительно раньше, чем в Сарае, где первая монет была выбита в 1270-х годах.

После выпусков 1250-х годов в Болгаре была предпринята новая монетная эмиссия. Были отчеканены серебряные монеты от имени каана Ариг-Буги.

Серебряные:

7) Л. С. В круглой линейной рамке двойная рамка в виде шестилепестковой или четырехлепестковой розетки

ارغ بگا قا	Ариг-Буга
	Каан
ن اعظم	Верховный

О. с. В такой же рамке. Легенда, как на о. с. типов 5 и 6. Тамга другая (рис. 24, 5)[30] Есть вариант с другим размещением слова «каан».

Характерно, что в Волжской Болгарии не чеканят монет от имени каана Хубилая, захватившего каракорумский престол и вскоре перенесшего столицу монгольской империи в Китай. Против Хубилая боролся его брат Ариг-Буга, а джучидский хан Берке, правивший в то время в Золотой Орде, поддерживал его.

Вес серебряных монет с именем Менгу колеблется около 1,0—1,25 г, а с именем Ариг-Буги — около 0,4—0,6 г. Возможно, монеты Ариг-Буги были половинной фракцией монет с именем Менгу.

На городище древнего Болгара было найдено несколько кладов монет первой половины и середины XIII в.: в 1874, 1876, 1878 и 1887гг[31].

Серебряные монеты с именем Насира никогда не встречаются в кладах серебряных золотоордынских монет. Возможно, к 1250-м годам они сами исчезли из обращения полностью, или перед выпуском новых монет были специально изъяты из обращения. Медные монеты Насира были перечеканены новыми штемпелями.

Тот факт, что для чеканки медных монет с именем Менгу были использованы старые медные монеты с именем Насира, возможно, говорит о некотором дефиците на

медь в денежном деле Болгара середины XIII в. Мухамадиев считает, что именно этим объясняется следующий после монет Менгу чекан серебряных монет половинного веса с именем Ариг-Буги, предпринятый с целью насытить денежное обращение мелкой разменной монетой[32].

Монеты Менгу и Ариг-Буги встречаются в кладах вместе (например, в кладе у с. Никитино Карсунского уезда 1850 г.[33] и в Болгарском кладе 1874 г.). Следовательно, в конце 1250-х годов они обращались параллельно. В это время продолжалось еще обращение палочковидных слитков. Например, в кладе 1876 г. из Болгар было 14 серебряных палочковидных слитков и около 1 тыс. монет Ариг-Буги.

Серебряные монеты Менгу и Ариг-Буги исчезли из обращения в Болгаре перед выпуском следующих групп в 1260-х годах. С этими более поздними монетами, уже собственно джучидскими, монеты великих каанов, чеканенные в Болгаре, никогда в кладах не встречаются.

Монетные выпуски 1260-х годов — собственно золотоордынские. Они не имеют имени великого каана и несут джучидскую тамгу в виде двузубца с перекладиной. Первый выпуск монет с такой тамгой в Болгаре имеет указание, что это — «Главная тамга»:

Серебряные:

8) В круглой двойной точечной и линейной рамке

الطمغای عالی	Тамга Главная
-----------------	------------------

в середине второй строки тамга

О. с. В такой же рамке

ضروب بلغار	Чекан Болгара (рис. 24, б)[34]
---------------	-----------------------------------

Веса этих монет распределяются таким образом, что максимум приходится на значения 1,2-1,27 г. Возможно, нормативный вес был несколько выше, так как часть серебра утрачена у каждой монеты вследствие ее стертости. Есть легкий (видимо, половинный по весу) вариант[35]. По сравнению с предшествующей эмиссией монет с именами Менгу и Ариг-Буги у этих денег нормативный вес был несколько повышен.

Первым джучидским ханом, который стал помещать свое имя на монетах, в том числе и болгарского чекана, был Менгу-Тимур. Его монеты с обозначением Болгарского монетного двора, выпущенные в 1270-х годах, красивы и аккуратны, в отличие от более поздних, да и более ранних монет Болгара.

Серебряные:

9) Л. с. В круглой двойной точечной и линейной рамке. Тамга, вокруг

هذا // الدرهم // ضرب في بلغار — Этот//дирхем//чеканен в Болгаре

О. с. В такой же рамке

منکو تیمور الا عظم ٦٧٢	Менгу-Тимур Высочайший 672[36]
------------------------------	--------------------------------------

Рис. 25. Серебряные монеты Болгария XIII в.

1 — из находок на Болгарском городище;
2 — реконструкция штемпеля

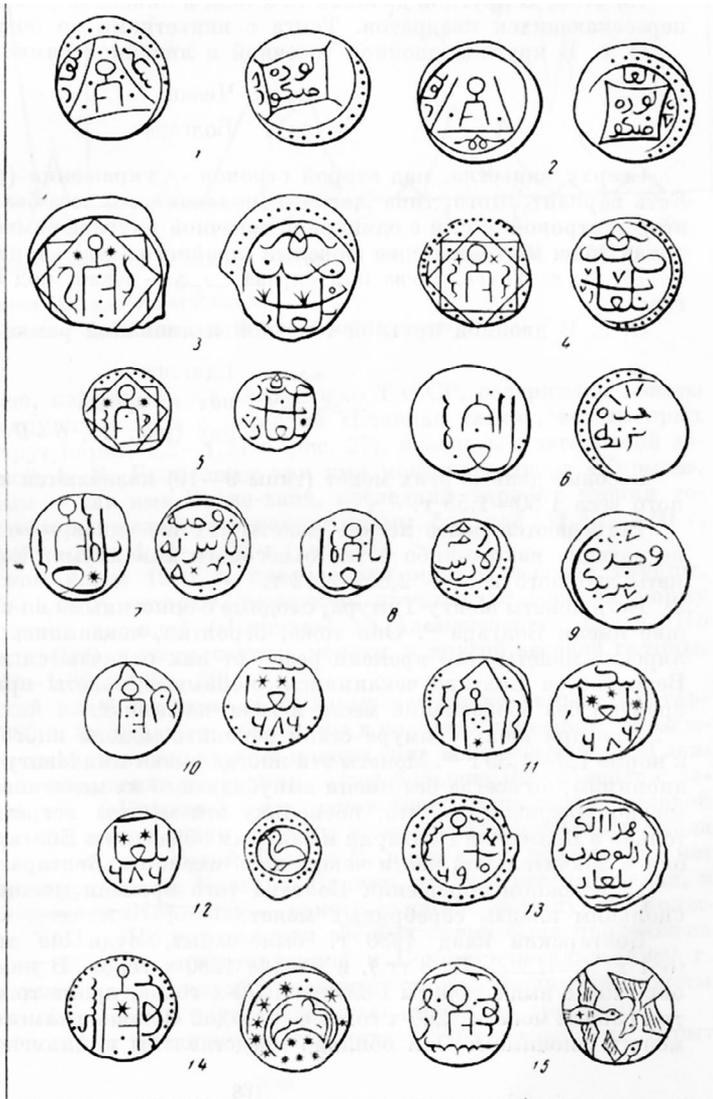
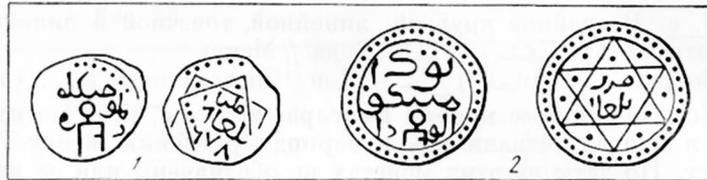

Рис. 26. Серебряные монеты Болгария XIII в.

Из находок на Болгарском городище и из коллекции ГИМ

Монеты 672 г. х. (1273—1274 гг.) этого типа редки, более часто встречаются монеты с датой 673 (1274—1275 гг.) (рис. 24, 7)[37].

10) Л. с. В круглой линейной рамке рамка из четырех дуг. Тамга, вокруг

حمد // لله // دلغار — Хвала // богу // Болгар

О. с. В такой же рамке

منكو تيمور Менгу-Тимур
العادل Справедливый (рис. 24, 8)[38]

Монеты этого типа, но без обозначения Болгара чеканились в 675, 678, 680, 681 гг. х.[39]

11) Л. с. В круглой точечной рамке треугольная точечная рамка. Тамга и легенда

ضرب بلغار — Чекан Болгара

Вокруг منكو تيمور // قان // العادل — Менгу // каан // Справедливый

О. с. В такой же рамке توكل على الله — Уповая на бога

Вокруг معبره // سنة // ٦٧٨ — Богохрани//мый//678 (1279—1280 гг.) (рис. 24, 5)[40]

Найдена монета этого типа с датой, написанной искаженно: 786. Имеются варианты на л. и о. с. в расположении боковых легенд относительно центральных. Есть легкие варианты монет этого типа (0,98 г)[41].

Интересно, что на монетах типа 11 титул каан, уместный на монетах великих каанов Менгу и Ариг-Буги, придан имени хана. Менгу-Тимур поместил свое имя на монетах вместе с титулом, ему не принадлежавшим как хану, тем самым заявив о значительных своих претензиях быть полноправным и суверенным правителем в системе монгольских государств.

Серебряные:

12) Л. с. В двойной круглой точечной и линейной рамке. Тамга вокруг

منكو تيمور // العادل // خان — Менгу- // Тимур Справедливый//хан

О. с. В круглой точечной рамке рамка из двух пересекающихся квадратов. Вокруг точки

ضرب Чекан
بلغار Болгара
٦٧٨ 678 (1279—1280 гг.) (рис. 24, 10)[42]

Есть вариант рамки л. с. (рис. 25, 1).

При Менгу-Тимуре чеканили в Болгаре и анонимные монеты.

Серебряные:

13) Л. с. В круглой тройной линейной, точечной и линейной рамке. Тамга, вокруг

العز // الدايم // الرب // القايم — Слава//вечная// Господь// вечный

О. с. В такой же рамке прямоугольная точечная рамка с четырьмя виньетками

الدرهم Дирхем
ضرب بلغار чеканки Болгара

Под рамкой ٦٧٢ 672 (1273—1274 гг.).

Есть монеты этого типа с датой 673 (1274—1275 гг.) (рис. 24, 11) [43]. Имеется монета с л. с. как л. с. типа 13, и с о. с. как о. с. типа 9[44].

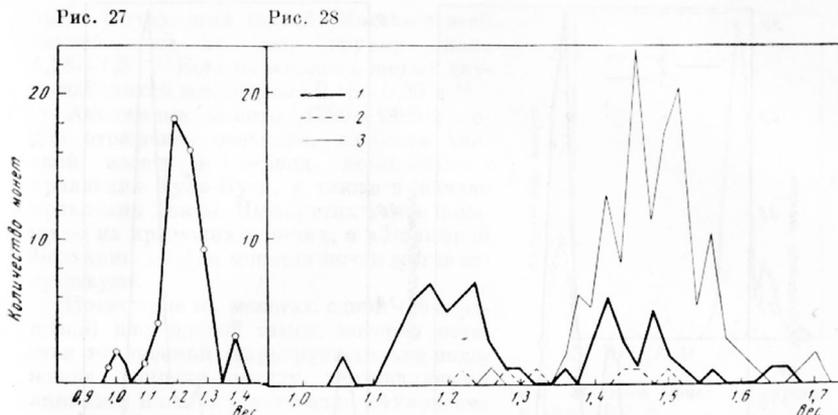

Рис. 27. Веса монет с легендой «Главная тамга» (по материалам ГИМ и ГМТР)

Рис. 28. Веса монет Альменевского клада

1 — чеканка Болгара; 2 — чеканка Билыра; 3 — чеканка «Кирмана» (?)

Монеты хана Туда-Менгу представлены следующими типами:

Серебряные:

14) Л. с. В круглой линейной, точечной и двойной линейной рамке. Тамга, вокруг

تودا // منگو // خان - Туда- // Менгу // хан

О. с. В круглой двойной линейной и точечной рамке из четырех ДУГ

الدرهم	Дирхем
ضرب	чеканки
بلغار	Болгара (рис. 24, 12)[45]

Есть легкие монеты этого типа (0,28; 0,87 г)[46].

15) Л. с. В двойной круглой точечной и линейной рамке

تودا	Туда-
منگو	Менгу
العادل	Справедливый

В середине третьей строки тамга.

О. с. В двойной круглой точечной и линейной рамке рамка в виде шестиугольной звезды с точками

ضرب	Чекан
بلغار	Болгара (рис. 25, 2)[47]

16) Л. с. В круглой тройной линейной, точечной и линейной рамке. Тамга, вокруг
العادل // تودا // منكم // خان - Справедливый // Туда-Менгу // хан

О. с. В такой же рамке

الدرهم	Дирхем
ضرب بلغار	Чекан Болгара
في المحرو (سة) ٨٨٢	Богохранимого в 682 (1283-1284 г.) рис. 24, 13)[48]

Есть вариант монеты этого типа с датой 882 (рис. 24, 14).

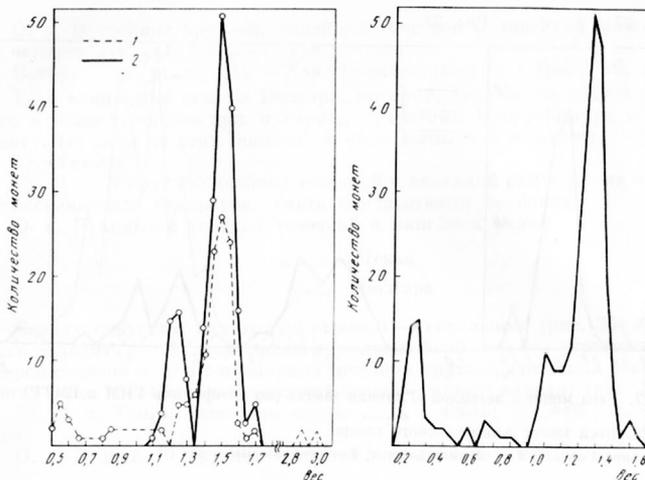

Рис. 29. Веса монет Болгарского 1980 г. и Альменевского кладов

1 — Болгарский клад 1980 г.; 2 — Альменевский клад

Рис. 30. Веса монет Волжской Болгарии 1280-х годов (по коллекции ГИМ)

17) Л. с. В круглой двойной точечной и линейной рамке рамка из трех дуг. Тамга среди точек, вокруг $\text{منجو و سده} // ٦٧٨$ - Монета//Болгара и виньетка

О. с. В тройной круглой, линейной, точечной и линейной рамке рамка из четырех дуг $\text{نوده} // \text{منكو}$ - Туда- // Менгу

Вокруг $\text{خان} // \text{العادل}$ - Хан // Справедливый // ... (рис. 26, 1, 2)[49]

Есть анонимные монеты Болгара, которые, судя по их весу и находкам в кладах, чеканились в период правления Менгу-Тимура и Туда-Менгу. Но даты на этих монетах не обозначены или не видны.

Серебряные:

18) Л. с. В круглой двойной точечной и линейной рамке рамка из двух пересекающихся квадратов. Тамга с виньетками по бокам

О. с. В круглой двойной точечной и линейной рамке

ضرب Чекан
 بلغار Болгара

Сверху виньетка, над второй строкой — украшения (рис. 26, 3, 4)[50]. Есть вариант этого типа легкого (половинного) веса без украшений над второй строкой о. с. и с одинарной точечной круглой рамкой на обеих сторонах (рис. 26, 5), а также тяжелый (двойного веса) вариант (рис. 26, 3)[51]

19) Л. с. Тамга, слева или справа ضرب - чекан; под ней بلغار - Болгара

О. с. В двойной круглой точечной и линейной рамке

وحده Единого
 لا شريك нет товарища
 له ему (рис. 26, 6—9)[52]

Весовые данные этих монет (типы 9—19) колеблются около нормативного веса 1,50—1,55 г.

Встречаются более легкие монеты тех же типов — от 0,98 г и ниже, не дающие какого-либо четкого весового максимума. Есть тяжелые монеты двойного веса — 2,85—3,12 г.

Есть монеты Менгу-Тимура, сходные с описанными по весу, но не имеющие имени Болгара[53]. Они тоже, вероятно, чеканились в Болгаре. Билярские монеты того времени резко от них отличаются и все анонимны. Вероятно, в Болгаре чеканились анонимные монеты примерно того же времени без обозначения места и года чеканки[54].

Уже при Менгу-Тимуре стали чеканить монеты иного веса, близкого к норме 1,3—1,39 г[55]. Монеты эти иногда имеют имя Менгу-Тимура, иногда анонимны, но всегда без имени выпускавшего их монетного двора. Однако можно предполагать, что, поскольку эти монеты встречаются исключительно в Волжской Болгарии и главным образом на Болгарском городище, они в значительной части чеканились именно в Болгаре.

О денежном обращении Болгара того времени можно судить по нескольким кладам серебряных монет.

Болгарский клад 1980 г. был зарыт, судя по младшей монете (681 г. х.=1282—1283 гг.), в начале 1280-х годов. В нем есть почти все описанные выше монеты Болгара 1270-х годов, кроме того, присутствуют три ранние монеты 1260-х годов с легендой «Главная тамга». Эти последние монеты анонимны. Они обильно представлены в Альменьевском кладе[56].

В этом кладе, найденном у с. Альменево ТАССР, содержатся монеты двух весовых групп: монеты с легендой «Главная тамга», вес которых колеблется вокруг нормы 1,2—1,27 г (рис. 27), и монеты с загадочной легендой (читаемой А. Б. Булатовым как имя монетного двора «Кирман», а Мухамадиевым — как имя Берке-хана, последний вариант чтения сомнителен), вес которых колеблется вокруг нормы, близкой к 1,45—1,60 г, давая максимум на весе 1,45—1,55 г (рис. 28).

В Болгарском кладе 1980 г. преобладают монеты весовой группы, близкой к 1,4—1,56 г, которые, возможно, продолжают весовую норму монет с загадочной легендой («Кирман») из Альменьевского клада. Но в том же кладе 1980 г. встречаются монеты и другой весовой группы, близкой к 1,30—1,39 г (рис. 29).

Альменьевский клад, вероятно, был зарыт несколько раньше Болгарского клада 1980 г. Он отражает тот период в развитии денежного обращения, когда господствовали анонимные монеты типа монет с легендой «Главная тамга», но в обращение поступили также большие массы монет с загадочной надписью («Кирман»), ознаменовавшие повышение весовой нормы. Эти монеты вскоре ушли в клады и, кроме Альменьевского клада и одной монеты, опубликованной Френом[57], нигде пока неиз-

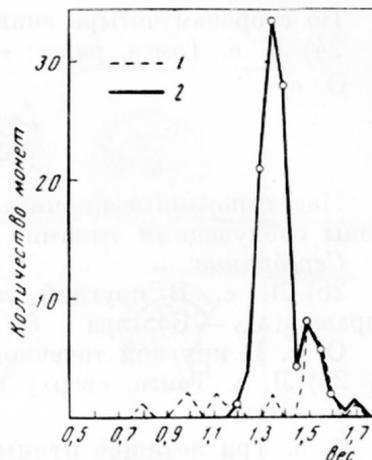

Рис. 31. Веса монет Болгарских кладов 1967 г.

1 — клад I; 2 — клад II

вестны, нет их пока и в культурном слое Болгара. Видимо, это был местный чекан, и он не вышел за пределы «Кирмана» — какого-то населенного пункта Волжской Болгарии XIII в. Но начатая ими весовая норма была продолжена в чеканке Менгу-Тимура, представленной в Болгарском кладе 1980 г. К моменту зарытия этого клада указанные старые анонимные монеты с легендой «Главная тамга» почти полностью вышли из обращения.

Несколько позднее, очевидно, в середине 1280-х годов, был зарыт Болгарский I клад 1967 г.[58] Он содержал мало монет Менгу-Тимура и анонимной чеканки 1270-х годов. Около 70 % монет этого клада составляли серебряные анэпиграфные монеты с изображением двух луков и тамги — на л. с. и птицы — на о. с.[59] Их весовая норма колеблется в пределах 1,50—1,58 г (см. рис. 31). Очевидно, в денежном деле и обращении Болгара того времени начинают преобладать анонимные и анэпиграфные монеты с тамгой. Такие монеты часто находят в культурном слое Болгара[60]. Тогда же, вероятно, зарыт был и Болгарский клад 1887 г., от которого сохранились только три монеты типа 18, все двойного веса — 2,90—2,99 г[61].

Болгарский II клад 1967 г. был сокрыт в конце 1280-х или в 1290-х годах. Он показывает полную смену монет в денежном обращении после момента сокрытия Болгарского I клада 1967 г. Все его монеты анонимны и не имеют обозначения места и года чекана[62]. Их вес колеблется около 1,28—1,39 г (рис. 30; 31). Многочисленные монеты из Волжской Болгарии, не имеющие ни имен ханов, ни выпускных данных, очевидно, чеканились именно в это время и, вероятнее всего, в Болгаре[63]. Чекан этих монет в Волжской Болгарии не вызывает никакого сомнения — почти все они найдены в пределах Волжской Болгарии и большая часть — в Болгаре. Вероятно, к 1290-м годам относится зарытие Болгарского клада 1889 г., от которого сохранились только три серебряные монеты[64], в том числе с трехногой тамгой. Монеты с этой тамгой дают по весу группу около 1,28—1,39 г. Есть маленькие монеты с двуногой тамгой весом около 0,18—0,30 г[65].

Анонимные монеты 1280—1290-х годов отражают, очевидно, слабость ханской власти в период номинального правления Тула-Буги, а также в начале правления Токты. Имена этих ханов помещают на крымских монетах, а в Волжской Болгарии они на монетах почти всегда отсутствуют.

Помещение на монетах одной (общеродовой) джучидской тамги, которая остается неизменной (варьирует только положение палочки между вертикальными линиями) и имеет только одно отклонение от двузубой формы (тамга в виде трезубца), очевидно, является следствием того распространенного в ранний период истории монгольских государств представления, что завоеванные территории и улусы — общеродовое достояние рода завоевателя. К числу анонимных монет болгарского чекана последних двух десятилетий XIII в. можно отнести следующие типы:

Серебряные:

20) Л. с. В круглой линейной рамке. Тамга, вокруг сложные завитки

О.с.

سكة

Монета

بلغار

Болгара

٦٨٦

686(1287—1288г.)(рис. 26, 10,11)[66]

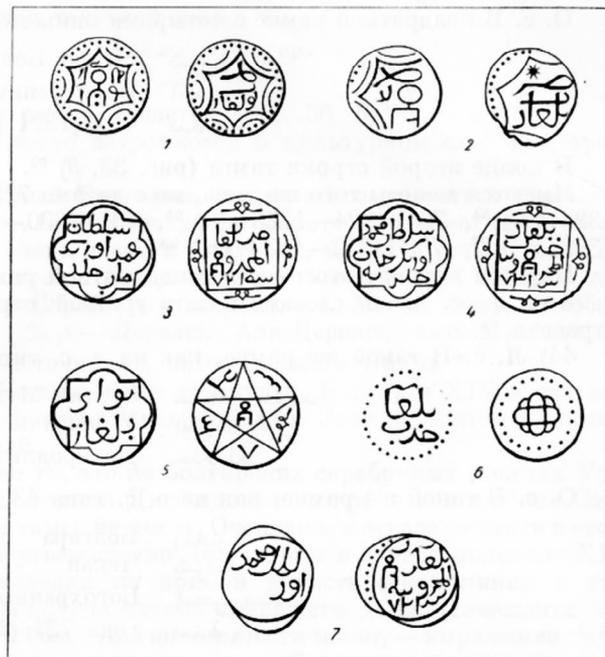

Рис. 32. Серебряные монеты Болгара XIII в.

1, 6, 7, 15 — реконструкции штемпелей (по С. А. Яниной); 2—5, 8—14 — из находок на Болгарском городище и из коллекций ГИМ и ГЭ

Рис. 33. Серебряные и медные монеты Болгара XIII (1, 2) и XIV (3—7) вв.

1, 3—6 — реконструкции штемпелей;
2, 7 — из находок на Болгарском городище;
1—4, 7 — серебряные;
5, 6 — медные

21) Л. с.

بملك Болгар
لله 686 (1287—1288 гг.)

О. с. В двойной круглой точечной и линейной рамке птица, идущая влево (рис. 26, 12) [67].

22) Л. с. В круглой точечной рамке. Тамга, справа ضرب - чекан, слева بلغار - Болгара, внизу ٦٩٢ - 692 (1292—1293 гг.) или ٦٩٣ - 693 (1293—1294 гг.)

О. с.

بملك Власть
لله богу[68]

23) Л. с. В круглой двойной рамке. Тамга, вокруг неясная легенда, возможно في سنة - в году. Внизу ٦٩٥ - 695 (1295—1296 гг.)

О. с. В круглой и линейной рамке

هذا الدرهم Этот дирхем
هم ضرب чеканки
بلغار Болгара

По сторонам четыре виньетки (рис. 26, 13) [69].

24) Л. С. Тамга, рядом ٦٩٥ سنة - год 695 (1295-1296 гг.)

О.с.

هذا الدرهم Этот дирхем
ضرب بلغار чеканки Болгара[70].

Недатированные анонимные монеты, видимо этого времени, представлены следующими типами:

Серебряные:

25) Л. с. В круглой точечной рамке. Тамга, слева سكة - монета, , справа بلغار Болгара

О. с. В круглой точечной рамке. Полумесяц и звезды (рис. 26,14)[71]

26) Л. с. Тамга, сверху и снизу виньетки, слева ضرب - чекан, справа بلغار - Болгара

О. с. Три летящие птицы (рис. 26, 15)[72]

27) Л. с. Тамга, справа ضرب - чекан, слева بلغار - Болгара

О. с. Летящая вправо и влево птица (рис. 32, 1)[73]

28) Л. с. В круглой тройной линейной, точечной и линейной рамке маленький кружок. В нем тамга и точки. Вокруг искаженная нечитаемая надпись.

О. с. В круглой тройной линейной, точечной и линейной рамке прямоугольная точечная рамка

سكة Монета
بلغار Болгара

По бокам четыре виньетки (рис. 32, 2, 3)[74]

Есть вариант без виньеток на о. с.

29) Л. и о. с. такие же, как у типа 28, но тамга трехногая (рис. 32, 4, 5)[75]

30) Л. с. В круглой двойной линейной и точечной рамке. Тамга, слева ضرب - чекан, справа بلغار - Болгара, вокруг виньетки.

О. с. В такой же рамке Цветочный орнамент (рис. 32, 6)[76]

31) Л. с. В круглой точечной и двойной линейной рамке. Тамга

О. с. В круглой точечной рамке квадратная линейная рамка. بلغار - Болгар.

По бокам четыре виньетки (рис. 32, 7)[77]

Имеется вариант этого типа с четверной точечной, линейной, точечной и линейной рамкой на л. с.[78]

32) Л. с. В рамке в виде шестиугольной звезды. Тамга

О. с.

ضرب Чекан
بلغار Болгара[79]

33) Л. с. В круглой линейной рамке. Тамга, под ней виньетка, по бокам побеги

О. с. В круглой линейной рамке

ضرب Чекан
بلغار Болгара
۷۲۸ 728 (рис.32, 8)[80].

Возможно, это обозначение 678 г. х.. но точно сказать нельзя.

34) Л. с. В круглой двойной точечной линейной рамке. Тамга, справа ضرب - чекан, بلغار - Болгар. Внизу, возможно, дата – 692.

О. с. В такой же рамке

الملك Власть
لله богу (рис. 32, 9) [81].

35) Л. с. В круглой двойной точечной и линейной рамке зигзагообразная рамка. Тамга и точки

О. с. В круглой двойной точечной и линейной рамке рамка из шести вогнутых дуг. В ней в окружении точек بلغار - Болгар (рис. 32, 10)[82]

36) Л. с. В точечной круглой рамке. Тамга, слева и справа ضرب - чекан, справа и слева بلغار - Болгара, внизу виньетка

О. с. В точечной круглой рамке морда зверя (рис. 32, 11)[83]

37) Л. с. В центре тамга, вокруг четыре картуша. В одном читается العادل - Справедливый

О. с. В круглой линейной рамке сложная рамка из четырех скобок

ضرب Чекан
بلغار Болгара (рис. 32, 12)[84]

38) Л. и о. с, как у типа 37, но тамга трехногая (рис. 32, 13)[85]

39) Л. с. В круглой линейной рамке. Тамга, справа بلغار - Болгара

О. с. В круглой линейной рамке. Сидящий заяц среди точек (рис. 32, 14)[86]

Интересны болгарские монеты, чеканенные в самом конце XIII в., на которых имеется имя Насир лид-Дина Аллаха. В отличие от ранних монет с именем Насира, эти все имеют джучидскую тамгу и не имеют халифского титула «Повелитель правверных».

Серебряные:

40) Л. с. В двойной точечной и линейной рамке

الناصر Ан-Насир
لدين лид-Дин
الله Аллах

По сторонам четыре виньетки

О. с. В точечной квадратной рамке с тремя виньетками по сторонам

الدرهم Дирхем
ضرب чеканки
بلغار Болгара

В середине первой строки тамга. Под рамкой ٦٩٢ - 692 (1292—1293 гг.) (рис. 32, 15)[87].

41) Л. с. В круглой точечной рамке рамка из шести вогнутых внутрь двойных дуг. Тамга, вокруг

الناصر Ан-Насир
لدين лид-Дин
الله Аллах

О. с. В такой же рамке

ضرب Чекан
بولغار Болгара (рис. 33, 1)[88]

Имеются варианты в написании слова «Болгар» (с «алифом» перед «лям») и слова «чекан» (с лигатурой «лям» — «алиф», обозначающей, видимо, артикль), а также варианты рамки (в виде шестиконечной звезды или одинарных шести дужек) (рис. 33, 2)[89].

Медные:

42) Л. и о. с, как у типа 41. В рамках из двойных линий[90]

Вряд ли здесь анахронистическое помещение на монетах имени давно умершего халифа. Высказывались предположения, что это мусульманское имя хана Токты. Но у Токты, судя по монетам, было имя Гияс ад-Дин. Известны сходные монеты с именем Насир лид-Дина, чеканенные в то же время в Сарае[91].

Болгарские монеты еще чеканились до 1330-х годов:

Серебряные:

43) Л. с. В квадратной линейной рамке с четырьмя дужками

سلطان	Султан
محمد اوزبك	Мухаммед Узбек
خان خلد	хан. Да продлится...

О. с. В квадратной рамке с четырьмя виньетками по сторона

ضرب بلغار	Чекан Болгара
امحور و	Богохранимого
سنة ٧٢١	721 (1321 г.)

В конце второй строки тамга (рис. 33, 3)[92].

Имеются монеты того же типа, но с датами 722 (1322 г.)[93], 723 (1323— 1324 гг.) [94], 724 (1324—1325 гг.)[95], 731 (1330—1331 гг.)[96], 732 (1331 — 1332 гг.)[97], 733 (1332—1333 гг.)[98].

Имеется вариант этого типа с квадратной рамкой и четырьмя виньетками на л. с. и со словами в третьей строке о. с. в третьей строке л. с.

44) Л. с. В такой же рамке, как на л. с. типа 43

سلطان محمد	Султан Мухаммед
اوزبك خان	Узбек хан
خلد له	Да продлится. .. его

О. с. В такой же рамке, как на о. с. типа 43

بلغار	Болгара
ضرب	Чекан
امحور و سنة	Богохранимого года
سنة ٧٢١	721 (1321 г.)

В середине третьей строки тамга.

Имеются монеты этого типа с датой 731 (1330—1331 гг.) (рис. 33, 4)[99].

45) Л. с. В круглой линейной рамке

سلطان محمد	Султан Мухаммед
... اوز.	Узбек.. .

О. с. В двойной круглой точечной и линейной рамке легенда такая же, как на о. с. типов 43, 44, с другим расположением слов в строках. Дата 721 (1321 г.) (рис. 33, 7)[100]

46) Л. с.

سلطان	Султан
محمد اوزبك خان	Мухаммед Узбек хан
خلد الله ملكه	Да продлит Аллах правление его

О. с. такая же, как о. с. типа 43. Дата 732 (1331—1332 гг.)[101]

Медные:

47) Л. с. В квадратной линейной рамке с четырьмя дужками

پولى Пул
بلغار Болгара

О. с. В рамке в виде пятиугольной звезды. Тамга, вокруг ۱۶//۳//۷ سنة 7//3//4 (1333—1334 гг.), и виньетка (рис. 33, 5)[102]

Есть вариант этого типа с переменной слов: на о. с. Болгара // пул[103]. Это массовый тип. Такие монеты очень часто встречаются в культурном слое Болгарского городища.

48) Л. с. В круглой точечной рамке

بلغار Болгара
چەكەن чекан

О. с. В такой же рамке. Решетка (рис. 36, б)[104]. Эти монеты тоже часто встречаются в культурном слое Болгарского городища.

Вероятно, в Волжской Болгарии, скорее всего в Болгаре, чеканились монеты с именем «Али». Янина читала на обороте этих монет место чеканки «Сарай». Эти монеты очень часты в Болгарах, но в Нижнем Поволжье ни разу не найдены, что делает предположение о чеканке их в Сарае, а следовательно, и чтение «Сарай», маловероятным. Может быть, на обороте этих монет читается درویش Дервиш. Али-Дервиш, сын Ильбака, известен по письменным источникам, на что указала Янина[105].

Оформление серебряных монет устойчиво. Болгар в XIV в. все время на монетах получает эпитет «Богохранимый». Этот же эпитет имел на монете 722 г. х. и Сарай.

Обращает внимание то, что на болгарских серебряных монетах Узбека продолжает помещаться тамга Джучидов, в то время как в обоих Сараях столичная монета этой тамги не имеет. Очевидно, в отказе от тамги в столичном чекане сказались утверждение Джучидами в первой половине XIV в. принципа престолонаследия по прямой династической линии в ущерб притязаниям и правам других членов правящего дома. Помещение общеджучидской тамги, тем более при анонимности монет, — выражение другого принципа престолонаследия, при котором Джучидский улус рассматривался как достояние всего ханского рода.

Хотя в Болгаре и чеканили в первой трети XIV в. монету, в денежном обращении города господствовали монеты Сарая, а потом Нового Сарая и Гюлистана, т. е. выпуск обильно чеканивших монеты нижеволжских городов. Этот неизменный по весу чекан начался после реформы 1310—1311 гг. и, естественно, вытеснил провинциальные монеты из сферы обращения серебра.

Денежное обращение Болгара 1350—1360-х годов хорошо показывают клады серебряных монет[106]. Распределение монет в этих кладах по времени и месту чеканки показано в табл. 1 и 2.

Таблицы показывают постепенную смену старых монет в обращении Болгара новыми, которые поступали главным образом из городов Нижнего Поволжья. Если до конца 50-х—начала 60-х годов XIV в. в обращении города Болгара было еще довольно много его собственных серебряных монет, то позднее они совсем исчезли, и появилась заметная примесь азакских монет, которые начали чеканиться с 1360-х

годов. Основное количество монет в обращении составляли монеты Джанибека, а затем монеты ханов 1360-х годов, т. е. периода смуты. В 1360-х годах состав обращения серебра в Болгаре ничем не отличается от состава денежного обращения в Нижнем Поволжье и в соседних мордовских землях.

Кроме того, клады серебряных монет показывают неизменность в весе (Мухамадиев считает, что было некоторое повышение веса) обращавшихся серебряных монет. Так, например, клады 1965 г. (младшая монета 750 г. х. (1349—1350 гг.)) и 1966 г. (младшая монета 761—762 г. х. (1359—1361 гг.)) дают преобладание для чекана Узбека монет с весом 1,48-1,56 г, для чекана Джанибека – с весом 1,50-1,58 г. Клад 1947 г. (младшая монета 764 г. х. (1362-1363 гг.)) дает преобладание монет с весом 1,48 – 1,57 г. Клад 1947 г. (младшая монета 766 г. х. (1364-1365 гг.)) – монет с весом 1,51 -1,55 г. Вероятно, нормативный вес дирхема и до 70-х годов XIV в. был близок к величине 1,56 г, составляя по весу два даника по 0,78 г [107].

Таблица 1

Распределение в кладах монет 1250-1360-х годов по времени чеканки

Год находки	Младшая монета	Количество монет	Доля монет (%)			
			Токта	Узбек	Джанибек	Ханы 1357-1368 гг.
1965	1349-1350 гг.	231	6,5	80,9	12,6	-
1961	1368-1359 гг.	378	11,8	52,7	35,0	0,5
1966	1359-1361 гг.	379	12,7	51,7	35,1	0,5
1966	1360-1361 гг.	20	5,0	35,0	55,0	5,0
1903	1360-1361 гг.	663	0,5	14,0	57,4	28,1
1870-е	1361-1362 гг.	40	5,0	10,0	50,0	35,0
1874	1362-1363 гг.	24	-	29,2	25,0	45,8
1947	1362-1363 гг.	15	-	-	20,0	80,0
1876	1362-1363 гг.	1376	2,7	12,7	52,0	32,6
1947	1364-1365 гг.	54	-	3,7	38,9	57,4
1907	1365-1366 гг.	670	0,4	5,4	34,8	59,4

Таблица 2

Распределение в кладах монет 1350-1360-х годов по месту чеканки

Год находки	Младшая монета	Количество монет	Доля монет по городам чеканки (%)							
			Сарай	Сарай ап-Джедид	Гюлистан	Азак	Средняя Азия, Иран, Кавказ	Мохша	Болгар	подражания
1965	1349-1350 гг.	232	26,7	12,6	-	-	0,4	0,4	59,9	-

Очерки истории и культуры

1961	1358-1359 гг.	378	41,0	34,5	0,8	-	0,3	0,3	23,1	-
1966	1359-1361 гг.	374	39,8	32,1	2,4	-	0,3	0,3	25,1	-
1966	1360-1361 гг.	20	40,0	60,0	-	-	-	-	-	-
1870-е	1361-1362 гг.	40	15,0	47,5	27,5	-	-	-	-	-
1874	1362-1363 гг.	24	29,2	29,2	41,6	-	-	-	-	-
1947	1362-1363 гг.	15	-	40,0	60,0	-	-	-	-	-
1876	1362-1363 гг.	1377	15,9	48,8	33,8	1,3	0,1	-	-	0,1
1947	1364-1365 гг.	54	3,7	38,9	55,5	1,9	-	-	-	-

Медные монеты XIV в., найденные на территории Болгара и его окрестностях (вместе с Ага-Базаром), распределяются по месту чеканки следующим образом[108]:

	%
Сарай	16,9
Сарай ал-Джедид	47,2
Гюлистан	13,9
Средняя Азия	0,4
Болгар	8,9
Азак	0,1
Орда	0,4
Крым	0,8
Барджин	0,2
Мохша	0,1
Хаджи-Тархан	0,1
С надчеканкой	11,0

Большая доля медных монет Болгара, по вычислениям Б. Б. Жиромского, получается потому, что он включает монеты и XIII в., почти все болгарского чекана[109].

В обращении медных монет в Болгаре доля местных (болгарских) монет значительно меньше, чем доля местных монет в медном обращении Наровчата (Мохша). В Наровчате доля монет, чеканенных в Мохше, составляет 83,7%[110]. В Болгарах больше монет Сарая, Нового Сарая и Гюлистана. Таким образом, денежное обращение Болгара в области медных монет снабжалось за счет притока монеты из района Нижнего Поволжья. Но все же 8,9 % монет приходится на болгарский чекан 1320—1330 гг. Это составляет некоторую специфику обращения медных монет в Болгаре в XIV в., которая отличает его от нижневолжских городов.

Мухамадиев на основании текстов древнетатарской литературы XIII— XIV вв. установил, что в Волжской Болгарии имелись следующие денежные наименования: «Мал» — в значении скот, деньги вообще, казна, имущество. «Ярмак» (буквально «рубленный») означал в золотоордынское время, видимо, серебряную монету, дир-

хем; термин «дирхем» есть только на золотоордынских монетах XIII в., чеканенных в Волжской Болгарии. «Алтын» (буквально золото) означал счетную единицу, вероятно счетный динар, который, судя по сообщениям источников, равнялся в XIV в. шести дирхемам, так же как в Средней Азии и Иране в это время. Термин «динар», который мы находим на монетах с именем халифа Насира, означал, видимо, обобщенное понятие «деньги». «Пул» означал медную монету. Встречается на медных монетах XIV в., в том числе и на монетах болгарского чекана[111].

«Сом» означал слиток серебра и крупную счетную единицу, равную, как сообщают источники, 20 динарам[112].

Кроме собственно золотоордынских монет, на Болгарском городище встречается некоторое количество золотых монет патанских султанов Дели. Эти монеты обращались на территории Золотой Орды[113].

На Болгарском городище была найдена медная монета императоров Андроника II и Михаила IX Палеологов (1294—1340 г.)[114].

Есть, но очень мало, русских — суздальско-нижегородских и рязанских монет конца XIV в., а также иранских — Хулагуидов и Джалаиридов[115].

Найдена также серебряная монета Василия II Темного, чеканенная в Нижегородском княжестве в середине XV в.[116].

Таким образом, в денежном обращении Болгара до 1370-х годов, как и в Золотой Орде вообще, господствовали серебряные дирхемы (ярмаки) и медные пулы, и те и другие главным образом столичной нижеволжской чеканки. В денежном обращении Болгара действовали те же закономерности, которые управляли денежным обращением и денежным делом Золотой Орды.

Клады серебряных монет показывают длительное сохранение в обращении дирхемов. Неизменный по весу и пробе (или, как считает Мухамадиев немного увеличившийся в весе при Узбеке и затем при Джанибеке), с очень узким ремедиумом, серебряный столичный дирхем удерживался в обращении в течение всего периода между реформами 1310—1311 г. и 1380-х годов. Старые монеты, снашиваясь, выходили из обращения, постепенно заменяясь новыми того же достоинства, не было заметных скачков и разрывов денежного обращения, что обычно наблюдается в моменты денежных реформ. Так, клады монет, зарытые в 1360-х годах, демонстрируют нам длительное бытование серебряных монет чеканки еще ханов Токты и Узбека. Иначе обстояло дело с чеканкой и обращением медных монет-пулов. Их чеканили, во-первых, не соблюдая какую-либо строго определенную весовую норму, с очень широким ремедиумом, вследствие чего веса пулов одного выпуска сильно колеблются вокруг среднего веса. Во-вторых, с 1310 по 1380 г. средние веса пулов отдельных выпусков изменялись, имея тенденцию в медных эмиссиях Сарая, Сарая ал-Джедид и Гюлистана к повышению. Так, например, сравнительно легкие пулы 1330 г. сменились более тяжелыми в среднем пулами 1340-х годов (с изображением двуглавого орла), которые в 1350-х годах сменились еще более тяжелыми в среднем пулами (с изображением цветка-розетки), а им пришли на смену еще более тяжелые пулы Хызра и еще более тяжелые пулы второй половины 1360-х годов.

Что касается обращения пулов, то мы можем заметить следующее. В отличие от кладов серебряных монет (в которых длительно сохраняются старые монеты), в комплексах найденных вместе медных монет имеются только пулы одного или смежных выпусков, т. е. содержатся медные монеты с узким хронологическим диапазоном дат их выпуска.

Сравнение состава монетных находок таких городищ, как Царевское (Сарай), Селитренное (Новый Сарай), Водянское (Белджамен?), Увекское (Укек), с одной стороны, и Наровчатское (Мохша), Азовское (Азак), Старо-Орхейское (Шехр ал-Джедид?), Ургенчское (Хорезм)^[117] — с другой, позволяет утверждать, что состав обращения в городах Нижнего Поволжья отличался от состава обращения в провинциальных окраинных городах, где наряду с медными пулами Сарая, Гюлистана и Нового Сарая в обращении было много пулов местной чеканки.

Что касается Болгара, то его денежное обращение также несколько отличалось от денежного обращения нижеволжских городов. В XIII в. денежное обращение Волжской Болгарии питалось исключительно местной серебряной и медной монетой, и монета, чеканенная в Волжской Болгарии, почти не выходила за границы этой области. В первой половине XIV в. в обращении серебряной монеты в Волгаре значительную долю еще составляли дирхемы местной чеканки. В 1360-х годах они совсем исчезли из обращения. В обращении медных монет определенную долю (около 9 %) составляли медные монеты болгарской чеканки, но местная медная монета в Болгарах играла меньшую роль, чем в Мохше, Азаке, Шехр-ал Джедиде и Хорезме. Основную долю местных монет, обращавшихся в Волгаре, составляли монеты, чеканенные в нижеволжских городах. Таким образом, Болгар в этом отношении занимает промежуточное положение между нижеволжскими городами, где преобладали медные монеты столичной чеканки (Сарая, Сарая ал-Джедид и Гюлистана), и провинциальными городами, где большую долю медных монет составляли монеты местной чеканки (в Наровчате — около 84 %, в Старом Орхее — около 40 %, в Хорезме — свыше 90 %, в Болгаре — только около 9 %).

Обращение местных медных монет было ограничено территорией того района, где они чеканились. В отношении болгарских медных монет следует заметить, что они почти не встречаются в нижеволжских городах Золотой Орды и в других районах. Почти все находки медных болгарских монет XIV в. сосредоточены в Волжской Болгарии. А серебряные болгарские монеты встречаются в кладах джучидских монет из других областей Золотой Орды, где они вливались в денежное обращение.

Если медные местные провинциальные монеты не выходили за рамки того района, где они выпускались, то столичные медные монеты широко распространялись по всей Золотой Орде, хотя в окраинных городах они не могли вытеснить местную медную монету.

К числу особенностей обращения меди следует отнести также и тот факт, что медные монеты не уходили в клады.

Выявив отличия в чеканке и обращении серебряной (дирхем) и медной (пул) монет в Золотой Орде, мы должны также отметить, что соотношение серебряных и медных монет в Золотой Орде было постоянным и составляло 16 пулов на один даник — весовую счетную единицу, равную 1/6 весового мискаля, а в период 1310—1380 гг. в

столичных городах — 1/2 монетного дирхема, чеканившегося по норме примерно 1,56 г. Это соотношение было установлено в начале XIV в. и провозглашено в легендах медных монет Узбека. Затем оно подтверждалось монетными легендами несколько раз, причем легенду с этим соотношением писали для понятности местному населению, в отличие от других арабоязычных легенд на джучидских монетах, по-тюркски: «Шестнадцать пулов на даник» или «Шестнадцать — на даник». Эта легенда часто сопровождалась указанием «Высочайшее повеление». Иногда на монетах помещалась только ссылка на «Высочайшее повеление»[118].

Таковы нумизматические факты. Мы предлагаем следующую гипотезу, объясняющую их. В Золотой Орде существовал открытый, или «свободный», чекан серебряной монеты из приносимого частными лицами серебра. Эти лица получали с некоторого количества сданного металла строго определенное число монет установленных неизменных веса и пробы с удержанием какого-то определенного числа монет в пользу монетного двора как платы за работу и как взноса в казну, составлявшего нормированную эксплуатацию монетной регалии государством. Об этом прямо писал, касаясь денежного дела Азака (Таны), флорентийский финансист XIV в. Ф.Б. Пеголотти[119].

Такой «свободный», или открытый, способ чеканки дирхема был в Золотой Орде при сравнительно малом дефиците или при отсутствии дефицита на серебро, т. е. тогда, когда серебра в государстве было много. Это обеспечивалось русским «выходом», создававшим в Золотой Орде большие массы серебра как в руках государства, так и в частном владении. Этот же «выход» серебра из Руси в качестве дани создавал сравнительно низкий курс серебра в пересчете на золото — показатель обилия серебра на рынках[120]. В странах Средней Азии и Иране курс серебра в пересчете на золото был выше, серебра было меньше, на него имелся дефицит. Серебряный кризис, только что преодоленный, давал там себя еще чувствовать[121].

В денежном деле постоянно возникают диспропорции в курсе серебра в его монетной и металлической форме, а также диспропорции в радио серебра, меди и золота (монетных металлов) в одной стране по сравнению с другими.

Когда серебро в монетной системе оказывалось оцененным слишком низко по сравнению с рыночной оценкой серебра, тогда возникала угроза тезаврации, т. е. изымания серебряной монеты из обращения, переплавки ее в слитки или зарытия в клады. В Иране высокий курс серебра в монете (что было необходимо во избежание тезаврации монет) поддерживали тем, что постоянно понижали серебряное содержание монеты, оставляя неизменной ее номинальную стоимость, т. е. повышали элемент принудительного курса в монете. Открытое понижение металлического содержания монет трудно совместимо с описанным выше «открытым» способом чеканки серебряной монеты. В Золотой Орде, как это видно из приведенных нумизматических фактов, шли по другому пути.

Золотоордынские ханы и их финансовые советники корректировали, «подправляли» денежное обращение путем постоянных реформ медного обращения, оставляя неизменным обращение серебра[122]. Медь, судя по сильным колебаниям веса монет одного выпуска, обращалась как знак стоимости, вне прямого соответствия с весом монеты. Пулы одного выпуска и одного внешнего вида отличались существенно по весу, но тем не менее они были, видимо, на рынке равноценны, имели одну

покупательную способность. Так как не встречаются разрезанные медные пулы, то нельзя предположить и обращение их по весу. Пулы были знаком, фракцией дирхема, $\frac{1}{16}$ частью счетно-весового даника серебра.

Золотоордынская казна время от времени выпускала пулы с измененным внешним видом. На них иногда даже помещали легенду «новый пул»^[123]. Старые пулы, судя по малочисленным кладам и находимым вместе, группами, медным монетам, запрещались, и население должно было их обменивать в казне на новые. При этом, вероятно, новые пулы приравнивались к какому-то большему числу старых. Чтобы население легче принимало новые монеты, они делались в среднем тяжелее, «солиднее» в глазах населения, еще не признававшего монеты только как знаки стоимости.

Новые пулы при этой пропорции обмена их на старые получали большую покупательную способность. Скажем, при обмене пулов 1340-х годов с двуглавым орлом на пулы 1350-х годов с розеткой действовало такое соотношение, что за большее количество старых пулов жители получали меньшее количество новых. Следовательно, на новый пул можно было купить больше товаров, чем на старый. При этом вес новых (более тяжелых) пулов в среднем, вероятно, не компенсировал эту пропорцию обмена. Казна получала дополнительный доход от монетной регалии в виде значительных масс меди. Но покупательная способность новых пулов не могла, однако, возрасти по отношению к старым пулам в той же пропорции, в которой старые пулы обменивались на новые, так как действовало неизменное соотношение пула (и старого, и нового) к данику и серебряному дирхему, остававшимся неизменными. Старые пулы обесценивались, новые получали на рынке лишь небольшую прибавку к своей покупательной способности и курсу. Поскольку старое соотношение (1 даник=16 пулам) оставалось тем же, то серебряные даник и дирхем приравнивались теперь не только к несколько большей в среднем массе меди, но и к монетам несколько большей покупательной способности. Таким образом курс серебра в дирхеме поднимался, оцениваемый и большей массой приравниваемой к ней медной монеты и большим количеством товаров, которые на них можно было купить.

Будучи частично знаком стоимости, старые пулы не могли храниться долго. При такой практике постоянных смен меди в обращении они быстро теряли свою стоимость, если их не сдавали в казну. Потому-то почти совсем нет медных кладов, потому-то так часто теряли люди эти пулы — мелкие доли дирхема, которые, к тому же, обесценивались с каждым новым выпуском. Этим объясняется колоссальное количество находок медных монет в культурном слое золотоордынского города, не сравнимое с числом монет ни в русских городах, ни в среднеазиатских. Этим объясняется также и то обстоятельство, что медные монеты провинциальной чеканки не выходили за границы своего района: компонент принудительного курса, заключенный в них, не позволял этим монетам распространяться по всей стране. Столичные медные монеты, у которых принудительный курс поддерживался общегосударственным постановлением ханской власти, имели более широкую территорию обращения и свободно доходили до окраинных городов Золотой Орды.

Стабильность золотоордынского дирхема нарушается еще в 1360-х годах в связи с ослаблением государства, междоусобными войнами и, возможно, сокращением русского «выхода». В это время медные монеты, встречающиеся в комплексах, не

всегда, как раньше, принадлежат к одному выпуску, а иногда относятся к разным выпускам 1350—1360-х годов. Вероятно, механизм выравнивания курса обращавшейся серебряной монеты путем систематического обновления медных монет перестал действовать. Медь не обновлялась больше в денежном обращении. Это привело вскоре к изменениям серебряной монеты в весе. Уже в 1360-х годах начинаются чеканки дирхема в провинциальных городах по иным весовым стандартам (в Азаке 1360-х годов, в Орде 1370-х годов). В столичных городах резко уменьшаются серебряные эмиссии. Усиливаются явления тезаврации.

Столичное денежное обращение расстраивается. Прекращение притока на местные рынки столичного серебра в монетной форме должно было вызвать в провинциях усиление процессов тезаврации, дефицит на серебро, повышение его курса как металла. Появились надчеканки на меди и серебре, очевидно, имевшие целью выправить курс серебра, пустить монеты вторично в обращение с более высоким курсом металла. Судя по малочисленности надчеканенных монет в кладах, это были эпизодические попытки «подправить» денежное обращение. В Среднем Поволжье, в районах бывшей Волжской Болгарии, наряду с надчеканками уже в 1370-х годах развивается обрезывание монет по определенным, снижавшимся постепенно нормам, имевшее также целью обновить денежное обращение старыми монетами, обрезанными под новый весовой стандарт и выпущенными по более высокому курсу серебра[124].

Создавшееся положение было выправлено реформой хана Тохтамыша 1380 г., введшего обязательный новый весовой стандарт для всех монетных центров Золотой Орды. Реформа Тохтамыша была проведена с изъятием старых монет и пуском в обращение новой монеты по новому, вероятно, более высокому курсу серебра.

Но в Волжскую Болгарию монеты Тохтамыша не поступали в значительных массах. Здесь образовывалась особая «нумизматическая провинция» — локальный вариант золотоордынского денежного обращения, в котором продолжали обращаться старые серебряные монеты дотохтамышевской чеканки, но обрезанные. Для обращения Болгара 1380-х годов характерен клад 1871 г. с младшей монетой 789 г. х. (1387 г.), в котором только две монеты (1 %) относятся к 1380-м годам[125].

Но Болгар в 1370-х годах приходит в упадок. Исследователи обычно связывают это с взятием города Булак-Тимуром в 1361 г. Однако изучение денежного обращения нижневолжских городов показывает их общий упадок в то же время, вызванный смутой в государстве, резкое сокращение их денежного обращения в четвертой четверти XIV в. Обрезанные дирхемы, как и монеты времени Тохтамыша, встречаются на Болгарском городище очень редко. Значительно чаще находят их на соседнем с городищем Ага-Базаре — торговой пристани Болгара на Волге. Это поселение жило в конце XIV в. более интенсивно, и, как показал Жиромский, в его культурном слое много монет 1380—1390-х годов. Монеты XV в. на обоих этих памятниках почти не встречаются[126].

Упадку города в XV в. содействовали походы на Болгар русских князей и нападения на него ушкуйников в конце XIV—XV в. На Болгарском городище очень мало монет XV в. А ведь известно, что в первых годах XV в. возобновилась чеканка серебряной монеты с именем Болгара по весовой норме, примерно равной норме обрезывания старых серебряных монет в самом конце XIV в. Эта чеканка продолжалась

в течение всей первой четверти XV в., но осуществлял ее, видимо, не тот Болгар, который связан с Болгарским городищем. Очевидно, имя «Болгар» было присвоено новому городу, предположительно Старой Казани, на месте руин которой часто находят болгарские монеты XV в. На этих монетах иногда появляется эпитет «Новый» с именем Болгара. До XV в. «Нового Болгара» на монетах не было. Общий сдвиг мест находок кладов XV в. в Волжской Болгарии к северу от Камы показывает, что южные районы Волжской Болгарии в XV в. в значительной мере обезлюдели и утратили свою ведущую экономическую роль.

- 1 Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910. С. 10, № 55; с. 137, № 10; Янина С. А. Куфические серебряные монеты с Болгарского городища (1957 г.) // МИА. М., 1960. № 80. С. 224, 225; Фасмер Р. Р. Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920—1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Л., 1926. Вып. 1. С. 289, № 5—9 (одна монета VIII в.); Валеев Р. М. О болгарской товарно-денежной системе X в. // Из истории материальной культуры татарского народа. Казань, 1981. С. 66.
- 2 lbh Roster Kitab al-'Ilaq an-Nafisa/ Ed. M. J. de Geoe// BGA. Lugduni Batavorum, 1892. T. VII. P. 142
- 3 Фасмер Р. Р. О монетах волжских болгар X в. // ИОАИЭ. Казань, 1925. Т. XXXIII, вып. 1.
- 4 Янина С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии // МИА. М., 1962. № Ш.
- 5 Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн Фадлана. Чебоксары, 1954. С. 47.
- 6 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 — 1153). М., 1971. С. 28
- 7 Валеев Р. М. К вопросу о товарно-денежных отношениях ранних болгар (VIII — X вв.)//Из истории ранних болгар. Казань, 1981. С. 85, 86.
- 8 Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пг., 1921. С. 20, 21, № 48.
- 9 Там же. С. 20. № 46.
- 10 Там же. С. 22, № 58. См. также Балькульский клад 1940 г. и Именьковский клад 1961 г. (ГМТР. № 14576).
- 11 См. клад из Четырлы Самарской губернии. Ильин А. А. Топография... С. 44, № 190.
- 12 Ильин А. А. Топография... С. 20, № 47.
- 13 Фр. С. 4.
- 14 Я. I. С. 427 ел.
- 15 Федоров-Давыдов Г. А. Курганы, идолы, монеты. М., 1968. С. 96.
- 16 .Fraehn Ch. M. De Numorum Bulgharicorum forte antiquissimo. Casani, 1816, Rec. P. 187
- 17 Лихачев А. Ф. Новый Болгарский клад 1887 г.//ЗВОРАО. СПб., 1888. Т. III.
- 18 Савельев П. С. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и др., обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Токтамыша. СПб., 1858. Вып. II. С. 279.
- 19 Мухамадиев А. Г. Деньги, денежная терминология и денежный счет Булгара в пред монгольский период // СА. 1972. № 2; Он же. Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. М., 1983. С. 29 ел.; Сингатуллина А. З. Денежное дело и денежное обращение Золотой Орды XIII в.: Поволжские города: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1985.
- 20 Rec. P. 187, № 1; Фр. № 19; Лихачев А. Ф. Новый Болгарский клад... № 1—5; ЯЛ. № 1.
- 21 Лихачев А. Ф. Новый Болгарский клад... № 6, 7.
- 22 Rec. P. 188. Фр. № 20; Лихачев А. Ф. Новый Болгарский клад... № 8—10.
- 23 Rec. P. 188, №2; Фр. №21; Я. I. № 2.
- 24 Лихачев А. Ф. Новый болгарский клад...

- 25 Мухамадиев А. Г. Деньги, денежная терминология... С. 65.
26 Рес. Р. 190, № 1; Фр. №1; ЯЛ. №3.
27 Рес. Р. 190, № 2; Фр. № 2; ЯЛ. № 4.
28 Рес/ Р. 190.
29 Мухамадиев А. Г. Деньги, денежная терминология... С. 68.
30 Рес. Р. 191; Фр. №3; ЯЛ. №5.
31 Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет// НЭ. М., 1960. Т. I. С. 131, 132, № 3—5.
32 Мухамадиев А. Г. Деньги, денежная терминология...
33 Ильин А. А. Топография ... С. 45, № 195; Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет... С. 131, № 2.
34 Федоров-Давыдов Г. А. Два клада серебряных монет XIII в. из Болгар // НЭ. М., 1972. Т. X. С. 169, № 17; Он же. Клад серебряных монет XIII в. из Болгара// КСИА. М., 1986. Вып. 183. № 1.
35 ГЭ. № 23235, 15031.
36 ГЭ. № 15023, 15024.
37 Рес. Р. 192; Фр. № 4.
38 ГЭ. № 15041, 15042.
39 Рес. Р. 193, № 3; Фр. № 8; ГЭ. № 15032.
40 Рес. Р. 194, № 4; Фр. № 16; Федоров-Давыдов Г. А. Клад серебряных монет XIII в. "... № 8.
41 ГЭ. №15035-15038, 43105-43107.
42 ГИМ. Л» В-1940; ГЭ. № 15033.
43 ГЭ. № 22619; Кес. Р. 192; Фр. № 5; Федоров-Давыдов Г. А. Клад серебряных XIII в. ... № 3.
44 ГИМ. № 1952.
45 Рес. Р. 196; Фр. № 13; Я.И. № 6а.
46 ГЭ. Л» 15085, 43131.
47 Рес. Р. 197; Fraehn Ch. M. Novae Symbolae ad rem numariam Muhammedanorum. Petropoli et Halis, 1819. P. 45. Tab. II, 12
48 Рес. Р. 196; Фр. № 14.
49 ГЭ. № 15053, 43137.
50 Фр. № 370; Я. I. № 11. Федоров-Давыдов Г. А. Клад серебряных монет XIII в. . № 14.
51 ГЭ. № 56582, 23191, 8618, 8621; Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет. С. 132, № 6.
52 ГЭ. № 23246, 23247; Федоров-Давыдов Г. А. Клад серебряных монет XIII в... № 15.
53 Фр. № 10.
54 Федоров-Давыдов Г. А. Два клада серебряных монет ... С. 168, 169, № 1—16.
55 Там же. С. 168, 169.
56 ГМТР. № 19398—19447; Федоров-Давыдов Г. А. Клад серебряных монет XIII в... ; Сингатуллина А. 3. Альменевский клад золотоордынских монет XIII в. //ВМГУ. Сер. 8. Ист. 1985. № 3.
57 Фр. Tab. IX; СССРХI.
58 Федоров-Давыдов Г. А. Два клада серебряных монет...
59 Там же. С. 167, 168, № 1—6.
60 Я I. С. 431 сл.
61 Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет... С. 132, № 6.
62 Федоров-Давыдов Г. А. Два клада серебряных монет... С. 170—172.
63 Я I. С. 432.
64 ГМТР. № 1304, 22437, 20151.
65 Я. I. № 7; Я. II. № 16а, 26д, 26г.

- 66 ГИМ. № В-2054; Fraehn Ch. M. Die Neuesten Bereicherungen der Muhammedanischen Numismatik// Sammlung Kleiner Abhandlung die Muhammedanische Numismatik. Leipzig, 1839. S. 14, N 10.
- 67 ГЭ. № 22649.
- 68 Савельев П. С. Монеты Джучидов... С. 290, № 500; Rec. P. 402; Фр. № 380.
- 69 ГИМ. № В-2660; ГЭ. № 22658—22660.
- 70 Fraehn Ch. M. Die neuesten Bereicherungen...S. 14, N 11
- 71 ГИМ. № В-6598; ГЭ. № 5683.
- 72 Rec. P. 400; Фр. № 371.
- 73 Rec. P. 400; Фр. № 372; ГИМ. № В-2064, 2065.
- 74 ГИМ. № В-1942—1945; ГЭ. №15044—15046, 43121.
- 75 ГИМ. № В-1941.
- 76 Я.И. № 11а.
- 77 Rec. P. 400; Фр. № 369.
- 78 ГЭ. № 8625, 8626.
- 79 Rec. P. 400.
- 80 Rec. P. 213; Фр. № 43.
- 81 ГИМ. № В-2670, 2671.
- 82 ГИМ. № В-2075.
- 83 ГИМ. № В-2077; ГЭ. № 23188, 23189.
- 84 ГИМ. № 1964, 1965.
- 85 ГЭ. № 15055.
- 86 ГЭ. № 23120, 43071.
- 87 Rec. P. 200; Фр. № 18; ЯЛУ. № 9а.
- 88 Фр. № 24; Я. II. № 10а.
- 89 ГЭ. № 56593, 23220—23227, 43072, 43073; Rec. P. 402; Савельев П. С. Монеты Джучидов... С. 281, № 490.
- 90 Фр. № 23
- 91 Rec. P. 201, № 9; Фр. С. 5; Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система... С. 58.
- 92 Rec. P. 209; Фр. № 37; ЯЛ. № 29.
- 93 Я II. № 30а; Савельев П. С. Монеты Джучидов... С. 296, № 515.
- 94 Rec. P. 210, № 14; Фр. № 40.
- 95 ГЭ. № 15869—15881.
- 96 Rec. P. 214, № 26; Фр. № 44; ЯЛ. № 32а.
- 97 Rec. P.214, № 27; Фр. № 46.
- 98 Rec. P.216.
- 99 Я I. № 32.
- 100 ГЭ. № 15945.
- 101 Rec, P.214; Фр. № 47.
- 102 Rec. P.217, № 34; Фр. № 54; ЯЛ. № 37.
- 103 Rec. P. 217, № 33; Фр. № 53.
- 104 Rec. P. 400, № 7; Фр. 374; ЯЛ. № 12.
- 105 Я I. С. 452, № 144.
- 106 Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет... № 45—52; Он же. Находки джучидских монет // НЭ. М., 1963. Т. IV. № 52а; Он же. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. М., 1974. № 52в, 52в, 52г.

- 107 Федоров-Давыдов Г. А. Клад серебряных джучидских монет с Селитренного городища// НЭ. М., 1980. Т. XIII. С. 74.
- 108 Учтены сборы археологических экспедиций за 1946—1983 г.
- 109 Жиромский Б. Б. Некоторые нумизматические данные по истории Волжской Болгарии//МИА. М., 1962. № 111. С. 206.
- 110 Федоров-Давыдов Г. А. Находки джучидских монет... С. 169.
- 111 Мухамадиев А. Г. Деньги, денежная терминология...
- 112 Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов по истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. С. 302; М.; Л., 1941. Т. II. С. 88.
- 113 Быков А. А. Находки средневековых индийских монет в Восточной Европе // ЭВ. Л., 1969. Т. XIX. С. 74. Рис. 1; с. 79; Фасмер Р. Р. О двух редких золотых монетах делийских султанов//ИОАИЭ. Казань, 1927. Т. XXXIII, вып. 4; Лихачев А. Ф. Золотой клад из динаров Патанских султанов Индии // ЗВОРАО. СПб., 1886. В 1860 г. в Болгарах была найдена одна золотая индийская монета, в 1883 г. — одна, а в 1949 г. — пять (поступили в ГМТР).
- 114 Монета по типу: Benda S., Donald P. The late Palaeologan Coinage. Bristol, 1979. P. 74. 75. N 15. Определение В. В. Кропоткина.
- 115 Жиромский Б. Б. Некоторые нумизматические данные ... С. 207.
- 116 По типу: Муц Н.Д. Монеты Великого княжества Московского (1425—1462) // НС. М., 1974. Ч. III, № 220.
- 117 См.: Федоров-Давыдов Г. А. Находки джучидских монет... С. 168; Ф-Д. С. 215 сл.; Абызова Е. К., Бырня П. П., Нудельман А. А. Древности Старого Орхоя. Кишинев, 1981. С. 81, 82.
- 118 См.: Ф-Д. С. 203 сл. О легендах с упоминанием «пул» см.: Фр. № 41, 45, 67, 387, 400.
- 119 См.: Федоров-Давыдов Г. А. Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в.// СА. 1958. № 3; Он же. Особенности обращения серебряных и медных монет в Золотой Орде // Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980.
- 120 Ф-Д. С. 208 сл.
- 121 Федоров-Давыдов Г. А. К вопросу о денежном курсе золота в Иране и Средней Азии//КСИИМК. М., 1956. Вып. 66.
- 122 Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система... С. 87.
- 123 Фр. № 383.
- 124 Мухамадиев А. Г. Об обрезанных монетах в Волжской Болгарии в конце XIV в. (Мало-Атрянский клад)//НЭ. М., 1970. Т. VIII. С. 53 ел.; Федоров-Давыдов Г. А. Досаевский клад золотоордынских монет// Исследование по археологии Чувашии. Чебоксары, 1978.
- 125 Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет... С. 158, № 146.
- 126 Жиромский Б. Б. Некоторые нумизматические данные...

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Находки монет в расколах на Болгарском городище
(1974—1983 гг.)

Год	Раскоп	Штык	Участок	Имя хана	Город чеканки	Дата *	Металл	Копия	Литература	Примечания
1974	XLVII	3	6	Анонимная	Болгар	XIII в.	Медь	1	Я.И., № 88	С надчеканкой, тип на Я.И., № 150
»	То же	3	8	Хизар	Гюлистан	762 г. х.	То же	1		
»	»	3	7	?	?	?	»	1		
»	»	?	7	?	?	?	Серебро	1		С розеткой
»	»	?	?	?	?	?	То же	1		
»	»	?	15	Анонимная	Болгар	XIII в.	»	1		
»	XLVIII	1	51	Менгу	То же	XIII в.	Медь	1	Я.И., № 3	С розеткой
»	То же	1	44	Анонимная	Сарай	1350-е годы	»	1		
»	»	1	47	То же	ал-Джедид	1340-е годы	То же	1	Я.И., № 50	
»	»	1	34	»	Сарай	733 г. х.	»	1	Я.И., № 36	С розеткой
»	»	1	36, 44	»	Сарай	1350-е годы	»	1	Я.И., № 67	
»	»	1	44	Менгу	ал-Джедид	1250-е годы	Медь	1	Я.И., № 4	
»	»	2	65	Анонимная	Болгар	737 г. х.	»	1	Ф-Д., № 3	С розеткой
»	»	3	61	То же	Сарай	1340-е годы	»	1	Я.И., № 50	
»	»	3	41	»	ал-Джедид	1340-е годы	»	1	Я.И., № 50	
»	»	3	40	Насир	То же	XIII в.	»	1	Я.И., № 2	С розеткой
»	XLIX	3	40	»	Болгар	XIII в.	»	1	Я.И., № 2	
»	То же	3	40	Узбек	—	XIII в.	»	1	Я.И., № 30а	
»	»	—	16	Узбек	Болгар	722 г. х.	Серебро	1		С надчеканкой типа Я.И., № 150
»	»	—	—	Анонимная	ал-Махруса	XIII в.	То же	1	Я.И., № 26г.	
»	»	—	—	Насир	—	XIII в.	Медь	1	Я.И., № 2	
»	»	—	—	Анонимная	—	XIII в.	Серебро	1		С надчеканкой типа Я.И., № 150
»	»	—	—	То же	Сарай	1350-е годы	Медь	1		
»	Траншея	—	—	То же	ал-Джедид	1350-е годы	»	1		

1974	Траншей	—	1	—	?	?	?	1	1	Я. I, № 50
1975	То же	2	3	2	Анонимная	Сарай	1340-е годы	»	1	Я. I, № 50
»	»	3	6	6	То же	ал-Джедид	1340-е годы	»	1	Я. I, № 50
»	»	Сооружение	9	9	»	—	XIII в.	»	1	Фр., № 381
»	LI	1	13	13	»	Болгар	734 г. х.	»	1	Я. I, № 37
»	То же	1	10	10	»	Сарай	1340-е годы	»	1	Я. I, № 50
»	»	2	15	15	Хызр	»	1340-е годы	»	1	Я. I, № 50
»	»	3	13	13	Анонимная	—	762 г. х.	»	1	Я. I, № 90
»	»	4	7	7	Тимур-Ходжа	Сарай	XIII в.	»	1	Фр., № 381
»	»	Сооружение	8	8	Насир	ал-Джедид	762 г. х.	»	1	Фр., № 139
»	»	?	?	?	Анонимная	—	XIII в.	»	1	Я. I, № 2
»	»	?	?	?	То же	Сарай	1340-е годы	»	1	Я. I, № 50
»	»	2	10	10	Насир	ал-Джедид	734 г. х.	»	1	Я. I, № 37
1976	То же	4	15	15	?	Болгар	XIII в.	»	1	Я. I, № 2
»	»	Сооружение	2	2	?	?	?	»	1	Я. I, № 37
»	»	5	1	1	?	?	?	»	1	Я. I, № 2
»	»	6	1	1	?	?	?	»	1	Я. I, № 37
»	»	Сооружение	6	6	?	?	?	»	1	Я. I, № 37
»	»	1	15	15	Менгу	Болгар	1250-е годы	»	2	Я. I, № 4
»	»	1	46	46	?	?	?	»	1	Я. I, № 4
»	»	3	46	46	Анонимная	—	XIII в.	»	1	Я. I, № 50
»	»	2	2	2	То же	Сарай	1340-е годы	»	1	Я. I, № 50
»	»	2	5	5	Джанибек	ал-Джедид	(746) г. х.	Серебро	1	Я. I, № 56
»	»	2	10	10	Анонимная	То же	1340-е годы	Медь	1	Я. I, № 50
»	»	2	4	4	?	»	?	То же	1	Я. I, № 50
»	»	3	9	9	Тоқта	Сарай	710 г. х.	Серебро	1	Я. I, № 10
»	»	3	6	6	Узбек	ал-Махруса	(734) г. х.	То же	1	Я. I, № 38
»	»	3	16	16	Анонимная	Сарай	1340-е годы	Медь	1	Я. I, № 50
»	»	3	Бровка	3	?	ал-Джедид	?	То же	1	Я. I, № 88
»	»	3	6	6	Хызр	Гюлистан	(762) г. х.	»	1	Я. I, № 88

»	»	Сооружение 5	Анонимная Хызр	Сарай Гюлистан	1330-е годы	»	1	Я. I, № 40	С надчеканкой тира на Я. I, № 146
»	»	?»	?»	?»	?»	?»	1	»	С надчеканкой тира на Я. I, № 146
»	»	LVII	?»	?»	?»	?»	1	»	С надчеканкой тира на Я. I, № 146
»	»	То же	Хайр-Пулад Хызр Менгу	Сарай ал-Джедид Болгар	(764) г. х.	»	1	Я. I, № 98	С надчеканкой тира на Я. I, № 146
»	»	»	»	»	(762) г. х.	»	1	Я. I, № 90	С надчеканкой тира на Я. I, № 146
»	»	»	»	»	XIII в.	»	1	Я. I, № 4	Чеканена на монете Насира
»	»	LVIII	Насир ?	—	XIII в.	»	1	Я. I, № 2	
»	»	То же	?»	?»	?»	»	1	»	
»	»	»	Анонимная ?	Болгар ?	—	»	1	Я. I, № 12	
»	»	LIX	?»	?»	?»	»	1	»	
»	»	LX	?»	?»	?»	»	1	»	
»	»	То же	?»	?»	?»	»	1	»	
»	»	»	Анонимная ?	Сарай ал-Джедид	817 г. х.	Серебро	1	Я. I, № 50	
»	»	»	?»	?»	1340-е годы	Медь	1	»	
»	»	»	Англиграфная ?	—	XIII в.	Серебро	1	»	
»	»	»	?»	?»	?»	»	1	»	
»	»	»	Анонимная ?	?»	?»	»	1	»	
»	»	LXI	То же	Болгар	XIII в.	Медь	1	»	
»	»	То же	?»	То же	?»	То же	1	»	
»	»	»	Хызр ?	Гюлистан ?	XIII в.	Серебро	1	Я. I, № 12	
»	»	»	?»	?»	?»	Медь	1	Я. I, № 26 г.	
»	»	»	?»	?»	?»	То же	1	Я. I, № 88	
»	»	»	?»	?»	?»	Серебро	1	Фр., № 377	
»	»	»	?»	?»	?»	Медь	1	Я. I, № 50	
»	»	Сооружение 11 Яма 1	Анонимная ?	Сарай ал-Джедид Гюлистан	1340-е годы	То же	1	Я. I, № 88	
»	»	?»	Хызр ?	Сарай	762 г. х.	То же	1	Я. I, № 50	
»	»	LXIII	Анонимная ?	Сарай	1340-е годы	»	1	»	
»	»	То же	?»	ал-Джедид	1340-е годы	»	1	»	
»	»	»	?»	То же	?»	»	1	Я. I, № 50	
»	»	»	?»	Сарай	1330-е годы	»	1	Я. I, № 40	
»	»	»	?»	Болгар	XIII в.	Серебро	1	»	
»	»	»	?»	»	XIII в.	То же	1	»	
»	»	»	Хызр ?	—	(762) г. х.	»	1	Я. I, № 90	
»	»	LXV	?»	Сарай ал-Джедид	1340-е годы	»	1	Я. I, № 50	
»	»	То же	?»	То же	?»	»	1	»	
»	»	»	Анонимная ?	?»	?»	»	1	Я. I, № 68	
»	»	»	Анонимная ?	Бардин	753 г. х.	»	1	Я. I, № 50	
»	»	»	То же	Сарай	1340-е годы	»	1	»	
»	»	»	?»	ал-Джедид	?»	»	1	»	
»	»	»	Узбек	Болгар	731 г. х.	»	1	Я. II, № 32а	
»	»	»	»	ал-Махруса	?»	»	1	»	

»	»	Сооружение 5	Анонимная Хызр	Сарай Гюлистан	1330-е годы	»	1	Я. I, № 40	С надчеканкой тира Я. I, № 146
»	»	?»	?»	?»	?»	?»	1	»	С надчеканкой тира Я. I, № 146
»	»	LVII	?»	?»	?»	?»	1	»	С надчеканкой тира Я. I, № 146
»	»	То же	Хайр-Пулад Хызр Менгу	Сарай ал-Джедид Болгар	(764) г. х.	»	1	Я. I, № 98	С надчеканкой тира Я. I, № 146
»	»	»	»	»	(762) г. х.	»	1	Я. I, № 90	С надчеканкой тира Я. I, № 146
»	»	»	»	»	XIII в.	»	1	Я. I, № 4	Чеканена на монете Насира
»	»	LVIII	Насир ?	—	XIII в.	»	1	Я. I, № 2	
»	»	То же	?»	?»	?»	»	1	»	
»	»	»	Анонимная ?	Болгар ?	?»	»	1	Я. I, № 12	
»	»	LIX	?»	?»	?»	»	1	»	
»	»	LX	?»	?»	?»	»	1	»	
»	»	То же	?»	?»	?»	»	1	»	
»	»	»	Анонимная ?	Сарай ал-Джедид	817 г. х.	Серебро	1	Я. I, № 50	
»	»	»	?»	?»	1340-е годы	Медь	1	»	
»	»	»	Англиграфная ?	—	XIII в.	Серебро	1	»	
»	»	»	?»	?»	?»	»	1	»	
»	»	»	Анонимная ?	Болгар ?	?»	Медь	1	»	
»	»	LXI	То же	То же	XIII в.	То же	1	»	
»	»	То же	?»	?»	?»	»	1	»	
»	»	»	Хызр ?	Гюлистан ?	XIII в.	Серебро	1	Я. I, № 12	
»	»	»	?»	?»	762 г. х.	Медь	1	Я. I, № 26 г.	
»	»	»	?»	?»	?»	»	1	Я. I, № 88	
»	»	»	Анонимная ?	—	XIII в.	Серебро	1	Фр., № 377	
»	»	Сооружение 11 Яма 1	То же	Сарай ал-Джедид Гюлистан	1340-е годы	Медь	1	Я. I, № 50	
»	»	?»	?»	?»	?»	»	1	»	
»	»	LXIII	Хызр Анонимная	Сарай	762 г. х.	То же	1	Я. I, № 88	
»	»	То же	?»	?»	1340-е годы	»	1	Я. I, № 50	
»	»	»	То же	ал-Джедид	1340-е годы	»	1	»	
»	»	?»	?»	?»	?»	»	1	»	
»	»	LXIV	?»	Сарай	1330-е годы	»	1	Я. I, № 50	
»	»	То же	?»	Болгар	XIII в.	Серебро	1	Я. I, № 40	
»	»	LXV	Хызр	—	XIII в.	То же	1	Я. I, № 90	
»	»	»	?»	Сарай ал-Джедид	(762) г. х.	»	1	»	
»	»	То же	Анонимная ?	То же	1340-е годы	»	1	Я. I, № 50	
»	»	»	?»	?»	?»	»	1	»	
»	»	»	Анонимная ?	Бардин	753 г. х.	»	1	Я. I, № 68	
»	»	»	То же	Сарай	1340-е годы	»	1	Я. I, № 50	
»	»	»	Узбек	ал-Джедид Болгар ал-Махруса	731 г. х.	»	1	Я. I, № 32а	

Приложение I (продолжение)

Год	Ранкоп	Штык	Участок	Имя хана	Город чеканки	Дата *	Металл	Номер (Таб.)	Литература	Примечания
То же	То же	3	10	Анонимная	Сарай ал-Джедид	1340-е годы	Медь	1	Я.И., № 50	
»	»	3	10	То же	Бомбар	734 г. х.	То же	1	Я.И., № 37	
»	»	3	33	Насир	—	XIII в.	»	1	Я.И., № 2	
»	»	3	35	Анонимная	Сарай	1330-е годы	»	1	Я.И., № 40	
»	»	3	37	То же	Сарай	1340-е годы	»	1	Я.И., № 50	
»	»	5	26	Джанибек	ал-Джедид	750 г. х.	Серебро	1	Я.И., № 62	Обрезама
1979	LXII	4	2	Хызр	То же	762 г. х.	Медь	1	Я.И., № 90	
То же	То же	Жульниче 1		Анонимная	»	1340-е годы	То же	1	Я.И., № 50	
»	»	То же		То же	—	XIII в.	»	1	Я.И., № 2	
»	»	То же		Насир	?	XIII в.	»	3		
»	»	То же		?	Бухара	651 г. х.	Медь	1		С надчеканкой неясного типа
»	»	2	41	Анонимная	Гюлистан	(764) г. х.	То же	1	Я.И., № 112	
»	»	3	42	»	Орда	?	То же	1		
»	»	4	42	?	ал-Джедид	?	»	1		
»	»	5	6	?	?	XIII в. (?)	Серебро	1		
»	»	5	16	Токта	Сарай	710 г. х.	То же	1	Я.И., № 40	
»	»	5	26	Анонимная	ал-Махруса Сарай	1340-е годы	Медь	1	Я.И., № 50	
»	»	5	41	Хызр	ал-Джедид	762 г. х.	То же	1	Я.И., № 88	
»	»	6	19	То же	Гюлистан Сарай	(762) г. х.	»	1	Я.И., № 90	
»	»	6	19	?	ал-Джедид	?	»	1		
»	»	6	38	?	?	?	»	1		
»	»	8	18	?	?	?	»	1		
»	»	8	8	Анонимная	?	XIII в.	»	1	Я.И., № 14	
»	»	8	11	Насир	?	XIII в.	»	1	Я.И., № 2	
»	»	8	21	?	?	?	»	1		
»	»	8	29	Хызр	Гюлистан	(762) г. х.	»	1	Я.И., № 88	
»	»	3	30	?	?	?	»	1		
»	»	9	16	Бирдбек	Сарай ал-Джедид	760 г. х.	Серебро	1	Ф., № 115	

»	»	9	16	Джанбек	Гюлистан	1350-е годы	То же	1	Я. I, № 44	С надчеканкой типа Я. I, № 146
»	»	10	21	Анонимная	?	XIII в.	»	1		
»	»	10	21	Хызр	?	(762) г. х.	Медь	1		
»	»	Соружение	5	То же	Гюлистан	(762) г. х.	То же	1	Я. I, № 88	
»	LVI	2	3	Анонимная	Болгар	?	»	1	Я. I, № 12	
»	То же	3	41	Пасир	?	XIII в.	»	1	Я. I, № 2	
»	»	4	12	?		?	»	1		
»	»	4	12	Анонимная	Сарай	1340-е годы	Медь	1	Я. I, № 50	
»	»	5	5	То же	ал-Джедид	?		1		
»	LXVII	Соружение	2	То же	То же	1340-е годы	То же	1	Я. I, № 50	
»	То же	2	3	»	Болгар	734 г. х.	»	1	Я. I, № 37	
»	LXVIII	2	3	»	Сарай (?)	1330-е годы	»	1	Я. I, № 36	
»	То же	3	8	Подракаппе (?)	—	?	Серебро	1		
»	»	3	8	Абдуллах	Азак	765 г. х.	То же	1		
»	»	4	9	Хызр	Гюлистан	762 г. х.	Медь	1	Я. I, № 88	
»	»	4	7	?	Азак (?)	?	Серебро	1		
»	»	4	4	Анонимная	—	XIII в.	Медь	1	Я. I, № 14	
»	»	4	2	?	?	?	То же	1		
»	»	5	3	Анонимная	Сарай	1330-е годы	»	1	Я. I, № 40	
»	»	4--5	?	Тулубек-хавум	Сарай	773 г. х.	»	1	Я. I, № 106	
»	»	6	2	Али	—	—	»	1		
»	»	Соружение	10	Анонимная	Сарай	—	»	1	Я. I, № 144	
»	LXIX	То же	То же	То же	Сарай	1350-е годы	»	1	Я. I, № 130	
»	»	Северная	бровка	»	Сарай	1330-е годы	»	1	Я. I, № 40	
»	»	То же	То же	»	ал-Джедид	1340-е годы	»	1	Я. I, № 50	
»	»	28	1	»	ал-Джедид	1340-е годы	»	1	Я. I, № 50	
1980	LXX	2	6	Хызр	Гюлистан	(762) г. х.	»	1	Я. I, № 88	
То же	То же	2	27	Анонимная	Сарай	1340-е годы	»	1	Я. I, № 50	
»	»	3	3	То же	ал-Джедид	—	»	1	Я. I, № 12	
»	»	3	3	Болгар	Болгар	—	»	1		

С надчеканкой типа Я. I, № 147 — на о. с. и типа Я. I, № 151 — на л. с.

С надчеканкой типа Я. II, № 151а — С розеткой

Приложение 1 (продолжение)

Год	Раскоп	Штык	Участок	Имя хана	Город чеканки	Дата *	Металл	Кол-во ств.	Литература	Примечания
То же	То же	3	17	Авали-графная	—	XIII в.	Серебро	2	Я.П., № 16a	
»	»	3	5	Анонимная	—	XIII в.	Медь	1	Я.П., № 14	
»	LXXI	1	1	Хызр	Гюлистан	(762) г. х.	То же	1	Я.П., № 88	
»	То же	2	2	?	Сарай	?	»	1		
»	»	Сооружение	1	?	ал-Джедид	?	»	1		
»	»	То же	2	Анонимная	Сарай	(726) г. х.	»	1	Фр., № 41	
»	LXXII	1	2	?	?	?	»	3		
»	То же	1	2	Хызр	Гюлистан	(762) г. х.	»	2	Я.П., № 88	
»	»	1	2	То же	Сарай	(762) г. х.	»	3	Я.П., № 90	
»	»	Яма	2	Анонимная	ал-Джедид	1340-е годы	»	1	Я.П., № 50	
»	LXXIII	1	5	То же	Гюлистан	(766) г. х.	»	1	Я.П., № 113	
»	То же	1	9	Азиз-Шейх	Сарай	(767) г. х.	»	1	Я.2., № 42	
»	»	1	12	Анонимная	ал-Джедид	(734) г. х.	»	1	Я.П., № 37	
»	»	1	2	Хызр	Болгар	(762) г. х.	»	1	Я.П., № 88	
»	»	2	2	То же	Гюлистан	(762) г. х.	»	1	Я.П., № 88	
»	»	2	4	?	То же	?	»	1		
»	»	2	6	Анонимная	Сарай	1350-е годы	»	1		
»	»	2	6	?	ал-Джедид	?	»	1		
»	»	2	10	Хызр	?	(762) г. х.	»	1		
»	»	2	13	Анонимная	Сарай	1350-е годы	»	1	Я.П., № 88	
»	»	2	17	То же	ал-Джедид	1330-е годы	»	1	Я.П., № 40	
»	»	2	17	Хызр	Сарай	762 г. х.	Серебро	1	Я.П., № 88	
»	»	3	9	?	Гюлистан	?	Медь	1		
»	»	3	12	?	?	?	То же	1		
»	»	3	17	?	?	?	»	1		
»	»	3	17	Анонимная	?	XIII в.	»	1		
»	»	3	16	Авали-графная	—	XIII в.	»	1		

С розеткой, с чеканкой типа Я.П., № 146

С розеткой

»	»	Кана- ва	12	Анонимная	Сарай	1330-е годы	»	1	Я. I, № 40
»	LXXIV	1	11	То же	Болгар	734 г. х.	»	1	Я. I, № 37 (вариант) Я. I, № 90
»	То же	1	6	Хызр	Сарай ал-Джедид	762 г. х.	»	1	Я. I, № 50
»	»	1	10	?	?	?	Серебро	1	Я. I, № 12
»	»	2	2	Анонимная	Сарай ал-Джедид	1340-е годы	Медь	1	Я. I, № 10
»	»	2	9	То же	Болгар	—	То же	1	Я. I, № 40
»	»	2	1	?	?	?	То же	1	Я. I, № 90
»	»	2	3	Токта	Сарай	710 г. х.	Серебро	1	Я. I, № 40
»	»	2	5	Анонимная	ал-Махруса	1330-е годы	Медь	1	Я. I, № 37
»	»	2	8	Хызр	Сарай	762 г. х.	То же	1	Фр., № 45
»	»	2	9	Анонимная	Сарай	1330-е годы	»	1	Я. I, № 90
»	»	2	9	То же	Сарай	734 г. х.	»	1	Я. I, № 50
»	»	2	10	»	?	?	»	1	Я. I, № 50
»	»	3	9	»	Сарай	734 г. х.	»	1	Я. I, № 50
»	»	3	9	»	Сарай	1350-е годы	»	1	Я. I, № 50
»	»	Соружение	1	»	ал-Джедид	762 г. х.	»	1	Я. I, № 40
»	»	?	4	Хызр	То же	?	»	1	Я. I, № 88
»	»	Соружение	5	?	?	?	»	1	Я. 2, № 46а
1981	LXXV	1	2	Анонимная	Сарай	1340-е годы	»	1	Я. I, № 50
То же	То же	2	29	То же	То же	1340-е годы	»	1	Я. I, № 50
»	»	помещение	1	»	Сарай	1330-е годы	»	1	Я. I, № 40
»	»	3	28	»	Гюлистан	762 г. х.	»	1	Я. I, № 88
»	»	3	16	Хызр	Сарай	761 г. х.	»	1	Я. I, № 46а
»	»	помещение	1	Анонимная	Сарай	?	»	1	Я. I, № 50
»	»	6	6	?»	ал-Джедид	?	»	1	Я. I, № 50
»	»	помещение	4	?»	?	?	»	1	Я. I, № 50
»	»	На полу	23	?»	Сарай	1340-е годы	»	1	Я. I, № 50
»	»	помещение	1	Анонимная	ал-Джедид	1340-е годы	»	1	Я. I, № 50
»	LXXVI	1	35	То же	То же	1340-е годы	»	1	Я. I, № 88
»	То же	1	58	Хызр	Гюлистан	(762) г. х.	»	1	Я. I, № 88
»	LXXVII	1	24	Анонимная	Сарай	1330-е годы	»	1	Я. I, № 40

С розеткой

Приложение 1 (продолжение)

Год	Раскол	Штык	Участок	Имя хана	Город чеканки	Дата *	Металл	Количество	Литература	Примечания
То же	То же	1	28	Насир ?	—	XIII в.	»	1	Я.И., № 2	
»	»	1	39	Анонимная	?	?	»	1		
»	»	1	37	Мухаммед	—	XIII в.	»	1	Я.И., № 14	
»	»	Сооружение 5	5	Хорезмшах ?	—	Начало XIII в.	»	1		
»	»	Сооружение 6	6	Насир	?	?	»	1		
»	»	Сооружение 8	8	Анэши-графья	—	XIII в.	»	1	Я.И., № 2	
»	»	Сооружение 13	13	Анонимная	—	XIII в.	»	1		
»	LXXVIII	Сооружение 7	7	Насир	—	XIII в.	»	1	Я.И., № 2	
»	То же	6 23 котлован 1887 г.	23	Анонимная	Сарай ал-Джедид	1340-е годы	»	1	Я.И., № 50	
1982	LXVII	—	22	Хызр	Гюлистан	762 г. х.	»	1	Я.И., № 88	
То же	То же	13 26—27 сооружение 17	27	Узбек	Курям	—	»	1	Фр., № 66	
»	»	3	27	Хызр	Гюлистан	(762) г. х.	»	1	Я.И., № 88	
»	»	5	26	То же	Сарай	(762) г. х.	»	3	Я.И., № 90	
»	»	5	26	»	ал-Джедид	762 г. х.	»	2	Я.И., № 88	
»	»	5	26	Анонимная	Сарай	1340-е годы	»	1	Я.И., № 50	
»	»	5	26	Хызр	ал-Джедид	762 г. х.	»	2	Я.И., № 90	
»	»	5	26	То же	То же	(762) г. х.	»	1	Я.И., № 88	
»	LXXV	3	3	Анонимная	Сарай	749 г. х.	»	1	Я.И., с. 400, рис. 3, 6	
»	То же	9	38	Хызр	ал-Джедид	(762) г. х.	»	1	Я.И., № 88	
»	»	9	38	Насир	Гюлистан	XIII в.	»	1	Я.И., № 2	
»	»	3	15	Хызр	Сарай	(762) г. х.	»	1	Я.И., № 90	
»	»	—	13	Анонимная	ал-Джедид	1340-е годы	»	1	Я.И., № 50	
»	LXXXI	3	Отвал	»	То же	?	»	1		
»	»	3	3	Анонимная	—	XIII в.	»	1	Я.И., № 14	

Приложение I (окончание)

Год	Раскоп	Штык	Участок	Имя хана	Город чеканки	Дата *	Металл	Листы	Литература	Примечания
То же	То же	4	5	Авошпал	Сарай ал-Джедид	1350-е годы	»	1	Я. I, № 50	
»	»	4	4	?	?	?	»	1		
»	»	4	4	Анонимная	Болгар	734 г. х.	»	1	Я. I, № 37	
»	»	4	14	Хызр	Сарай	762 г. х.	»	1	Я. I, № 90	
»	»	5	2	?	ал-Джедид	?	»	1		
»	»	6	1	Насир	?	XIII в.	»	1	Я. I, № 2	
»	»	6	10	?	?	?	Серебро	1		
»	»	8	1	Насир	?	XIII в.	Медь	1	Я. I, № 2	
»	»	8	14	?	?	?	То же	1		
»	»	9	9	?	?	?	»	1		
»	»	9	9	?	?	?	»	1	Я. I, № 37	
»	»	9	9	?	?	?	»	1	Я. I, № 90	
»	LXXXVI	1	Отвал	Анонимная	Болгар	734 г. х.	»	1		
»	»	1	12	Хызр	Сарай	(762) г. х.	»	1		
»	»	1	14	?	ал-Джедид	?	»	1		
»	»	2	2	?	?	?	»	1		
»	»	2	3	?	Сарай (?)	?	»	1	Я. I, № 36, 40	
»	»	2	3	Авошпал	?	1330-е годы	»	1	Я. I, № 88	
»	»	2	3	Хызр	Гюлистан	762 г. х.	»	1		
»	»	2	9	То же	?	(762) г. х.	»	1		
»	»	2	19	?	?	?	»	1		
»	»	2	20	Хызр	Гюлистан	(762) г. х.	»	1	Я. I, № 88	
»	»	2	1	?	?	?	»	3		
»	»	3	3	Анонимная	?	XIII в.	»	1	Я. I, № 14	
»	»	3	16	То же	—	XIII в.	»	1	Я. I, № 14	
»	»	3	14	Джашибек	Хорезм	747 г. х.	»	1	Ф.-Д., № 5	
»	»	4	12	?	?	?	»	3		

* В скобках указаны даты, определенные по сходству типа.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Случайные находки на Болгарском городище
(1974—1983 гг.)

Имя хана	Город чеканки	Дата	Количество	Литература	Примечания
<i>Серебряные монеты</i>					
Менгу	Болгар	XIII в.	2	Я. I, № 3	
Аряг-Буга (?)	То же	XIII в.	1	Я. I, № 5	
Анонимная	—	XIII в.	4		Разных типов
Анэпиграфная	—	XIII в.	1	Я. I, № 19	
То же	—	XIII в.	1	Я. I, № 21	
Анонимная	—	XIII в.	1	Фр., № 379	
Анэпиграфная	—	XIII в.	1	Я. I, № 23	
Туда-Менгу	Болгар	XIII в.	1	Фр., № 13	
Анэпиграфная	—	XIII в.	2		Разных типов
Анонимная	Болгар	XIII в.	1	Фр., № 371	
Насир	То же	Конец XIII в.	1	Я. II, № 10a	
Токта	Сарай-ал-Махруса	710 г. х.	1	Я. I, № 10	
То же	Узбек	?	1		
Узбек	Сарай	737 г. х.	2	Я. I, № 39	
То же	То же	740 г. х.	1	Я. I, № 44	
»	»	(739—740) г. х.	1	Я. I, № 44	
»	»	?	2	Я. I, № 28	
»	»	?	4		
»	»	71? г. х.	1	Я. II, № 27a	
»	Болгар ал-Махруса	724 г. х.	1		
»	То же	(721) г. х.	1		
»	»	722 г. х.	1	Я. II, № 30a	
»	»	731 г. х.	3	Я. II, № 32a	
»	»	732 г. х.	1		
»	»	?	1	Я. I, № 29	
Джанябек	Сарай ал-Джедид	743 г. х.	2	Я. I, № 47	Обрезана
То же	То же	745 г. х.	2	Я. 2, № 17	
»	»	746 г. х.	1		
»	»	747 г. х.	4	Я. I, № 57	
»	»	747 г. х.	1	Рес., р. 234, № 23	
»	»	747 г. х.	1		Обрезана
»	»	747 г. х.	1	Я. 2, № 19a	
»	»	748 г. х.	2		
»	»	753 г. х.	1	Я. I, № 71	
»	»	?	1		
»	Гюлистап	752 г. х.	1	Я. I, № 65	
»	То же	752 г. х.	1	Я. I, № 65	Обрезана
»	»	?	1		
Бирдябек	Сарай ал-Джедид	(759—760) г. х.	1		
То же	Гюлистап	759 г. х.	2	Я. I, № 75	
»	То же	760 г. х.	1	Я. I, № 77	
»	»	760 г. х.	1	Я. I, № 77	Обрезана

Приложение II (продолжение)

Имя хана	Город чеканки	Дата	Количество	Литература	Примечания
Науруз	Сарай ал-Джедид	761 г. х.	1		
Хызр	То же	(762) г. х.	1	Я. I, № 89	
Азия-Шейх	Гюлистан	768 г. х.	1		
Узбек	Сарай ал-Махруса	722 г. х.	1	Я. I, № 31	Обрезана С падчеканкой типа Я. I № 153, обреза- на
?	?	?	2		С той же над- чеканкой
?	?	?	9		В том числе обрезаны 2 экз.
<i>Медные монеты</i>					
Насир	—	XIII в.	99	Я. I, № 2	
Менгу	Болгар	XIII в.	16	Я. I, № 4	
То же	То же	XIII в.	33	Я. I, № 4	Чеканены на монетах Наси- ра
Авоиямная	»	—	72	Я. I, № 12	
То же	—	XIII в.	135	Я. I, № 14	
»	—	XIII в.	3	Я. I, № 14	Перекладина тамги с другой стороны
»	—	XIII в.	1	Я. I, № 11	
»	—	XIII в.	4		Разных типов
»	—	XIII в.	2		Сильно стерты
Авоияграфная	—	XIII в.	2	Я. II, № 26a	
Насир	Болгар	Конец XIII в.	1	Я. II, № 10a	
Авоиямная	Сарай	721 г. х.	1	Я. I, № 30	
То же	То же	726 г. х.	1	Фр., № 41	
»	»	731 г. х.	6	Я. I, № 34	
»	»	737 г. х.	6	Я. I, № 40	
»	»	1330-е годы	131	Я. I, № 36, 40	
»	Сарай (?)	1330-е годы	39	Я. I, № 36, 40	
»	Сарай	(749) г. х.	9	Я. II, с. 400, рис. 3, 6	
»	То же	—	2	Я. I, № 129	
»	»	787 г. х.	1	Я. I, № 122	
»	»	790 г. х.	2	Я. I, № 124	
»	Сарай ал-Джедид	743 г. х.	1	Я. I, № 48	
»	То же	749 г. х.	6	Я. II, с. 400, рис. 3, 6	
»	»	1340-е годы	246	Я. I, № 50	
»	»	1340-е годы	1	Я. I, № 50	На обеих сто- ронах орел
»	»	751 г. х.	2	Я. II, с. 400, рис. 3, 5	
»	»	1340-е годы	1	Я. I, № 50	Перечеканена из монеты ти- па Я. I, № 40

Приложение II (продолжение)

Имя хана	Город чеканки	Дата	Количество	Литература	Примечания
То же	То же	750 г. х.	1	Я.2, № 23	
»	»	752 г. х.	4		С розеткой
»	»	753 г. х.	2		То же
»	»	1350-е годы	51		»
»	»	760 г. х.	2	Я.2, № 45	
»	»	761 г. х.	2	Я.2, № 46а	
»	»	1350-е годы	1		Перечеканена из монеты типа Я.1, № 40
Хызр	»	762 г. х.	58	Я.1, № 90	
То же	»	(762) г. х.	54	Я.1, № 90	
Кильдибек	»	(763) г. х.	1	Я.1, № 94	
Азиз-Шейх	»	767 г. х.	1	Я.2, № 42	
Тулунбек	»	773 г. х.	1	Я.1, № 106	
Анонимная	»	776 г. х.	1	Я.11, № 115а	
То же	»	—	6	Я.1, № 132	
»	»	(790) г. х.	1		
»	»	791 г. х.	1	Я.111, № 124в	
»	»	794 г. х.	1		
»	»	?	1		
Хызр	Гюлистан	762 г. х.	93	Я.1, № 88	
То же	То же	(762) г. х.	33	Я.1, № 88	
Анонимная	»	764 г. х.	1	Я.1, № 112	
То же	»	766 г. х.	2	Я.1, № 113	
»	Болгар	734 г. х.	73	Я.1, № 37	
»	То же	(734) г. х.	23	Я.1, № 37	
»	Мохша	736 г. х.	2	Фр., № 55	
»	То же	751 г. х.	1	Я.1, № 63	
»	»	?	1		
»	Барджин	753 г. х.	1	Я.1, № 68	
»	Хорезм	737 г. х.	1	Я.1, № 41	
Джанибек	То же	749 г. х.	1	Ф-Д., № 6	
Кульва	»	761 г. х.	1	Ф-Д., № 15	
Черкес-бек	Хаджи-Тархан	776 г. х.	1	Я.1, № 107	
Анонимная	Орда ал-Муаззам	(791) г. х.	2	Я.11, № 124б, Я.2, № 56	
То же	Крым	?	1		
Узбек	?	?	1		
Хызр	?	?	1		
Абдаллах	—	—	1	Я.2, № 41	
Тохтамыш	—	—	2	Я.11, № 138а	
То же	—	—	1	Я.1, № 127	
Али	—	—	126	Я.1, № 144	
?	Орда	?	1		
Анонимная	—	—	3	Я.1, № 140	
То же	—	—	1	Я.1, № 141	
»	—	—	1	Я.1, № 143	
»	—	—	2	Я.1, № 142	
»	Сарай ал-Джедид	1350-е годы	1		С розеткой и надчеканкой типа Я.1, № 150
Хызр	То же	(762) г. х.	1	Я.1, № 90	То же
Анонимная	»	791 г. х.	1	Я.1, № 124	»

Имя хана	Город чеканки	Дата	Количество	Литература	Примечания
То же	То же	791 г. х.	1	Я. III, № 124в	То же
»	»	—	1	Я. I, № 133	»
»	»	768 г. х.	2	Я. I, № 115	»
»	»	?	1		»
»	Сарай	1330-е годы	1	Я. I, № 40	»
»	То же	787 г. х.	4	Я. I, № 123	»
»	»	787 г. х.	2	Я. I, № 122	»
»	»	—	1	Я. I, № 143	»
»	»	?	8		»
»	»	?	45		»
?	Хаджи-Тархан	?	1		С надчеканкой типа Я. I, № 151
?	?	?	1		То же
?	Хорезм	?	1		С надчеканкой типа Я. II, № 151а
?	Сарай	?	6		С надчеканкой типа Я. I, № 147
?	?	?	4		То же
?	?	?	3		С надчеканкой типа Я. IV, № 147а
Анонимная	Сарай ал-Джедид	1350-е годы	1		С розеткой и надчеканкой типа Я. I, № 146
Хызр	То же	762 г. х.	7	Я. I, № 90	То же
То же	Гюлистан	762 г. х.	5	Я. I, № 88	»
?	?	?	6		»
?	?	?	3		С надчеканкой типа Я. II, № 146в
?	?	?	1		С надчеканкой типа рис. 20, 20
Хызр	Гюлистан	762 г. х.	1	Я. I, № 88	С надчеканками типа Я. I, № 142 и типа рис. 20, 20
Анонимная	Сарай ал-Джедид	767 г. х.	1	Я. I, № 114	С неопределенной надчеканкой
То же	То же	(786) г. х.	1	Я. II, № 121а	То же
»	Сарай	790 г. х.	1	Я. I, № 124	»
?	?	?	245		»
<i>Монеты других государств</i>					
Анонимная	Ольвия	III в. до н. э.	1		Медь
Византийская	—		1		Серебро
Авдроник II и Михаил IX Палеологи	?	71? г. х.	1		Серебро
Хулагуиды, Абу-Санд					

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Случайные находки на городище Ага-Базар
(1974—1983 гг.)

Имя хана	Город чеканки	Дата	Количество	Литература	Примечания
<i>Серебряные монеты</i>					
Анонимная	—	XIII в.	1	Я. I, № 13	
Токта	Сарай-ал-Мах- руса	710 г. х.	1	Я. I, № 10	
Узбек	Сарай	?	1	Я. I, № 39	Обрезана
То же	?	?	1		
»	Болгар ал-Мах- руса	?	1		То же
»	Крым	726 г. х.	1		»
Джанибек	Сарай ал-Дже- дид	741 г. х.	1	Я. I, № 45	»
То же	То же	743 г. х.	1	Я. I, № 47	
»	»	746 г. х.	1	Я. 2, № 18	»
»	»	747 г. х.	2		»
»	»	?	3		»
»	Гюлистан	752 г. х.	1		»
Науруз	Сарай ал-Дже- дид	761 г. х.	1	Фр., № 124	»
Хызр	Гюлистан	761 г. х.	1	Я. I, № 84	»
Мюрид	То же	764 г. х.	1	Я. I, № 96	
Тохтамыш	Хорезм	?	1	Ф-Д., № 32	
?	Орда (?)	?	2		»
?	?	?	5		»
Подражания	—	—	5		»
Шадибек	Сарай	806 (?) г. х.	1		
<i>Медные монеты</i>					
Насир	Болгар	XIII в.	8	Я. I, № 2	
Анонимная	—	XIII в.	2	Я. I, № 14	
То же	Сарай	(731) г. х.	1	Я. I, № 34	
»	То же	1330-е годы	1	Я. I, № 40	
»	Сарай (?)	1330-е годы	2	Я. I, № 40	
»	Сарай	787 г. х.	1	Я. I, № 122	
»	То же	(787) г. х.	1	Я. I, № 123	
»	»	—	1	Я. I, № 129	
»	Сарай ал-Дже- дид	749 г. х.	1	Я. II, с. 400, рис. 3, 6	
»	То же	1340-е годы	10	Я. I, № 50	
»	»	1350-е годы	5	Я. I, № 67	
Хызр	»	762 г. х.	7	Я. I, № 90	
Хайр-Пулад	»	(764) г. х.	1	Я. I, № 98	
Анонимная	»	—	2	Я. I, № 132	
Хызр	Гюлистан	762 г. х.	14	Я. I, № 88	
Анонимная	То же	764 г. х.	1	Я. I, № 112	
Тохтамыш	—	—	1	Я. II, № 138a	
Али	—	—	2	Я. I, № 144	

Имя хана	Город чеканки	Дата	Количество	Литература	Примечания
Анонимная	—	—	2	Я.І, № 140	
То же	Сарай	787 г. х.	1	Я.І, № 123	С надчеканкой типа Я.І, № 150
?	?	?	2		То же
Анонимная	Сарай	787 г. х.	1	Я.І, № 123	С надчеканкой типа Я.І, № 146
Хызр	Сарай ал-Джедид	762 г. х.	1	Я.І, № 90	То же
?	?	?	2		»

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Я.І. — Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг. // МИА. М., 1954. № 42
- Я.ІІ. — Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953—1954 гг. // МИА. М., 1958. № 61
- Я.ІV. — Янина С. А. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946—1958 гг.) // МИА. М., 1962, № 111
- Я.2. — Янина С. А. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1969—1962 гг. // Поволжье в средние века. М., 1970
- Ф-Д. — Федоров-Давыдов Г. А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // НЭ. М., 1965. Т.V
- Фр. — Френ Х. М. Монеты ханов Улуса Джучиева, или Золотой Орды, с монетами разных пных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб., 1832
- Rec. — Fraehni Recensio Numorum Muhammedanorum. Petropoli, 1826

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ У ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА БОЛГАРА И ЕГО ОКРУГИ

Ю. А. Краснов

О большой роли земледелия в экономике государства волжских болгар свидетельствуют письменные источники. Ибн Фадлан, посетивший город Болгар в 922 г. с посольством халифа Муктадира, говорил о болгарях, что «пища их — просо и мясо лошади, но и пшеница, и ячмень [у них] в большом количестве»[1]. Арабский географ начала X в. Ибн Русте подчеркивал: «Болгаре — народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как то: пшеницу, ячмень, просо»[2]. Из более поздних источников можно заключить, что земледелие не только удовлетворяло внутренние потребности страны, но по крайней мере с XI в. давало определенный прибавочный продукт, шедший на экспорт. Так, русские летописи под 1024 г. сообщают: «Бе мятеж велик и голод по всей... стране, идоша по Волзе вси людье в Болгары и привезоша жито и тако ожиша». В 1229 г. во время неурожая в ряде русских земель «болгары возили жито во все грады русские и продавали, и тем великую помощь сделали»[3]. Относительно более позднего времени А. Ю. Якубовский на основе сопоставления различных источников справедливо отмечал, что «Булгар с его областью был самым важным в Золотой Орде земледельческим районом»[4].

Однако письменные источники по интересующему нас вопросу немногочисленны и содержат слишком общие сведения. Основным материалом для изучения земледелия Волжской Болгарии являются археологические данные. Ведущая роль среди них принадлежит находкам деталей почвообрабатывающих орудий, которые у болгар, безусловно, были упряжными пахотными, и палеоботаническому материалу, т. е. остаткам зерен культурных растений и сопутствующих им сорняков.

Исследованию пахотных орудий Волжской Болгарии посвящены специальные работы А. Штукенберга и А. В. Кирьянова[5]. Их характеристике уделяли внимание А. П. Смирнов, Ш. Ф. Мухаммедьяров, Н. А. Халиков и некоторые другие историки. Новые археологические находки и новый подход к их исследованию[7] позволяют существенно уточнить и дополнить имеющиеся по этой проблеме выводы.

Палеоботанические остатки из болгарских памятников, в том числе из раскопок на Болгарском городище, изучались А. В. и Н. А. Кирьяновыми в лаборатории Института археологии АН СССР, В. В. Туганаевым и Т. П. Ефимовой — в лаборатории Удмуртского университета. Результаты исследований частично опубликованы[8].

Болгарская деревня археологически почти не изучена. Поэтому при характеристике земледелия Волжской Болгарии приходится довольствоваться главным образом материалами, обнаруженными при исследовании городских центров, а также случайными находками. Это обстоятельство не может существенно исказить картину болгарского земледелия в целом. Земледельческие орудия изготовлялись в то время прежде всего городскими ремесленниками и из городов поступали в сельскую местность. Во всей Европе средневековые горожане наряду с ремеслом и торговлей занимались и земледелием. В эпоху феодализма развитие земледелия (точнее, его

уровень) было по существу одинаковым и в сельской местности, и у горожан.

Аналогичным образом и о развитии земледелия древней Руси мы судим прежде всего по находкам в городах.

Анализ археологических находок из одного какого-либо центра, например, города Болгара, не может дать полноценных выводов о состоянии земледелия из-за относительной немногочисленности материала. Такие данные необходимо рассматривать на общем фоне аналогичных материалов со всей территории расселения волжских болгар.

* * *

Основными источниками для суждения о пахотных орудиях Волжской Болгарии и их устройстве являются археологические находки их железных частей. Ниже приведены результаты исследования более 60 наконечников рабочих органов пахотных орудий, чересел и сошных полиц, происходящих с территории расселения волжских болгар и по ряду признаков отнесенных к раннеболгарскому, домонгольскому и золотоордынскому периодам. Эти материалы хранятся главным образом в Государственном музее ТАССР, Государственном историческом музее, Чувашском республиканском краеведческом музее, Государственном Эрмитаже, Кабинете археологии Казанского университета. Несколько таких находок имеется в собрании Национального музея Финляндии в Хельсинки, в фондах Болгарского историко-архитектурного заповедника.

Значительная часть этого обширного материала недостаточно документирована. В большинстве своем находки происходят из случайных сборов, причем точное местонахождение предметов можно установить далеко не всегда. Лишь немногие экземпляры найдены при систематических археологических исследованиях и имеют более или менее точную дату. По аналогии с этими последними может быть ориентировочно определен и возраст других находок. Это позволяет наметить основные вехи в хронологическом развитии болгарских пахотных орудий. Из общего числа находок с Болгарским городищем и его ближайшими окрестностями связывается не менее 14 экз.[9]

В рассматриваемом материале 17 экз. представлены чересла — крупные массивные ножи, предназначенные для разрезания земли в вертикальной плоскости перед тем как она будет поднята рабочим органом орудия (из них восемь — с Болгарского городища и из его ближайших окрестностей); четыре экз. — сошные полицы, своеобразные отвальные приспособления в виде лопаточки, устанавливаемые только на сохах (из них одна — с Болгарского городища). Остальные находки являются наконечниками рабочих частей различных разновидностей пахотных орудий. По предложенной нами классификации[10] подавляющее большинство таких наконечников относится к отделу втульчатых, т. е. они соединялись с деревянной рабочей частью орудия при помощи втулки, в которую переходит их рабочий орган — лопасть. Семь из них принадлежит к группе I, 13 — к группе III (из них три — из Болгар), 27 — к группе IV (в том числе не менее трех — из Болгар). Наконечники группы II отсутствуют. Два наконечника (из школьного музея с. Алексеевское Алексеевского р-на ТАССР и Государственного музея ТАССР) принадлежат к отделу черешковых: их рабочая часть в виде лопасти ромбовидной формы непосредственно переходит в более или менее длинный черешок, которым наконечник скреплялся с деревянными частями пахотного орудия.

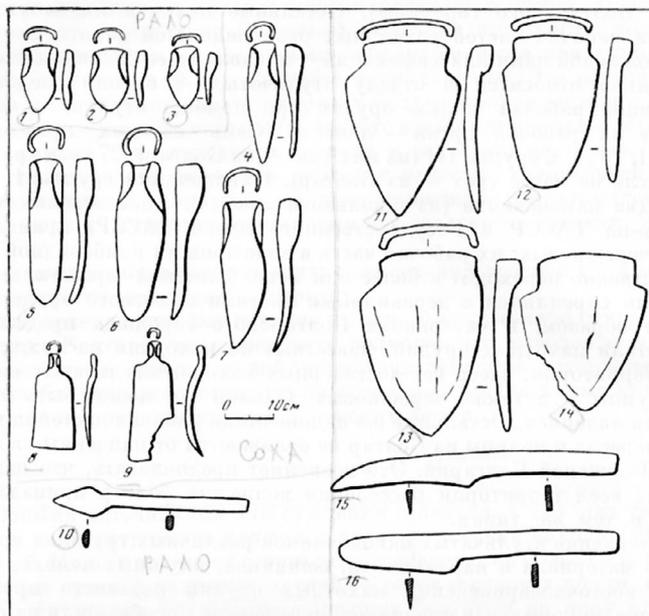
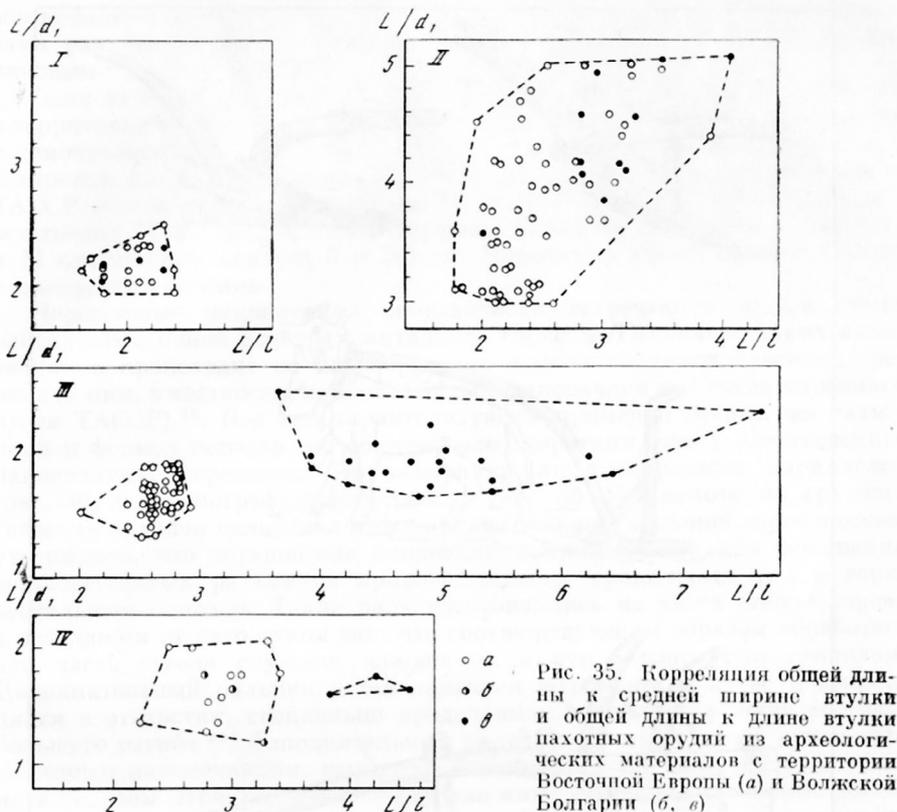

Рис. 34. Наральники (1–3, 10), сошники (4–7), сошные полицы (8, 9), плужные лемехи (11–14) и чересла (15, 16)

1, 2 — б. Лаишевский и Тетюшский уезды Казанской губернии (по А. Штукенбергу); 3 — б. Лаишевский уезд Казанской губернии (ГМТР); 4, 5, 10, 13, 16 — происхождение неизвестно (ГМТР); 6 — Альметьево (ГИМ); 7, 8, 12, 15 — Болгары (ГИМ); 9 — Вилдр (Национальный музей Финляндии); 11 — б. Тетюшский уезд Казанской губернии (ГИМ); 14 — Болгары (кафедра археологии МГУ)

Таким образом, в материалах Болгарского городища представлены не все детали пахотных орудий, известные по находкам на волжскоболгарской территории: здесь нет достоверных находок втульчатых наконечников группы I, а также черешковых. Однако это может быть и чисто случайным явлением. Остальные же наконечники рабочих частей пахотных орудий, чересла и полицы из Болгар не отличаются от найденных в других районах Волжской Болгарии. Это позволяет предполагать, что пахотные орудия на всей территории расселения волжских болгар принадлежали к одним и тем же типам.

Сопоставление втульчатых наконечников различных групп из археологического материала и наральников, сошников, плужных лемехов традиционных восточноевропейских пахотных орудий недавнего прошлого, проведенное по комплексу признаков, отражающих особенности их формы, размеры и пропорции[11], позволяет достаточно надежно относить «археологические» наконечники группы I к ралам различной конструкции и называть наральниками; группы III — к сохам и называть сошниками; группы IV — к плугам и сабанам и называть плужными лемехами. Анализ черешковых наконечников заставляет относить их также к ралам определенной конструкции[12].

I — наконечники типа IB1; II — сошки; III — симметричные лемехи; IV — асимметричные лемехи

Обратимся к более подробной характеристике наконечников болгарских пахотных орудий и возможной реконструкции применявшихся здесь рал, сох и плугов.

Все втульчатые наконечники группы I, найденные на волжскоболгарской территории, которые мы относим к наральникам (рис. 34, 1—3), принадлежат к одному типу IB1[13]. Для них характерны очень небольшие размеры: общая длина (L) составляет всего 11,5—15 см, средний диаметр втулки (d_1) — 5,5—6,8 см, длина втулки (1) — 5—8 см, наибольшая ширина лопасти (d_2) — 6—7 см. Ширина лопасти таких наконечников превышает среднюю ширину втулки не более чем на 1 см, переход от втулки к лопасти оформлен в виде слабообразованных плечиков. Пропорции наконечников характеризуются следующими основными отношениями: $L/d_1 = 2—2,3$; $L/d_2 = 1,9—2,3$; $L/l = 1,6—2,3$. Втулка обычно несколько расширена к тыльной части, лопасть в продольном сечении загнута в сторону втулки так, что острие лежит на плоскости, образованной нижними гранями втулки. Последнее обстоятельство свидетельствует, что такие наконечники работали в положении, близком к горизонтальному[14].

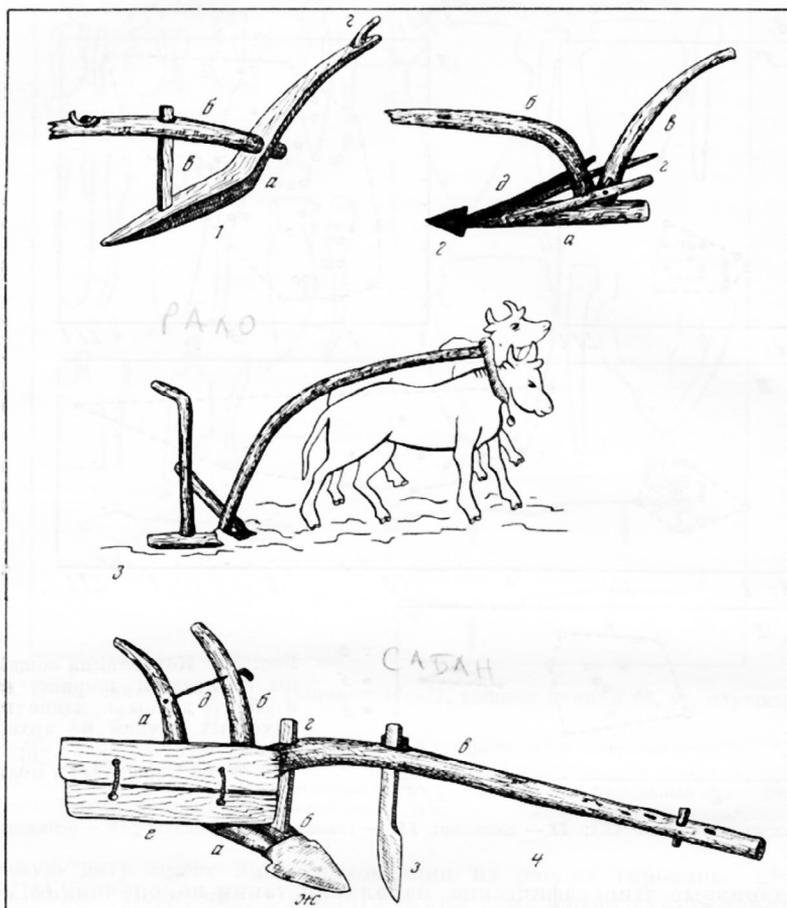

Рис. 36. Некоторые этнографические и иконографические параллели нахотным орудиям из Волжской Болгарии

1 — однорукоятное прямогрядильное рало с близким к горизонтальному положением рабочей части из Киевской обл. (а — конструкция рукоять—ральник; б — грядиль; в — стойка; г — держак. Наральник снят); 2 — грядильное кривогрядильное рало с цельножелезным дополнительным ральником из Болгарии (а — полоз, образующий одно целое с грядилем; б — грядиль; в — рукоятка; г — отвальное приспособление; д — дополнительный ральник); 3 — кривогрядильное рало с дополнительным ральником по миниатюре из византийской рукописи «Слов Григория Богослова» (XI в.); 4 — сабан начала XIX в. из Среднего Поволжья (а — правая рукоять с правой деталью полоза; б — левая рукоять с левой деталью полоза; в — грядиль; г — стойка; д — железный штырь, соединяющий рукояти; е — отвал; ж — лемех; з — чересло)

Точную дату имеет лишь наконечник из района городища Шолом VII—VIII вв.[15] Возможно, с домонгольским комплексом связан такой же наральник из местности Таш-Кирмень в Лаишевском р-не ТАССР[16].

Наконечники типа Б1 не были характерны только для волжскоболгарских земель. Они широко распространены в Центральной и Восточной Европе с первых веков нашей эры до средневековья[17], известны, в частности, на памятниках Черняховской культуры и некоторых древнерусских поселениях домонгольского времени. Для нашей темы важно отметить, что такие наконечники найдены на памятниках Среднего Поволжья доболгарского времени: в Азелинском могильнике[18], на городище Ош-Пандо в Мордовии[19], памятниках именьковского типа[20]. По форме, размерам и пропорциям болгарские наконечники рассматриваемого типа ничем не отличаются от доболгарских или найденных в других районах Восточной Европы (рис. 35, 1). Это позволяет предполагать, что ими на всей этой обширной территории оснащались близкие по устройству разновидности рал.

Единичные этнографические параллели таким наконечникам можно указывать на территории Украины: там в недавнем прошлом ими снабжались небольшие рала, сравнительно короткая рабочая часть которых находилась в положении, близком к горизонтальному, но не всегда образовывала развитый полоз[21]. По строению острова, или скелета (т.е. по особенностям устройства и сочленения основных частей), такие рала относились либо к однорукояточным прямогрядильным (рис. 36, 1), либо к генетически связанным типам[22]. Давнее бытование однорукояточных прямогрядильных рал в Среднем Поволжье можно предполагать по этнографическим наблюдениям. Действительно, основные черты их устройства – наличие цельной конструкции рукоять-ральник, иногда прямой грядиль-явственно прослеживаются у легких одноруальных сабанов и так называемых лемехов, имевших распространение здесь еще в конце XIX в.[23]

В свете этих данных предположение А.В. Кирьянова о принадлежности рассматриваемых наконечников из Волжской Болгарии многозубым сохам[24] представляется лишенным оснований. Сошники многозубых сох из этнографических материалов по особенностям формы, пропорциям и размерам не имеют ничего общего с рассматриваемыми[25]. Недостаточно обоснованной кажется и идентификация таких наральных с наконечниками рал без полоза, или бесподошвенными, предложенная Н.А. Халиковым[26].

Один из болгарских черешковых наконечников происходит, вероятно, с территории Алексеевского городища или селища и может быть отнесен к домонгольскому или даже раннеболгарскому времени. Место находки и датировка другого (рис. 34, 10), хранящегося в Государственном музее ТАСС (без инв. №), неизвестны[27]. Общая длина наконечников соответственно 77 и 38, 5 см, длина черешка 63 и 27,5 см, длина лопасти 14 и 11 см, ширина лопасти 6 и 5,3 см. Черешок у обоих прямоугольный в поперечном сечении.

Черешковые наконечники спорадически встречаются в различных районах Восточной Европы с античного времени. Несколько таких наконечников происходит из древнерусских поселений домонгольского времени (к ним, в частности, наиболее близок наконечник из Государственного музея ТАММ)[28]. Все они характеризуются примерно такими же размерами и формой лопасти, но обычно более коротким, чем у алексеевского наконечника, черешком. На основании этнографических параллелей (рис. 36, 2), иконографических данных (рис. 36, 3) и некоторых археологических

находок целых пахотных орудий можно с большой вероятностью утверждать, что черешковые наконечники применялись для оснащения дополнительных ральников кривоградильных градильных рал с горизонтальным полозом. Такие рала изготовлялись из части ствола дерева с отходящим от него суком так, что соответствующим образом обработанная часть ствола служила ральником, а сук – изогнутым градилем. Дополнительный ральник устанавливался под углом к почве и закреплялся в отверстии, специально проделанном в градиле в месте его наибольшего изгиба[29]. Дополнительный ральник, который часто оснащался железным наконечником, взрыхлял землю перед тем как она будет поднята полозом. При наклоне его в ту или иную сторону можно было достигать частичного оборота поднятой земли. Рала рассматриваемого типа из Волжской Болгарии, судя по их наконечникам, не отличались по размерам от применявшихся в других районах Восточной Европы.

Сошники с территории Волжской Болгарии сравнительно немногочисленны, но разнообразны и принадлежат к четырем типам.

Одним экземпляром представлены наконечники типа IIIA1 (рис. 34, 4), характеризующиеся симметричной лопастью уже втулки и небольшими размерами (общая длина всего 19 см)[30], двумя – наконечники типа IIIB1 (рис. 34, 5), для которых характерны симметричная лопасть, на большей части длины равная по ширине втулке, а также значительные размеры. Длина болгарских наконечников этого типа 27–28 см, ширина втулки 6,8–7 см, длина втулки 9–10 см[31].

Значительно большее распространение имели сошники с лопастью, ширина которой превышает ширину втулки (рис. 34, 6, 7), симметричные (тип IIIB1, 5 экз., в том числе в Болгарах – 2) и ассиметричные (тип IIIB2, 4 экз., в том числе в Болгарах и на Ага-Базаре – 2). Длина (L) от 24,5 до 33 см, диаметр втулки (d1) 5,5–8 см, длина втулки (l) 7,5–10 см, наибольшая ширина лопасти (d2) 7–9 см. Пропорции характеризуются следующими основными отношениями: $L/d1=4,1-5$; $L/d2=3-4,3$; $L/l=2,8-4,1$. Лопасть в продольном сечении, как и у сошников других типов, обычно отогнута в противоположную от втулки сторону, поперечное сечение втулки округлое.

По форме, размерам и пропорциям болгарские сошники не отличаются от найденных в других районах Восточной Европы, в том числе в древней Руси (рис. 35, II).

В значительно более представительном русском материале сошники типа IIIA1 (наиболее ранний их тип) появляются в VIII—начале IX в., типа IIIB1 — примерно с XI в., типа IIIB2 — не ранее XII в. Однако все они бытовали длительное время и находят соответствия даже в этнографическом материале. Поэтому принадлежность к тому или иному типу не может служить достаточным основанием для датировки. Наиболее ранние датированные экземпляры болгарских сошников происходят из клада на одном из Семеновских селищ, который отнесен А. Х. Халиковым к концу XII—началу XIII в.[32] Эту дату до появления новых материалов следует признать наиболее вероятным временем появления сохи на территории Волжской Болгарии. Золотоордынским периодом датируется наконечник типа IIIB2 из Ага-Базара[33]. Остальные, как и полицы (рис. 34, 8, 9), не имеют точной даты. Полицы из находок на рассматриваемой территории ничем не отличаются от найденных на Руси и в Прибалтике.

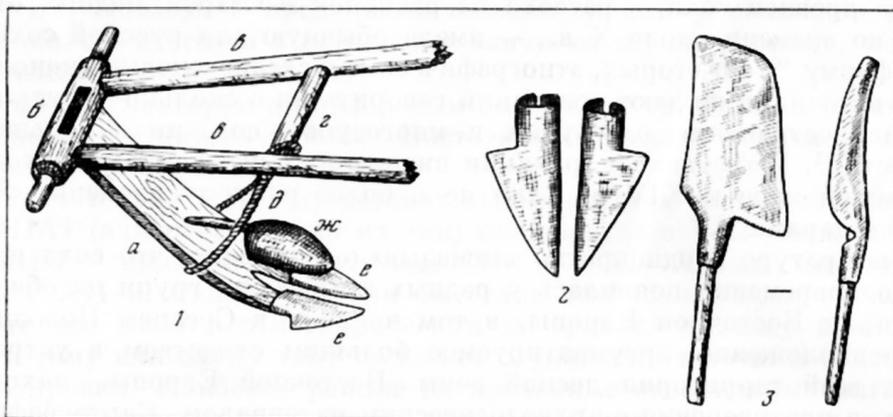

Рис. 37. Русская перекладная соха (1), ее сошники (2) и полица (3)
 а — рассоха; б — рогаля; в — оглобли (обки); г — перечень; д — подвои; е — сошники; ж — поли

Интерпретация асимметричных сошников, отнесенных нами к типу IIIВ2 (рис. 34, 7), не вызывает сомнений: все исследователи относят их к двузубым орудиям, что подчеркивается и асимметричностью их лопасти. По форме и размерам они хорошо сопоставляются с перовыми (т. е. имеющими перо — расширение лопасти) сошниками русских сох из этнографических материалов. По поводу сошников с симметричной лопастью (рис. 34, 4—6) существуют различные точки зрения. Многие исследователи относят все или по крайней мере небольшие симметричные сошники к трехзубым или многозубым орудиям[34]. М. А. Миролюбов считает сошники из Старой Ладogi, аналогичные наконечникам типа IIIА1, принадлежащими однозубым сохам[35]. В. И. Довженок относит симметричные сошники частично к многозубым, частично к однозубым орудиям[36]. В то же время А. В. Чернецов и ряд других исследователей[37] связывают все сошники, в том числе и симметричные небольшие, с двузубыми сохами. Последнее предположение кажется наиболее вероятным.

Действительно, сторонники отнесения всех или части симметричных сошников к многозубым орудиям исходили по существу лишь из гипотезы П. Н. Третьякова о происхождении сохи от бороны-суковатки и «исконной многозубости» сохи[38]. Но эта гипотеза в свете этнографических материалов, данных письменных источников и средневековой иконографии представляется весьма сомнительной[39]. Отмечалось также, что двузубым орудиям могут соответствовать только асимметричные сошники. Но последнее не подтверждается этнографическими наблюдениями: среди коловых (т. е. не имеющих пера) сошников обычных двузубых сох, аналогичных наконечникам типа IIIБ1 из археологических материалов, нередко симметричные. Три важных аргумента говорят в пользу того, что все сошники из археологических материалов следует считать наконечниками именно двузубых сох. Во-первых, единственная археологическая находка части корпуса древней сохи — рассоха из раскопок в

Старой Ладогe, относящаяся ко времени около X в., — имела обычную для русской сохи двузубую форму[40]. Во-вторых, этнографические и средневековые иконографические источники не дают оснований говорить ни о сколько-нибудь широком распространении однозубых и многозубых сох, ни о большой их древности[41]. В-третьих, в традиции письменных источников, восходящей по крайней мере к XIV в., если не к более раннему времени, считать сошники парами[42].

В литературе неоднократно высказывалось мнение, что соха практически одновременно появилась у разных этнических групп на обширной территории Восточной Европы, в том числе и в Среднем Поволжье[43]. Это предположение, аргументируемое большим сходством в устройстве сох на всей территории лесной зоны Восточной Европы, находится, однако, в противоречии с археологическим материалом. Картографирование разновременных находок сошников показывает, что соха как особое пахотное орудие сформировалась не позднее конца I тысячелетия н. э. на сравнительно узкой территории северо-запада европейской части СССР, по всей вероятности, в восточнославянской среде. Именно здесь — в Старой Ладогe, Новгороде, в культурном слое Холопьего городка под Новгородом — найдены наиболее ранние сошники. Отсюда соха постепенно распространялась на запад, юг и восток, попадая и в иную этническую среду.

Не позднее конца XII—начала XIII в. первые сошники появились и в Среднем Поволжье, в частности на землях волжских болгар. К ним соха попала, вероятно, от русского населения. Отсюда ясно, почему сошники конца XII—начала XV в. в русских землях и землях волжских болгар (как, впрочем, и других народов Поволжья) практически неотличимы. Напомним, что названия сохи в татарском («сука») и чувашском («сахапусь») языках явно связаны с восточнославянским «соха».

Все сказанное позволяет предположить, что сохи, применявшиеся в Волжской Болгарии, по устройству корпуса не отличались существенно от русских, наиболее реалистичные древние изображения которых имеются на миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в.

Параллельный анализ сошников из археологических и этнографических материалов приводит к мысли, что сошники типа IIIA1 применялись на орудиях с почти вертикально поставленной рабочей частью (рассохой), которые предназначались прежде всего для работ на землях, недавно выведенных из-под леса. Сошники типа IIIB1 находят прямые параллели среди наконечников коловых сох, которые имели так же круто поставленную рассоху, но применялись для работ на различных по характеру землях. Сошники типа IIIB1 близки, а типа IIIB2 — практически идентичны сошникам перовых сох, наиболее распространенных в недавнем прошлом (рис. 37). Они предназначались для работ на сравнительно мягких старопашотных землях и обычно снабжались отвалом — полицей. Полицы, судя по датированным находкам, появились в Восточной Европе не позднее XIII—начала XIV в. По-видимому, тем же временем следует датировать находки полиц из Волжской Болгарии.

Наиболее многочисленны в Волжской Болгарии находки наконечников группы IV, которые можно уверенно сопоставлять с лемехами традиционных плугов и сабанов недавнего прошлого. Волжскоболгарские наконечники этой группы мы разделим на три типа.

Самым представительным является тип IVB2 (в нашем материале 21 экз., в том числе из Болгарского городища не менее двух)[44]. Это массивные и широкие симметричные наконечники длиной от 25 до 37 см с относительно короткой (4,5—8 см) втулкой, ширина которой 14—19 см. Наибольшая ширина лопасти колеблется от 18 до 29,5 см (рис. 34, 1, 2). Пропорции характеризуются следующими основными отношениями: $L/d_1 = 1,7—2,5$; $L/d_2 = 1,2—1,7$; $l/l = 3,9—7,7$. Втулка прямая или немного расширена к тыльной части, лопасть в продольном сечении выгнута в сторону втулки так, что ее острое лежит на плоскости, образованной нижними гранями втулки. Это свидетельствует о работе таких наконечников в положении, близком к горизонтальному. По краям лопасти с ее внутренней стороны часто имеется наварка.

Большая часть наконечников типа IVB2 происходит из случайных находок. Редкие датированные экземпляры позволяют говорить об их бытовании как в домонгольский[45], так и в золотоордынский[46] периоды. Широкая датировка ранних находок лемехов X—началом XIII в. не позволяет более точно определить время появления плуга у волжских болгар. Отметим, что термин «сабан», применяющийся во многих тюркских языках для обозначения пахотного орудия вообще и плуга в частности, а также производные от этого слова в письменных источниках зафиксированы впервые в XI в.[47]

Лемехи типа IVB2 характерны прежде всего для территории Волжской Болгарии. Один такой наконечник найден в Верхнем Прикамье[48], один — на севере Саратовской обл. и относится, вероятно, к XIV—XV вв.[49] В эти районы они могли попасть от волжских болгар. От синхронных симметричных лемехов из русских земель (тип IVB1)[50] они отличаются, во-первых, большими размерами (средняя длина русских симметричных лемехов 22,6 см, болгарских — 33,2 см); во-вторых, пропорциями, в частности, относительно более короткой втулкой. Поэтому у русских симметричных лемехов отношение L/l составляет 2,4—2,9, у болгарских — 3,9—7,7 (рис. 35, III). В генетическом плане русские симметричные лемехи связываются с одним типом широколопастных наральных, распространенных на восточнославянской и некоторых сопредельных территориях (тип IB2), болгарские — с другим (тип IB3), представленным на памятниках салтовского круга[51].

Тремя экземплярами (в том числе один — с Болгарского городища) в нашем материале представлены близкие к типу IVB2 и генетически с ним связанные лемехи, имеющие правостороннюю асимметрию лопасти (рис. 34, 13, 14). Это тип IVB5 по нашей классификации. Размеры и основные отношения у них не выходят за пределы вариаций, характерных для болгарских симметричных наконечников: общая длина составляет 34—35 см, ширина втулки — 18—19,5 см, наибольшая ширина лопасти — 24,6—25,5 см, длина втулки — 7,5—8,5 см. То же наблюдается и в основных отношениях: $L/d_1 = 1,7—1,9$; $L/d_2 = 1,3—1,4$; $L/l = 4—4,6$. Они также несколько крупнее русских асимметричных лемехов конца XIII—XVI в. (тип IVB4), но это различие не столь значительно, как в домонгольский период, поскольку размеры русских лемехов в это время увеличиваются. Вне пределов Волжской Болгарии находки лемехов типа IVB5 неизвестны. Лишь один из таких наконечников, найденный на Болгарском городище, датируется золотоордынским временем[52], другие точной датировки не имеют. На Руси плужные лемехи с ярко выраженной правосторонней

асимметрией лопасти также относятся лишь к послемонгольскому периоду[53]. Очевидно, это наблюдение справедливо и для других районов Восточной Европы, прежде всего для Волжской Болгарии.

На рассматриваемой территории найдено три асимметричных лемеха, которые по особенностям формы, размерам и пропорциям аналогичны русским послемонгольского периода, отнесенным к типу IVB4 (рис. 35, IV). Два таких наконечника происходят из Биляра и Алметьева, точное местонахождение третьего неизвестно. Размеры их несколько меньше, чем у лемехов типа IVB5: общая длина 29,5—32 см, ширина втулки 14—18,5 см, ширина лопасти 17,5—24 см. Датироваться они должны по аналогии с такими же находками из русских земель, т. е. временем не ранее второй половины XIII в.

Среди болгарских наральных нет таких, относительно которых можно уверенно предполагать, что они применялись у рал с череслами. Об этом свидетельствует и отсутствие на территории Волжской Болгарии, как и во всем Среднем Поволжье, находок чересел, хронологически предшествующих распространению плуга. Есть чересла, датируемые домонгольским временем (например, из городищ Хулаш, Джуке-тау, Остолоповского селища)[54], есть золотоордынские (например, из Болгар) [55]. Можно думать поэтому, что все болгарские чересла были деталями плугов, в то время как на Руси и у племен салтовской культуры чересла применялись и у рал[56].

Длина чересел из Волжской Болгарии (рис. 34, 15, 16) от 38 до 60 см, в среднем — 48,2 см, что несколько превышает соответствующие показатели для чересел из русских памятников (длина от 36 до 52 см, в среднем — 45 см). Это обстоятельство еще раз подчеркивает, что болгарские плуги имели несколько большие размеры, чем русские.

Происхождению и реконструкции средневековых восточноевропейских; плугов, в том числе и волжскоболгарских, посвящена специальная работа[57], что позволяет не останавливаться подробно на этом вопросе. Есть веские основания считать плуги Волжской Болгарии близкими по конструкции остова к сабанам, известным в Среднем Поволжье по описаниям XVIII—первой половины XIX в. (рис. 36, 4)[58]. Как и эти сабаны, болгарские плуги имели двойную подошву (полоз), детали которой составляли одно целое с рукоятками. Двойная подошва скреплялась перекладиной, спереди на нее надевался лемех, симметричный или асимметричный. Грядиль, почти прямой или искривленный в вертикальной плоскости, вставлялся в нижнюю часть левой рукоятки. Между подошвой и грядилем могла быть стойка. Но у некоторых сабанов стойки не было, а задняя часть грядиля как бы лежала на левой детали полоза. К стойке и правой рукоятке (или соответственно, если стойки не было, — к правой детали полоза и правой рукоятке) прикреплялся односторонний отвал в виде одной прямой или двух соединенных досок. Чересло вставлялось в грядиль так, что разрезало землю непосредственно перед лемехом. Односторонний отвал и асимметричность в работе даже при наличии только симметричного лемеха предопределялись уже самой конструкцией остова этих орудий, имевших две рукоятки и грядиль, вставлявшийся в одну из них[59].

Характерная особенность всех восточноевропейских плугов, в том числе и болгарских, заключалась в том, что их основа — две цельные детали, составляющие две части подошвы, и две рукоятки — была изготовлена как бы из двух рал рукояточной конструкции. Это позволяет говорить, что такие плуги сформировались по принципу

«удвоения рала», резко отличавшемуся от принципов устройства синхронных центрально-и западноевропейских плугов[60].

Развитие болгарских плугов, как и русских, шло в направлении усовершенствования формы лемеха, эволюция которого от симметричного, в форме равнобедренного треугольника, к несимметричному, в форме разностороннего треугольника, и далее, в период, выходящий за хронологические рамки настоящей работы, — прямоугольного треугольника, определялась работой с односторонним отвалом.

Таким образом, древнейшими археологически засвидетельствованными пахотными орудиями волжских болгар следует считать сравнительно небольшие однорукояточные прямогрядильные рала с железными наконечниками типа ИБ1, имевшие, вероятно, относительно короткий ральник, находящийся при работе в положении, близком к горизонтальному. Аналогичные рала применялись еще доболгарским населением Среднего Поволжья и были, по-видимому, заимствованы от него пришельцами-болгарами. Для домонгольского, а может быть, и раннеболгарского периодов можно констатировать также употребление кривоградильных градильных рал с дополнительными ральниками, появление которых в Среднем Поволжье скорее всего надо связывать с влиянием со стороны областей, прилегающих к северо-восточному Причерноморью, включая регион салтово-маяцких памятников, где такие рала широко применялись еще в первых веках нашей эры.

Если нижняя хронологическая граница применения рал у волжских болгар достаточно определена, то о верхней четких данных нет. Во всяком случае в домонгольский период (за исключением, может быть, самого его начала) рала не были основными пахотными орудиями, уступив место плугу. Но применялись ли рала при плуге в качестве вспомогательного орудия, как это было на Руси в средневековье и зафиксировано в недавнем прошлом на Украине, остается пока неясным. Рала у волжских болгар образовывали меньшее количество разновидностей, чем на Руси.

В период, широко датированный X—началом XIII в., в болгарских землях получают большое распространение плуги с односторонним отвалом и симметричным лемехом, устройство которых близко к русским, появившимся практически одновременно. Возможно, уже в рассматриваемое время они назывались сабанами. От русских плугов такие орудия отличались несколько большими размерами, некоторыми характерными чертами устройства лемехов, позволяющими выделить эти последние в особый тип, а также, возможно, какими-то деталями устройства корпуса, выявить которые по археологическим материалам затруднительно.

Есть основания говорить об известной самостоятельности возникновения плугов у русских и у волжских болгар на базе различных разновидностей однорукояточных прямогрядильных рал, но на основе одного и того же принципа «удвоения» рала. Судя по количеству находок лемехов и чересел, плуги-сабаны были наиболее применяемыми пахотными орудиями в Волжской Болгарии уже в домонгольское время. При помощи плугов можно было успешно обрабатывать достаточно тяжелые почвы степного и лесостепного типов, широко распространенные в землях волжских болгар.

Домонгольские болгарские плуги, как и русские, имели, по-видимому, только симметричные наконечники[61]. В золотоордынский период появились более совершенные и лучше приспособленные к работе с односторонним отвалом асимметричные

лемехи в виде разностороннего треугольника; однако симметричные все еще широко применялись. Среди асимметричных лемехов из Волжской Болгарии есть и аналогичные синхронным русским, что может рассматриваться как определенные следы контакта русских и болгарских земледельцев.

Несомненно в результате русского влияния у волжских болгар не позднее конца XII—начала XIII в. появились сохи. Наибольшее распространение получили орудия с сошниками, лопасть которых была шире втулки. Такие сошники с асимметричной лопастью очень близки к перовым сошникам недавнего прошлого, симметричные же следует рассматривать как переходные к ним. Судя по этнографическим данным, перовые сошники устанавливались на рассохе под небольшим углом к почве. Такие сохи часто снабжались перекладной полицей и применялись на старопахотных землях, в том числе и прежде всего при паровой системе земледелия. Полицы, как уже указывалось, были известны и волжским болгарам. Сохи с коловыми и близкими к ним сошниками (типы IIIA1 и IIIB1), судя по количеству находок, в Волжской Болгарии применялись редко. Каких-либо убедительных данных о бытовании на рассматриваемой территории однозубых и многозубых сох источники не содержат. В целом же сохи применялись значительно реже, чем плуги.

Обрисованная выше общая картина развития пахотных орудий волжских болгар в полном объеме применима и к жителям города Болгара и его ближайшей округи.

* * *

Палеоботанический материал исследовался на немногих памятниках: Троицко-Уральское городище VI в., верхние слои городищ Шолом и Балымерское в западном Закамье, датированных соответственно VII—VIII и VIII—XII вв., селище у с. Рождественно, зерновые остатки из которого относятся к XII—началу XIII в., Биляр и Болгар. Этот ценнейший материал опубликован лишь частично, причем, как правило, в краткой форме: нередко без точного указания условий находок, точной археологической даты объекта, где материал собирался, без данных о количестве и составе проб, количестве зерна в каждой пробе. Редко приводятся данные о размерах зерна той или иной культуры. Все это позволяет в настоящее время дать лишь самую общую характеристику культурных растений Волжской Болгарии.

Особенно большое количество палеоботанических проб исследовано из раскопок Болгарского городища[62]. Зерновые остатки здесь, как правило, обнаружены в хранилищах — ямах, вырытых в земле и сопровождавших едва ли не каждое жилище. При многократном использовании ям зерна различных культур не могли не перемешиваться. Поэтому почти в каждой пробе обнаружена смесь зерен культурных растений от двух до семи-восьми видов. Реже зерновые остатки встречены непосредственно в культурном слое. Найденное в Болгарах зерно принадлежало именно местной культуре. Об этом свидетельствуют оказавшиеся вместе с ним семена ряда сорняков, типичных для степных и лесостепных районов Поволжья, например, круглеца метельчатого, неселии метельчатой и др.[63]

Наиболее полные сведения о культурных растениях из окрестностей города Болгара, имеются для золотоордынского времени. По данным А. В. Кирьянова, здесь были известны из зерновых культур мягкая пшеница (*Triticum aestivum* L. или *Triticum*

vulgare Will) просо (*Panicum miliaseum* L.), ячмень (*Hordeum vulgare* L.), овес (*Avena sativa* L.) и рожь (*Secale cereale* L.); из бобовых — горох (*Pisum sativum* L.) и чечевица (*Lens* sp.), из технических волокнистых культур — конопля (*Cannabis cannabis* L.). А. В. Кирьянов предполагал также, что волжские болгары были знакомы с пшеницей-двузернянкой (полба или эммер — *Triticum dicoccum* Schubl), считая отсутствие ее в палеоботанических находках случайным[64]. Позднее пшеница-двузернянка в Болгарах была обнаружена в больших количествах. Кроме того, исследованиями В. В. Туганаева и Т. П. Ефимовой были выявлены одна из древних разновидностей пшениц — пшеница карликовая (*Triticum compactum* Host.), лен (*Linum usitatissimum* L.) и вика (*Vicia Faba* L.). Среди ячменя В. В. Туганавым обнаружены голозерные и пленчатые формы, а также редкая разновидность — ячмень бутылковидный (*Hordeum lagunculiforme* Bacht.), не характерный для центральных и северных районов Восточной Европы. Найдены также семена огурцов и зернышки яблок, возможно, окультуренных, свидетельствующие о занятиях огородничеством и садоводством[65].

Ведущее место среди зерновых культур занимали, по-видимому, пшеница и просо. По данным В. В. Туганаева и Т. П. Ефимовой, из 21 находки зернового материала из Болгар, датируемого ими XIV в., мягкая и карликовая пшеница встречена в 17 случаях, пшеница-двузернянка — в 14, просо — в 14. Если мягкая и карликовая пшеница использовалась в древности, как и в настоящее время, прежде всего для приготовления муки, то просо и полба были крупяными культурами. Меньшую роль играл ячмень, обнаруженный в семи пробах, и рожь, зерна которой найдены в пяти случаях. Довольно распространенной культурой был овес. Зерна его обнаружены в 14 случаях, но в относительно небольшом количестве. Нередко он встречался как небольшая сорная примесь к зернам полбы (так называемый полбяной овес). В недавнем прошлом в Среднем Поволжье высевали овсяно-полбяные смеси, которые могли быть известны и в болгарское время. Однако сомневаться в наличии и чистых посевов овса у нас нет оснований.

Размеры зерен мягкой пшеницы, по данным А. В. Кирьянова, были около 5х3,3 мм, что отводит им срединное положение между зернами современных озимых и яровых пшениц. Чечевица и горох, по тем же данным, отличались мелкосемянностью, на что обратил внимание и В. В. Туганаев. Семена конопли также имели меньшие размеры, чем у современных культурных сортов[66].

Некоторые из рассмотренных палеоботанических проб суммарно датированы исследователями XII—XIV вв.[67] Зерновые находки только домонгольского времени из Болгар, попавшие к палеоботаникам, малочисленны. Так, в 1957 г. при раскопках дома, по комплексу находок и стратиграфически отнесенного к домонгольскому периоду, были найдены зерна мягкой пшеницы, полбы, проса, ячменя, ржи, овса, а также гороха[68], т. е. большинства культур, которые были известны в золотоордынское время. По данным В. В. Туганаева и Т. П. Ефимовой, в материалах раскопок 1980 г., датированных XII—началом XIII в., обнаружены зерна карликовой пшеницы, ячменя (в том числе бутылковидного), ржи и овса. Для суждения о количественном соотношении культур эти данные слишком малочисленны. То же следует сказать о зерновом материале из селища у с. Рождественно[69].

Хорошее представление о культурах, выращиваемых волжскими болгарами в домонгольское время, можно получить по многочисленным палеоботаническим находкам в Биляре, относящимся в массе к XII—началу XIII в.[70] Здесь встречен почти тот же набор зерновых находок, что и в Болгаре золотоордынского времени: не было только бутылковидного ячменя и карликовой пшеницы, зато в небольшом количестве обнаружены зерна твердой пшеницы (*Triticum durum*), что может объясняться и чисто случайными причинами. Близко и предполагаемое соотношение культур в посевах: ведущую роль в находках играли мягкая пшеница и пшеница-двухзернянка, просо и ячмень; значительно меньшей была роль ржи; семян вики, чечевицы, гороха, конопли немного. Нужно отметить значительное количество зерен льна. Относительно овса В. В. Туганаев высказал предположение о принадлежности его к «полбяным овсам».

Сопоставление палеоботанических материалов из Биляра и Болгара свидетельствует, с одной стороны, что в золотоордынский период по сравнению с домонгольским не произошло существенных сдвигов ни в составе выращиваемых растений, ни в их роли в посевах. С другой стороны, становится ясным, что в различных частях Волжской Болгарии состав посевов был достаточно однородным.

Как свидетельствуют материалы из городищ Шолом и Балымеры[71], в предболгарское и раннеболгарское время в Среднем Поволжье преобладали посевы пшеницы-двухзернянки, ячменя и проса. Возделывались также мягкая пшеница, роль которой была очень невелика, горох, конопля. Овес, зерна которого в небольших количествах найдены на обоих городищах, принадлежал, вероятно, к «полбяным овсам», которые обычно сопутствуют полбе как засорители ее посевов[72]. Трудно интерпретировать находку на городище Шолом десяти зерен ржи. Если она и возделывалась как самостоятельная культура, то играла в посевах незначительную роль.

Очевидно, в болгарском земледелии постепенно происходило расширение ассортимента культурных растений, увеличение роли в посевах такой ценной культуры, как мягкая пшеница. Можно предположить, что уже в домонгольское время были введены в культуру рожь и овес, или во всяком случае произошло существенное увеличение их роли в посевах. В то же время уменьшалось относительное значение ячменя и, вероятно, пшеницы-двухзернянки. Такой вывод, однако, будет сугубо предварительным из-за несравнимости в количественном отношении находок раннеболгарского времени, с одной стороны, и домонгольского и золотоордынского периодов — с другой.

Ко времени появления болгар в Среднем Поволжье мягкая и карликовая пшеница [73], полба, ячмень обыкновенный, просо, несколько видов бобовых, а также лен и конопля были широко распространены по всей северной половине Восточной Европы[74], причем на восточной части этой территории во второй половине I тысячелетия н. э. имелись значительные посевы полбы. В палеоботанических находках конца I тысячелетия до н. э. и первой половины I тысячелетия н. э. спорадически встречаются также зерна овса и ржи, сначала, вероятно, как засорители посевов других культур. Давность выращивания здесь культурных растений, восходящая ко II тысячелетию до н. э., позволяет предполагать складывание в результате стихийно протекавшей селекции различных сортов этих культур, наиболее хорошо приспособленных к мест-

ным условиям. Следует допустить поэтому, что болгары в Среднем Поволжье стали использовать преимущественно местные разновидности зерновых, бобовых и волокнистых культур, известных еще доболгарскому населению. Однако среди зерновых находок из Волжской Болгарии есть остатки таких видов, которые обычны в более южных районах. В Среднее Поволжье они могли быть занесены либо при переселении болгар, либо в результате их связей с югом. Таковы твердая пшеница, которая и сейчас возделывается главным образом в степных районах нашей страны, и бутылковидный ячмень. Среди ископаемых ячменей бутылковидные формы зафиксированы, в частности, в Закавказье и в Крыму, где датируются I тысячелетием до н. э. и I тысячелетием н. э.[75]

Сравнение палеоботанического материала из памятников волжских болгар домонгольского и золотоордынского периодов с синхронным русским[76] показывает, что состав культурных растений в обоих районах был примерно одинаковым, но роль отдельных культур в посевах существенно различалась. Это относится ко ржи, которая на Руси практически повсеместно доминировала в посевах с XI в., а у болгар занимала весьма небольшое место, и полбе — одной из основных зерновых культур Волжской Болгарии, крайне скромно представленной в палеоботаническом материале русских памятников. На Руси широко практиковались посевы озимой ржи, до сих пор не установленные у волжских болгар[77]. Эти различия кажутся достаточно существенными и могут свидетельствовать не столько о почвенно-климатических различиях двух регионов, сколько о различиях в технологии сельскохозяйственного производства. Отметим также, что просо на Руси более или менее широко возделывалось только в южных районах, что становится понятным уже из экологии этого культурного растения[78]. Не позднее XI—XII вв. на Руси стала возделываться гречиха, пока не найденная на памятниках Волжской Болгарии.

Характеризуя палеоботанические находки из волжскоболгарских памятников, нельзя не обратить внимание на сорняки, засорявшие посевы и выделенные среди зерновых остатков. В материалах Бальмерского городища обнаружены сорняки девяти видов, в Биляре — 37 видов, в Болгарах семь видов определил А. В. Кирьянов, и еще 54 вида — В. В. Туганаев. Для нас важно отметить здесь следующие моменты.

Во-первых, оказывается, что засоренность хлебов сорняками как в домонгольский, так и в золотоордынский периоды была очень значительной. А. В. Кирьянов отмечал, что на 1000 зерен овса и ячменя встречалось до 160 семян сорняков, на 1000 зерен пшеницы — 80 семян сорняков, на 1000 зерен чечевицы — 68 семян сорняков[79]. По данным В. В. Туганаева, на том же памятнике на каждую 1000 зерен культурных растений в исследованном им материале встречалось в среднем 100—120 семян сорняков. Это значительно превышает засоренность древнего новгородского зерна[80], но впрочем не относится к максимуму, зафиксированному археологией. Часть семян и плодов сорных растений могла и не сохраниться: сорняки имеют меньшие по размерам семена, которые скорее могут уничтожиться со временем, чем зерна культурных растений. К тому же, здесь идет речь о том, что называется «амбарной засоренностью». Засоренность же полей была, вероятно, еще более высокой. Такая высокая степень засоренности, отмечавшаяся во многих пробах раз-

личными исследователями, не может быть случайной. Она свидетельствует, что посевы в окрестностях города Болгара выращивались преимущественно на давно окультуренных, старопахотных землях. Как известно, при освоении новых целинных земель, старых залежей, расчисток из-под леса в собранном урожае почти не бывает сорняков. В дальнейшем количество последних из года в год возрастает за счет заноса семян сорных растений с посевным материалом, птицами и животными, но главным образом — за счет осыпания при созревании, что создает огромный запас семян сорных растений в пахотном слое.

О том, что зерновые хлеба в окрестностях Биляра и Болгара возделывались преимущественно на старопахотных землях, а не на новях, говорит и экология ряда видов сорных растений[81]. Так, марь белая, горец вьюнковый и горец шероховатый, гречишка вьюнковая, круглец метельчатый, подмаренник и некоторые другие виды, широко представленные в билярском и болгарском палеоботаническом материале, считаются характерными засорителями сравнительно мягких, долгое время обрабатывавшихся земель.

Характерно, что в рассматриваемом палеоботаническом материале преобладают засорители яровых посевов (куколь, пикульник, горчица полевая, гречишники и др.) или такие, которые по всей экологии могут сопутствовать как озимым, так и яровым посевам (пырей ползучий, гречишка вьюнковая и др). Практически не встречены типичные засорители озимых культур (костер ржаной, костер безостый и др.). Это свидетельствует о решительном преобладании у волжских болгар яровых посевов. Полное отсутствие в исследованных материалах костра ржаного, всегда сопровождающего посевы озимой ржи, позволяет говорить, что в Волжской Болгарии культивировалась прежде всего яровая рожь[82].

Отметим, наконец, что в составе сорных растений из Биляра и Болгара заметную роль играют представители луговых и мусорных сообществ: пырей ползучий, овсяница луговая, лютик многоцветковый, клоповник сорный, крапива двудомная и др. Семена таких растений могли заноситься на поля домашними животными. А это свидетельствует об использовании полей в качестве выпасов после уборки урожая или во время сравнительно короткого периода их «отдыха».

* * *

Степень совершенства пахотных орудий и состав возделываемых растений являются важным, но не единственным критерием уровня развития земледелия в том или ином обществе. Для характеристики земледельческого хозяйства чрезвычайно важно также знание о практиковавшихся системах земледелия[83]. Однако письменные источники не содержат никаких сведений о системах земледелия в Волжской Болгарии. На основании же данных, доставляемых археологией (прежде всего при анализе находок деталей почвообрабатывающих орудий и палеоботанических остатков), реконструкция систем земледелия далекого прошлого оказывается крайне сложной задачей, решение которой вряд ли может быть достаточно определенным. К тому же, палеоботанические материалы, играющие в такой реконструкции очень важную роль, в Волжской Болгарии найдены в очень немногих пунктах.

Чтобы получить самое общее представление о системах земледелия, которые могли практиковаться у волжских болгар в домонгольский и золотоордынский периоды, отметим следующие обстоятельства, на которые уже обращалось внимание выше:

Посевы, по крайней мере в окрестностях Биляра и Болгара, производились главным образом на старопахотных землях, чем объясняется большая засоренность их сорняками.

В посевах решительно преобладали, если не являлись единственными, яровые культуры.

Имеются некоторые данные о том, что пахотные поля сменялись лугами и использовались под выпасы и наоборот.

4. По крайней мере с XI—XII вв. волжские болгары широко использовали плуг — орудие, способное проводить вспашку с оборотом пласта, в том числе на значительно задернованных землях.

В свете этих данных кажется маловероятной гипотеза, что уже в X в. в Волжской Болгарии господствовала развитая паровая система[84] с трехпольным севооборотом[85]: при трехполье около половины посевов составляют озимые, которые у волжских болгар пока не установлены. Маловероятно и господство залежной системы[86]: как уже отмечалось, при посевах на новях зерно обычно бывает почти не засоренным, что не могло не отразиться на составе хотя бы части палеоботанических проб. Иным должен быть в этом случае и состав сорняков. Кроме того, залежная система возможна только при большом количестве свободных земель. Для весьма плотно заселенных районов Волжской Болгарии в окрестностях Биляра и Болгара это условие уже в домонгольский период вряд ли могло существовать.

Указанным выше четырем важнейшим моментам, характеризующим болгарское земледелие и установленным по археологическим материалам, лучше всего соответствует известная по этнографическим данным переложная система[87] с краткосрочными перелогами, а также в известной степени пестрополье и двуполье, сочетающиеся с перелогом[88].

Действительно, все эти системы земледелия могли базироваться только на выращивании яровых посевов с известным чередованием культур. При краткосрочных перелогах срок «отдыха» земли сокращался до трех-четырех лет[89], вследствие чего природная растительность не могла здесь полностью восстановиться, и земли постепенно превращались в мягкие старопахотные со специфическим набором сорняков и значительным их запасом в почве. Еще в большей степени это относится к двуполью и пестрополью. При правильно организованных перелогах «отдыхающие» земли обычно используются под выгон и в качестве сенокосных угодий[90]. Это, а также весьма древний обычай выгонять скот на пашню после сбора урожая, преследовавший, в частности, цель удобрения полей[91], приводили к появлению среди сорных растений луговых и мусорных формаций, что и наблюдается в болгарском палеоботаническом материале. Для поднятия перелогов и паровой обработки полей болгары вполне могли использовать имевшийся у них плуг, орудие многоцелевого назначения. С конца домонгольского периода в Волжской Болгарии появились сохи, получившие вскоре перекладные полицы и сошники с лопастью шире втулки. По

этнографическим данным такие орудия использовались прежде всего для обработки паровых полей.

Краткосрочные перелог, пестрополье и двуполье следует рассматривать как переходные стадии к правильному трехполью, непосредственно предшествующие ему во времени. Но из документов времени Казанского ханства и второй половины XVI-XVII в. явствует, что в Среднем Поволжье трехполье занимало видное место, хотя и применялось, особенно у местного населения, наряду с залежной и переложной системами[92]. Это может служить еще одним доводом в пользу существования и интересующий нас период краткосрочных перелогов и ранних форм паровой системы.

Однако сделанный нами весьма предварительный вывод относится лишь к наиболее развитым в экономическом отношении, наиболее плотно заселенным и более других охваченным процессом феодализации землям вокруг Биляра и Болгара. Каких-либо фактических данных о системах земледелия в других районах государства волжских болгар, в частности на его окраинах, у нас нет. Опираясь на некоторые этнографические параллели, можно лишь предположить, что здесь применялась, кроме переложной, и залежная система[93]. Широкому распространению этих систем в условиях относительно редкого населения и при большом количестве плодородных земель лесостепного и степного типов способствовало появление обрабатывающих плугов достаточно крупных размеров. В лесных районах известную роль мог играть лесной перелог[94].

Для суждения о системах земледелия в Среднем Поволжье в раннеболгарский период мы также не располагаем необходимыми данными. В это время из пахотных орудий имелись лишь рала достаточно простых конструкций, и это позволяет предполагать, что залежная система не могла получить широкого распространения. Очевидно, практиковалась переложная система, причем с не слишком длительными периодами «отдыха» земли, так как пахотные орудия, которыми располагало население, не были приспособлены для успешной работы на целине и старых залежах. Есть некоторые основания говорить о появлении уже в то время постоянных полей со старопахотными почвами[95].

На восточнославянской территории, в пределах лесостепи и на южных окраинах лесной зоны, т. е. примерно в тех же физико-географических условиях, что и Волжская Болгария, господствовали иные системы земледелия. Согласно исследованиям В. И. Довженка, двуполье существовало здесь уже в VII—VIII вв., а в эпоху Киевской Руси паровая система в форме двуполья и трехполья занимала ведущее место[96]. Даже в лесной зоне в этот период происходил интенсивный процесс складывания паровой системы, причем к концу XV в. трехполье здесь окончательно победило[97].

В плане исторической смены систем земледелия Волжская Болгария как будто несколько отставала от русских земель. Однако с экономической точки зрения переложная система и паровые системы с двупольем, пестропольем и трехпольем отличаются для региона Среднего Поволжья определенной степенью эффективности использования пригодных для обработки земель. При переложной системе под посевы используется не более одной трети наличных угодий (обычно же значитель-

но меньше), при двуполье и пестрополье — около половины, при трехполье — две трети. При благоприятных условиях переложные земли в первые годы после «отдыха» давали относительно высокий урожай. То, что древняя Русь в плане систем земледелия несколько опережала Волжскую Болгарию, объясняется прежде всего большей древностью на Руси земледельческого хозяйства, глубокими земледельческими традициями.

Тем не менее, высокое развитие земледельческой техники, результатом которого явилось самостоятельное возникновение плуга, а также обилие плодородных земель превратили Волжскую Болгарию в одну из самых развитых в земледельческом отношении областей Восточной Европы[98], использовавших зерно даже как предмет вывоза.

- 1 Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С. 136.
- 2 Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах. СПб., 1869. С. 21.
- 3 ПСРЛ. СПб., 1846. Т. I, вып. 1. С. 147; СПб.. 1846. Т. II. С. 135; СПб 1848. Т. IV. С. 217.
- 4 Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 101.
- 5 Штукенберг А. Земледельческие орудия волжских болгар // Уч. зап. Казан, ун-та, Казань, 1896. № 6/7; Кирьянов А. В. К вопросу о земледелии волжских болгар// КСИИМК. М., 1955. Вып. 57. С. 11 — 16; Он же. К вопросу о раннеболгарском земледелии//МИА. М., 1958. № 61. С. 289—291.
- 6 Смирнов А. П. Волжские булгары// Тр. ГИМ. М., 1951. Вып. 19. С. 16, 17, 35—37; Мухаммедьяров Ш. Ф. К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV—XVI вв. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1959. Сб. III. С. 105—112; Халиков Н. А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья в XIX—начале XX в. М., 1981. С. 47—51
- 7 Краснов Ю. А. Опыт построения классификации железных наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы) // СА. 1978. № 4; Он же. Средневековые плуги Восточной Европы//СА. 1979. № 4; Он же. Древние и средневековые рала Восточной Европы // СА. 1982. № 3.
- 8 Смирнов А. П., Мерперт Н. Я. Из далекого прошлого народов Поволжья // По следам древних культур. М., 1954. С. 63; Кирьянов А. В. К вопросу о земледелии... С. 5—10; Он же. К вопросу о раннеболгарском земледелии. С. 283—288; Туганаев В. В. Материалы по истории культурных и сорных растений Среднего Поволжья // Ботанический журнал. 1972. № 5; Он же. Состав и характеристика культурных и сорных растений билярских полей // Исследования Великого города. М., 1976; Туганаев В. В., Ефимова Т. П. Возделываемые культуры и их засорители в районе средневекового городища Булгар (ТАССР) // Ботанический журнал. 1979. Т. 64, № 9.
- 9 ГИМ. Инв. № 20008, 20009, 58457, 85612; ГМТР. Инв. № 5363, а также ряд экземпляров без инв. номера; Кафедра археологии МГУ. Без инв. номера; БГИАЗ.
- 10 Краснов Ю. А. Опыт ... С. 100—106. В этой же работе дано обоснование разделения наконечников различных групп на типы, которого мы будем придерживаться ниже.
- 11 См.: Краснов Ю. А. Опыт ... С. 106—109. Рис. 6; 7; Он же. Средневековые плуги... С. 59—61. Рис. 1; Он же. Древние и средневековые рала... С. 68—76. Напомним, что ралами называют древнейшую и весьма разнообразную по устройству группу симметрично работающих пахотных орудий, разрывающих и разрыхляющих пласт земли, который равномерно раздвигается при движении по обе стороны орудия. Древнейшие рала — однозубые; многозубые рала появились не ранее XVII в. Единственным конструктивным признаком, объединяющим все многообразие однозубых рал, является соединение

- всех основных частей орудия на одной линии, совпадающей с направлением движения орудия. Плуги с функциональной точки зрения отличаются от рал тем, что предназначены для односторонней вспашки с оборотом пласта: поднятая рабочей частью плуга земля подается на односторонний отвал, переставляющийся или фиксированный, и сваливается по одну сторону борозды, одновременно полностью или частично переворачиваясь. По особенностям конструкции корпуса плуги сходны с ралами и, несомненно, генетически связаны с ними. Сохи отличаются от рал и плугов прежде всего устройством корпуса: у них все основные части соединяются в одной детали, поставленной перпендикулярно движению орудия (так называемый валец, или корец). Для большинства сох характерна двузубость рабочей части, давшая орудию название. По функциональным особенностям сохи могут быть и симметричными в работе, и асимметричными. См. также: Зеленин Д. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907; Найдич Д. В. Пахотные и разрыхляющие орудия // Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967.
- 12 Краснов Ю. А. Об одном типе пахотных орудий эпохи Киевской Руси// КСИА. М., 1976. Вып. 146.
- 13 Краснов Ю. А. Древние и средневековые рала... С. 68, 69. Рис. 3—5.
- 14 Довженок В. И. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси // Материалы по истории земледелия СССР. М., 1951. Т. 1. С. 130.
- 15 Кирьянов А. В. К вопросу о раннеболгарском земледелии. С. 289. Рис. 4.
- 16 АКУ. Инв. № 2/202.
- 17 Важнейшие пункты находок таких наконечников см.: Краснов Ю. А. Древние и средневековые рала... С. 69, 70.
- 18 Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв. // ВАУ. Свердловск; Ижевск, 1963. Вып. 5. Табл. XXIV, 2.
- 19 Степанов П. Д. Ош-Пандо. Саранск, 1967. С. 77. Табл. XVIIIА, 1, 2.
- 20 Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. // Тр. КФАН. Казань, 1954. Вып. 1. Рис. 16; 27; 53; Старостин П. Н. Памятники именьевской культуры//САИ. М., 1967. Вып. Д1-32. Табл. 13, 5.
- 21 Moszynski K. Kultura ludowa sloviań. Krakow. 1929. Т. 1. Fig. 125; Мамонов В. С. Старинные орудия для обработки почвы из с. Староселье на Днепре//СЭ. 1952. № 4. Рис. 2, а также наблюдения автора в Житомирской и Черниговской областях УССР. О реконструкции рал с наконечниками типа ИБ1 см. также: Краснов Ю. А. Древние и средневековые рала... С. 72, 73. Рис. 7, II.
- 22 Однорукоятными прямогрязильными принято называть рала, основу которых составляла цельная конструкция, сочетающая функции рукояти и рабочей части— ральника (конструкция рукоять—ральник), а грязиль (т. е. приспособление для припрягания домашних животных) делался прямым. См.: Краснов Ю. А. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975. С. 27—30, 62, 63; Он же. Древние и средневековые рала... С. 64—66.
- 23 Найдич Д. В. Пахотные и разрыхляющие орудия. Табл. VIII, 4; XVI, 3, 4; Зеленин Д. Русская соха... С. 96—100.
- 24 Кирьянов А. В. К вопросу о земледелии... С. 15.
- 25 См., например: Зеленин Д. Русская соха... С. 121, 122, 152; Супинский А. К. К истории земледелия на русском Севере//СЭ. 1949. № 2. С. 138—141.
- 26 Халиков Н. А. Земледелие... С. 50.
- 27 А. П. Смирнов (Волжские булгары. Рис. 4) и Н. А. Халиков (Земледелие... С. 48, 49. Рис. 5, 9) ошибочно интерпретировали этот черешковый наконечник как плужный нож — чересло. Различия между ним и череслами, известными в археологическом и этнографическом материале, очень существенны и ясно видны из прилагаемых рисунков.

- 28 Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950. Табл. 5, 6, 7; Довженок В. И. Древнерусские городища на среднем Днепре//СА. 1967. № 4. Рис. 12,
- 29 Краснов Ю. А. Древнейшие упряжные пахотные орудия. С. 131, 132. Рис. 50; Он же. Об одном типе...; Он же. Рало из Токаревского торфяника // КСИА. М., 1981. Вып. 168; Он же. Древние и средневековые рала. С. 73, 74.
- 30 ГМТР. Инв. № 5374.
- 31 АКУ. Инв. № 2/187.
- 32 Благодарю А. Х. Халикова за возможность ознакомиться с этими материалами до их публикации. Халиков А. Х. Семеновский клад железных изделий // Из истории ранних булгар. Казань, 1981.
- 33 АО 1967 г. М., 1968. С. 135.
- 34 См., например: Левашова В. П. Сельское хозяйство// Тр. ГИМ. М., 1956. Вып. 32: Очерки по истории русской деревни. С. 28, 35; Кирьянов А. В. К истории земледелия Новгородской земли X—XV вв. // МИА. М., 1959. № 65. С. 315—320, 344—350; Он же. К вопросу о земледелии... С. 14, 15.
- 35 Миролюбов М. А. Пахотные орудия Старой Ладogi// АСГЭ. Л., 1972. Вып. 14. С. 121.
- 36 Довженок В. И. Землеробство древньої Русі Київ, 1961. С. 83—89.
- 37 Чернецов А. В. О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий // СА. 1972. № 3. С. 142, 143; Коробушкина Т. Н. Земледелие на территории Белоруссии X—XIII вв. Минск, 1979. С. 25, 26.
- 38 Третьяков П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе//ИГАИМК. Л., 1932. Т. XIV, вып. 1. С. 23-31.
- 39 Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства (конец XIII—начало XVI в.). М., 1965. С. 53—71.
- 40 Равдоникас В. И. Старая Ладога // СА. М., 1950. Т. XII. С. 48; Орлов С. Н. Остатки сельскохозяйственного инвентаря из Старой Ладogi//СА. М., 1954 Т XXI, С. 344, 349.
- 41 См., например: Зеленин Д. Русская соха...; Горский А. Д. Древнерусская соха по миниатюрам Лицевого летописного свода XVI в. // Историко-археологический сб. М., 1962; Он же. Почвообрабатывающие орудия по данным древнерусских миниатюр XVI—XVII вв. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1965. Сб. IV.
- 42 Дорошенко В. В. Сельское хозяйство феодальной Лифляндии (Видземе) в конце XIII—XVI в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1959. Сб. III. С. 46, 47; Кочин Г. Е. Сельское хозяйство... С. 53, 69.
- 43 См., например: Громов Г. Г. Сельскохозяйственная техника и этническая традиция // СЭ. 1976. № 3. С. 100, 101.
- 44 Краснов Ю. А. Опыт... С. 112, 113.
- 45 Городище Хулаш. См.: Смирнов А. П., Каховский В. Ф. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972. С. 65, 71 — 73. Два лемеха из этого памятника хранятся в Чувашском республиканском краеведческом музее (без инв. №). Городище Муромский Городок в Куйбышевской обл. (по раскопкам Г. И. Матвеевой 1973 г.).
- 46 Болгарское городище (ГИМ. Инв. № 93662).
- 47 Divan lugot-it Turk tirkumesi/ Ceviren B. Atalaj. Ankara, 1939—1941. С. I, p. 402; С. II, p. 214; С. III, p. 342, 416.
- 48 Спицын А. А. Древности камской чуди по коллекции Теплоухова // МАР. СПб. 1902. № 26. Табл. XXX, 7.
- 49 Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда... Рис. 2.
- 50 Краснов Ю. А. Опыт ... С. 112.
- 51 Краснов Ю. А. Опыт... С. 113; Он же. Средневековые плуги... С. 69, 70. Рис. 8.
- 52 Археолого-этнографический музей истфака МГУ (Экз. без инв. № из раскопок А. П. Смирнова).

- 53 Чернецов А. В. О периодизации... С. 144; Краснов Ю. А. Средневековые плуги...С. 59, 60.
- 54 Смирнов А. П., Каховский В. Ф. Хулаш. С. 71—73; ГМТР. 15650, № 992; Археологич. кабинет ИЯЛИ. Ост-69. № 575.
- 55 Акчурина З. А., Воскресенская Л. П., Смирнов А. П. Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. // Поволжье в средние века. М., 1970. С. 13.
- 56 Краснов Ю. А. Древние и средневековые рала... С. 72, 76.
- 57 Краснов Ю. А. Средневековые плуги...
- 58 Рычков П. Письма о земледельчестве в Казанской и Оренбургской губерниях// Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758. Май; Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб., 1795. С. 126, 127; Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1806. Т. II, кн. 1. С. 8, 65, 66; Фирстов Г. В. Земледельческие орудия восточной полосы России. Казань, 1854.
- 59 Нелишне отметить здесь, что симметричный лемех XIX в., близкий по размерам и пропорциям «археологическим» наконечникам группы IV, автор имел возможность видеть в Ядринском р-не Чувашской АССР. По сообщению информатора, этим лемехом снабжался обыкновенный плуг (чуваш, «акапусь») с односторонним отвалом.
- 60 Подробнее об этом см.: Краснов Ю. А. Средневековые плуги... С. 68, 69.
- 61 Один из лемехов с заметной асимметрией лопасти происходит из Биляра (Национальный музей Финляндии. С. № 4222). Культурные отложения Биляра в основном датируются домонгольским временем. Однако условия находки лемеха неизвестны. Он мог относиться и к послемонгольскому времени, отложения которого в Биляре также есть, или был брошен на пашне после запустения города. Поэтому пока нет достаточных оснований говорить о том, что асимметричные лемехи у волжских болгар бытовали еще в домонгольское время.
- 62 Кроме публикаций, использованы неопубликованные определения культурных растений и сорняков из раскопок на Болгарском городище, проведенные Н. А. Кирьяновой, В. В. Туганаевым и Т. П. Ефимовой и любезно предоставленные для написания настоящего очерка, за что автор выражает им глубокую признательность.
- 63 Кирьянов А. В. К вопросу о земледелии... С. 8; Туганаев В. В. Состав... С. 244.
- 64 Кирьянов А. В. К вопросу о земледелии... С. 5—8.
- 65 На территории Волжской Болгарии по крайней мере с домонгольского времени появились орудия, которые могли применяться при огородничестве и уходе за садами. Это мотыги и железные оковки лопат. См.: Йовков С. М. Ручные почвообрабатывающие орудия Волжской Болгарии // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 219—223.
- 66 Кирьянов А. В. К вопросу о земледелии... С. 5, 7.
- 67 Там же. С. 5.
- 68 Акчурина З. А., Воскресенская Л. П., Смирнов А. Н. Работы... С. 11. Определение А. В. Кирьянова.
- 69 Туганаев В. В. Материалы...
- 70 Туганаев В. В. Состав... С. 241—243.
- 71 Кирьянов А. В. К вопросу о раннеболгарском земледелии. С. 283—287.
- 72 Там же. С. 285.
- 73 По мнению З. В. Янушевич, карликовая пшеница в большинстве районов Восточной Европы эпохи железа входила в популяцию мягкой пшеницы и возделывалась вместе с ней. См.: Янушевич З. В. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев, 1976. С. 93. Думается, что это положение применимо и к волжскоболгарской территории.

- 74 Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971. С. 14—21.
- 75 Янушевич З. В. Культурные растения... С. 121, 122.
- 76 Сводки палеоботанического материала из русских памятников X—XIV вв. См.: Левашова В. П. Сельское хозяйство; Довженок В. И. Землеробство древнеТ Русц Коробушкина Т. Н. Земледелие на территории Белоруссии... Находки, не вошедшие в эти сводки, принципиально не меняют представления о составе культурных растений на Руси и роли отдельных видов в посевах. •
- 77 Туганаев В. В. Состав... С. 243. По мнению Н. И. Вавилова, озимая рожь в Среднем Поволжье не возделывалась до появления здесь русских. См.: Вавилов И. И. Полевые культуры юго-востока. Пг., 1922. С. 94.
- 78 Хржановский В. Г. Основы ботаники. М., 1969. С. 126; Лысов В. Н. Опыт возделывания проса в СССР // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1969. Сб. VII. С. 208.
- 79 Кирьянов А. В. К вопросу о земледелии... С. 8, 9.
- 80 Там же. С. 9, примеч. 1.
- 81 Мальцев А. И. Сорная растительность СССР. М.; Л., 1932; Комаров Н. Ф. Сорная растительность СССР // Растительность СССР. М.; Л., 1940. Т. II.
- 82 Туганаев В. В. Состав... С. 243, 245.
- 83 Сущность понятия «системы земледелия» до сих пор является дискуссионной. Подробнее об этом см.: Тез. докл. Всесоюзной конференции по изучению систем земледелия. М., 1973. Для рассматриваемого нами периода представляется целесообразным понимать под системами земледелия комплекс организационных и агротехнических мероприятий, направленных на использование и восстановление плодородия почвы. См.: Трутнев А. Г. О системах земледелия. Л., 1956. С. 26, 27.
- 84 Паровой системой земледелия называют такую, при которой пар является важнейшим организационным и агротехническим приемом поддержания и восстановления природного плодородия почвы. См.: Трутнев А. Г. О системах... С. 30, 31. Паром, или паровым клином, называют такое поле в севообороте, которое в течение вегетационного периода остается не занятым посевами, а подвергается интенсивной обработке пахотными орудиями, чтобы подготовить благоприятные условия для произрастания высеваемых по пару культур. По количеству земли, ежегодно отводящейся под пар, а следовательно, по характеру севооборотов в паровых системах прошлого выделяют двуполье, пестрополье и трехполье. При двуполье половина пахотной земли засеивается, половина остается под паром. Пестрополье характеризуется нерегулярным чередованием посевов (например, два года посевов могут чередоваться с двумя годами пара и т. п.). При трехполье под пар отводится треть наличной земли, треть засеивается озимыми, треть — яровыми. Подробнее об этом см.: Сабурова Л. М., Торэн М. Д. О системах земледелия и сельскохозяйственных культурах русских крестьян конца XIX—начала XX в. // Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 17—20.
- 85 В наиболее развернутой форме эта точка зрения была высказана А. В. Кирьяновым (Кирьянов А. В. К вопросу о земледелии... С. 9, 10; Он же. К вопросу о раннеболгарском земледелии. С. 288) и поддержана другими исследователями (см., например: Смирнов А. П., Мерперт Н. Я. Из далекого прошлого... С. 63). Наряду с господствующим трехпольем, по мнению Кирьянова, болгары, возможно, применяли двуполье и так называемую залежно-паровую систему, которая по существу является одной из разновидностей пестрополья. Кирьянов допускал существование залежной и переложной систем на окраинах Волжской Болгарии.
- 86 Залежной называется такая система земледелия, при которой целина обрабатывается подряд в течение нескольких лет, пока не истощается природное плодородие почвы, а посевы не заглушаются

- сорняками. После этого участок забрасывается на неопределенный, обычно очень значительный срок, за время которого естественным путем происходит полное восстановление природной структуры и плодородия почвы. Для посевов выбирается новый целинный участок. По существу при жизни одного поколения на выпаханный участок уже не возвращались. См.: Трутнев А. Г. О системах... С. 28, 29.
- 87 Агротехническая основа переложной системы та же, что и у залежной: восстановление утраченного плодородия почвы исключительно за счет сил природы, естественным путем. Отличие переложной системы от залежной состоит в том, что утративший плодородие участок забрасывался на определенный, не очень большой срок, и к обработке его по истечении этого срока обязательно возвращались. Обычно переложные земли использовались в течение трех—пяти лет, после чего забрасывались на срок от 5—7 до 10—15 лет. См., например: Советов А. А. О системах земледелия. М., 1867. С. 57; Руденко С. И. Башкиры. М., 1925. С. 113; Сабурова Л. М., Торэн М. Д. О системах земледелия... С. 17—20. При краткосрочных перелогах, являющихся переходной формой к паровой системе, сроки отдыха земли сокращались до трех-четырех, а иногда и двух лет. Природное плодородие почвы не могло, конечно, полностью восстановиться естественным путем. Поэтому возрастала роль пашенной обработки земли перед посевом.
- 88 Применение паровой системы земледелия при недостатке удобрений (о применении удобрений в Волжской Болгарии мы не имеем никаких сведений) приводило к постепенному снижению урожайности даже при хорошей обработке пара. Поэтому паровая система в таких условиях нередко сочеталась с элементами переложной, когда истощенные участки время от времени забрасывались в перелог для восстановления природной структуры и плодородия почвы. Даже во второй половине XIX в. в Среднем Поволжье использовался такой способ восстановления плодородия сильно истощенных земель, обрабатывавшихся по паровой системе с трехпольным севооборотом. См.: Халиков Н. А. Земледелие... С. 29.
- 89 Соловьев А. Я. Очерк хозяйства и промышленности Самарской губернии // ЖМГИ. 1857. Ч. 62. С. 217—220.
- 90 Там же. С. 232; Черемшанский В. Д. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 285, 286.
- 91 Халиков Н. А. Земледелие ... С. 26.
- 92 Там же. С. 28.
- 93 На господство переложной системы в Волжской Болгарии домонгольского периода указывает В. В. Туганаев (Состав... С. 245). Н. А. Халиков считает залежно-переложную систему ведущей на всем протяжении истории Волжской Болгарии, См.: Халиков Н. А. Из истории развития систем земледелия татар Среднего Поволжья и Приуралья // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья: Доктябрьский период. Йошкар-Ола, 1978; Он же. Земледелие... С. 28.
- 94 Лесным перелогом, или лесопольной (лядинной) системой земледелия, называют такую систему, когда на расчищенном от леса и выжженном участке применяются упряжные пахотные орудия (обычно на второй-третий год после пожара), а сам участок после утраты плодородия забрасывается для восстановления естественной лесной растительности на сравнительно ограниченный срок — от 10 до 30—40 лет, после чего к этому участку обязательно возвращаются для повторной очистки и пахотной обработки. См.: Слободин В. М. К вопросу о развитии и смене систем земледелия // Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952. Т. 1. С. 53. Лесной перелог является аналогом переложной системы в лесных районах. Лишь начальный этап лесопольной системы сходен с подсечно-огневой. Роль важнейшего средства обработки почвы здесь переходит к пахот-

ным орудиям, в то время как при подсечно-огневой системе такую роль выполняет огонь. Часто при лесном перелогe заброшенные поля используются под выгон и в качестве сенокосных угодий, благодаря чему лесная растительность на таких участках уже не восстанавливается. Эти участки обрабатываются по иным системам земледелия. Таким образом, лесной перелог является средством превращения лесных земель в постоянные поля.

95 Кирьянов А. В. К вопросу о раннеболгарском земледелии... С. 285, 286.

96 Довженок В. И. Землеробство древньої Русі С. 119—125.

97 Кочин Г. Е. Сельское хозяйство... С. 231—248, 431.

98 Об уровне развития земледелия может свидетельствовать и степень совершенства уборочных орудий, в частности серпов. Волжскоболгарские серпы по размерам и характеру изгиба лезвия принадлежали к весьма совершенным типам и не уступали русским. См.: Левашова В. П. Сельское хозяйство. С. 73.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АК – Археологическая комиссия
АКУ – Археологический кабинет Казанского университета
АО – Археологические открытия
АС – Археологический съезд
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГИАЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник
ВА – Вопросы антропологии
ВАН – Вестник Академии наук СССР
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории
ВМГУ – Вестник Московского государственного университета
ВНОТ – Вестник Научного общества татароведения
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМТР – Государственный музей Татарской республики
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ЖМГИ – Журнал Министерства государственных имуществ
ЗАН – Записки Академии наук
ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИА – Институт археологии Академии наук СССР
ИИМК – Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИГГО – Известия Государственного географического общества
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР
КФАН – Казанский филиал Академии наук СССР
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАО – Московское археологическое общество
МАР – Материалы по археологии России
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НБ КГУ – Научная библиотека Казанского государственного университета
НИИЯЛИЭ – Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
НС – Нумизматический сборник
НЭ – Нумизматика и эпиграфика
ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете

ОАК – Отчет Археологической комиссии

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

р. – раскоп

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СГПИ – Среднеазиатский государственный педагогический институт

СТ – Советская тюркология

СЭ – Советская этнография

ТВОРАО – Труды Восточного отделения Русского археологического общества

уч. – участок

ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция

шт. – штык

ЭВ – Эпиграфика Востока

BGA – Bibliotheca Geographorum Arabicorum